

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Томский государственный педагогический университет

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
Институт развития образовательных систем

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
Томский научный центр РАМН

**Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Серия: Системы и модели: границы интерпретаций

13–15 июня 2007 г.

Томск 2007

ББК 18
К 65

К 65 **Конструирование человека:** Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Томск, 13–15 июня 2007 г.). Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. 392 с. (Серия: Системы и модели: границы интерпретаций.)

ISBN 978–5–89428–253–4

В настоящее время фундаментальные исследования реализуются в высоких технологиях. Феномен Hi-Tech воплощает взаимосвязи фундаментальной науки, производства и социальных ожиданий. Напряженность этих взаимосвязей требует философской рефлексии. Проблемами являются трансформации этоса науки и тенденции динамики Hi-Tech, выражающиеся в открывающихся возможностях конструировать человека. Целью конференции, междисциплинарной по тематике и составу, являлось обсуждение результатов фундаментальных исследований по возможностям новых технологий конструирования человека и необходимых ограничений их реализации. До сих пор не выработан императив по «улучшению» человека человеком. Необходимость выработки моральных и биоэтических ограничений актуализируется растущей востребованностью доступных способов модификации человека. Это объясняется тем, что динамика Hi-Tech сопровождается развитием гуманитарных технологий, характеризующихся высоким манипулирующим потенциалом. Данная ситуация, в свою очередь, выдвигает философско-антропологическую проблему формирования моральной ответственности человека как «конструктора» и объекта конструирования. В рамках конференции обсуждались конкретные результаты исследований в области медицинской генетики, нейропсихологии, нейрофармакологии, нанотехнологий, информационных технологий, философской антропологии, биоэтики, социологии и культурологии, касающиеся аспектов конструирования человека.

Для философов, социологов, педагогов, аспирантов и студентов, всех интересующихся проблемами биоэтики и модификации человека под воздействием новых технологий.

Редакционная коллегия: Р.Г. Апресян, В.А. Дмитриенко, Г.И.Зверева, В.Г. Кузнецов, В.А. Лекторский, В.М. Розин, Б.Г. Юдин

**Главный редактор
и автор проекта:** И.В. Мелик-Гайказян

Публикуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект **07-06-06038-г**)

ISBN 978–5–89428–253–4

© Издательство ТГПУ, 2007
© Коллектив авторов, 2007

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Проблема, вынесенная в заглавие данного сборника, обсуждается на страницах многих изданий, к числу которых принадлежит и журнал «Человек». В № 5 и № 6 за 2006 г. были опубликованы материалы «круглого стола «Модификация человека»».

Научные и технологические возможности, которыми располагает сегодня человек, представляются поистине беспредельными. При этом направляются они на преобразование не только мира вокруг нас, но и – во все большей мере – самого же человека, его тела, его физиологии и психики.

Стремление выйти за собственные пределы, достичь вершин физического и духовного совершенства было присуще человеку во все времена, но сделать самого себя объектом самых радикальных преобразований – такое становится возможным только в наше время. Современного человека все больше тяготит зависимость от неподконтрольных ему факторов – окружающей среды, времени, собственных психофизических данных. Болезни, старческая немощь, недостаточная физическая и психическая выносливость, ограниченный объем памяти, не удовлетворяющие нас интеллектуальные и физические способности – все это начинает осознаваться в качестве не просто неизбежно сопровождающих человеческую жизнь условий, а в качестве *проблем*, допускающих и даже требующих технологических решений.

Природа человека, таким образом, начинает восприниматься как полигон для самых разнообразных манипуляций и модификаций. Технологии таких вмешательств в природу человека разрабатываются в широком спектре научных дисциплин: генетике человека, когнитивных науках, нейрофизиологии и нейрофармакологии, психологии и других науках о поведении. Чаще всего импульс для разработки такого рода технологий модификации зарождается в медицине, занятой поиском новых путей излечения болезней и восстановления здоровья. Однако порой на этих путях задачи *исцеления* человека трансформируются в задачи его *улучшения*.

Речь при этом идет уже не только об изменении отдельных свойств и характеристик человека, но нередко и о радикальной модификации его как целого. Символом таких вождедений можно считать идею *designer baby* – ребенка, который изготавливается согласно заранее подготовленному проекту. Пределы же здесь, очевидно, могут задаваться лишь ограниченностью нашей способности воображения.

Для тех, кто связывает будущее с проектами технологической модификации человека, традиционный гуманизм оказывается слишком узкой платформой: свою позицию они характеризуют как *трансгуманизм*. И пока что трудно судить, является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма либо же с позиций трансгуманизма привычный нам гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное.

*Главный редактор журнала «Человек»,
член-корреспондент РАН
Б.Г. Юдин*

КРУГ ПРОБЛЕМ

САМО-ИЗОБРЕТЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛА БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

П.Д. Тищенко

Москва, Россия

Предварительное разъяснение. Идея конструирования человеком самого себя недостаточно точно схватывает несколько существенных аспектов смысла биотехнологического прогресса.

1. Дело не только в том, что создаются новые модификации телесного воплощения человека (человека как предмета преобразования), но и новые формы человека, творчески изобретающего самого себя – изобретателя. В этом проявляется наиболее важная черта любой формы предметной деятельности – ее самоустремленность [1]. В одном и том же действии, в котором осуществляется преобразование предмета, происходит и самопреобразование преобразующего индивида. Параллельно с новыми модификациями человека как телесного существа изобретаются новые формы производства научного знания и связанные с ними формы биомедицинской практики, новые формы морального самосознания и, наконец, новые формы предельного оправдания практик «само-изобретения».

Кант в свое время ответ вопрос «что такое человек?» разбил на три подвопроса:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?

Мне будет удобно воспользоваться этой схемой для того, чтобы прояснить принципиальный сдвиг, наметившийся в современных практиках биотехнологического само-изобретения.

1.1. Первый вопрос требует прояснения особенностей современного биомедицинского знания, которые, как мне представляется, наиболее адекватно выявлены в концепции «второго типа производства знания» (Mode 2 production of knowledge). Первый тип научного производства представлен академическими структурами классической науки. Эта концепция разработана английскими социологами науки – М. Гиббонсом, Х. Новотной, Р. Скоттом и др. Для этой науки характерны тенденции смешивания (fusion) фундаментального и прикладного

знания, идеи открытия и идеи изобретения, истины и пользы. Новому типу производства знания соответствует новый тип этоса науки, который, сохраняя приверженность мертоновским нормам, доопределяет их прямо противоположными нормами, соответствующими нарастающей тенденцией коммерциализации научной деятельности. Наука становится двуликой, так же как двуликой становится самоидентичность ученого. Он уже не просто ученый, а ученый-бизнесмен. В системе этих же преобразований знание из некоторой объективной ценности превращается в ценность, определяемую рынком, т.е. товаром.

Одновременно для второго типа производства знания характерен переход от монодисциплинарности и предметоцентризма к мультидисциплинарности и проблемоцентризму.

1.2. Ответ на вопрос «что я должен делать?» для биотехнологий может быть охарактеризован, с одной стороны, как трансформация традиционной медицинской этики и этики науки в биоэтику. При этом меняется не просто структура самосознания морального сообщества, но и оно само. Дело в том, что рядом с антропоцентристскими истолкованиями морального сообщества (общности моральных субъектов) возникают патоцентристские, биоцентристские, экоцентристские, геоцентристские и иные типы истолкования. В них обнаруживаются новые типы сущего, которые обладают «внутренней», т.е. моральной ценностью.

С другой стороны, наряду с идеей личной ответственности ученого возникает идея корпоративной ответственности (accountability). Т.е. вопрос «что я должен делать?» (во всей его биоэтической переформулировке) доопределяется вопросом о том, «что мы должны делать?». Причем в сердцевине обоих видов ответственности лежит моральный конфликт – «ответственности перед» собой, долгом самореализации (призвание ученого) и «ответственности за» последствия принятия того или иного решения.

1.3. Кант полагал, что вопрос «на что я могу надеяться?» имеет следующий смысл: на что я могу надеяться, если адекватно смогу ответить на два предыдущих вопроса? И здесь, как и в предшествующих случаях, современный ответ на вопрос расслаивается и множится. Христиане надеялись на спасение. В современной ситуации идея спасения может иметь и традиционный смысл, и многообразие иных смыслов (таких как свобода, здоровье, социальный успех и т.д.). Но главное является не столько содержанием современного ответа на вопрос «на что я могу надеяться?», сколько экзистенциальным условием

сохранения смысла вопрошания, – *базисным определением надежды становится идея выживания*. Если мы можем все вместе надеяться на выживание человечества, то это обстоятельство создает условие осмысленной возможности осуществления всех остальных, для каждого – особых вариантов надежды. Эта ценность является базовой для мирного морального сообщества, в котором вступающие во взаимодействие субъекты отказываются от взаимного насилия.

2. Далее, если обратим внимание на предметную сторону биомедицинского само-изобретения, то следует, прежде всего, отметить, что любое действие возможно только в контексте ценностей, характеризующих качество телесного и психического существования человека как предмета преобразования. Оппозиция нормального и патологического является основой ценностного регулирования биомедицинской практики классического типа. Тем, что оправдывает саму эту деятельность и задает ее пределы. Дискуссии между сторонниками биологической интерпретации этой оппозиции и теми, кто считает, что она является «культурной конструкцией», продемонстрировали ее внутреннюю неоднородность и сложность. Я полагаю, что, если использовать язык Спинозы, оба подхода к пониманию осново-полагающей оппозиции представляют атрибутивные определения исходной «субстанциональной» связанности человеческого существования. В слове «субстанциональной» я использовал кавычки не случайно. Идея субстанции в современной философии оказалась проблематичной и уместность ее использования требует дополнительного разъяснения. Удержу это высказывание в статусе метафоры, что само по себе (если придерживаться взглядов П. Рикера) имеет не только риторический, но и онтологический смысл.

Рядом с основополагающими демаркациями следует отметить такие оппозиции как жизнь и смерть, боль и существование без боли, и т.д. Причем они так же подвергаются постоянному переопределению, становятся иными по содержанию (например, возникает множественность критериев смерти) и по тому месту, которое занимают в ценностных структурах биомедицинских практик. Последнее особенно характерно для такой негативной ценности, как боль (этот аспект обстоятельно разработан в трудах Д.В. Михеля).

Имея в виду сказанное, важно отметить, что классическая нормативная структура биомедицинской практики подвергается постоянным трансформациям. Классические нормативные структуры все более интериоризируются, проникая на фундаментальный – геномный

уровень человеческого существования. При этом их содержание меняется. Одновременно возникают новые нормативные идеи – например, идеи реабилитации и абилитации для людей, страдающих хроническими заболеваниями. Идея достойной смерти – для умирающих.

Поток становления основополагающих нормативных различий стабилизируется биоэтикой, которая обеспечивает связанность само-понимания человеком самого себя в условиях радикальных самопреобразований.

3. Биомедицинские технологии не только производят новые формы человека как преобразователя и преобразуемого, изобретателя и изобретаемого, но и ставят их на конвейер массового производства. Если использовать язык Мишеля Фуко, то новые формы «заботы о себе», созданные учеными и врачами, тиражируются, инсталлируются в массовое самосознание, образуя новые структуры био-власти. Причем, если учесть отмеченное в первом разделе, производство является не простым приложением научных знаний в массовых практиках, но исходным определением самой науки, неслучайно поименованной как новая форма производства знаний. Биотехнологическое массовое производство человеком самого себя, отказываясь от опороченных схем евгенического насилия начала XX в., создает пространство для «либеральной евгеники» – новых форм власти и принуждения, господствующих на «биотехнологическом супермаркете».

4. Пытаясь осмыслить различные аспекты биотехнологического само-изобретения и само-производства, необходимо не упустить из вида глубинную трансформацию концепции риска биомедицинских новаций. В классической биомедицине риск имел характер личного геройства ученых, экспериментирующих на самих себе. Возможный неблагоприятный исход был существенно локален. В современной биомедицине риски подвергаются глобализации. Формируются особые структуры постиндустриального «общества риска» (У. Бек) с особой мифологией рисков, технологиями их диагностики и борьбы с ними, био-политикой, бурно развивающейся экономикой, в которой риски биотехнологического прогресса оказываются мощными пружинами новых форм спроса и предложения и т.д.

5. Заключительный аспект, подчеркивающий тотальность практик биотехнологического самоизобретения человеком самого себя, касается программ создания биологического оружия (в том числе и геномного). Резонно предположить, что найдется достаточно стран, в которых идет интенсивная работа по созданию новых видов биологического

оружия под маркой разработки средств защиты от него. *Человек изобретает себя не только как устремленного к долголетнему цветущему существованию, но и как творца новых форм своего собственного телесного страдания и смерти.* Убеждение, что это оружие разрабатывается для уничтожения «другого» (врага) – наивный метафизический само-обман. Как показывает опыт глобального терроризма, биотеррористы будут угрожать не только извне, но и изнутри. «Один из нас» всегда может оказаться «одним из них». Самосознание отдельного человека не всегда сохраняется «своим» даже при наличии социально позитивных личностных установок. Болезни, действие психотропных средств, алкоголя, наркотиков и т.д. – все эти и многие другие факторы всегда способны превратить добропорядочного гражданина – «защитника» в самоубийцу, готового прихватить с собой на тот свет все остальное человечество.

Более того, существуют страны и влиятельные религиозные группы, для которых выживание человечества не является высшей ценностью, так же как жизнь не является высшей ценностью для террористов-самоубийц. Пока у них этого оружия нет, но лишь пока... Во имя защиты высших ценностей можно и уничтожить погрязшее в грехах человечество.

Причем «банк данных» для изобретателей биологического оружия пополняется не только в секретных лабораториях, но и за счет деятельности вполне мирных программ поиска новых лекарственных средств. Дело в том, что основная масса новых лекарственных субстанций открывается сейчас следующим образом. Берется вещество с известной фармакологической активностью. На его основе производится огромное число химических модификаций. Затем эти модификации тестируются на биологическую эффективность. Те из них, которые оказываются более эффективными, чем исходное лекарственное вещество, отбираются, и далее на их основе создаются новые лекарства. Весь этот процесс практически полностью автоматизирован. Однако помимо субстанций, которые действуют положительно, защищая человека от болезнетворных агентов, в том же самом процессе в качестве побочных продуктов биотехнологической промышленностью ежегодно открывается свыше сотни тысяч новых, неизвестных ранее потенциально опасных для жизни и здоровья человека субстанций. Банк знаний о возможных способах уничтожения человечеством самого себя лавинообразно растет. В том числе и как «отход» биотехнологической борьбы за свое выживание.

Примечание

1. Понятие Маркса «самоустремленность жизнедеятельности человека» получило фундаментальную проработку у В.С. Библера. См.: В.С. Библиер. Самостояние человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово: Алеф, Гуманитарный центр, 1993.

ПОЛИТИКИ ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.В. Михель

Саратов, Россия

Реформы, начатые при Михаиле Горбачеве, привели к радикальному изменению политической, экономической и культурной систем российского общества. Хотя сам Горбачев давно уже не у власти, его реформы в той или иной мере все еще продолжают. Однажды он произнес знаменитую фразу: «Перестройка начинается с самого себя». Едва ли он предполагал, что эта задача станет со временем одной из самых важных для людей, живущих в России. Смысл этого требования значительно расширился. Горбачев говорил лишь о развитии политической и экономической активности людей. Но сегодня мы наблюдаем также и развитие культурной активности.

В современной России возникли самые разные культурные практики. Люди обратились к новым способам организации своей жизни. На освободившемся от государственного идеологического диктата пространстве открылись новые возможности самореализации и самовыражения. В условиях колоссального социального расслоения, процветания бедности и преступности далеко не все из этих форм самореализации были вызваны желанием рассказать о своем благополучии.

Перемены, имеющие место в современной России, имеют своих многочисленных летописцев. Эти перемены записываются в различные документы. Они оставляют также следы в языке народа, который принял в себя много новых слов, отражающих каждый шаг новейшей российской истории. Но нельзя забывать о том, что эти перемены, кроме того, записываются еще и на такой поверхности, как тела людей. Эти записи не ложатся на тело как на чистый лист бумаги, они всегда представляют собой перезапись, переписывание одного текста другим [1; 2; 3; 4]. Так принадлежность к социальной группе, воплощенная

в телах городских рабочих и служащих государственных учреждений, часто сменялась принадлежностью к группе безработных. Быстрое приобретение богатства в ходе приватизации начала 1990-х гг. вписывалось в тела новой русской элиты, выражаясь в престижной одежде, дорогих автомобилях и средствах мобильной связи, бассейнах и саунах, роскошных напитках и других вещах, с которыми они теперь тесно ассоциировались. Узаконенная бесполость тел советской эпохи переписывалась знаками четко выраженной сексуальности новой эпохи. Распространение эпидемии СПИД и вспышка наркомании, совпавшие по времени со становлением нового общества, также оставили следы на тысячах и тысячах тел русских мужчин и женщин. Это лишь некоторые примеры.

Между тем в постсоветской России появилось много новых способов писать и читать тело, много новых способов превращать тело в определенный текст. Появились новые агенты письма. Появились новые территории для письма. Появились новые технические средства для письма. В конце концов, появились новые политики тела. В этом сообщении я хочу предложить небольшой обзор новых политик тела в современной России.

Успешные идентичности

Существование целого класса богатых людей оказало огромное влияние на постсоветскую культуру. Их, как известно, назвали новыми русскими. Их образ жизни и ничем более не ограниченное демонстративное потребление теперь постоянно бросались в глаза. Большие деньги позволяли им делать то, что не могли себе прежде позволить тайные миллионеры советского режима и представители высшей партийной элиты. Новые свободные медиа регулярно освещали разнообразные события и скандалы, касающиеся новой русской элиты. Разумеется, прежде всего, речь шла о чрезвычайных происшествиях, таких как убийства и крупные аферы. Но среди этих сообщений все больше стали звучать так называемые светские сплетни. Появилась многочисленная желтая пресса, которая с удовольствием смаковала истории об интимных сторонах жизни богатых людей. Ведь среди них очень многие были известны на всю страну. Это были крупные политики всех цветов, новые удачливые предприниматели, популярные киноактеры и звезды шоу-бизнеса и даже настоящие бандиты. Сюжеты с их участием заполнили телеэкран. Многочисленная аудитория могла видеть их роскошные особняки, их блистательных спутниц жизни, их наряды и автомобили и, наконец, их тела, которые, как правило, были

крайне упитанными и холеными. Подобно богачам XIX в. многие российские толстосумы конца XX в. оказались людьми с сытыми лицами и животами больших размеров. При внимательном наблюдении можно было констатировать, что стиль жизни богатых сводился главным образом к избыточному потреблению калорий.

Своеобразной реакцией на это стала новоявленная поп-культура, представившая свой ироничный взгляд на нового русского богача как мало интеллектуального, но телесно внушительного мужчину. Популярными на всю страну телешоу с участием сатириков и юмористов и новые анекдоты изображали нового русского богача одетым в малиновый пиджак с толстой золотой цепью на груди, держащим в руках мобильный телефон и банку заграничного пива. Колоритный новый богач при этом бессвязно выражал свои мысли, много сквернословил и часто икал – очевидно, после очередного обжорства и пьянства. Характерной деталью этого имиджа были жесты. Новый русский, как его представляла себе массовая аудитория, свои фразы строил не с помощью слов, а с помощью пальцев рук, которые он очень забавно загибал. Популярные шутки утверждали, что ему для этого нужно было только два пальца – указательный и мизинец.

Все же этот тип телесности не стал преобладающим даже в 1990-е гг. Первые годы становления нового российского капитализма были весьма беспокойны. Это было время громких убийств, унесших в могилу жизни многих представителей нарождающегося среднего класса. В общественном сознании укрепилось мнение о том, что новый русский это человек, который очень быстро приобретает богатство и еще быстрее погибает. Таким образом, это было время, когда даже самые богатые в России не могли безмятежно наслаждаться своим богатством и должны были постоянно думать о своей безопасности. По этой причине большая часть новых русских должна была очень быстро перейти от традиционных стратегий жизни к современным, более гибким и продуманным. В центре их внимания встал и вопрос о собственных телах, которые было необходимо поддерживать в тонусе.

Это выражалось в необходимости поддерживать свои физические кондиции и проявлять повышенную заботу о безопасности. Буржуазные политики тела в России, как и на Западе, теперь строились на основе новой концепции потребления и нового понимания власти. Потребление, согласно Жану Бодрийяру, теперь представляло собой не столько поглощение материальных благ, сколько оперирование знаками [6]. Новые русские, как фактические обладатели власти, в большинстве своем

были людьми, имеющими возможность оперировать финансовыми потоками, тогда как физическая и военная сила им не принадлежала. Новый русский бизнесмен не мог себе позволить иметь большой живот, но усиленно накачивал мышцы, плавал в шикарном бассейне и посещал сауну. Его тело едва ли было атлетичным, но оно не было толстым и бесформенным.

В начале 1990-х гг. среди российских нуворишей происходил процесс ротации. На место погибших дельцов часто приходили их недавние помощники, многие из которых прежде выполняли обязанности руководителей служб безопасности в фирмах своих боссов. Очевидно, эта закономерность стала весьма устойчивой, поскольку именно тогда в русском языке закрепилось слово «секьюрити», приобретшее нарицательный смысл. Вообще, русские «секьюрити» сыграли большую роль в трансформации постсоветских буржуазных политик тела. В большинстве своем на эти должности рекрутировались мужчины среднего возраста из числа бывших офицеров армии и государственных служб безопасности. Среди них было много спортсменов. Значительно реже среди них встречались лица с криминальным прошлым, которые также в силу своих обязанностей уделяли повышенное внимание своим телесным кондициям. Они не только обеспечивали безопасность своих боссов, но и побуждали их к занятиям спортивными упражнениями – главным образом накачиванию мышц и изучению приемов самозащиты. Возможность сделать себе карьеру с помощью кулаков и крепких мышц породила в России настоящий бум на занятия атлетизмом и единоборствами.

Этот бум разразился прежде всего в молодежной среде, где всегда встречается много амбициозных людей, мечтающих об успехе. В разных городах России в многочисленных подвалах стали возникать стихийные атлетические залы, где молодые парни накачивали мышцы. Такие залы назывались «качалками», а крепкие парни получали почетные прозвища «качков». Строго говоря, эти залы возникли еще при Горбачеве, когда молодежь перешла на свой собственный путь обновления и реорганизации общества. В некоторых городках, как, например, в Люберцах под Москвой, эти «качалки» стали настоящей базой, где готовились мобильные отряды молодежи, ведущие свою собственную борьбу за справедливость. Парни из Люберец, Набережных Челнов и Тольятти успешно избивали своих классовых противников повсюду, где это было возможно. Вплоть до 1992 г. этим молодежным подразделениям, в сущности, не удавалось определить свои стратегические

цели. Долгое время дело сводилось лишь к банальному самоутверждению своих локальных интересов. Но с началом новой экономической политики при Борисе Ельцине перед этими парнями открылся новый смысл их жизни. Это было богатство. Крепкое тело теперь стало служить им в борьбе за передел собственности. Действительно, с этого времени на просторах Центральной России смолкли самые громкие молодежные войны. Крепкие парни занялись бизнесом. Одновременно с этим бандитские политики тела стали смыкаться с другими политиками, которые осуществляли «секьюрити» российского делового мира.

Новая экономическая политика в России привела к подлинному расцвету субкультур в России. Помимо культурных практик, осуществляемых новой русской буржуазией, их «секьюрити» и представителями молодежных групп, стали множиться и другие культурные практики, вызвавшие громкий резонанс в общественном сознании.

До 1990-х гг. в России не было своих звезд, хотя было немало «любимых киноактеров и эстрадных певцов». Знакомство русских с нормами американского и европейского шоу-бизнеса привело к тому, что и в России зажглись свои звезды. При этом значительно больше повезло тем, кто работал на эстраде. Наоборот, российское кино, испытав первоначальную неудачу от столкновения с Голливудом, а также вследствие финансового голода, стало продуцировать свои звезды позже, чем эстрада. По этой причине внимание российской аудитории было приковано прежде всего к отечественным певцам, а не киноактерам.

Эстрада первой стала своеобразным полигоном, на котором отработывались новые популярные имиджи. Индивидуальные исполнители и некоторые поп-группы все чаще приобретали популярность не только за счет своего мастерства, но и за счет оригинального поведения на эстраде. Родившаяся в глухой сибирской деревне Маша Распутина очень быстро снискала славу российской секс-бомбы, бесстрашно оголяя свое тело во время концертов или фотографируясь полуобнаженной для разных журналов. Поп-группа «На-На», в составе которой в разное время было четыре-пять молодых парней, с помощью того же приема возымела популярность у сотен тысяч почитательниц по всей стране. Но тела русских эстрадных звезд приобретали известность не только как сексуальные фетиши. Некоторые тела приковывали к себе внимание тем, что во имя дополнительной популярности их подвергали реконструкции. Самая знаменитая певица российской эстрады Алла Пугачева в 1990-е гг. стала подвергать свое тело регулярным хирургическим вмешательствам, освобождаясь от излишков жира

почти каждые два года. Ее коллега Лариса Долина после неоднократных опытов все же сумела избавиться от лишнего веса, сформировав свой самый блистательный имидж к концу столетия. Певец Александр Буйнов и актер-сатирик Ефим Шифрин удивили своих почитателей тем, что превратили свои стройные фигуры в крепкие атлетические тела. Этих примеров можно было бы привести значительно больше.

Российский шоу-бизнес 1990-х стал сферой наиболее зрелищных политик тела. Как и на Западе, тела русских звезд стали служить им извлечению дополнительных дивидендов популярности и обогащению. Яркие и блестящие, эти тела стали царствовать на экранах, потрясая воображение миллионов мужчин и женщин по всей России. С этих пор стали гордиться и достигать успеха не столько голосом и певческим талантом, сколько этими сексуально-ослепительными телами. В первые годы XXI в. на российской эстраде стало еще больше исполнителей, сделавших ставку на яркий телесный имидж и сексуальность.

Производство гламурных тел

При советском режиме общество состояло из рабочих и «сельских тружеников», чей досуг в 1960–80-е гг. организован традиционно. Успехи в труде могли вознаграждаться предоставлением путевок в дома отдыха и курорты на побережье Черного моря, где в течение трех летних месяцев обладатели этих путевок могли поправить свое здоровье. Наряду с этими центрами организованного досуга в СССР действовали многочисленные лечебницы, расположенные, по большей части, на Кавказе и в Грузии. Кроме того, во всех городах существовали многочисленные бани, но они воспринимались населением главным образом как традиционные центры для мытья тела, а не оздоровительные комплексы. С 1970-х гг. в большинстве городов культура бань начала деградировать, поскольку люди предпочитали мыться в собственных ваннах в своих квартирах. После распада СССР и начала проведения политики «шоковой терапии» централизованная организация досуга для всего населения стала невозможной. Многие знаменитые курорты оказались за пределами российского государства. Большинство городского населения, оказавшись перед лицом проблемы выживания, вынуждено было строить дачи и возделывать собственные огороды. Дачи стали местом, где миллионы людей теперь выращивали овощи для пропитания и отдыхали от городского шума. На этом фоне новая русская буржуазия обратилась к иным способам организации досуга. Отдых на престижных заграничных курортах она стала сочетать

с новыми видами досуга в собственной стране. Возникшие фитнес-центры и стали тем местом, где были реализованы мечты новой буржуазии о своем систематическом досуге. Теперь для принятия лечебных грязей или ванн с минеральной водой не требовалось отправляться на курорты Кавказа. Достаточно стало лишь приобрести билет или клубную карту в фитнес-центр.

В 1990-е гг. большинство фитнес-центров возникло в Москве и Санкт-Петербурге. В остальных городах России такие центры остались редкостью и в начале XXI в. Техническое оснащение многих провинциальных фитнес-центров по сей день еще отличается от того, что имеется в двух российских столицах. Очень часто при наличии тренажерного зала отсутствует плавательный бассейн. Многие спа-процедуры являются редкостью. Режим их работы также отличается от режима работы большинства московских центров, которые открывают свои двери уже к 7 часам утра и закрываются после полуночи. Посетителями провинциальных фитнес-центров в большинстве случаев являются люди менее состоятельные, чем в столице. Чаще всего это мужчины после сорока лет. Их досуг сводится к заурядному потреблению алкоголя и посещению сауны в компании с проститутками. В утренние часы такие центры чаще всего закрыты. Напротив, многие столичные деловые люди посещают их именно в утренние часы, перед тем, как отправиться по своим офисам. В известном смысле провинциальные фитнес-центры являются индикаторами слабости буржуазии как социального класса в российской провинции.

Тем самым в первое десятилетие своего существования из-за своей дороговизны фитнес-центры не были доступны для значительной части населения. Это обстоятельство привело к тому, что в сознании огромного числа людей такие места продолжают по-прежнему восприниматься как места сосредоточения гедонистической культуры, а не зоны организации необходимого полноценного досуга. Поход в фитнес-центр или аквапарк чаще всего трактуется как шикарный жест, больно ударяющий по семейному бюджету. Культурный отдых для миллионов мужчин и женщин в России в первые годы XXI в. это по-прежнему пребывание перед телевизором, на берегу реки или на своей даче.

Все же сам факт возникновения фитнес-центров в России не остается незамеченным для населения. Информацию о них можно почерпнуть в многочисленных журналах, именуемых гламурными, и в Интернете. Почти все люди, с кем я беседовал на эту тему, утверждают, что они

с удовольствием посещали бы такие центры, как в Москве, если бы имели для этого все возможности. Одна из моих студенток так и сказала: «Я бы проводила там все свое время, но пока вынуждена рассматривать рекламу этих центров в журналах». Мои собеседники из разных возрастных групп всегда высказывали мнение, что столичная буржуазия и звезды шоу-бизнеса регулярно пользуются услугами центров, и именно этим их жизнь вызывает зависть. Несомненно, желание посещать фитнес-центры вызвано желанием с пользой и удовольствием заполнить свое время.

Я хотел бы оставить в стороне вопрос о том, насколько практика посещения фитнес-центров и фитнес-клубов способствует реальному улучшению здоровья и реконструкции тела. Большинство свидетельств, которыми я располагаю, содержат только положительные оценки. Однако очевидно, что несистематическое посещение таких центров едва ли может вести к качественным изменениям нашего телесного самочувствия. В сложившихся обстоятельствах посещение фитнес-центра приводит лишь к эмоциональному удовлетворению и сознанию того, что эта услуга современной конsumerистской культуры также может быть потреблена. Тот, кто рассчитывает добиться серьезных улучшений своего телесного состояния, должен иметь возможность длительного и систематического посещения этих центров. Но что делать, если для профилактики и фитнес-терапии нет времени? Или требуется быстрое оперативное вмешательство, чтобы исправить недостатки фигуры или лица? Удовлетворению этой потребности служит косметическая хирургия.

Появление в России нового среднего класса, прежде всего высшего среднего класса, сформировало спрос на услуги пластической/косметической хирургии. При этом сама косметическая хирургия как область хирургического искусства существовала уже в советскую эпоху. Пластические хирурги проводили операции в ожоговых центрах и немногочисленных институтах красоты, где проводили операции по удалению родимых пятен, исправлению дефектов губы и носа и некоторые другие операции. Объективные достижения советской пластической хирургии были сопоставимы с аналогичными достижениями на Западе. Можно также отметить, что уже в конце 1960-х гг. в СССР начали проводить первые операции по изменению пола, и некоторые специалисты овладели необходимыми для этого методами формирования груди и половых органов. Однако широкого применения эти знания не имели.

Вплоть до 1990-х гг. общественное сознание почти не воспринимало проблему возможности улучшения человеческого тела с помощью хирургического ножа. Литература по этой теме, которая была бы доступна широкому читателю, почти отсутствовала. Данная проблема находилась всецело в сфере медицинского дискурса, весьма непрозрачного для массовой читательской аудитории. Специальные поиски привели меня к выводу, что первое популярное издание по этой теме в России появилось только в 1995 году. Это была книга французского хирурга Жана-Марка Субирана [7]. С того же времени сведения о центрах косметической хирургии и о разнообразии пластических операций стали появляться в популярных глянцевого журналах. Первым специальным изданием на эту тему в России стал журнал «Академия красоты», издающийся с 1998 г. Тогда же в широкое употребление вошли понятия «липосакция», «шлифовка», «дренаж», «подтяжка» и другие. Провинциальная публика в очередной раз обратила внимание на то, что такие операции со своим телом проделывают главным образом богачи и звезды шоу-бизнеса. Более всего такие высказывания сегодня касаются популярных певцов и актеров, а также телеведущих и некоторых политиков первой величины, которые постоянно пребывают на экране.

Потребительский спрос на услуги пластической хирургии привел к резкому рывку в ее развитии в стране. Повсеместно стали открываться специализированные центры. Но еще следует сказать и о том, что общие хирурги стали решительно осваивать секреты новой специальности. Мгновенно новая профессия стала очень престижной, поскольку доходы тех хирургов, которые делали пластические операции, быстро возросли. Некоторые из практикующих хирургов стали предпочитать традиционным операциям по медицинским показаниям дорогостоящие операции эстетического плана. Стоит ли говорить о том, что отсутствие должного профессионализма часто оканчивалось плачевным исходом для их пациентов? По причине слабого развития медицинской юриспруденции сведения об этом часто так и оставались необнародованными. Нужно также сказать о том, что в сознании многих людей, особенно выпускников школ, думающих о своей будущей карьере, профессия косметического хирурга или даже обычного косметолога стала одной из самых привлекательных.

Постсоветские масс-медиа быстро сформировали спрос на новые косметологические услуги. Невозможно перечислить все издания, которые участвуют в этом процессе. В первые годы XXI в. выделялись

такие издания, как «Красота и здоровье» и «Отдохни». Они оказались подходящими по цене и наиболее массовыми. Журналы и газеты по проблемам здоровья, издания для всей семьи, молодежные издания, журналы для женщин, мужские издания, издания эротического плана, – все они стали помещать на своих страницах рекламные объявления о деятельности центров косметической хирургии, услугах и ценах, интервью с медиками и их пациентами. При этом среди пациентов встречаются люди разного социального статуса. В 90 % случаев это женщины, что является характерным и для западных стран [5].

Каким операциям оказывается предпочтение? Как и в прежние годы, это операции по исправлению явных дефектов внешности, таких как заячья губа, горбатый нос, уродливые шрамы на коже, угревая сыпь или бородавки. Однако в рекламных объявлениях резко возросло количество сообщений о возможностях с помощью разнообразных методик изменить свой сексуальный облик, изменить размеры пениса или форму женской груди. «Силиконовая революция», охватившая многие страны мира, докатилась и до России. Объявления о готовности медицинскими и не только медицинскими средствами изменить форму и размер женской груди можно встретить не только в печатных изданиях. Они попадались мне на глаза и в других местах, в том числе на заборах и фонарных столбах.

Вслед за представителями среднего класса и звездами шоу-бизнеса стремление радикально изменить свой телесный имидж охватило и другие категории российского общества. В 1990-е гг. в России началась война с избыточным весом, и сотни тысяч женщин самыми разными способами стали пытаться избавиться от так называемого целлюлита. В больших книжных магазинах и в газетных киосках, даже у торговцев дешевыми книгами на улицах стало возможно приобрести разнообразную литературу, сообщающую, как вести борьбу с жировыми отложениями в области ягодиц и живота.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в сознании граждан России на рубеже двух веков происходили (и продолжают происходить) радикальные изменения в представлениях о красоте тела, женского и мужского. В особенности это коснулось женской телесности, вследствие чего традиционный образ материнского тела стал дополняться и отчасти вытесняться образом игривой подруги. Пышность, большие размеры ягодиц и живота, символизирующие женское плодородие, утратили свою былую привлекательность. Стали цениться длинные ноги, стройность и небольшой вес. Новый стандарт

женского тела был принят в числе прочих изменений, произошедших после падения советского режима.

В настоящее время женская стройность и даже худоба мало кем воспринимается как недостаток. Лишь в деревнях среди пожилых женщин стройное женское тело все еще осуждается, но эти критические голоса уже не изменяют общего настроения. При этом по сей день в России не ведется дискуссия о социальных основах этой новой телесной моды. Так, проблема анорексии, живо обсуждавшаяся американскими феминистками в 1970–80-е гг. [8], в России по-прежнему остается темой исключительно медицинского дискурса.

Представления о привлекательных мужских телах тоже подверглись изменениям, хотя и не столько разительным. В первую очередь, они затронули такой элемент, как прическу. Идеальный русский мужчина имеет короткую деловую стрижку. У него уже нет седых волос. Во-вторых, у него широкие плечи и сильные руки, поскольку такому мужчине приходится во всем полагаться на себя. Он явно не похож на тех мужчин, которых изображало советское кино 1970–80-х гг. Тело этого мужчины – жесткое и прочное как скала. Это воплощение агрессивной мужественности. Таких образов было много в российских фильмах 1990-х гг. Их также можно увидеть и на рекламных щитах, популяризирующих такие «мужские товары», как пиво и сигареты.

Наряду с «мужественными» мужчинами постсоветская российская массовая культура породила и образы «нежных» мужчин, воплощающие чьи-то грезы об идеальных отцах и мужьях, мягких в быту и домашнем общении. Они в массовом порядке шагнули с экранов телевизоров и страниц глянцевого журналов в первые годы XXI в., когда экономическая ситуация в стране стала понемногу налаживаться и началось конструирование того рода мужской идентичности, которая более пригодна для исполнения супружески-семейных и родительских обязанностей.

Культура телесных трансформаций в России

Становление в 1990-е г. в России нового общества, рождавшегося в муках политических и экономических кризисов, сопровождалось формированием новых культурных императивов, среди которых присутствовал и такой: «Вкладывай деньги в собственное тело». Тело в России неожиданно стало самовозрастающей стоимостью, какой прежде была только земля. Как уже было показано, первыми к такого рода политике тела обратились представители нарождающегося среднего класса и шоу-бизнеса (особая разновидность того же класса).

Постепенно буржуазные политики инвестирования в собственное тело захватили все более широкий круг людей, прежде всего те слои общества, где ценности здоровья и образования ценятся превыше всего. По мере изменения экономической ситуации в России в начале XXI в. мужчины и женщины все чаще вкладывают в свое тело деньги, чтобы обеспечить себе активное долголетие. Многие разделяют мысль о том, что хорошие волосы и крепкие белые зубы понадобятся им и завтра, а чистая кожа и плоский живот – достояние на долгие годы. Красивое и сильное тело стало важным атрибутом того, что сегодня называют качеством жизни. Эти идеи о качестве жизни укрепились лишь тогда, когда у большинства людей возникло стойкое представление о распространении в России экологического кризиса.

Обозначенные выше политики тела в постсоветской России представляют собой мейнстримные формы реконструкции себя. Одновременно рядом с ними процветают и множатся различные способы экспериментирования со своим телом, о которых также следует сказать несколько слов.

Мысль о том, что собственное тело может быть великолепной ареной для осуществления художественных фантазий, является очень древней. Как не раз уже описано антропологами, представители многих незападных обществ подвергали свои тела самым различным эстетическим опытам. Возникновение боди-арта на современном Западе совпало со всплеском различных протестных движений в шестидесятые годы. Лишь в восьмидесятые годы средний класс начал апроприировать искусство тату и пирсинг, распространенные среди городского пролетариата [9]. В постсоветской России практики боди-арта оказались импортированы с Запада как многие другие способы манипулирования телом. И эти практики были приобретены именно из рук западного среднего класса. Это подтверждается тем, что современное российское искусство тату совсем никак не связано с практикой татуировки, распространенной в таких закрытых сообществах, как армия и тюрьма [11]. Популярные дискурсы современной культуры, представленные в молодежных и развлекательных русских журналах, ставят практики тату, пирсинг и живопись на теле в один ряд с формами новейшего экспериментального искусства. Современная молодежная татуировка в России почти никогда не содержит в себе никакой конспиративной информации, как это происходило с татуировками заключенных тюрем. Она говорит только о самой себе, являясь «целесообразностью без цели» в смысле Канта. Но те, кто практикует сегодня

татуировки и пирсинг, видят в этом наиболее экстравагантные способы самовыражения, поскольку татуировка на плече или металлическое украшение, вставленное в пупок, зримо свидетельствуют о бесстрашии их обладателя, о готовности терпеть боль ради обретения неповторимой идентичности. Впрочем, терпят ли боль эти юноши и девушки? В недавно появившихся тату-салонах в крупных городах России искусство тату и пирсинг воплощаются в тела под анестезией.

На самом рубеже двух столетий Россия переживала настоящий бум тату-арта. Парни и девушки, студенты и школьники старших классов стали украшать свои тела татуировками. Очень часто это временные татуировки с использованием хны. Младшие школьники для этих же целей пользовались одноразовыми татуировками, которые как переводные картинки они наклеивают на свои плечи и руки. 27 октября 1999 г. в Санкт-Петербурге состоялся один из самых из первых российских фестивалей искусства тату, который получил освещение в электронных медиа и был назван «первой питерской тату-конвенцией». В русскоязычной части Интернета по итогам этого события возник очень представительный сайт www.sTATTOOs-ART.ru. Интервью с художниками тату, такими как, например, Дмитрий Хендриксон, позволяют узнать, что их стаж в сфере тату-арта составляет, как правило, два-три года. Эти цифры, конечно, отличаются от тех, которые характеризуют «творчество» мастеров, делающих татуировки в российских тюрьмах.

Наряду с боди-артом в России стал популярным и бодибилдинг. Распространению этой культурной практики способствовали такие журналы, как «Сила и здоровье», «Культура тела» и другие. Федеральное телевидение неоднократно уделяло внимание российским и международным конкурсам бодибилдеров. Плакаты с изображением всемирно известных мастеров бодибилдинга стало легко купить в книжных и спортивных магазинах. Магазины спортивного снаряжения для бодибилдинга, первые из которых открылись в Москве и Саратове, предоставили покупателям различные спортивные снаряды и тренажеры, препараты, способствующие наращиванию мышечной массы, учебные видеофильмы и прочее. Бодибилдинг в России сегодня привлекает внимание десятков тысяч юношей и девушек, мужчин и женщин, которые проводят много времени в атлетических залах, среди которых далеко не все оборудованы должным образом. Подобно случаю с косметической хирургией практики бодибилдинга в России сопровождаются становлением специального дискурса, насыщенного специальной

терминологией, представляющей собой синтез терминов из сферы биологии, спортивной медицины и вообще спорта.

Человеческие тела как объекты различных экспериментов сегодня находятся в центре и других культурных проектов. К их числу относятся новые для России варьете и стриптиз, женский и мужской, рестлинг, или бои без правил, тайский бокс, бальные и экспериментальные танцы и различные телевизионные шоу, предполагающие демонстрацию телесной силы или экстравагантности. Особой популярностью на российском телевидении продолжает пользоваться шоу «Сам себе режиссер», которое продолжается уже более десяти лет. На этом шоу демонстрируются фрагменты любительских видеофильмов, очень часто изображающих курьезные эксперименты с человеческим телом, достойные Книги рекордов Гиннеса.

Последние десять лет отмечены распространением новых видов спорта, которые принято называть экстремальными. Серфинг, дайвинг, прыжки с парашютом, различные виды езды по пересеченной местности, фристайл и другие, – все они, как правило, пришли в Россию из-за границы, хотя можно говорить об их существовании и при советском режиме. Отличие современной ситуации состоит в том, что развитие этих видов спорта сегодня вызвано главным образом их зрелищностью. Они часто попадают в кадр телеоператоров. Следовательно, в кадр попадают и тела, скользящие по волнам, парящие в воздухе, карабкающиеся по скалам, ныряющие под воду. Тела, которые выдерживают перегрузки, которые сражаются со скоростью, которые демонстрируют удивительные способности, заключенные в них.

Я должен, наверное, сказать и о распространении новых диетических практик в России. Последние годы стали временем апробации разнообразных режимов регуляции питания, возникновения целой культуры употребления биологически активных добавок, витаминных и минеральных комплексов, огромного числа препаратов, выброшенных на российский рынок мировой фармацевтической и нутрицевтической индустрией. Русские стали в большом количестве потреблять тропические фрукты, орехи, бананы, соки, но также и массу суррогатов, синтетической пищи и фальсифицированных продуктов, зачастую опасных для здоровья. Так, культура потребления биологически активных добавок, формируемая энтузиастами-медиками и дистрибьюторами сетевых компаний, таких как российская корпорация «Витамакс» или «Вижн», несомненно, способствовала реорганизации прежних представлений о теле, его физиологии и биохимии, а также способствовала

реорганизации самих тел на биохимическом уровне. Многие российские мужчины и женщины теперь лучше представляют, какие процессы идут в их организмах, какими средствами можно нормализовать свое состояние, как очистить организм от вредных субстанций. При этом они приучаются к регулярному вниманию за своим телом, поскольку потребление этой продукции рассчитано на извлечение долгосрочного эффекта. Реорганизация русских тел здесь осуществляется изнутри, посредством освоения новых полезных препаратов.

Я не буду говорить здесь о достижениях в области эндопротезирования и биоинженерии, а также о киборг-технологиях, поскольку эти темы мало относятся к теме моего сообщения. К тому же достижения российской науки здесь все еще весьма незначительны и адресуются лишь очень нуждающимся пациентам. Для постсоветских политик тела эти направления научного прогресса пока еще не являются фундаментом. Популяризация эффектов применения этих технологий осуществляется сегодня средствами Голливуда, а также с помощью компьютерных игр и научной фантастики. В галерее постсоветских типов телесности мы не найдем киборгизированных тел, но мы, несомненно, найдем их на экране и в воображении некоторой части молодых людей.

Следует подчеркнуть теперь, что преобразование человеческих тел в России сегодня является весьма широкой тенденцией. Люди по тем или иным причинам уделяют внимание своей внешности, своему здоровью и физическому состоянию значительно больше, чем даже десять лет назад. Привычка надеяться на государство, которая была выработана у многих в последние два-три десятилетия советского режима, прошла. Сегодня главными субъектами осуществления политик тела в России являются не столько государственные институты, сколько сами индивиды и те новые структуры, которые возникают для обслуживания их потребительских интересов. Безусловно, такие организации, как школа, армия, больница и тюрьма, продолжают вносить свой вклад в формирование такого типа тел, которые Фуко назвал «послушными» [10]. Но значительно большее влияние в современной России имеют масс-медиа, сетевые компании и центры досуга, являющиеся сегодня проводниками новых типов телесности, принадлежащих новому миру. Можно себе представить день, когда целый ряд экспериментов со своим телом уйдет в прошлое. Когда самые радикальные способы реконструкции тела, такие как бездумное наращивание половых органов или клеймение, исчезнут. Возможно, эти практики

локализуются и станут делом очень узкой группы оригиналов, действительно нуждающихся в таких опытах. Тогда большая часть современных политик тела в России станет тривиальной и перестанет привлекать чье-либо внимание. Но сегодня, пока Россия является транзитным обществом, они выдвигаются на первый план масс-медийных сообщений.

Литература

1. Орлова Г. Политическое тело президента // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4.
2. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983 .
3. Falk P. *Written in the Flesh // Body & Society* 1 (1). 1995.
4. Feldman A. *Formations of Violence: The Narrative of the Body and Political Terror in Northern Ireland*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1991.
5. Sullivan N. *Tattooed Bodies: Subjectivity, Textuality, Ethics, and Pleasure*. Westport, CT, 2001.
6. Бодрийяр Ж. *Система вещей*. М., 1995.
7. Субиран Ж.-М. *Косметическая хирургия. Почему? Что? Зачем?* Ростов н/Д, 1995.
8. Bordo S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1995.
9. DeMello M. *Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community*. Durham, NC: Duke University Press, 2000.
10. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999.
11. Ефимова Е. *Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор*. М., 2004.

СИМВОЛИЗМ СОЗНАНИЯ

А.Н. Книгин

Томск, Россия

Проблематике сознания в истории философии посвящена огромная литература. Много публикуется и в настоящее время – философами, психологами, нейрофизиологами. Отметим, для примера, соответственно работы [1; 2; 3]. Однако тема по существу неисчерпаема. В данной работе мы рассмотрим проблему, которая пока прошла мимо внимания исследователей.

Правда, фундаментальная работа М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание» аттестуется авторами так, что в ней сначала излагается *метатеория сознания* в качестве введения

в *символизм сознания*, а в заключительной части даются «самые общие соображения о символах как символах сознания». Кажется, что тема книги совпадает с темой, объявленной в заголовке статьи. Однако эти авторы рассматривают проблему символизма сознания в перспективе *обратной* той, в которой мы собираемся рассмотреть здесь. Они дают следующую экспликацию символа: «Символ – это вещь, обладающая способностью индуцировать состояния сознания, через которые психика индивида включается в определенные содержания (структуры) сознания» [4]. И хотя авторы постоянно говорят о «символической жизни сознания», рассмотрение идет в контексте онтологического противопоставления символа как вещи *единственной не-вещи – сознанию*. Мысль движется от символа к формируемому им сознанию.

Наша задача прямо противоположная: показать *изначальную* символичность сознания. Поскольку рассмотрение ведется в экзистенциально-феноменологической парадигме, символ трактуется не как вещь, а как эпифеномен сознания наряду со *значимостью* и *смыслом*.

Естественно, что утверждать символичность сознания сколько-нибудь разумно и однозначно, и при этом сохранить позитивное экзистенциальное значение этого обстоятельства, можно лишь при некотором определённом понимании *сознания как такового* и при достаточно определенной и жесткой трактовке понятия «символ».

В настоящей статье я исхожу из экзистенциально-феноменологической концепции сознания, изложенной в [5] и поддержанной в [6].

Эта парадигма является *экзистенциально-феноменологической* в том смысле, что сознание здесь принимается онтологически в гуссерлевском смысле как поток феноменов, однако, во-первых, учитывается, что как законченное целое оно существует лишь в качестве *теоретического конструкта*, и, во-вторых, учитывается, что формы опыта сознания суть не что иное, как ипостаси *человеческого* бытия как экзистенции. Экзистирование как знающее себя бытие есть актуализирующееся сознание в единстве и протекании своих форм. Формами опыта сознания являются *созерцание, переживание* и *мышление*, реализующиеся на трёх уровнях: *первичной данности, воспоминания* и *воображения*. Кроме того, здесь надо иметь в виду также *предметные* формы опыта сознания, выражающие уровни интендирования: опыт *повседневности, сущностный* опыт, *ценностный* опыт и *мистический* опыт [5]. Можно ожидать, что символизм сознания на этих уровнях в каких-то аспектах различается в проявлениях.

Очевидно, что сознание как таковое представляет не себя самому себе, а Другое, т.е. обладает природой *знака*. Тем самым открывается возможность обладания внутренним символизмом.

Определимся с *идеей* символа. Это необходимо потому, что слово «символ» в философской литературе, как прошлого, так и настоящего, крайне многозначно.

Известно, например, что Гегель рассматривал символ как некоторое созерцание, достаточно определенно выражающее своё содержание. В связи с этим он *противопоставлял* символ знаку (и, соответственно, созерцание – мышлению), утверждая, что «в качестве *обозначающей* интеллигенция обнаруживает ... большую свободу и власть при пользовании созерцанием, чем в качестве *символизирующей*» [7; 8]. С другой стороны, Э. Кассирер, например, идею символа кладёт в основу своего философствования, понимая символ как присутствующую разуму априорную форму синтеза. Идея символа фундаментальна в религиозной философии и в искусстве. Обзор (хотя и далеко не полный) различных позиций в понимании символа и символизма можно найти в работе [9].

Смысл любого культурно-значимого слова имеет историю: обогащается, расширяется его контекст за счет привлечения контекстов новых, ассоциированных идей. Тем самым исходное смысловое «фазовое пространство» данного слова преобразуется в новое «фазовое пространство» большей мерности. Это целиком относится к слову «символ»: оно само есть символ своей собственной истории, богатейшего разнообразия идей, относимых к выражению человеческого бытия. Для нашей цели – показать, что сознание по природе и в принципе символично, – нет необходимости анализировать онтологию, социологию и эмпирику бытия многообразных символов. Нам достаточно очертить логическую, смысловую природу некоторого нечего, которое мы *полагаем* здесь в качестве символа.

Мы будем исходить из того, что первая необходимая особенность символа заключается в том, что символом может быть *только знак*, т.е. *нечто, указывающее на Другое*. Всякий символ – знак. Но не всякий знак – символ. Специфика знака-символа в том, что он указывает не на строго определенное и ограниченное другое, а на *многообразное и неопределенное* (не четко очерченное). Мы будем исходить из характеристики символа, данной Ю.М. Лотманом (слегка переосмыслив ее): «...наиболее активные символы (с нашей точки зрения – все! – А.К.) характеризуются известной (с нашей точки зрения – принципиальной! –

А.К.) неопределенностью в отношении между текстом-выражением (знаком – А.К.) и текстом-содержанием (полем смыслов и значений знака-символа – А.К.). Последний всегда принадлежит более многомерному смысловому пространству. Поэтому выражение не полностью покрывает содержание, а лишь как бы *намекает на него*» [10] (курсив мой. – А.К.). Это образует «*тот смысловой резерв* (курсив мой – А.К.), с помощью которого символ может вступить в неожиданные связи» [10].

Переосмыслим эту характеристику с экзистенциально-феноменологической позиции в понимании сознания. Феноменологически символ как знак это *любой феномен сознания*, который обладает *интенцией указывания* на не строго определенное множество значений или смыслов. Эта черта может быть еще усилена, как это делает Вяч. Иванов, утверждая, что символ только тогда истинно символ, когда он *неисчерпаем* в своем значении и *темен* в последней глубине.

Примем и эту характеристику. Экзистенциально она важна. Она означает, что *окончательное прояснение* символа равносильно утрате символичности. Подлинное *углубление* в символ ведет нас к тайне, а не к простоте всевыясненности. В этом, собственно, и заключается экзистенциальное значение символа и символичности. От рассмотрения *познавательной функции* символа мы здесь отвлекаемся.

При таком понимании символа можно утверждать, что сознание символично. Любой феномен в потоке сознания сопровождается размытым горизонтом, так что его (горизонта) данности «имеются в виду», но не раскрыты, и в то же время как бы «идут» навстречу раскрытости. Любой феномен есть раскрывающее и скрывающее одновременно, это тайна, на которую он сам же и «намекает». Поскольку тайна всегда интригует, символичность феноменов созерцания или мысли фундирует их переживательность, сопровождение его волнующим чувством прикосновения к тайне. Разумеется, понимать это следует не психологически, а онтолого-феноменологически.

Поясним сказанное, рассмотрев символичность *созерцания*. Пусть мы имеем восприятие красного. Как «чистое» *ощущение* оно, конечно, не символично. В нем есть только его феноменологическое содержание («краснота»). Однако, будучи включенным в целостность сознания, оно как *созерцание* сопровождается ретенциями [5] красноты *разного* рода, многообразия красных вещей, *ожиданиями*, *воспоминаниями* и *воображениями*, *значимостями* и *смыслами*. В этом «красном» дано, конечно, в первую очередь *присутствие* красного, но вместе с тем оно «намекает» (употребляя термин Ю. Лотмана) на красную зарю,

на кровь, на полотнище флага, на «красную девицу» и т.д.). И это только сам феномен красного, не говоря уже о том, на что намекает сопровождающее его слово «красный» («красно-коричневые», «Красная площадь»...). Таким образом, конкретный феномен-созерцание, презентуя сам себя, является еще и *знаком*, указывающим на Другое, на неопределенное множество разнообразных содержаний, и в этом смысле оно – символ.

Конечно, ощущение (например, зрительное) является формой опыта сознания лишь в *целостном* сознании. Рассматриваемое как таковое, изолировано от переживаний и мысли, оно является, собственно, не созерцанием, а психическим актом ощущения и не обладает свойствами и функциями сознания, в том числе и символическостью. Такие психические функции есть и у животных. Однако в составе *цельного* сознания ощущение приобретает характер созерцания как формы опыта сознания и символизм его в описанном смысле проявляется полностью. Абсолютно точно показал это (хотя и не тематически, не в контексте проблемы символизма) Леви-Брюль. Вот иллюстрирующая это выдержка:

«Когда я вижу свою собаку или свою лошадь, я вижу их, конечно, с их индивидуальными особенностями, но вместе с тем я вижу их как принадлежащих к виду собаки и лошади. Строго говоря, образ собаки или лошади может отразиться в моём зрачке и появиться в моём сознании как особь лишь тогда, когда я не обращаю на него внимания. Но как только я воспринимаю этот образ, он становится ненеотделимым от всего того, что вызывается в моём сознании словами «собака» и «лошадь», т.е. не только от бесконечного количества других потенциальных образов, похожих на первые, но также и от того непрерывного сознания, которое имеется у меня одновременно о себе, обо всём мире возможного опыта» [11].

Здесь очевидно, что восприятие собаки или лошади в их здесь-теперь данности и конкретности выступает *знаком* (когда оно не мимоходом, а осознается) «бесконечного количества других потенциальных образов». Это совершенно справедливо. Т.е. эти зрительные образы для цельного сознания не исчерпываются своей ограниченной явленностью, а «намекают» на многообразие возможного опыта. Причем это многообразие именно неопределенно и потенциально бесконечно, что и является характерной чертой всякого символа.

Исходя из этого примера, достаточно легко можно усмотреть еще одно важное обстоятельство. Когда лошадь или собака явятся предметом

нашего *специального* интереса как таковые, мы подвергаем их анализу или рассмотрению безотносительно к их включенности в мировое целое (абстрагируемся от него), – наше *знание* перестаёт быть символическим. Но вместе с этим сужается поле зрения («смысловое пространство» по Лотману). Тем самым утрачиваются и возможности «смыслового резерва». Тогда рассмотрение неизбежно придёт к какому-то концу, завершению жизни сознания в данном отношении, и возрождение его возможно лишь при включении его в новый символический контекст.

Рассмотрим теперь символичность *мысли*. Она коренится уже в её исходной структуре: слово – ретенция – первичные феномены [5]. Поскольку с феноменологической точки зрения мысль *бывает явлена* только в слове, рассмотрим *слово*. В мысли слово – не жестко указывающий знак, а знак, «намекающий на многое». Подобное понимание слова утверждает, например, П. Тиллих: «Они [слова] являются не только знаками, но и символами, а потому они не могут быть заменены (как в случае с условными знаками) другими словами» [1].

Ещё более расширенно понимает проблему Р. Генон, согласно которому *всякое выражение*, всякая формулировка – суть символы мысли. В силу этого и сам язык есть символ.

В функции *имени* слово символично изначально, по своему существу. Поэтому символичность – не просто свойство мысли, а её *непременное условие*.

При этом ещё следует принять во внимание *лингвистическое* понятие *концепта*, которое показывает *индивидуальный* характер символических полей сознания.

Известный отечественный лингвист Р.М. Фрумкина следующим образом эксплицирует это понятие: «Естественно думать, что за одним и тем же именем (словом) в психике разных лиц могут стоять разные образования. Тем самым не только разные языки «концептуализируют» (т.е. преломляют) действительность по-разному, но за одним и тем же словом одного языка в умах разных людей могут стоять разные концепты» [12].

По некоторым данным, термин концепт в указанном смысле в отечественную литературу ввёл С.А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» (1928 г.). Он определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли *неопределенное множество* предметов одного и того же рода» [11].

В таком понимании идея концепта не вполне тождественна идее слова-символа, которое символизирует не только «оттеночное», но и вполне существенное смысловое многообразие.

Однако последующее осмысление этой идеи приблизило её понимание к нашей трактовке.

Во-первых, концепт характеризуется как ментальное образование, включающее одновременно *образный, понятийный и ценностный* моменты, что полностью коррелирует с экзистенциально-феноменологическим пониманием целостности сознания. «Концепт группируется вокруг некоей «сильной» точки сознания» [14] – такой «точкой» как раз и является в феноменологическом рассмотрении здесь-теперь наличный феномен (в данном случае – слово).

Благодаря своей символичности мышление постоянно имеет «резерв смыслов» и возможность «неограниченных связей». Отсюда следует, что слово, не обладающее символичностью, не образует мысли в *глубинном, сущностном* смысле. Но существуют ли такие слова? Да, это *слова-термины*. Из них строятся тексты строгой науки. И именно в этих случаях «наука не мыслит» (Хайдеггер): построение термина и терминологически строгой концепции означает *конец мысли как процесса*. Новая мысль требует «пищи» в виде разнообразных ситуаций, где вновь неизбежны слова-символы (т.е. идеи, концепты в лингвистическом смысле, а не строгие понятия).

Здесь обнаруживается некий парадокс: научное мышление как бы ведёт себя к собственному изживанию. Парадокс этот мнимый, что следует из факта, что наука непрерывно и постоянно продвигается вперед в своих теоретических построениях. Но как это объяснить в свете сказанного о терминах? Здесь имеет место ситуация, аналогичная ситуации с восприятием, рассмотренная выше. Термин не является абсолютно мёртвым, концом, не имеющим перспективы. Вот что писал о термине Павел Флоренский:

«Термин первично есть хранитель границ культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смешения, тем самым стесняя жизнь, *ее освобождает к дальнейшему творчеству* (курсив мой – А.К.). Останавливая свою безбрежную кипучесть, мысль тем самым ... обретает в своем потоке нечто твердое, нечто неподвижное, но неподвижное это – не внешнее ей, а есть ее же собственная деятельность... Так и термин. Неподвижно стоящий перед мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности. ... История термина есть ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новые свободы» [15].

Эта блестящая диалектическая характеристика термина показывает – в интересующем нас отношении, – что символизм сознания и в этом состоянии мысли не элиминируется, а лишь, если так можно выразиться, «приглушается», и в реальной жизни культуры, в науке в том числе, есть лишь момент в постоянно продвигающемся раскрытии многообразного содержания своего смыслового символического пространства.

Пока мы говорили об идеях, представленных простым словом. Но является ли символом сложная идея? Если да, она должна быть знаком многообразия. Какого именно? Предметное содержание есть означиваемое *для слова, а не для мысли*. Акт означивания и есть мысль. Что мысль означает в качестве знака? Ответ на этот вопрос раскрывает экзистенциальное значение мысли как таковой в качестве определения человека. Заключается он в утверждении *историчности* мысли и человека. *Идея есть символ своей собственной истории*. В отличие от феноменов созерцания и переживания, которые существуют только в точке здесь-теперь, мысль, существуя в объективированных формах текста, исторична, т.е. она изменчива и кумулятивна. Рассмотрим, для примера, идею «человек» (не смешивать с *понятием!*). Она – помимо индивидуального разнообразия концептов – имеет и *историческое разнообразие* содержаний. Ведь она объективирована в текстах, при восприятии которых происходит столкновение-сравнение «мое – чужое», которое обнаруживает это разнообразие. При этом в нем не обязательно должен выявиться «прогресс». Феноменологически значим лишь *факт разнообразия* и *факт связи*. И поскольку они есть, эта идея – символ своей собственной истории. Эту символичность может усмотреть и принять лишь *мыслящий* человек: в этом усмотрении и принятии как раз и заключается мыслительность (осмысленность) его позиции. Человек, удовлетворенный каким-нибудь одним определением, *устремлен к слову-термину* и тем самым – *из мысли, а не к мысли*. Он не мыслит.

В соответствии с историчностью мысли историчен как родовое существо и человек. Его историчность – в истории мыслительных содержаний, в истории национальных культур, менталитета – каждое из них есть символ своей истории. *Бытийствование человека как исторического существа заключается в овладении символическими значениями культуры*.

Мир мысли, благодаря языку и памяти, имеет не только субъективное самоличностное, но и объективное друго-личностное существование.

Только слияние этих пластов существования и есть, собственно, мышление как опыт сознания. Мысль как акт сознания есть опыт истории человека в его частных (повседневность, наука) и общих (религия, философия, нравственность) определениях. В силу символичности сознания в целом и мысли в частности человек *постоянно приобщен к тайне* своего собственного бытия, к нераскрытости, которую хочет раскрыть. Рефлексия над этим – философия.

Символизм сознания в указанном смысле не является *изолированным* свойством сознания. Он связан с таким фундаментальным свойством, указанным Гуссерлем, как *ожидание*.

Согласно Гуссерлю, к сущности ожидаемого принадлежит то, что оно есть становящееся-воспринятым-бытие. Речь здесь о том, что восприятие как *конкретное* переживание здесь-теперь не исчерпывается своей феноменологической данностью, а *имеет в виду* нечто *сверх этого* или «намекает» на него. Всякое восприятие сопровождается ожиданием. Именно в этом и заключается не простая знаковость, а *символизм* восприятия. Именно таким образом конституируется ноэма или смысл.

Д. Фолесдаль, комментируя гуссерлевскую идею, пишет: «ожидания ... вполне определённые и соответствуют некоторому ноэматическому ядру ноэмы нашего акта... Одна ноэма отличается от другой различными моделями ожиданий» [15]. То, что Фолесдаль здесь называет «моделями ожиданий», есть не что иное, как символическое пространство смыслов.

При знакомстве с предметом наши ожидания оправдываются или не оправдываются. В последнем случае ноэма заменяется другой, с другим спектром возможных ожиданий. Но «всегда будет сохраняться бесконечное множество ожиданий, которые и не исполнены и не предопределены» [16].

Бесконечность и непредопределённость ожиданий означает и неопределённость их спектра, что соответствует природе символа. Конечно, каждая ноэма имеет свой спектр ожиданий, отличный от спектра другой ноэмы, но он сам по себе не имеет чётко выраженных границ.

Однако в гуссерлевской феноменологии ожидания рассматриваются в чисто феноменологическом, но не в экзистенциальном ключе. Поэтому сопряженность ожидания и символичности сознания там *не артикулирована*. Между тем ожидание имеет колоссальное *экзистенциальное* значение.

Во-первых, ожидание фундирует преданность предметности. Например, идя по знакомой дороге, я ожидаю встретить некие объекты (дома, деревья и т.п.). В этом, собственно, и состоит имманентное убеждение в их преданности, т.е. *в существовании источника ожидаемого опыта до самого опыта*.

Эпифеномен ожидания имеет фундаментальное значение в *формообразовании* сознания. В ожидании в общем случае есть *ожидаемое*, и оно выражено мыслью. Можно, пожалуй, сказать, что ожидание – *пространство экзистенции*. В ожидании экзистенция экзистировует независимо от чего бы то ни было.

Всякий феномен имеет *горизонт ожиданий*, который сопровождает любое созерцание, переживание и мысль. Тем самым *ожидание активно воздействует на формальную структуру сознания*. Оно формирует внутреннее сознание времени. *Время* выступает как ожидание, как возможность будущего, а будущее оказывается ожиданием горизонтов ожиданий. Сознание *пространства* оказывается глубиной или богатством феноменологических ожиданий новых форм и новых мест. С этой точки зрения можно сказать, что время и пространство – не априорные формы чувственности, как полагает Кант, а «всегда наличие» в силу ожидающей природы человека. Аналогичным образом *категории* выступают как «всегда наличие», т.е. наличны всегда в отличие от изменчивого потока феноменов.

С ожиданием теснейшим образом связано *знание*. Что мы знаем о предмете? То, чего от него ожидаем, т.е. *конкретно-ожидающее сознание есть знающее сознание*. Если ожидание оправдывается в последующем опыте, такое знание мы называем верным, правдой, истиной. Если ожидание не оправдывается, такое знание мы называем ошибочным, заблуждением.

С ожиданием столь же тесно связан «смысл» вещи (предмета, слова, теории и т.д. – любого феномена). Горизонт ожиданий, сопровождающий вещь (феномен) в потоке сознания, есть *смысл этой вещи для этого сознания*. *Мысль, относя феномен слова к ретенции, формирует горизонт ожиданий, или смысл*. Понимание смысла как перспективы, горизонта можно проиллюстрировать отрывком из Хайдеггера:

«У: В прошлый раз мы рассматривали мышление как трансцендентально-горизонтное представление.

Г: Это представление помещает перед нами то, что есть, например *деревьево в дереве, кувшиново в кувшине, чашково в чашке, каменное в камне, растительное в растении, звериное в звере, как ту перспективу,*

в которую мы заглядываем, когда что-то одно противостоит нам в виде дерева, что-то другое в виде кувшина, что-то в виде чашки, многое в виде камня, многое в виде растения и многое в виде зверя.

У: Горизонт, который вы еще раз описали, – это поле зрения, которое окружает перспективу вещи.

Уч: Он, горизонт, превосходит внешний вид предмета» [17].

Субъективный смысл замкнут в горизонте моих ожиданий. Это относится к чему угодно, вплоть до смысла жизни, смысла бытия и т.п. Субъективный смысл *формируется*, он – мое творчество. Объективный смысл должен быть постигнут, понят.

Идея объективного фундирована ожиданием препятствия, затруднения. Я сам не формирую для себя препятствий и затруднений, поэтому то, что их вызывает, определяется как вне-меня-лежащее (бытийствующее). Затруднением для меня, препятствием для чего-либо *моего* могут быть и мысль, и чувство (например, совесть). Они тогда переживаются и мыслятся как объективные, т.е. естественное мышление на основе ожидания «стихийно» приходит к идее объективности, сформулированной рефлексивно Гегелем в учении о двух типах объективности [7].

Ожидание *определенного* продолжения потока феноменов формирует идеи *порядка, связи, причины*. Ожидание *горизнтов* ожиданий *предметно-неопределенного* нового порождает идею *бесконечности*, идею, что *мир как таковой* не ограничен *моим* жизненным миром. Горизонт ожиданий составляет в целом *пространство жизненного мира как пространство возможного опыта*. Это означает, что мир (жизненный мир личности) конституируется не просто свидетельствами (формами опыта сознания на всех уровнях), а ими вместе с ожиданиями, т.е. символически. Мир, в котором живет человек, феноменологически это не просто *наличный мир*, но и *мир ожидаемый*.

Горизонт ожиданий, связанный с отдельным феноменом, скажем, с созерцанием, может быть *ясным* и *размытым*. Ясный горизонт образует идею «хорошо известной вещи». Размытый горизонт определяет сознание как «плохо знающее». В обыденной жизни (в повседневности) мы имеем в подавляющем большинстве случаев именно размытые горизонты. Пространство жизненного мира имеет оба эти горизонта: ближайший ясный и более отдаленный размытый. Это означает, что человек одновременно живет как в определенном (*детерминированном*), так и неопределенном (*недетерминированном*) мире. В переводе на предложенный выше язык это означает, что он живёт как в мире

терминов, так и в мире символов. Горизонты ожиданий – не что иное, как смысловые символические поля (в эмпирическом смысле – созданные прежде всего культурой, которую человек усваивает, усваивая её символы).

Таким образом, человек как существо созерцающее, переживающее, мыслящее (т.е. сознающее) без ожиданий немислим и не существует. Ожидание – его экзистенциально-феноменальная сущность, ибо в ожидании творятся и постигаются смыслы. И вся эта структура сознания глубоко символична. Где нет ожидания вообще, там нет бытия, там ничто. Ожидающий человек – открытый, творческий человек, творящий себя через овладение пространством символов своего сознания.

Разумеется, здесь не исчерпана заявленная тема, а лишь намечена, причем в определенной парадигме. Она может разрабатываться и в других концептуальных построениях (как, например, у Мамардашвили и Пятигорского). Но и в экзистенциально-феноменологической парадигме есть аспекты, не затронутые в настоящей статье. Например, символизм сознания и его *предметные* формы опыта, символизм и *сумеречное* сознание, символизм сознания и *бессознательное* и т.д. Тема неисчерпаема, как и тема сознания в целом.

Литература

1. Тиллих П. Систематическая теология. М.; СПб., 2000. Т. 1.
2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
3. Иваницкий А.М. Естественные науки и проблема сознания // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 8.
4. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М., 1999.
5. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск, 1999.
6. Грязнов А.Ф. Рецензия на: «Книгин А.Н. Философские проблемы сознания». Томск, 1999 // Вопросы философии. 2000. № 7.
7. Гегель. Философия духа // Сочинения. М., 1956. Т. 3.
8. Гегель Г. Наука логики // Г.Ф.Гегель. Сочинения. М., 1939, Т. 6.
9. Сычёва С.Г. Проблема символа в философии. Томск, 2001.
10. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Учёные записки Тартусского университета. Тарту, 1987. Вып. 754.
11. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
12. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. М., 1995.
13. Холопова Т.В. О разграничении терминов «понятие» и «концепт» // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2000. Вып. 24.
14. Карасин В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

15. Флоренский П. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 3.
16. Философия сознания: история и современность: Материалы научной конференции, посвященной памяти проф. МГУ А.Ф. Грязнова. М., 2003.
17. Хайдеггер М. Из разговора на просёлочной дороге о мышлении // М. Хайдеггер. Разговор на просёлочной дороге. М., 1991.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Д. Копытов

Томск, Россия

Рассмотрение проблемы самореализации личности в аспекте современного образовательно-воспитательного пространства является не только актуальной проблемой для психолого-педагогической теории и практики, но и важным составляющим компонентом совокупности технологий конструирования человека в его социальном выражении. Наша исследовательская позиция в данном вопросе опирается на специфику образования как социального института с выделением в качестве важного элемента процесса распредмечивания человеческой культуры, являющегося ключевым в плане личностной реализации индивида в его дальнейшей жизни. В этой связи особое внимание уделяется пониманию качества образования, априори, созданию условий для наиболее полного удовлетворения личностных потребностей, способностей и возможностей каждого отдельного человека.

Размышлений о содержании понятия «качество образования» сегодня, пожалуй, более чем достаточно. Однако оба понятия, входящие в состав данного словосочетания, остаются настолько нечеткими, что авторы и исследователи порой вкладывают в них различный и даже противоположный смысл. Поэтому и экспертные оценки реального положения дел в данной сфере варьируются от «в основном вполне удовлетворительной» до «катастрофической». Отсюда следуют столь же глубокие различия предлагаемых стратегий развития образования: от постепенного совершенствования отдельных элементов, модернизации деталей или реформирования до необходимости самого радикального, т.е. революционного изменения основ традиционной системы.

Причина такой парадоксальной ситуации непосредственно связана с философско-методологическим непониманием, или кризисом мирового и отечественного научного сообщества – кризисом понимания, как обозначил данный процесс В.А. Колесников [1, с. 30–32].

Исследователи сегодня буквально тонут в обилии информации: познавая все больше и больше фактов, фрагментов действительности, они все меньше и меньше осознают их реальную значимость, поскольку адекватное понимание частных случаев невозможно в концептуальном вакууме. В последние десятилетия появилось бесчисленное множество концепций, претендующих на роль общей социальной теории и теорий образования, в частности. Однако все они основаны на преувеличении, абсолютизации какого-либо аспекта действительности (случайности, подсознания, структурно-функциональной организации, симпатий-антипатий, особенностей языка, различий индивидуального восприятия, понимания, коммуникации и т.д.). Подобные подходы не лишены эвристической ценности. Великие успехи мышления, отмечает А. Уайтхед, часто оказываются результатом счастливых заблуждений, поскольку до определенного момента преувеличение бывает полезным [2, с. 349]. Однако использование такого рода теорий в качестве фундаментальной основы систематизации и интерпретации фактов, в том числе в сфере образования, невозможно.

Первоочередная методологическая задача состоит в выяснении и четком определении того содержания, которое кроется за понятием «образование». Именно этот, на первый взгляд, вполне ясный вопрос оказывается первым камнем преткновения, с которого начинаются многочисленные дискуссии ученых, предлагающих различные, нередко прямо противоположные методологические подходы к разработке практических программ. Наиболее часто недоразумения возникают, во-первых, из-за того, что исследователи рассматривают целостный многомерный объект не системно, а с позиций придают своей узкоспециальной задаче – в одном из многих его измерений, но из получаемых результатов делают неправомерно широкие выводы. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев ученые продолжают работать в традиционном, практически исчерпавшем свои эвристические возможности концептуальном пространстве, в котором поставленные самой жизнью новые острейшие проблемы образования принципиально неразрешимы. В-третьих, в обществе, объективно расколотом на группы с противоположными интересами, цели и задачи, которые ставят ученые, часто оказываются несовместимыми по идеологическим и политическим основаниям.

Удовлетворительные решения современных проблем образования уже нельзя получать на основе только рациональных и, тем более, узкоспециальных методов. Они, во-первых, стали столь многомерны

и сложны, поэтому оказываются неразрешимыми в формальных рамках точных и естественных дисциплин, опирающихся на количественный анализ и строгие расчеты согласно принципам классической науки. Во-вторых, проблемы образования всегда по самой своей сути «человекообразные», а потому предполагают необходимость не только условно корректных решений, но и включения аксиологических факторов в содержание теорий. Достаточно глубокое их понимание невозможно без учета этических и социально-политических аспектов, без применения неклассической гуманитарной модели исследовательской деятельности, связанной с преодолением рамок строгой рациональности и учетом субъективного момента познавательных процессов.

В формальном отношении система образования по своим внутренним характеристикам является, во-первых, динамичной, с многоуровневым подчинением и изменяющейся обратной связью, адаптивной, способной менять свою структуру, организацию, в-третьих, эволюционирующей, способной к обучению и изобретению новых действий [3, с. 127]. Вместе с тем она выступает как подсистема, функционирование которой в решающей мере предопределяет конкретная социальная система. Таким образом, уже из общей теории систем вытекает необходимость сопряжения целей и функций образования и общества.

В содержательном отношении образование – чрезвычайно сложный и многомерный феномен. Это, во-первых, важнейший социальный институт, главной функцией которого является социализация и профессионализация подрастающего поколения в соответствии с целями, ценностями и идеалами данного общества, а также адаптация старших поколений к изменяющимся производственным и социальным условиям жизни. Причем все более значимой становится функция обеспечения всестороннего и гармоничного развития каждой личности, ее творческих способностей и жизненных сил как необходимого условия возможности людей не только приспособливаться к изменчивому миру, но и активно изменять его. Именно в данной функции выражаются наиболее глубоко сущность гуманизации образования и смысл общественного прогресса. Во-вторых, образование есть определенный род деятельности, направленный на развитие жизненных сил и способностей людей, связанный с передачей и приобретением знаний навыков и умений. В-третьих, уровень знаний, навыков, умений и основанных на них определенных способностей, которые могут характеризовать как отдельных индивидов, так и любые человеческие сообщества. В-четвертых, целенаправленный процесс передачи

и приобретения знаний, навыков, умений и развития на их основе определенных способностей и потребностей личности. В-пятых, самостоятельная, независимая от своей утилитарной полезности социальная ценность, которая является одной из главных во всех цивилизованных обществах. В-шестых, во второй половине XX в. понятием «образование» обозначается формирующаяся на стыках педагогики, философии, социологии, экономики, психологии и медицины новая междисциплинарная наука, в которой педагогика является системообразующей. Наконец, в-седьмых, образование, все теснее интегрируясь с наукой и производством, выступает как самая крупная народнохозяйственная отрасль, в которой заняты в качестве учащихся или обучающихся треть населения и через которую «проходят» практически все члены общества. Причем в современном мире от «заряда», получаемого в учебно-воспитательных учреждениях в решающей мере зависит социально-культурный, производственный потенциал, творческие способности личности. Следовательно, образование является не только самой крупной, но и наиболее важной отраслью народного хозяйства, поскольку ее целевая функция производство самого человека, тогда как назначение всех других отраслей – создание материальной или духовной продукции для человека [4].

Таким образом, теоретическая модель образования как целостного социального феномена в самом общем виде может быть представлена в виде системы, состоящей из семи основных элементов. Она представляется полезной и необходимой при разработке стратегии и долгосрочных программ развития этой сферы. Однако при решении частных теоретических и практических задач такая модель может оказаться слишком абстрактной или избыточно усложненной. Тем не менее в любых случаях ученые и практики должны ясно представлять сущность образования, которая трактуется весьма неоднозначно. Одни считают его одним из видов услуг, другие – общественным благом, третьи – одной из сфер производственных капиталовложений, четвертые – инструментом государственной политики и т.д. Казалось бы, чего проще: сойтись на том, что все отмеченные подходы отражают разные стороны одного и того же феномена, которые можно выбирать, исходя из специфики познавательных и практических задач. В действительности вопрос гораздо сложнее.

Возникновение социального института образования вызвано историческим разделением труда. Обособление духовной деятельности от материальной, ее монополизация способствовали тому,

что постепенно стал возникать разрыв между теорией и практикой, стало преобладать чисто умственное воспитание и образование. Конечно, велика роль образования как источника знания, однако в нем должны отражаться практические нужды общества.

Существует узкая трактовка понятия образования. В широком смысле данное понятие характеризует процесс приобщения индивида совокупному интеллектуальному практическому опыту, приобретению и применению новых методологических приемов, навыков, установок и ценностей для последующего их применения в практической деятельности. В узком смысле образование представляет собой специализированный способ производства сложной социальной действительности, основанной на абстрактно-отчужденном знании. В основе этого способа воспроизводства лежит образовательное отношение как форма взаимоотношения субъектов (преподавателя и ученика) в специализированной образовательной деятельности [5, с. 111].

Многие исследователи рассматривали этот феномен как относительно самостоятельную систему, целевой функцией которой является обучение и воспитание человека, ориентация его на овладение определенными знаниями, ценностями и связанными с ними умениями, навыками, нормами поведения. Объединяют эти определения следующие компоненты:

- Образование – это процесс и результат освоения знаний, умений, навыков.
- Это целостный процесс по передаче и усвоению знаний и процесса производства, т.е. представление человека в качестве главного субъекта образования и его подготовка к жизни.

Образование часто трактуют идентично процессу обучения, который ограничивается рамками учебного заведения, исключая самообразование, роль современных средств массовой информации, производственных коллективов, семьи, армии, церкви, общественных организаций, общения за пределами учебного заведения. Среди ученых существуют различные мнения относительно функций образования.

По мнению некоторых исследователей, все функции образования социальны. Ф.Р. Филиппов, например, считает, что система образования всегда выполняет в обществе две функции:

- 1) интеграции подрастающего поколения, попадающего в господствующую культуру;
- 2) функцию профессионального становления. Л.Н. Коган выделяет пять функций образования: передача знаний, приспособление человека

к системе, социализация и развитие личности, целостно-ориентационная и идеологическая функция.

Традиционный подход к образованию заключается в рассмотрении его как механизма воспроизводства существующих ценностей, простое воспроизводство того, что общество уже достигло.

Новый подход к образованию созидательно-творческий с установкой на «опережающее образование» по отношению к общественному развитию. Мы рассматриваем образование как один из важнейших факторов творческой самореализации студента и как социальную деятельность человека, связанную с его самореализацией в связи с решением проблем цивилизации. Система образования должна быть направлена на создание активного творца, способного постоянно пополнять свои знания. Образование должно развивать способности человека и стремление их реализовать в практической деятельности.

В 1960–70-х гг. ученые отмечали, что отечественная система образования пришла в резкое противоречие с потребностями развития науки и производства, назрела необходимость коренного преобразования сферы образования.

В годы застоя человек из цели образования превратился в средство. Образование давалось в той мере, в какой оно отвечало потребностям экстенсивного развития народного хозяйства.

Поэтому актуальной задачей сегодня является то, чтобы образование стало фактором развития творческих способностей, человека, должна быть осуществлена стратегия «опережающего образования» [6, с. 6], в котором главным принципом будет творчество. Уже общепризнанно, что образование от функции простого воспроизводства должно перейти к развитию способностей к творчеству.

Проблема творческого потенциала личности – это прежде всего проблемы его профессионального и общекультурного развития, творческой инициативы, которые должны быть решены в системе высшего профессионального образования. При этом необходимо выходить за рамки узкоспециализированных технических проблем на уровень общецивилизационных к общечеловеческим ценностям, причем должны они решаться не только философами, но и педагогами, психологами, экономистами и т.д.

Творческая личность может реализовать свои способности в процессе образования и в профессиональной деятельности только тогда, когда у нее будут развиты потребности в творческом самовыражении; такую личность отличают развитые интересы, сильная мотивация,

высокая степень понимания проблем. Обращение к профессиональным проблемам учителя, к вопросам его подготовки вызвано недостаточной творческой отдачей, некоторым снижением престижа профессии, сложностью укомплектования контингента студентов этих вузов новым пополнением.

Система образования – это как раз та область, которая теоретически и функционально связана с важнейшими структурными элементами общества, она является одним из основополагающих факторов научно-технического, экономического, социального прогресса, областью, где существуют наибольшие возможности вмешательства в будущее человека: биологическое совершенствование человека невозможно, а возможно лишь социальное в ходе обучения, общения труда и творчества [7, с. 3].

Суть образования составляет процесс распределения человеческой культуры, что является обязательным условием для последующей творческой деятельности в профессиональной сфере. Процесс распределения мира культуры – творческий, в ходе которого происходит творческая самореализация личности студента.

В процессе образования студент осваивает прежний опыт, знания, культуру, открывает их для себя заново, подвергая основательной личностной переработке. Процесс образования включает в себя труд, познание, общение и воспитание, поэтому его рассматривают как один из базовых видов общественно полезной деятельности.

В системах образования разных стран имеют место сходные по своему содержанию процессы: демократизация, интеграция, гуманизация и гуманитаризация, компьютеризация, индивидуализация, дифференциация, спецификация, раннее обучение, тенденции перманентной творческой деятельности. Эти процессы призваны повысить творческую самоотдачу студентов.

Творческая самореализация личности в определенном виде деятельности связана с универсальной способностью человека к развитию. Как показывают экспериментальные данные, творческие способности поддаются воспитанию и культивированию. При этом действует так называемый механизм переноса, т.е. упражнения на одном материале благотворно сказываются на творчестве в других областях [8, с.87]. Например, утверждается, что творчество – это процесс спонтанный, синергетический и единственное возможное участие в нем общества – это создание благоприятных условий, а не поиск методик [9, с. 56].

На этапе развития способностей в системе образования нужны методические работы над собой, достижение необходимых для творческого труда навыков, образование и самообразование [9, с. 57].

Развитие общества свидетельствует о том, что сложившаяся система образования недостаточно способствует становлению творческих способностей и возвышению творческой активности личности. Произошло отчуждение образования от духовной сферы, экономики, культуры, науки и человека. Причин создавшегося положения много. Они носят как внешний, так и внутренний характер и заслуживают отдельного рассмотрения.

Нередко требования в школе и в вузе таковы, что лучшими оказываются те учащиеся, у кого хорошая память. Они просто пересказывают лекции и уроки преподавателя, но неспособны творчески мыслить «именно потому, что будущий специалист слишком хорошо помнит, что сказано или сделано другими, он оказывается лишенным способности мыслить оригинально».

Существует мнение, что развитие человека идет от более низкого, стандартного и простого к более сложному, творческому. Это, возможно, так и было бы, если бы в системе воспитания и образования культивировались таланты, самобытность, оригинальность, смелость, когда человек, зная свои способности, мог в дальнейшем их реализовать. К сожалению, в административно-командной системе образования индивид со всеми своими потенциальными творческими задатками превращается в формалиста, бюрократа, функционера, т.е. в безликое, стандартное, безынициативное существо административно-командной системы. Между тем основными чертами творческой личности являются иные. Так, М. Тринг выделяет:

- 1) изобретательский взгляд (пытливость);
- 2) уверенность в себе (доходящая до наглости);
- 3) умение использовать свои творческие возможности;
- 4) способность проникать в суть проблемы [10, с. 8].

В условиях функционирования старой вузовской программы практически невозможно было ничего изменить, потому что она составлялась с учетом требований предшествующего периода развития нашего общества. Учитель будущего коммунистического общества с общественной собственностью на средства производства виделся как один из представителей большого коллектива специалистов, каждый из которых исполняет свои строго определенные функции. Основные качества такого специалиста – узкая специализация, твердая

идеологическая позиция, моральная стойкость. Это «винтик», составной элемент огромного технологического механизма.

Отказ от старых идеалов, крушение административно-командной системы, переход к рыночной экономике требуют существенных изменений в системе высшего профессионального образования, призванной обеспечить хозяйство высокопрофессиональными специалистами.

Для того чтобы учитель мог творчески реализовать свои творческие способности в профессиональной деятельности, он должен научиться это делать еще в студенчестве, чему будут способствовать два основных принципа, положенные в основу новой концепции высшего профессионального образования:

- в системе высшего профессионального образования личность не формируется, а самореализуется. Мы должны рассматривать обучающегося не в категориях возможного, не как творческую потенцию, а как творческую личность, которая самореализуется на студенческой скамье;
- учебные программы должны иметь гибкую основу. Например, за годы учебы в институте студент выполняет около десяти курсовых и других видов работ, практически не связанных друг с другом. Это огромный труд, но в творческом плане он практически не дает эффекта, так как не позволяет студенту творить, создавать что-то новое.

Нам представляется, что простор для творческой самореализации студентами своих талантов будет возможен, если они на весь период учебы получат масштабное, цельное задание, которое будут защищать в конце учебы.

Руководство этим исходным принципом при составлении учебных программ дает много преимуществ:

а) посещение лекций будет иметь для студента вполне определенный смысл, потому что будет восприниматься сквозь призму индивидуальных научных и практических потребностей, сориентированных изначально. Кроме того, фундаментальные знания будут наполняться конкретным содержанием;

б) масштабность проекта-задания позволит отказаться от тиражирования узких специалистов. Идеальный проект-задание должен отвечать требованиям эстетического, этического, экономического планов. Чтобы решить эти проблемы, в процессе учебы студент вынужден будет обращаться к знаниям в различных областях. Решение экологических проблем потребует приобщения к нравственным и этическим

нормам, вопросы общения заставят обратиться к психолого-педагогическим знаниям и т.п.

При такой организации учебного процесса в процессе решения масштабного идеального проекта-задания студент научится мыслить масштабно и целостно, брать на себя ответственность, проявлять инициативу, узкая специализация будет преодолена. Ему не нужно будет, как прежде, перегружать свою память, запоминая большое количество информации, которая имеется в любом справочнике, он будет поставлен в условия творческого подхода к учебной деятельности и сам явится производителем нового знания и опыта.

Литература

1. Колесников В.А. От изменяющегося мира – к обновляющейся парадигме образования // *Философия образования*. 2005. № 3(14).
2. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
3. Пара-Луна Ф. Систематика и кибернетика: долгая дорога к всемирной социальной системности // *Энциклопедия систем обеспечения знания об устойчивом развитии*. М., 2005. Т. 1.
4. Копытов А.Д., Турченко В.Н. Стратегия развития образования Сибири, Дальнего Востока и Севера. Фундаментальные и прикладные основы образования XXI века: Проблемы внедрения. Томск, 2003.
5. Еремин С.Н., Семенов Е.В. Наука и образование в структуре НТР. Новосибирск, 1986.
6. Лесохина Л.Н. Образование в сфере человеческой деятельности // *Вопросы философии*. 1984. № 12.
7. Бахарев В.Д., Колдасов Г.Д., Рябов В.Д. Психология технического творчества. Л., 1991.
8. Жизнь как творчество: Социально-психологический анализ. Киев, 1985.
9. Чистяков Н.Н., Буянова Т.А. и др. Учителю труда о профессиональной ориентации учащихся. М., 1982.
10. Цит. по: Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

И.В. Мелик-Гайказян

Томск, Россия

Почему дети разных стран одинаково любят книги про Гарри Поттера? Как всякий проект массовой культуры, сопровождаемый агрессивной

рекламой, романы Джоан Ролинг встречают неприятие серьезных людей. Но для того чтобы оценить этический заряд этих книг, достаточно их только прочитать. Философски подкованный читатель сразу услышит в них отзвуки идей Платона, Аристотеля, Боэция, Канта, Бентама и Ницше, а человек в этом отношении девственный подготовится к встрече с глубокими рассуждениями о добре и зле, целях и средствах, ценности свободы и расплате за отказ от неё. Может быть, секрет популярности этих книг, наполненных юмором и трагизмом (хэппи-энд читателю не грозит), в дефиците доступного изложения философии, а может – в остро ощущаемом детьми дефиците любви к ним в реальных условиях образования?

Философ может заметить воплощение многих этических систем в позициях персонажей романов Джоан Ролинг и увлечься этим «чтением по ролям» философских исследований того, в чем заключается благая жизнь. Например, Дамболдор говорит словами аристотелевского мудреца, а Волан-де-Морт – злодея в описании Боэция. Но ведь большинство (если не все) юные почитатели повествований о Гарри Поттере этого не знают. Что же привлекает наших детей в книгах, без малейшего назидания рассказывающих, что хорошо поступать – это хорошо, а плохо – это плохо; что хорошо учиться это правильно, а плохо учиться это не правильно. Моралистические проповеди чрезвычайно редко (автор вообще-то не вспомнил прецедента) увлекают тинейджеров.

Поиск секрета популярности книг о Гарри Поттере позволил сформулировать одну из проблем современного образования. Образование одновременно стремится к двум противоположным целям: с одной стороны, сформировать из своих учеников личности, отвечающие определенному образцу, т.е. их стандартизировать, а с другой стороны, раскрыть индивидуальность ребенка, т.е. сохранить уникальность его личности. При этом упускается из вида, что ребенок имеет право выбирать образец, которому он хочет соответствовать, а следовательно, выбирать образовательную среду, в которой он будет проходить процесс своего становления. Итак, в данной статье предполагается обосновать, что принципы организации образовательной среды базируются на формах выражения любви к ребенку. В романах Джоан Ролинг ребенок получает возможность выбирать и образец для подражания, и формы выражения любви к нему, т.е. получает возможность выбора образовательной среды. В реальности для реализации права выбора нужно два условия. Первое – человек должен знать чего хочет, а второе – он должен знать, что у него есть выбор. Этот выбор сложен.

И с этим связана вторая проблема современного образования – разработка и внедрение средств, воспитывающих целеполагание.

В обсуждаемых произведениях проблема выбора жизненных целей решается при помощи Волшебной шляпы. В действительности педагогика еще не нашла методов определения того, как помочь человеку в детском возрасте точно определить свои склонности, жизненные цели и способы их достижения. Возможность точно узнать свое предназначение и научиться следовать своим устремлениям получают герои книг Джоан Ролинг. В этом заложен секрет их успеха. Иными словами, силой художественного вымысла преодолеваются границы, разделяющие образовательное пространство.

В школе Хогвартс, описываемой в романах, совмещены четыре основных типа образовательных систем. В книжном сериале о «школьных годах» Гарри Поттера каждому первокурснику в первый же день надевают на голову волшебную шляпу, которая, оценив склонности и устремления ученика, распределяет его на один из факультетов Хогвартса. Четыре факультета школы были созданы великими магами. Каждый из четырех основателей хотел, чтобы на его факультете развивали наиболее ценное им качество. Когтевран был создан «для самых умных», Пуффендуй – «для самых усердных», Слизерин – «для самых целеустремленных», а Гриффиндор – «для самых храбрых», для тех, кто отважен и способен жертвовать собой ради блага других. Конечно, ученик может обладать всеми добродетелями, но по изначальному замыслу каждый должен получить возможность развивать сильную сторону своего характера. Большинство положительных героев учатся в Гриффиндоре, а отрицательных – в Слизерине, поскольку слизеринцы «к цели идут, никаких не стесняясь путей». Сразу заметим, что Слизерин представляется, на первый взгляд, сомнительным в этическом плане. Однако в реальной жизни человек имеет право на честолюбивые планы, на желание сделать быструю и блестящую карьеру, например, в бизнесе и политике. В общественных интересах создавать образовательные среды для людей с такими устремлениями с тем, чтобы честолюбие не подменялось амбициозностью.

Перечисленные факультеты соответствуют существующим основным образовательным системам, характеристика которых дана В.А. Ясвиным [1]. В его известной «векторной модели» в системе координат «свобода–зависимость» и «активность–пассивность» располагаются четыре образовательные среды: догматическая, карьерная, безмятежная и творческая.

Данная типология образовательных сред основывается на типологии воспитывающих сред Януша Корчака. В своей книге «Как любить ребенка», написанной в 1919 г., Януш Корчак дал характеристику четырех основных сред семейного воспитания: «догматической», «внешнего лоска и карьеры», «безмятежного потребления» и «идейной», т.е. форм «выражения любви» к своему ребенку. Отметим, что эту воспитывающую среду ребенок не имеет возможности выбрать, как не может выбрать семью. Данная среда формируется в соответствии с теми ценностными основаниями и приоритетами, которые разделяют родители, т.е. с тем, что родителями считается правильным.

Обоснуем соответствие стилей факультетов Хогвартса типам воспитывающих сред. Характерными признаками догматической среды (Гриффиндор или догматическая образовательная среда в типологии В.А. Ясвина) являются: традиция, авторитет, веление как абсолютный закон. Здесь формируется личность, обладающая душевным равновесием, вытекающим из уверенности в себе, в своей правоте. Итак, самоограничение и самопреодоление как жизненная позиция, труд как закон, высокая нравственность как навык. Заметим, что мораль этой среды согласуется с альтруизмом, который большинство педагогических концепций избирает своей основой.

В среде «внешнего лоска и карьеры» (Слизерин или карьерная образовательная среда в типологии В.А. Ясвина) на первый план выступает целеустремленность, вызванная к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Как нами отмечалось, в реальной жизни образование в этой среде наиболее востребованно родителями и учащимися, хотя будучи читателями книг о Гарри Поттере, они не любят Слизерин.

Среда «безмятежного потребления» учит желать возможного и формирует личность, которая может быть такой, какой захочет, но без желания превосходства. Бесстрепетная жизнь позволяет обрести душевный покой в честности и доброте. В данной среде (Пуффендуй или безмятежная образовательная среда в типологии В.А. Ясвина) работа никогда не служит какой-либо идее, не рассматривается как место в жизни, а является лишь полезным средством для обеспечения себе желательных условий.

Наконец, «идейная среда» утверждает силу личности не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь, получая наслаждение от творчества (Когтевран или творческая образовательная среда в типологии В.А. Ясвина). Творишь сам,

не дожидаясь приказа. Нет повеления – есть добрая воля. Нет догм – есть проблемы. Сдерживающим началом здесь является уважение к интеллектуальной свободе.

Таким образом, в любимых детьми книгах о школе магических искусств – Хогвартсе, соединяются образовательные среды, в которых реализованы принципы любви к ребенку. Только это уже не принципы родительской любви, а принципы любви к ученику, т.е. – любви к чужому ребенку.

Каков генезис этих образовательных сред? Люди всегда пытались понять, в чем состоит правильная жизнь и как должны вести себя люди, чтобы жить правильно. В зависимости от того, как решались эти вопросы, организовывались формы воспитания. Но на этих же основаниях организовывались и формы образования. Образование является древнейшим социальным институтом, призванным создавать идеальный тип личности. Самобытные эпохи, например Античность, Средние века, Новое время создавали внутри себя способы образования идеального человека. Подготовка к правильной жизни, соответствующая пониманию блага в самобытную эпоху культуры, указывает на этический характер границ в фундаменте образовательного пространства. Границы образовательных систем очерчивают пространство, в которых определенным образом понимают сущность правильной жизни. В этих этических контекстах формируются способы достижения целей. В этих же пределах воспитываются принципы отбора тех или иных поступков, способствующих достижению «правильных» целей. Сам процесс отбора строится на отказе от каких-либо вариантов действия и оценки действительности, на расстановке определенных приоритетов в соответствии с поставленной целью. *Иными словами, ценность каждого шага определяется вероятностью достижения поставленной цели.* В жизни мы не раздумываем над каждым своим шагом, совершая их в соответствии с определенными стереотипами, в соответствии с воспитанной в нас моделью поведения. Все существующие системы образования также создавались для формирования определенной модели человека, востребованного своим временем. Каждая самобытная эпоха в истории культуры выдвигала свои требования к человеку, формировала свой идеал человека и создавала соответствующие способы воспитания человека, т.е. то, что мы сейчас называем системой образования. В основе этих систем образования лежали философские идеи, на базе которых создавались собственно теории образования и системы педагогических взглядов. В этих идеях,

теориях и взглядах отстаивались ценности, на базе которых становилось возможным воспитание определенного типа человека. Иными словами, смена антропологических идеалов инициировала создание новых образовательных или видоизменение прежних образовательных парадигм. И опять же цель диктовала выбор системы ценностей, воплощаемых в образовательных парадигмах. Но, возникнув в определенной социокультурной ситуации, образовательные системы оставались жить в культуре и в последующие ее периоды. Все образовательные системы имеют разную степень своей распространенности. Одни являются массовыми, другие являются возможными для небольшого числа людей.

Я утверждаю, что существующее образовательное пространство не является однородным. Образовательные системы также имеют границы, которые задаются ценностными комплексами и ориентацией на определенные социальные ожидания и цели культуры. Одним из разграничивающих условий являются те принципы, следуя которым ребенка будут любить. Любить не «за что-то», а потому, что он нуждается в любви, следовательно, в сочувствии и понимании своих устремлений, в уважении разделяемых им ценностей. Проблема заключается в том, что ребенку сложно выразить свои цели, а взрослым – понять эти стремления. Без преодоления данной сложности образование при всех благих направленностях уподобляется «прокрустову ложу», безжалостному устройству подгонки индивидуальности под некий стандарт. Дети, сталкиваясь с реальными педагогическими условиями, любят книги Джоан Ролинг за то, что в описываемой ей школе понимают устремления и склонности учеников, создавая им все условия, чтобы остаться разными.

Итак, любовь к ребенку есть первый этический принцип педагогики. Проверим это выдвинутое утверждение. Многообразие жизненных целей личности и способов отбора средств для их достижения упорядочивается в рамках модели «аксиологический квадрат» (табл. 1). Содержание всех сторон «квадрата» корреспондируется как с характеристиками типов воспитывающих сред, на основе которых В.А. Ясвин строит упомянутую выше «векторную модель», так и с обозначением осей, фиксирующих направленность образовательной среды. Так, творческая образовательная среда располагается в квадранте осей «активность/свобода», безмятежная образовательная среда – «пассивность/свобода», карьерная образовательная среда – «активность/зависимость», а догматическая – «пассивность/зависимость».

Модель «аксиологический квадрат», интерпретирующий сочетание целей личности и ценностных оснований образовательных сред

Человек содействует <i>своим</i> целям, исходя из своего понимания блага (творческая образовательная среда)	Человек содействует <i>своим</i> целям, исходя из того, что каждый разумный человек считает благом (карьерная образовательная среда)
Человек содействует <i>целям других</i> , исходя из своего понимания блага (безмятежная образовательная среда)	Человек содействует <i>целям других</i> , исходя из того, что каждый разумный человек считает благом (догматическая образовательная среда)

Отметим три, с нашей точки зрения, принципиальных момента.

Во-первых, сущность названия осей в модели В.А. Ясвина была нами раскрыта [2] следующим образом: *активность* представляется как осознание собственных целей; *пассивность* – как содействие целям других; *зависимость* проявляется в понимании блага и правильной жизни согласно непререкаемым авторитетам; *свобода* – в праве личного выбора понимать то, что есть благо.

Во-вторых, мы убеждены, что *пассивность* и *свобода* не есть области отрицательных значений *активности* и *зависимости*, а следовательно, образовательное пространство является не двухмерным, как в модели В.А. Ясвина, а четырехмерным.

В-третьих, мы утверждаем, что квадранты образовательного пространства, разделяемого этими осями, не имеют одинаковой «площади». Иными словами, не все из приведенных образовательных сред могут быть массовыми.

Последний вывод подтверждается обращением к этическому содержанию каждой из стороны «аксиологического квадрата». Приведенная в таблице 1 модель восходит к модели «этический квадрат», разработанной Р.Г. Апресяном [3].

Пути к обретению благой жизни в классических этических системах связывались либо с наслаждением, либо с пользой, либо с самосовершенствованием, либо с милосердной любовью. Если принять, что в самом широком смысле образование есть обучение «правильному», и поскольку целью образования является формирование человека в соответствии с принятым в культуре образцом, то открывается возможность привлечения модели Р. Апресяна – «этический квадрат» (табл. 2).

Основные этические принципы – наслаждения, пользы, личного совершенствования и милосердной любви – образуются «на пересечении» двух фундаментальных противоречий морали (табл. 2). Первое из них – «универсализм-партикуляризм». В нем выражается два

возможных понимания высших ценностей. Мы можем считать их абсолютными, объективными, безоговорочно всеми принимаемыми, составляющими благо для всех, – *всеобщими*, например, десять заповедей. А можем принять за основу правильного нечто *частное*, т.е. то, что люди вольны принимать за благо, а вольны и перестать следовать выбранной *корпоративной* этике, покидая, например, пределы этой корпорации. Второе противоречие заключается в антитезе «Я-другие». В модели Р. Апресяна это представляется в противостоянии приоритетного отношения к себе («Я») и доминировании интересов «других». В житейском плане это выражается в двух утверждениях: «человек должен жить для себя» и «человек должен жить для других».

Следует иметь в виду, что не все части «квадрата» равнозначны. В эволюции моральных ценностей есть вершина – альтруизм.

Таблица 2

«Этический квадрат» Р.Г. Апресяна

	Партикуляризм	Универсализм
Я	Гедонизм – этика наслаждения	Перфекционизм – этика совершенства
Другие	Утилитаризм – этика пользы	Альтруизм – этика милосердной любви

И христианство, и традиционная образовательная система построены на альтруистических принципах. В первой половине XVII столетия Ян Коменский создал педагогику, предопределившую на столетия магистраль развития европейского образования. В своей «Великой дидактике» Коменский утвердил свод педагогических положений, основанных на христианских догматах, и указал будущим поколениям чистый идеал воспитания умеренного, целомудренного, смиренного, терпеливого, серьезного человека, основная цель жизни которого связывается с «благополучием человеческого рода». Заметим, что девизом Коменского было – *сначала любить, а потом учить*. Однако его понимание любви существенно отличается от любви, на которой строится воспитание, например, в творческой образовательной системе. Схематизм «этического квадрата» компенсируется наглядностью изображения способов понимания того идеального типа личности, который призван создавать образование. Итак, образование как социальный институт может строиться на разных фундаментах. Воплощенные в практике образовательные парадигмы основываются на включенных в этот «квадрат» этических системах Платона, Локка, Руссо, Канта и Бентама. Обратим внимание, что сам «квадрат» включает обобщения ценностно-императивной схемы *Заповеди любви*. Автором «этического квадрата» –

Р.Г. Апресяном – ценностные ориентации Заповеди любви были переосмыслены в дуально-антитетическом ключе, а каждая из представленных в модели нормативно-этических программ была проработана в существующих традициях апологии и критики. *Но поскольку аксиологическая интерпретация (табл. 1) «квадрата» отражает типологию воспитывающих и образовательных сред, а философские начала образовательных парадигм совпадают с базовыми нормативно-этическими программами, «составленными» в «квадрат» (табл. 2) на основе обобщения ценностно-императивных трактовок любви, то можно считать обоснованным центральное утверждение данной статьи, что любовь является этическим принципом педагогики.*

В наше время систему обучения, созданную Коменским, принято называть традиционной, так как она реализуется в большинстве учебных заведений. Именно эту образовательную систему на протяжении нескольких веков стремятся усовершенствовать или заменить другой, поскольку эффективность «альтруистического» образования имеет пределы, так как из всех социальных институтов только образование пытается устоять на идеях альтруизма. Поэтому на практике педагогический альтруизм все больше входит в конфликт, в частности, с международными стандартами качества подготовки специалистов (ISQ). Другое не менее важное противоречие заключается в том, что цели образовательной системы не всегда совпадают с личными целями учащихся. Социологи утверждают, что большинство преподавателей считают главной целью образования формирование всесторонне развитой личности, в то время как для самих учащихся и их родителей ценность образования связывается, прежде всего, с быстрым продвижением по «карьерной лестнице». Поскольку образование призвано помогать развитию личности, а не подменять его, то необходимо учитывать жизненные устремления человека.

Самоочевидным является то, что стили воспитания людей, столь по-разному воспринимающих как свои цели (табл. 1), так и средства их достижения (табл.2), должны быть принципиально отличными друг от друга.

Если мы сложим «три четверки»: аксиологическую интерпретацию этических границ образовательных парадигм (табл. 1), «воспитывающие среды» и «образовательные среды», то увидим очертания тех областей образовательного пространства, в которых должны уметь любить *чужого* ребенка. Сопоставление рассмотренных моделей позволило нам, во-первых, выяснить аксиологическую природу

системных границ локусов образовательного пространства, а во-вторых, найти обоснование выдвинутого утверждения любви как этического принципа педагогики.

Элементы этих типов образовательных систем присутствуют в отечественном образовании, создавая почву для плюрализма педагогических подходов и методов. Как следствие этого, множество обучающих и воспитательных технологий реализуются в бесчисленных сочетаниях, причем в большинстве случаев соединяемые методы не проверяются «на совместимость». В этом усматриваются причины разнящихся эффектов, к которым приводит образование: с одной стороны, обучающие технологии улучшаются, а с другой – падает нравственный результат образования. Помимо этого, специалисты выявляют противоречия между прочными национальными традициями образования и способами «подгонки» его под некие международные стандарты, которых, кстати сказать, не существует даже в обобщенном виде. Проявляется амбивалентность образования, которое одновременно стремится раскрыть индивидуальность человека и стандартизировать его. В результате конкуренции и конфронтации образовательных проектов образование становится источником и прогресса, и деструктивных изменений, поскольку этот социальный институт становится неадекватным своему назначению. Ситуация стала острой, когда при отмеченных противоречиях стали проводиться изменения в структуре системы образования.

Перечисленные проблемы современного образования можно сравнить с кустарником со многими корнями и многими ветвями, между которыми трудно установить однозначное соответствие. Для нас ясно, что корни многих проблем уходят в незамечаемую неоднородность образовательного пространства. Чтобы взглянуть на «корневую систему», мы привлекли модели, оказавшиеся конструктивными не только в той области, для которой были созданы. Это позволило увидеть аксиологические границы образовательных систем, границы, разделяющие системы эффективного достижения целей личности. Думается, мы убедили читателя в том, что, во-первых, они существуют. При всей очевидности данного утверждения оно не является тривиальным. Во-вторых, эффективность образовательной системы оценивается с двух сторон. С позиции «настроенности» обучения на цели, которые ставит перед собой сама система. И с точки зрения человека, получающего в ней образование, которое должно стать силой для обретения им желаемого (табл. 1). Обе эти стороны и образуют формы

любви к ребенку. К ребенку, нуждающемуся в нашей помощи стать взрослым и самостоятельным.

Юные читатели книг о Гарри Поттере желали бы учиться вместе с ним в Гриффиндоре, не подозревая о том, что в классификации образовательных систем этот факультет получает скучное название догматической системы. Автор статьи хотел бы, чтобы Волшебная шляпа распределила ее в Когтевран, при этом сознавая, что в творческой образовательной системе называют наслаждением, то, что многим таковым не показалось бы. А зачем в школе, утверждающей высокие ценности, нужен Слизерин? Честолюбие легко превращается в амбициозность. Чтобы иметь основания для превосходства в жизни, человек должен получить в «карьерной системе» образование превосходного качества. Эффективность этой системы определяется и нравственными установками, а для этого Слизерину нужно соседствовать с Гриффиндором.

В фундаменте образования есть границы, о которых надо знать, чтобы здание было устойчивым, и, если человеку дают хорошее образование, это не значит, что оно соответствует его целям, а следовательно, не значит, что оно эффективно. Вместе с тем на протяжении жизни человек может менять свои цели. Образовательное пространство оставляет человеку простор для такой мобильности, в нем возможна миграция по различным системам, например, по маршруту догматическая-карьерная-творческая. Остановку в этом путешествии человек делает сам.

Литература

1. Ясвин В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. – М., 2001.
2. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11; Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Границы в образовательном пространстве // Философия образования, 2005, № 3; Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Две стороны эффективности образовательных систем // Образование в Сибири. 2005. № 1; Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995.

ЖИВОЕ БУДУЩЕЕ: НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. НАНОТЕХНОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Д.Х. Булатов

Калининград, Россия

1. Последние достижения в области высоких технологий, таких как молекулярная биология, нанофизика, наноэлектроника и робототехника, позволяют сделать вывод, что современное общество находится не только на пороге очередной научно-технологической революции, но и вступает в качественно иной период исторического развития.

На сегодняшний день самые большие ожидания связаны с выходом науки на операции с малыми величинами материи. Характер и механизм нового научно-технологического прорыва чаще всего определяется словом «нанотехнологии», указывающим на работу с атомными и молекулярными элементами. Манипулирование веществом на сверхмалой шкале дистанций, создание и использование искусственных структур, устройств и систем, которые в силу своих незначительных размеров обладают новыми свойствами и функциями, – эти и многие другие проблемы составляют сегодня список самых актуальных тем научных исследований и разработок.

Уже неоднократно было отмечено, что развитие нанотехнологий, наноэлектроники и молекулярно-механической автоматике – это не просто перевод информационных технологий на более совершенную элементную базу. В потенциале нанотехнологий и соположенных направлений заложено намного большее, а именно – *следующая промышленная революция*. Традиционно нововведения такого рода, например паровые двигатели, электричество, железные дороги и т.д., начинали свое развитие как весьма грубые технологии ограниченного применения, однако со временем быстро распространялись на другие сферы жизни. Следствием подобных технико-технологических внедрений всегда являлась очередная волна модернизационного процесса, при котором новая технология предоставляла новые возможности или лучшие решения, приводя к полной замене предшествующей технологии.

Как показывает история XX в., каждый этап технической модернизации общества сопровождается повышенным вниманием представителей современного искусства к материальной основе носителей художественного сообщения. В такие моменты их интерес привлекает

уже не только формальная сторона операций с цепочками означающих (скажем, конструкция или композиция образа), но, прежде всего, сам механизм функционирования информации (его физическая технология, свойства среды и т.д.) Собственно, изменение его, механизма, работы каждый раз и делало возможным появление новой «физики» информации. Все более или менее значимые этапы в истории искусства двадцатого столетия, включая наиболее яркие авангардные «прорывы», напрямую зависели от технических изменений в работе механизма передачи данных и от свойств соответствующей ему коммуникационной среды.

Перед нами возникает целый ряд вопросов. Какое место сегодня может быть отведено современному искусству в новых исторических условиях? Какую роль может играть искусство в исследованиях новой физической технологии? И, наконец, какие механизмы внедрения новых смыслов, «распакованных» в области нанотехнологий, может предложить нам современное техноориентированное искусство?

2. Перед тем как попытаться ответить на эти вопросы, проведем некоторый обобщенный анализ специфики технологий Новейшего времени. И здесь будет полезным сделать одно замечание. Все собрание наших технологий – от изготовления первобытных орудий труда до конструирования компьютеров – является не чем иным, как радикализацией и дальнейшим «наращиванием» технологических оборотов, где в качестве основного метода выступает плагиат, заимствование тактического направления, изучаемого человеком на биологических примерах. По сути, речь идет об огромном потоке процессов не совсем новых, но таких, которые бы сделали возможным копирование способностей жизни для того, чтобы создавать точно такие же, но «внежизненные» формы. Основываясь на этом замечании, а также на утверждении, что на сегодняшний день нанотехнологии достигли определенной пороговой сложности, обусловленной атомной структурой вещества (ниже господствует уже квантовая область) можно обозначить ряд принципиальных отличий традиционных технологий от технологий XXI в.

Самое главное из них сводится к тому, что мы, как правило, в своих конструктивных решениях всегда действовали методом «сверху» (с макроскопического уровня) «вниз» (на микроскопический уровень), делая все меньшими контуры и масштаб проектируемых систем. Т.е. мы, ведомые технологиями макромира, старались создавать системы из «надежных» материальных объектов, в то время как естественная эволюция демонстрирует нам конструктивные решения

прямо противоположного свойства. Строительная технология, применяемая жизнью, основывается на создании все большего из малого (по принципу «снизу-вверх»). В частности, она предполагает, что не следует слишком сильно связывать между собой сборочные элементы системы с нелинейной характеристикой, если их совокупность должна обеспечивать сохранение черт самоорганизации. Так, с разработкой сканирующего туннельного микроскопа, например, стало принципиально возможным манипулирование отдельными атомами и молекулами – их захват в одном месте и укладка в строго определенном порядке в другом. Однако сборка больших интегральных систем, основанная на такой стратегии моделирования, оказалась слишком неэффективной, поскольку эта методика изначально подразумевала необходимость настройки каждой отдельной наноструктуры.

Неслучайно, что в настоящее время большую популярность по отношению к пошаговому наноконструированию получили идеи химического синтеза наноструктур, а также их самосборки. Такие технологии привлекательны тем, что позволяют достичь высокой степени параллелизма, автоматического контроля качества и высокой производительности в таких малых пространственных масштабах, где использование технологий макромира невозможно или неэффективно. Также в рамках эволюционной парадигмы «снизу-вверх» дополнительный импульс получили и исследования в области самовоспроизводства наноструктур. Все это должно осуществляться непосредственно под управлением механизмов нанометрового масштаба в среде, содержащей строительные блоки нанометрового и субнанометрового размера.

3. Здесь мы выходим на фундаментальное отличие традиционных технологий макромира от технологий XXI в. Это отличие заключается в том, что в наших традиционных технологиях мы всегда имеем дело с тем, что обрабатывается и что обрабатывает, со строительным объектом и строителем, с операционной системой и оператором, с материалом и инструментом. Однако этой основной двойственности природные процессы не знают. Окружающая нас действительность наглядно показывает, что в природе живое само себя создает, само «строит» и формирует, само управляет и само регулирует. Это значит, что идеи так называемой «самосборки» оказываются не только возможными, но и успешно осуществляются на протяжении миллионов лет в виде более сложного процесса – самовоспроизводства. В качестве примера достаточно вспомнить механизм репликации молекул ДНК. В своих теоретических работах 50-х гг., посвященных процессу воспроизводства,

Джон фон Нейман показал, что существует некоторая пороговая сложность автомата, начиная с которой саморепликация становится возможной. Им также была высказана идея, что, начиная с некоторого более высокого уровня сложности, такой процесс возможен с нарастанием сложности создаваемых систем. Таким образом, *основная специфика «технологий третьего тысячелетия» заключается в потенциальном объединении обрабатывающего инструмента и обрабатываемого материала с целью автоматического преобразования информации в желаемую материальную систему.* Конечно, современные технологии производства наноустройств пока еще далеки от практической реализации идей самовоспроизводства, однако если земная жизнь смогла достичь до такого уровня, то нет никаких непреодолимых преград на пути, по которому человечество научилось бы внедрять подобные технологии в жизнь.

Характеризуя специфику новейших технологий, в свою очередь, надо отметить, что нанотехнологии в синтезе с другими базовыми технологиями XXI в. уже сегодня позволяют человеку искусственно осуществлять производство макровеществ, создавая искусственным путем атомы, атомарные структуры и программируя материю на атомарном уровне. Эти технологии уже по своей сути оказываются нацеленными на создание (конструирование, производство) различных типов суррогатной материи. Примерами таких категорий материи могут служить квантовые точки (квантовые капли), квантовые решетки, квантовые проволоки, нанотрубки и т.д. Подобных материальных объектов природа уже не создает. Однако *такие структуры мы называем искусственными и синтетическими не только потому, что они сотворены человеком, но в первую очередь потому, что человек получает доступ к программированию их свойств, характеристик взаимодействия и поведения.*

Очевидно, что подобный потенциал нынешней научно-технологической революции подразумевает невозможную прежде изменчивость основных цивилизационных принципов: государства и экономики, общества и культуры. Но наиболее существенным оказывается то, что сумма новейших технологий несет в себе изменение биологической стабильности самого человека, порождающей строго антропоморфное цивилизационное обеспечение. Поступательно преобразуя наномир в мир «программируемой материи», которая будет функционировать под управлением и контролем человека, творец и пользователь нанотехнологий приобретают возможность по своему усмотрению

прерывать естественно-историческую эволюцию «человека разумного» и ставить этот грандиозный процесс в жесткую зависимость от темпов и масштабов гонки в сфере наукоемких технологий. После этой революции процесс воспроизводства человечества в мире пойдет по совершенно другой траектории.

4. Хотя со времен Френсиса Бэкона и до наших дней основной задачей науки считается получение новых и новых эмпирических фактов, подобные «научные результаты» (да простит нас Бэкон) оказываются, как правило, совершенно бесполезны. Чтобы извлечь из них что-то действительно ценное – в узкоприкладном или возвышенно-духовном смысле – требуется процедура интерпретации. Обычно под «интерпретацией» понимается построение ментальных и физических моделей окружающего мира. С этих метафор, высказываний, свидетельствующих о стремлении человека овладеть моделируемыми явлениями, т.е. понять их структуру и строение, чаще всего и начинается уточнение получаемых знаний. Так, в психике людей создается прочная гуманитарная основа, которая позволяет работать с новыми сущностями, гармонизируя человека, вовлекая его в социальную и индустриальную среду, в техносферу и тем самым изменяя его жизнь. Именно в качестве таких метафор в области современного искусства сегодня появляются художественные произведения, получаемые при помощи того блока современных физических технологий, которые на сегодняшний день наиболее остро нуждаются в процедурах «гуманитарной» адаптации. И здесь самое время задаться вопросом, в какой мере технологические метафоры художников отличаются от научных моделей? Или, другими словами, каким образом, посредством каких стратегий современные художники обеспечивают себе присутствие на новых технологических территориях?

Как известно, наука в своих высказываниях интерпретирует *логические закономерности в природе*. Это значит, что, оперируя физическим пространством и временем, техническими посредниками и материальными носителями, т.е. образуя «техносферу», наука всегда сосредоточивается на построении *работоспособных моделей*. Естественно, что при таком способе интерпретации конструкция этих моделей будет продиктована им извне их научной целесообразностью и теми технологическими средствами, которые направлены на реализацию этой функции. Все бы ничего – таким путем действительно можно получить прекрасное приближение к истине, построить великолепные по красоте и полезности модели – если бы научная система не претендовала тем

самым на абсолютность, на то, что логическими закономерностями окружающий мир и человека можно и должно исчерпать.

Заметим, что подобная цель науки выводится из более чем проблематичной предпосылки. Это так называемая «идея разума», которая заключается в том, что любое событие якобы вытекает из некоего плана, проекта или программы. В самом деле, провозглашая сегодня новые направления в наноисследованиях, формируя в них программы и проекты, энтузиасты нанотехнологий стремятся возвестить и установить новое, программируемое будущее в соответствии с некими строгими правилами. Предполагается, что, следуя этим правилам, например, поставив под жесткий контроль каждый следующий шаг в разработке репликаторов или подвергнув тщательному тестированию появление новых материалов, улучшенных с помощью нанотехнологий – т.е. благодаря такому предопределенному и управляемому продуцированию, мы без проблем репродуцируем себя в будущее. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что упомянутой идее разума соответствует нечто совершенно иное, нежели «программирование» такого рода – а именно понимание того, что все вещи меняются во времени и никогда не функционируют по заранее намеченному плану. Если мы и вынуждены говорить о некой «идее разума», то она, скорее всего, такова: все ныне ожидаемые выгоды воплотятся с неожиданным реверсом, а все выстроенные планы на будущее потерпят неизбежный крах.

5. Подобная алармистская риторика сегодня свойственна целому ряду художественных стратегий, благодаря которым современное искусство утверждает свой статус в новых медийных областях. Эти стратегии, исходя из основных направлений их воздействия, можно обозначить как стратегии «дестабилизации» и стратегии «избытка». Несмотря на все стилистические различия, существующие между ними, их главная характеристика остается общей и неизменной. Она звучит следующим образом: *любая альтернатива научному моделированию и порождаемое этой альтернативой искусство не столько подтверждает технологические версии современности, сколько оговаривает их границы.*

Другими словами, эти стратегии подразумевают перенос акцента художественной деятельности с производства, скажем, тех или иных объектов наномасштаба (чем, собственно, занимается нанонаука и нанотехнологии) на исследование *условий порождения* произведений nanoискусства, т.е. на исследование нового медиального пространства. В частности, на тот момент, когда новый медиальный носитель теряет

свою утилитарную функцию, придающую ему действительную целесообразность и «прогрессивистскую» убедительность. В результате такого подхода нанотехнологическое произведение и соответствующая ему технология должны вначале потерпеть неудачу, чтобы затем быть эстетизированными, должны утратить практическую ценность, чтобы в дальнейшем получить ценность художественную. Таким образом, под стратегиями «избытка» и «дестабилизации» нами понимаются такие виды художественной деятельности в области нанотехнологий, которые, будучи направлены на сознательное программирование «неуспеха» и «поражения» в проекте, имеют своей целью тестирование нового физического носителя информации в различных нефункциональных режимах. В тех режимах, в которых по определению не может себе позволить работать нанонаука в силу ее изначальной ориентированности на функциональность и целесообразность.

На первый взгляд может показаться, что подобные стратегии могут носить лишь сугубо негативный и критический характер, а основанные на них проекты явятся пустой тратой времени и денег. Однако такое суждение упускает фундаментальную роль неясностей в исследованиях каждого нового носителя информации – ведь, по сути, не существует никакой возможности узнать, какие именно свойства этого носителя окажутся в дальнейшем наиболее востребованными или в какой области человеческой деятельности они смогут найти свое применение. Одно из достоинств этого вида художественного инжиниринга – мы называем его «предупредительным» инжинирингом – заключается в том, что, сталкиваясь со множеством неочевидностей по применению новых технических возможностей, он может стимулировать исследования по множеству направлений. Это свойство особенно ценно сегодня, на ранней стадии развития нанотехнологий, когда неопределенности и непредсказуемости больше всего и когда требуется поощрять разные точки зрения, без которых существование как науки, так и искусства попросту невозможно.

6. Становление нового физического носителя художественного сообщения обуславливается не только взаимной циркуляцией смыслов через границы, очерченные стратегиями «дестабилизации» медиа или его «избытка». Современное искусство исходит из предпосылки, что новое медиальное явление конструируется художником принципиально как новообразование, т.е. предполагается, что в результате его деятельности возникает реальность *с усложненной структурой пространства решений* (противоречий, связей и отношений).

Только при этом условии – усложнении связей и противоречий между элементами самой медиальной среды – можно говорить об инновационности или активном развитии нового медиального носителя.

На территории современного искусства процесс «от исследования к становлению» нового медиума обеспечивается т.н. стратегиями «коэволюции», которые являются комплексной формой научно-художественного творчества, сочетающей в себе не только интерпретационную, но и конструктивную деятельность. Чтобы выяснить, в чем заключается суть стратегий «коэволюционного» развития в области нанотехнологий, воспользуемся понятием *метабола*. Под *метаболой* [греч. *metabole* – переменна, превращение] нами понимается такой тип организации физического носителя информации, который отражает уплотнение качественных и количественных характеристик неорганической конструкции за счет активации, моделирования или учета влияния метаболических процессов. На сегодняшний день среди примеров подобных метабол, сочетающих в себе гибридные свойства кремниевого мира и биологических систем, можно назвать наномоторы, бактериальные двигатели, квантовые биосенсоры, ДНК-переключатели и т.д.

В биологии под метаболическими процессами, как известно, подразумевается обмен веществом, энергией и информацией. Когда мы отмечаем, что главным системным требованием nanoискусства является *структурное уплотнение неорганической материи*, мы тем самым говорим о *необходимости становления различных форм неживого* за счет обеспечения медиального носителя свойствами роста, изменчивости, автосохранения и репродуктивности. Все эти качества метабол помогают нам перейти от наблюдения дискретных объектов в дискретном пространстве к описанию материализованных динамических систем в пространстве отношений. Другими словами, речь идет об осмыслении феномена существования новой медиальной среды «на грани хаоса», двойственности и колебания, при создании посредством метаболических процессов связей и отношений, образующих единство неживого в сборке. Основным исследуемым медиумом здесь является неорганическая жизнь, а основным изучаемым вопросом – высвобождение времени существования художественного сообщения за счет интереса к кодированию, преобразованию и изменению самого носителя этого сообщения.

Очевидно, что на уровне «нано» мы уже не можем быть уверены в корректности деления процессов на естественные и искусственные.

В этом режиме органическое сливается с неорганическим, а материальное с нематериальным, выявляя при этом свой *технобиологический* или *постбиологический* характер. Поэтому введением понятия метаболы – т.е. метаболизации не-живого, превратимости при сохранении раздельности, интеграции на основе дифференциации – мы намеренно акцентируем существующие соотношения неопределенности и тем самым выстраиваем методологию художественных исследований в терминах вероятностей. Именно так и может быть тематизирован новый художественный носитель, полученный при помощи развитых технологий, ничего общего с процессами жизни не имеющих за исключением того, что они – эти технологии – появились из методов, которыми пользуется сама жизнь.

7. Вероятностный подход в исследованиях территорий, различающихся и в то же время спаянных воедино проблематикой неорганической жизни, требует постановки мыслительных процессов, находящихся вне дихотомии единого/множественного, биологичности/технологичности и т.д. В этом смысле нам еще предстоит научиться воспринимать новый медиальный носитель информации «текуче». Это значит, что через призму метабол, технобиологических креатур, занимающих промежуточное место в классификации творений биологической и абиологической природы, различия между подлинностью и поддельностью, реальностью и виртуальностью теперь будут носить *характер временных распределений* и зависеть только от нас.

Подобный «импульсный» тип существования нового медиума подразумевает собой многомерность и междисциплинарность художественных подходов в его исследованиях, которые ранее, в контексте предыдущих этапов истории искусства, были попросту невозможны. Перечислим некоторые из них:

а) Взаимодействие с *живым как техническим* (вариативность) позволяет существенно увеличивать эволюционную скорость метабол за счет информационного отбора, предписывающего документирование информации о самовоспроизводстве с последующим ее превращением в программу. Здесь надо отметить особую роль, которая отводится исследованиям документа как важнейшей характеристики технической составляющей метаболы. Ведь именно документ позволяет тиражировать технобиологические креатуры как вид, задавая связь между единичной метаболой и технической документацией. «Коэволюционная» эффективность такого подхода сегодня хорошо иллюстрируется научными изысканиями, проводимыми на основе симбиоза органики

и синтетики. Однако на фоне впечатляющих достижений в этой области, искусству еще предстоит ответить на вопрос: «какого рода отношения исключаются или будут исключены при дальнейшем воплощении этой концепции смежности?»

б) Работа с *техническим как с живым* (жизнеподобие). В последнее время изучение жизнеподобия в области нанотехнологий все прочнее связывается с дисперсионным моделированием. В этом случае исследование нового медиального носителя переносится с уровня дискретного нанообъекта на феномен *аморфной, но «скоординированной» материи*. Природа являет нам образцы подобной самоорганизации на примерах т.н. роевых насекомых или групп животных (стаи, стада), обладающих эффектом распределенного знания. И если здесь для нанонауки главной задачей остаются вопросы операционного принуждения при кодировании подобного знания, при осуществлении распределенного контроля и т.д., то искусство скорее озабочено операционными парадоксами – нечеткостью заданных кодировок, анонимностью и бесконтрольностью самой «контролирующей» инстанции.

в) Наконец, *интерпретационная работа* (причастность) заключается во встраивании технобиологической сущности в определенную социальную конструкцию. По сути, перед наукой и искусством ставится задача синхронизации систем с разными временами. Дело в том, что этап социализации технобиологических креатур можно определить как меру появления инноваций в системе (понятие термодинамического времени по И. Пригожину). Такое время является синонимом движения, развития и возникновения чего бы то ни было нового. Это время неизменно приходит в противоречие с временем физическим, временем, которому Дж. Уилер дал следующее определение: «Физика вводит время так, чтобы движение выглядело максимально простым». Эти два времени – термодинамическое (инновационное) и механическое (календарное) – не эквивалентны и чрезвычайно тяжело синхронизируемы. Сегодня мы не знаем, как именно проявится борьба между ними, но можем с уверенностью сказать, что в целом объединенная система окажется аварийной: времена не могут уживаться вместе.

8. Таким образом, конструирование нового медиального явления приводит нас к более общей проблеме включения «распакованных» исследователем смыслов в общественную жизнь. Другими словами, речь идет об *институционализации нового*, а на этом этапе уже важнее не столько появление инноваций, сколько создание механизмов вписывания инноваций в существующие институты. Какие же механизмы

такой институционализации может предложить нам современное техноориентированное искусство? Я бы хотел остановиться на двух примерах.

Первый – использует динамику положительной связи системы «science art». Если мы считаем, что искусство и наука неразрывно связаны между собой, мы получаем возможность создания некоего «двухтактного» механизма – института, в котором одна часть отвечает за развитие физических технологий, а другая – за работу с субъективными смыслами. При этом они непрерывно взаимодействуют, и хотя порой это взаимодействие может казаться конфликтом, существование и того, и другого взаимнообусловлено. На уровне сложных систем это выглядит как объединение научной лаборатории и художественного центра – явления, достаточно распространенного на сегодняшний день в современном искусстве. На более простом уровне мы имеем идею «пар», творческих тандемов и групп, в которых наравне со связкой «наука-искусство» также отрабатывается связь «традиция-инновация». В принципе неважно, кто именно (художник или ученый) в такой системе отвечает за инновации, а кто – за связь с традицией. Важно, что если в результате своей деятельности эта пара способствует вызреванию в нас представлений о том, *что мир когда-то был иным и в принципе мог бы стать совершенно другим*, то она начинает движение, сопровождаемое вписыванием инноваций в общество.

Другой пример, который основывается на энергии отрицания, но не является отрицанием представлений о развитии, – это *прямая* либо *информационная* диверсия. Подобный механизм внедрения инновации свойственен представителям sci-art активизма. Сам по себе активизм – неинституциональное явление, так как продуцируемая им культурная политика формируется и осуществляется в самоорганизованных микросоюзах и группах. Однако по сути оказываемого им воздействия на общественную систему – это один из самых эффективных механизмов внедрения инновации. Если sci-art художники в своих практиках ставят под вопрос принцип существования конкретной реальности, то sci-art активисты покушаются на принцип реальности, поддерживаемый конкретной господствующей системой. А это, как известно, представляет для данной системы серьезное нарушение, которое может заставить ее идти навстречу самым неожиданным инновациям. Заметим, что *прямая* либо *информационная* диверсия также являет собой «двухтактный» механизм (как и в первом примере), но механизм, разделенный уже в политико-экономическом пространстве.

9. На протяжении всего Новейшего времени технологии являлись допущением, подавленным как объект внимания на фоне тех или иных социальных процессов. Однако с системной точки зрения это неоправданно, ведь структурность социально-экономических формаций меньше, нежели структурность цивилизационных фаз, например индустриальной или постиндустриальной. А именно последние взыскуют появления «особого» человека, способного жить в новом «человеческом муравейнике» (Т. Лири) и взаимодействовать с новыми машинами и технологиями. В итоге «мы имеем только целиком технологические условия» (М. Хайдеггер), и эта формулировка сама по себе достаточна, чтобы развеять миф о «нейтральности» технологий.

Одним из основных понятий нашей культуры является свобода, что подразумевает движение, изменение и развитие. Наша культура – прежде всего, быстро меняющаяся культура. Тем самым все ее структуры и механизмы зависят от времени, и во всем укладе нашей жизни постоянным является лишь изменение. По динамическим характеристикам ничто – ни государство и закон, ни вложенные требования «справедливости» и «равенства» – не может сравниться со свободой. Государство и закон (как они понимались всегда и понимаются сейчас) стабильны: механизм их изменения сложен и крайне медлителен. Другими словами они регулируют лишь статические аспекты взаимосвязей в обществе. А свобода – процесс динамический, и уже этим фактом она отрицает неизменность государства и права.

Единственное, что сравнимо по своей динамике со скоростью социальных трансформаций в наши дни, – это развитие технологий. Мало того, сегодня можно утверждать, что технологический прогресс является более мощной силой, нежели те или иные изменения социального характера, и поэтому более всего угрожает свободе человека. Причина кроется в самой сути современных технологий, представляющих собой объединенную систему, в которой все составные «за» и «против» зависят друг от друга. В этой «объединенности» заключается весь парадокс технологий: они одновременно являются и революцией причин, и революцией следствий. Это всегда территория двойного ускорения, ибо то, что заставляет выбирать, очень быстро удваивает самое себя за счет позволения выбирать. Неоднократно озвученный в философии и социологии XX в., основной закон технологий гласит: *несмотря на то, что каждый новый шаг прогресса, рассматриваемый отдельно, кажется желательным, технологический процесс в целом – непрерывно сужает нашу сферу свободы.* Таким образом, представление прогресса

как выбора между старым и новым, который делает сам человек в результате взаимодействия поступка и сомнения (что составляет собой суть свободы развития), не подразумевает, что этот шаг в будущем останется добровольным.

Каждая новая технология всегда изменяет общество так, чтобы приспособить людей к требованиям самой технологической системы, а не удовлетворить их потребности. Поэтому главной задачей Художника, работающего в области нанотехнологий – на территории невиданных возможностей, которые являет нам неорганическая жизнь, – я полагаю, конструирование живого будущего (т.е. наделяющего человека свободой), а не мертвого, механического будущего, которое строится и без нашего участия.

**БИОЭТИКА
И БИОМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

ПРОБЛЕМЫ СОМАТИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

А.Н. Быстрова, А.А. Кучинский

Новосибирск, Россия

Знаковым обстоятельством настоящего времени можно назвать то обстоятельство, что в большинстве своем современные философы постепенно сместили круг научных интересов с вопросов онтологии, гносеологии в сферу социально-антропологическую. Противоречие между человеческими достижениями в сфере развития техники и разной степени сложности технологий было отмечено еще в 50-е гг. XX в. Вопрос о том, что такое человек, начал снова занимать страницы литературных, публицистических, философских произведений, его в своей форме исследовали искусство, а вместе с ним и эстетические и этические теории.

От аристотелева определения человека как социального животного и до выработанного Фроммом и его сподвижниками понимания человека как биосоциокультурного существа произошли изменения скорее количественного, чем качественного свойства. Два с лишним тысячелетия, отделяющих одно понимание человека от другого, не добавили к нему ничего, кроме признания в качестве одного из интегрирующих аспектов культурной компоненты. Европейская анализирующая мысль вычленила в человеке две его составляющих: биологическое и социальное начало, центральную дихотомию человека, без которой осмысление судеб человечества становится невозможным. Эта дихотомия вобрала в себя не только ставшие общим местом любого рассуждения о человеке размышления о бренности материального и вечности духовного, но и все более интересующие научное сообщество вопросы ансамбля телесного и культурного.

Человек рождается в мир вполне сконструированным для осуществления своего родового предназначения, за исключением тех случаев, которые представляют собой какую-либо патологию. Природная конструкция человека остается основой для осуществления возможностей как соматического, так и духовного развития. Следовательно, все аспекты его дальнейшего конструирования на протяжении жизни касаются исключительно раскрытия и реализации этих возможностей.

Такого рода осуществление человека в мире всегда связано с различного рода адаптационными процессами: на ранних этапах развития общества преимущественно в природной среде, а позднее – в социальной

сфере, включающей в себя диалог с природой, осуществляющийся все более и более опосредованно по мере развития науки и техники. На каждом этапе своего родового развития человек вынужден в процессе адаптации разрывать (размыкать) границы самого себя и среды, в результате чего происходит сложное и необратимое взаимодействие и взаимопроникновение всех участвующих в этом взаимодействии сред. Таким образом, человек не остается внешним для окружающих его систем – он сам является частью этой системы, видоизменяя каждый раз не только поле её возможных состояний, но и непредсказуемо и, повторим, необратимо меняя самого себя.

Однако в прошлом веке наиболее актуальной была проблема конструирования не столько человека, сколько будущего. На этот аспект обращали внимание не только профессионалы, но и политические режимы и идеологии, мыслящая интеллигенция. Чаще всего создавались экстраполяционные построения, поскольку исследования вероятностных процессов еще только становились одним из методов познания. При этом практически все рассуждения на заданную тему касались построения социума, проблем развития техники, расширения процессов пространственного освоения природы. Относительно человека речь шла преимущественно в плане выяснении его места в социуме и в системе «человек – техника». Обсуждая вопросы техногенного будущего, многие рассуждения вплотную подошли к проблеме дихотомии самого человека, его двойственности психофизического, духовно-соматического характера.

Нельзя сказать, что этот аспект познания человека был чем-то совершенно новым. Еще древнегреческая традиция связывала телесность с духовным началом, делая второе зависящим от первого. Становление христианства надолго разорвало эту гармонию, обратив внимание на духовную составляющую человека, с одной стороны, а с другой – автоматически отвергнув именно телесное начало, отбросив его как нечто низменное, плотское, профаническое. Телесное как «сосуд соблазнов» увлекало человека в геенну, делая его только тварью, способной лишь постольку подняться над земным, поскольку она оказывалась в состоянии это земное и отвергнуть. Бесконечные попытки «умерщвления плоти» могли говорить как об искреннем желании избавиться от помехи на пути к святости, так и о том, что телесное вместе со всеми своими желаниями слишком сильно и неистребимо.

Даже эпоха Возрождения, прилагавшая максимум усилий для реабилитации телесного, не преодолела названной дихотомии, она лишь

переставила акценты. Богоподобный человек античности сменил бого-равного человека Ренессанса. Однако равенство человека Богу осталось лишь в сфере креативного, поскольку рассуждения о телесности Бога считались еретическими даже для той сравнительно вольной эпохи. Это не мешало в живописи и скульптуре придать библейским сценам все телесные черты земного. Правда, это было не профаническое земное – оно обладало гармонией, несло в себе не только прекрасное, но часто возвышенное либо героическое начало. Впоследствии «прочтение» человека шло путем все большего углубления любой сферы его духовности: разумности, чувственности, свободы, мятежности, талантливости. Одной из мощнейших мифологем было представление о всесильности человека, о его центральном, главном, доминирующем месте в мире. Столь всесильным и доминирующим его делал исключительно разум, т.е. опять-таки духовная сторона, что и заставляло не просто абсолютизировать её, но и отделить от телесности и сделать самодовлеющей. При этом постоянно отметалось как второстепенное и малозначимое то обстоятельство, что собственно духовность обретает в телесной оболочке, как бы немощна последняя ни была. Философскую мысль (и даже её!) завораживало то обстоятельство, что духовное начало переживает брэнную оболочку, обладая особой формой долговечности.

Однако, принимая духовность в качестве системообразующего начала человека, практически любая культура закрепляет её проявления в нормативном образе физического облика человека, зависящего и во многом производного «от присущей той или иной культуре концепции человека» [1, с. 136]. Так, к примеру, одежда, лицо, причёска, обувь, различные аксессуары содержат в себе достаточно полную социальную характеристику человека. Следовательно, духовное начало оформляется также и соматически. «Соблюдение кодекса принятого, ожидаемого в телесных проявлениях человека является существенным результатом и проявлением его социализированности» [1, с. 139]. Такого рода кодексы включали в себя не только образцы моды, но и манеры поведения, особого рода кинезику, мимику, пантомимику, связанные с образом жизни социального слоя, этноса, эпохи.

Однако если в прошлом соматические характеристики выступали также и как специфическая знаковая система, укрепленная в соответствующем социуме, то современность отводит и телесности, и духовности субъекта все более технократические, производственные функции, разрушая тем самым и телесные, и духовные начала в человеке. Люди-функции безлики уже по определению, они, как сказал поэт, – «люди

едва уловимой наружности». Эта функциональность человеческой телесности на протяжении XX в. обрела различные модификации, продемонстрировавшие, кстати, сложные степени зависимости от социального заказа, с одной стороны, и от общекультурной традиции – с другой. Так, к примеру, культ физической силы, охвативший преимущественно европейский регион, не исключая и отечественной территории, совершенно естественным образом подготовил определенную устремленность к силовым же формам решения разного рода проблем от экономических до политических. Вспомним знаменитый лозунг советских физкультурников: «Готов к труду и обороне». Явно, что речь здесь идет не о гармонии человека, а о социальном заказе.

Потребности социума и производства все больше стирали внешние различия гендерного типа, уравнивая оба пола в профессиональном и физическом аспектах, в одежде и манерах настолько, что вызвали минимум две резко противоположных тенденции. Во-первых, произошло стирание различий в поведении, манерах, речи, эмоциональной сфере между полами (и даже некий обмен поведенческими стереотипами: мужчины становились все женственнее, женщинам же пришлось становиться все мужественнее). Во-вторых, в качестве контрастного или даже протестного отношения к этому обстоятельству одновременно выстроилось гипертрофированное внимание к вопросам сексуального характера. Следом за тем вопросы межполового поведения предельно прагматизировались: любовь стала не столько аффектом, эмоцией, состоянием души, сколько «занятием», из известных трех влечений оставившим для себя лишь влечение тел. А это обстоятельство в значительной степени обеднило духовную жизнь обществ, переживающих описанные процессы. Во всяком случае, большинство тех, кто размышляет над подобными явлениями, констатируют резкое возрастание агрессии и напряженности в отношениях между людьми, возрастами, полами и т.д. как следствие обеднения духовной сферы общества в целом и каждого его члена в отдельности. Как показывает история, ситуация, в которой особую актуальность приобретает физическое развитие человека с ориентацией на силовые виды спорта, часто предшествует военным событиям. Вспомним настоящий бум в спортивной жизни большинства стран мира, оказавшихся среди участников двух мировых войн. Вспомним также, что находящиеся в состоянии перманентной войны греческие полисы были буквально пронизаны культом физической силы. Другое дело – они при этом не только не исключали духовной сферы человека,

но и предполагали её имманентно и гармонично вписанной в систему телесности.

Современность же с преобладающей в ней рыночной ориентацией делает телесность неким товаром, от высокой оценки которого зависит определенное положение в обществе. Так обстоит дело не только в шоу-бизнесе, для которого такое положение вещей было бы естественным и не только в спортивной карьере, где от развития тех или иных физических способностей зависит успешность реализации спортсмена. Разнообразные возможности совершенствования собственной телесности рождают своего рода «иллюзию свободы», имеющую преимущественно биологическую направленность. Такого рода «свобода» автоматически перерастает в произвол, реализующий себя «с позиции силы», что отменяет любую ответственность как перед собой, так и перед социумом. В середине прошлого века, анализируя кризис техногенного общества Ежи Станислав Лем замечал: «Биологический вид не ведает, что творит... Не он собою руководит: его ведет Эволюция, швыряющая гекатомбы особей на решето Естественного Отбора» [2, с. 122]. Польский фантаст и мыслитель отмечает, что человек, выживающий лишь как биологический тип, не демонстрирует разумной, осознанной деятельности, запланированной и управляемой автоэволюции в условиях цивилизации, «способной часа за два уничтожить всю биосферу планеты».

Вряд ли можно предполагать, что некие искусственные меры могут вернуть современному человеку утраченную гармонию. Развитие общества слишком плотно привязано к тем экономическим и политическим процессам, которые обладают статусом объективных и вырабатывают совершенно определенные идеалы и совершенно иные нормативы, касающиеся человеческой духовности и телесности.

Таким образом, преимущественное внимание к различным формам достижения телесного совершенства, преимущественное развитие соматического начала так же, как бесконечные разговоры о гигиене, диете, здоровом образе жизни при всей их несомненной полезности приводят только к ущемлению вопросов духовного развития. Вряд ли может сделать современного человека вполне человеком спартанское «*Men sana in corpora sana*» поскольку автоматически и сам по себе «здоровый дух» в самом здоровом теле ни возникнуть, ни развиться не может. Европейская традиция не продемонстрировала на протяжении всего своего развития ни одной сколько-нибудь полной системы развития, совершенствования и осуществления человека как существа духовного.

Наиболее полные образцы духовного конструирования человека в истории культуры можно найти, пожалуй, лишь в конфуцианской системе, ставшей одной из первых систем, в которой, во всяком случае, была предпринята попытка духовного сотворения и пересотворения человека, обладающего как самоценностью, так и социальной ценностью, человека, несущего в себе упорядочивающую функцию.

Проблема формирования такого человека, который бы соответствовал целям общества на определенном этапе его развития, всегда стояла в центре политических, экономических социальных и прочих интересов. Эта проблема постоянно оформлялась идеологически: через систему идеалов, норм, правил поведения, религию, искусство, образование. Последнее каждый раз выступало в специфической двойственности: как инструмент сохранения и передачи традиции, с одной стороны, и как способ обновления, развития, раскрытия заложенного в традиции потенциала – с другой. Каждая из этих возможностей системы образования использовалась обществом в зависимости от его интересов и целей. Так, в периоды резкого роста технического прогресса возрастало и устремление к выращиванию кадров, которые были бы в состоянии этот технический прогресс обслуживать и пролонгировать, в периоды социального и промышленного спада возрастает интерес к поддержанию традиции. Однако в сфере социально-политической жизни обычно происходит встречный процесс. Длительное затишье и неподвижность социальной жизни чаще всего пробуждают желание перемен, поиск новых путей и, как следствие, активность разного рода «возмутителей спокойствия». Бурный период социальных изменений, «смутные» времена, потрясения социального, политического или экономического характера возбуждают интерес к традиции, к упорядочению и гармонизации жизни, улучшению нравов.

Именно такой период истории Китая вызвал к жизни в V в. до н.э. конфуцианство вместе с его стремлением упорядочить жизнь погрязших в войнах, разделе и присвоении соседних земель княжеств. Убежденный, что владетельные князья забыли высокие принципы, которыми руководствовались древние правители, Конфуций поставил себе целью воскресить эти принципы. Он разработал целую систему морально-этических принципов: почитание предков и особенно родителей, человеколюбие, и, прежде всего, любовь к родственникам; уважение к старшим и подчинение им; стремление к внутреннему совершенствованию и т.д. Все это, с точки зрения китайского мудреца, достигается при посредстве обращения к традиции, причем важным

является не безоглядное повторение и не простое воспроизведение традиции – это должен быть поиск совпадения древности с реальностью, способ отыскания в новом традиционного и в традиционном – новой реальности.

Возникнув как этико-политическое учение, конфуцианство стало одним из важнейших педагогических учений, предлагавшее через обучение, воспроизведение традиции, преодоление собственных слабостей прийти к установлению гармонии не только во внутреннем мире ученика или учителя, но и в мире в целом. Учитель Кун считал, что через постоянное самопреодоление (*кэцзы*), составляющее сущность воспитания, можно не только восстановить утраченную гармонию Земли и Неба, осуществляемую через человека, как связующего звена, но и обрести способность к раскрытию глубочайших смыслов и связей традиции с современностью. В этой связи педагогика конфуцианства не предполагает передачи некоей информации от учителя к ученику, – она становится школой выращивания в себе образа учителя, поэтому ученик, обозначаемый иероглифом *ту*, понимается как *тот, кто идет следом*. Учитель же остается нравственным ориентиром, носителем и выразителем традиции, он предлагает размышлять над примерами его собственной жизни и жизни великих образцов древности: «Учиться и не размышлять – напрасная трата времени, размышлять и не учиться – губительно», – говорит Конфуций [3]. Так впервые в истории педагогической мысли оказались связанными воедино обучение и воспитание, носящие сугубо прикладной, этико-политический характер. Воспитание предполагало не обучение канонам, а выработку способности следовать законам Неба, понимая свое место в мире и действуя согласно занимаемому общественному положению, постоянно преодолевая себя, подчиняя себе собственные страсти и импульсы.

Средствами этого педагогического процесса, основными понятиями конфуцианской теории и одновременно чертами, определяющими «благородного мужа», *цзюньцзы*, всегда были известные качества, выражающие связь с традициями древности: человеколюбие (*жэнь*), долг (*и*), нормы поведения (*ли*), знание (*чжи*), верность (*синь*). В текстах, посвященных раскрытию сущности такого идеального человека, подчеркивалось, что антипод *цзюньцзы*, «маленький человек», или «ничемный человек», повинуетя собственным страстям, а не законам Неба, «благородный муж» требователен, взыскателен к себе, тогда как «мелкий человек» взыскателен к другим. Взыскательность к себе лежит в основании «*синь шу*» (что можно перевести как «техника сердца»),

человечность и искренность связаны с этим понятием и обеспечивают доверие, искренность и радушие между людьми.

В качестве основных общих положений конфуцианской педагогической традиции можно выделить следующее:

1. Понятие «знание» – это представление о соответствующем действии. Знание какой-либо ситуации предполагает ее описание и предписание к определенному действию.
2. Критерием правильности долженствования, вмонтированного в каркас знания, являются традиционные нормы (писанные и неписанные).
3. Два других элемента гносеологического отношения, его субъект и объект, чтобы вступить в таковое, должны быть строгим образом морально квалифицированы.
4. Познание истолковывается как функция бытия, а всякое знание – как модус его добродетели.
5. Совершенная личность (древние совершенномудрые) постулируются как морально, а следовательно, и гносеологически конституирующий фактор.
6. Уровень интеллектуальности пропорционален не количеству, а качеству знания.
7. Предметная область морального знания охватывает всю объективную действительность.

Таким образом, конфуцианская система конструирования человека, способного не только самореализоваться в обществе, но и повлиять на него в качестве упорядочивающего, гармонизирующего начала, охватывала такие формы жизнедеятельности, которые являются актуальными для любой эпохи. В этом, скорее всего, заключается причина жизнеспособности самой концепции и интерес к ней как в Китае, так и за его пределами. Конфуций создал систему, в которой есть место и для самосовершенствования, и для обучения, и для воспитания, и для любого вида служения. Поэтому *цзюньцзы* может реализовывать себя и как отшельник-мудрец, и как воин, и как чиновник, и даже как правитель. Он должен обладать умением делать все, демонстрируя абсолютное мастерство. И в таком умении он осуществляет связь эпох, измеряет «себя делами прошлого».

Без сомнения, этот образец, сохраняя в себе традиции прошлого, несет вместе с этим и осуществление национальной самости для современного Китая, стремящегося обрести свое место в мировом процессе. Так же, как и в период капиталистического становления Европы

протестантская этика сделала закон честного бизнеса частью христианского способа осуществления человека в его земном пути, так же образ «конфуцианского бизнесмена» становится в современном профессиональном образовании в Китае целью обучения и воспитания.

В одной из первых максим единственного памятника конфуцианства «Луньей» говорится: «Не радостно ли учиться и постоянно добиваться совершенства?» А в следующем высказывании заложен и некий ответ: «...Благородный муж заботится о корне; когда заложен корень, то рождается и путь, сыновняя почтительность и послушание старшим – не в них ли коренится человечность?» Этот призыв может быть воспринят как путь не только для выхода Китая на мировой социально-экономический уровень, но и для преодоления техногенного кризиса современной цивилизации, возвращения человеку его человеческого начала.

Литература

1. Быховская И.М. «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени. М., 1997.
2. Лем С. Сумма технологии. М.; СПб., 2004.
3. Все тексты Конфуция даны по изданию: Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2006.

ЭТИКА ДОЛГА И БИОЭТИКА: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О.А. Донских

Новосибирск, Россия

Появление биоэтики – это, с моей точки зрения, определенный симптом огромной важности. Он указывает на то, что европейское общество переживает критический период в своей истории. Симптом такого же уровня, как новое искусство, которое, раскалывая поколения, указывает на хаос в области ценностных ориентиров. Эту ситуацию Х. Ортега-и-Гассет характеризует так: «В подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышущимся вокруг индивида, шаги которого тоже делаются неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета. Сам путь, словно ускользая из-под ног приобретает зыбкую неопределенность» [1]. Современный период примерно соответствует ситуации «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), когда в связи с переходом от коллективного

сознания к индивидуальному обычное право начало не просто сменяться письменно фиксированным правом, но когда это записываемое право стало делом граждан, а не государства с деспотом во главе. Длительное историческое время религия вместе с обычным правом полностью определяла поведение человека. Даже когда с появлением первых государств обычное право начинает заменяться писаными законами. Слишком сильны еще общинные институты, и коллективное сознание продолжает безраздельно господствовать. Закон определяет только отношения с государством, но отдельные семьи и роды еще живут на основе обычного права и ритуальной религии. Но в определенных ситуациях возникает осознанное расхождение между обычным правом и правом, устанавливаемым государством. Этика появляется в данном зазоре, потому что для рождения и воспитания морального сознания необходима ситуация выбора и, соответственно, свобода. В свою очередь, ситуация выбора есть феномен сознания, предполагающего наличие выбора и принимающего свободу. И очевидно, что рождение такого предположения сознания возможно лишь в момент ломки существующих механизмов регуляции отношений между людьми: обычное право не могло осуществлять регуляцию складывающихся отношений, а государство было не готово взять это на себя.

Итак, этика рождается в тот период, когда появляется зазор между законом, который начинает проникать в общество до отдельного индивида, и идеей справедливости. Закон, хотя и утверждаемый Богом, перестает совпадать с идеей блага. В зазор между имеющимся политическим законом и природными законами Космоса («Неба» в китайской традиции) тут же проникает философия с ее различием между установленным «по природе» (*physei*) и «по установлению» (*nomoi*). Благо (законы Космоса) оказывается надо всем сущим. И над законом, и над моралью. Так, например, трактует ситуацию Платон: Демиург создает все существующее по идеальным образцам. Они, первообразы, живут и в вещах и в душах. Государство строится на основе принятых законов, которые со временем утратили свою первоначальную божественность. При этом, однако, можно признавать верховенство закона над справедливостью, а ощущение несправедливости гасится сознанием верховенства государства над индивидом. В каждом отдельном человеке – субъекте этических отношений – гражданин стоит выше личности. Интересы государства (полиса) – это интересы гражданина, но не отдельного индивида. Отсюда господство моральных учений стоиков. Хотя одно время эпикурейцы с ними и соперничали.

Этика изначально появляется в двух формах – в форме этики долга (ее в данном случае можно отождествить с этикой святости) и в форме этики утилитарной (она примерно соответствует и этике меры). Этика долга – следование законам государства (если учесть размеры полиса, лучше здесь подходит слово «община» как выражение целостности данного политического образования), и Сократ исполняет свой долг, когда принимает чашу с ядом, поскольку, как он сам это обосновывает, от общины нужно принимать и хорошее, и плохое. Этика утилитарная, в противоположность этике долга, – частная. Главный критерий ее – благодушие, эвтюмия. Благодушие именно как благое состояние души. Забота о благодушии (или «атараксии» – невозмутимости души) ведет к позиции Эпикура с его «Проживи незаметно».

Расхождение между разными этическими позициями осознавалось, в частности, в рамках отмеченной противоположности между «по природе» – «по установлению». Есть явное расхождение между законами, установленными людьми, и божественными законами, данными от природы. Когда греческие полисы обращались к Дельфийскому оракулу за одобрением своих законов, они пытались это противоречие устранить. Одобрение Аполлона снимало ответственность народного собрания и, соответственно, каждого гражданина как участника решения. Но уже сам факт наличия такого противоречия в сознании гражданина очевиден. В то же время осознавалось это противоречие в двух названных традициях по-разному. У стоиков и эпикурейцев это проявлялось следующим образом.

Поскольку эпикурейцы сознательно устранились от общественной жизни, предпочитая спокойствие Сада волнениям агоры, противоположность между «природным» и «установленным» понималась как противоположность между стремлением к удовольствию и справедливостью, понимавшейся в форме правильного соотношения удовольствия и страдания. В письме к Менекею Эпикур пишет, что «удовольствие есть первое и прирожденное нам благо...» [2]. Но бездумная устремленность к удовольствию не может быть целью жизни, потому что необходимо соблюдать такой баланс удовольствия и страдания, который позволит иметь максимум удовольствия. Поскольку человек живет в обществе, он *по договоренности* согласует свое поведение поведением других, поэтому справедливость есть «некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда» [2]. Здесь моральное сознание функционирует в пространстве между природным интересом

отдельного человека и его отношением к другим людям. Причем выбор делается в сторону индивида, а не гражданина.

В противоположность эпикурейцам, стоики с их этикой долга противостояли произволу государства. Но стоики обосновывают свою моральную позицию принципиально по-другому: им пришлось ввести различие между роком, всеобщей физической необходимостью, и провидением – необходимостью целевой. Они считали принципиально неверным положение, что по природе жизнь состоит в стремлении к наслаждению, потому что наслаждение может быть только следствием, но никак не целью. Разумным существам «в качестве совершенного вождя дан разум, и для них жить по природе – значит жить по разуму...» [3]. Побуждения, связанные с наслаждением, присущи животной природе и не связаны с сущностью человека. Поэтому «жить добродетельно – это значит то же, что жить по опыту всего происходящего в природе..., потому что наша природа есть лишь часть целого». Мы должны следовать всеобщему закону, который есть разум, «всепроницающий и тождественный с Зевсом, направителем и распорядителем всего сущего» [3]. Стоики обнаруживают зазор в расхождении между провидением и роком, необходимостью разумной и необходимостью физической, естественной. Первая является зрячей, вторая слепой. «Человек обладает высшей свободой в сравнении с животным тогда, когда решающий внутренний фактор души, его я следует не за естественной необходимостью, а за разумной необходимостью» [4]. Государство в этом случае выступает как звено в цепи физической необходимости, тогда как человек может и должен понять общий замысел мирового порядка.

В одном случае этика (утилитарная) рекомендует от общины отстраняться и предпочитать разумно рассчитываемый индивидуальный баланс блага и страдания, в другом (этика долга) человек ставится в подчиненное положение к общине и требует занять активную позицию, предпочитая благо целого благу части (самого себя). В одном случае зазор обнаруживается между индивидом и общиной, во втором – между общиной и Космосом, природой как целым. Выбор между разными этическими позициями сам по себе является этическим, поскольку он задает положение индивида не в правовом поле, а в поле моральных отношений.

Поскольку христианство ставит человека один на один с Богом, т.е. идет от индивида к целому миру, оно должно, в логике предыдущего рассуждения, приходиться к этике утилитарной, но этого не происходит,

потому что христианство опосредует отношение человека к Богу церковью. Церковь оказывается в позиции полисной общины, она защищает интересы целого от предпочтения интересов отдельного члена общины. Утилитарная этика становится на защиту интересов отдельной личности. Церковь же включает эту личность в общее тело Христово, расширяющееся в пределе до всего человечества. Град Божий, становящийся градом земным. Надо отметить, что здесь большое значение имеет связанный с церковью момент мистический – тот, который манифестирует себя в таинствах. Это важно, поскольку начиная с Нового времени этот момент постепенно уходит на второй план, и если в одном случае обоснование этики оказывается за пределами сферы чувственной, то позже обоснование этических норм в форме естественной религии входит в эту сферу. Сначала через деизм с его идеей неприсутствия Бога в повседневной жизни, а потом и через прямой материализм века Просвещения.

Получается, что религия берет на себя противостояние государству. И постепенно этика в ней растворяется практически полностью. Это видно хотя бы из следующего: сознание переворачивается настолько, что с Нового времени этика начинает все больше и больше идентифицироваться с естественной религией. И, соответственно, с потерей религией ее позиций, она, этика, все чаще отождествляет себя с законом. Происходит это потому, что игра идет на одном поле, и это поле – система правовых отношений. Предполагается, что право постепенно втягивает в себя все этические отношения. Религия в этом случае становится все более формальной, организуя внешнюю, а не внутреннюю жизнь человека. Находясь в зазоре между этими формами общественного сознания (религией и законом), этика фактически утрачивает самостоятельное значение и понемногу испаряется, сливаясь по необходимости то с тем, то с тем. Принципиальная разница в том, что, сливаясь с религией, она становится все примитивнее, сводясь к проповеди любви к ближнему (что само по себе, может быть, и хорошо, но в бесосновном пространстве теряет свое значение), а в случае с законом этика становится все детализированнее, причем закон все больше теряет первоначально сильное этическое начало, а этика теряет свою категоричность, склоняясь к правовому принципу – что не запрещено, то разрешено. Но запрещено или разрешено не внутренним чувством справедливости, а сознанием внешней подчиненности.

Когда этика долга обосновывается в Новое время Кантом, он рассматривает не государство, а человечество как целое: «Поступай так,

чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [5]. Иначе говоря, этика долга опять строится на идее, что человек составляет часть целого, и интересы этого целого важнее, чем интересы отдельного человека. Но гражданин полиса или член общины верных при этом оказывается гражданином мира и последовательно теряет свою принадлежность к конкретному человеческому объединению. Бог ставится на службу категорическому императиву, и этика продолжает заменяться правовыми отношениями.

Если мы рассмотрим время и условия появления биоэтики, то важно отметить следующее: биоэтика появляется и расцветает на растущей волне ранее появившегося феминизма и одновременно с таким удивительным явлением как политкорректность. И еще: биоэтика как область исследования формируется в эпоху расцвета психоанализа, вытесняющего священника из сферы исповедальной в сферу служебную. Мистическая связь человека с Богом через посредство священника, прощение, полученное от знающего и любящего тебя Высшего существа, теряет свою значимость и заменяется психоаналитическим самокопанием. Юнг пытается заново связать человека с абсолютной реальностью через архетипы бессознательного, но эта попытка, поскольку она не опирается на традицию, включающую мистический компонент, не возмещает утраченного.

Показательно, что одновременно с биоэтикой возникает и получает развитие экологическая этика, пытающаяся распространить межличностные отношения на отношения между природой и обществом, т.е. пытающаяся включить природу в систему этических отношений. Эту ситуацию можно рассматривать двояко: можно полагать, что человек поднимает природу до своего уровня. В этом случае мы говорим о соловьевской жалости (мы со-чувствуем всему живому, окружающему нас, считая его равным себе, поднимая его до своего уровня). Но можно смотреть на этот процесс и с другой позиции: человек, пройдя цикл самолюбования, начинает осознавать себя не венцом природы, как об этом учит христианство, а животным. Собственно говоря, эта идеология существовала уже в XVIII в. (Ламетри с его «человек-машина»), но тогда еще свиные почки людям не пересаживали, а съедали с кашей, поэтому братство не было таким близким. Если первый подход может быть религиозно оправдан (в каждой твари есть божественная искра, и в этом все является равным), то второй подход заведомо исключает религию.

Учитывая тот факт, что подъем биоэтики (как и более ранний этап расцвета психоанализа) сопровождается усиливающимися нападками на традиционную религию в обществе, которое и так большой религиозностью не отличается, следует признать, что биоэтика связана со второй позицией – позицией «человек – машина». Ведь очень показательно, что религия в качестве основы определенных этических норм уже давно в счет не идет. В современном западном сознании саму религию сводят к набору самых простых нравственных норм и тем самым отождествляют с этикой. Бог оказывается зависимым от этики, а не наоборот, как это было в ветхозаветной религии и в первоначальном христианстве. Религия Авраама, готового по требованию Создателя принести в жертву Исаака, уже несколько поколений заменяется религией кисло-сладкой и становящейся все более пресной моральной проповеди. То, что требует абсолютной устремленности к источнику всего сущего и колоссального напряжения воли человека, оказавшегося в пустыне мира один на один с живым Богом, приравнивается к тому, как должен средний человек вести себя в супермаркете. В рекламном буклетике, распространяемом одной из религиозных сект, я в свое время прочитал странную версию Декалога, где часть заповедей была исключена, но была добавлена заповедь о том, что нужно охранять природу, и, что особенно примечательно, ниже было указано, что заповеди приняты Конгрессом США. При отсутствии ссылки на Библию. По замыслу составителей, очевидно, Бог является менее солидным авторитетом.

Таким образом, общество празднует полное торжество утилитарной этики, начинавшей, как известно, с этики долга (если иметь в виду Новое время с его протестантской этикой, предварявшей и определявшей путь к рациональной организации труда и жизни). В свое время это была этика долга. Р.Г. Апресян отмечает, следуя А. Швейцеру, что «у Канта, как позже и у Ницше, этика по своему внутреннему существу есть самосовершенствование. Это действительно так, в той мере, в какой и Кант, и Ницше видели жизненную задачу человека в этической точке зрения, следует самосовершенствоваться в исполнении долга. И в то же время общечеловеческий долг состоит в том, чтобы постоянно стремиться к идеалу морального совершенства, идеалу святости» [6]. Но накопленное богатство действует разрушающе. По мере становления капитализма и по мере утверждения протестантской этики понятия долга и морального совершенствования утрачивают свою значимость, размываются. (В отличие от идеала физического совершенствования, который полнеющий «золотой миллиард» предпочитает наблюдать со стороны.)

Если этика долга была направлена на регуляцию отношений между индивидами, озабоченными своей внутренней свободой и направляющими ее на самосовершенствование, то утилитарная этика направлена на такую регуляцию отношений между индивидами, которая оставляет каждому из них право нахождения баланса удовольствий и страданий в пользу первых. «Мораль исторически возникает и функционирует в обществе как система ценностей, призванных компенсировать объективно заданную условиями цивилизации обособленность, отчужденность индивидов. Польза и родственные ей понятия отражают ценности и нормы, адекватные именно отношениям обособленных, отчужденных индивидов, органично присущие таким отношениям» [6].

Интересно, что, казалось бы, ситуация должна быть противоположной. В ситуации непосредственной ответственности за свое спасение человек, поставленный в отношении один на один с Богом, должен все свои усилия направить на самосовершенствование, как это делает герой Дж. Буньяна в «Путешествии пилигрима» – он бросает все, что представляет ценность для обычного человека, и устремляется за тем, что лежит за пределами видимого. «Я ищу и добиваюсь «наследства нетленного, непорочного, которое никогда не увядает». А мне сказано, что оно на Небе в безопасном месте и будет разделено в назначенное время между теми, которые прилежно будут стараться получить его» [7]. Но самосовершенствование достигается в этом случае за счет насильственного разрыва с общиной (в данном случае с семьей). «Не успел он еще очень удалиться от своего дома, как жена его и дети, увидев его бегущим от них, подняли громкий вопль, умоляя его вернуться. Но он заткнул себе уши пальцами и побежал еще скорее, восклицая: «Жизнь, жизнь, вечная жизнь!». Он даже не обернулся, чтобы взглянуть на них, но пустился бегом к середине поля» [7]. Но, исключив мистическое посредство общины, человек теряет стремление к самосовершенствованию, поскольку постепенно утрачивает его небесные критерии за счет критериев земных, вроде успеха в сфере профессиональной деятельности.

В результате утилитарная этика привела общество к той черте, когда возникла иллюзия возможности отмены естественных законов. За счет науки. Именно за счет и от имени науки философия в форме позитивизма берет на себя задачу оправдания этики. Кстати говоря, только на том основании, что она победила (или считает, что победила) религию и уверена в своих силах. Это делают, например, Спенсер и Милль. Я не буду сейчас говорить об их заслугах перед человечеством,

которые действительно по-настоящему велики¹. Важен аспект рационального оправдания этического сознания. В ситуации, когда исчезла как мистика гражданственности (представление о целостности субъекта лишь в рамках общины²), так и мистика церковная, решать серьезные моральные проблемы человек может только на основании некоторого разумного рассуждения. Но она заведомо может оправдать (обосновать) только этику утилитарную. Другую этику наука оправдать все равно не может. Причем решение моральных проблем разумным образом ведет к помещению их в законодательный план. Польза состоит в том, чтобы освободиться от страдания, связанного с этическим выбором. Одновременно снижается личная ответственность, что, в свою очередь, упрощает многие жизненные ситуации. Очевидно, что снижение личной ответственности ведет к сужению этического поля. «Человек, исповедующий принцип полезности, проявляет себя исключительно в сфере сущего, и это чревато игнорированием идеала, должного» [6].

Этика долга противостоит утилитарной этике, как человек этический противостоит человеку эстетическому (Кьеркегор). Этика долга опирается на религию, тогда как утилитарная этика взяла себе в союзники науку. Вопросы, связанные с экологией и с расширением ответственности человека до пределов всего живого, не могут, хотя и пытаются, опираться на науку, потому что наука развивается по своим законам и не касается сферы должного. Поэтому этика может взять в союзники только религию, а это в сложившихся условиях сделать невозможно по идеологическим причинам, потому что составляет колоссальную проблему для псевдо-научного сознания. В самом общем плане ситуация видится так: западное общество с его господством закона с помощью биоэтики решает вопрос об уходе от моральной ответственности.

В результате за счет прямого расширения правового поля до пределов отдельного индивида и постепенного поглощения им сферы взаимодействия индивида и общины формируется новое коллективное единство. Возвращаясь к аналогии с «осевым временем», можно сформулировать основной вывод таким образом: переход от коллективного сознания к индивидуальному сменяется переходом к новому коллективному сознанию. Тогда это шло за счет возникновения зазора между государственным правом и правом обычным. В настоящее время, напротив, этот зазор заполняется системой правового регулирования. Возникающие проблемы искусственного продления жизни

1 Уже сама постановка вопроса о правах детей имеет огромную ценность для позапрошлого века.

2 Можно в связи с этим вспомнить Цицерона с его утверждением, что для Бога нет ничего прекраснее общественного человека. Эту мысль любили цитировать гуманисты, начиная с Петrarки.

или ее прерывания, связанные с новыми возможностями науки, ставят родственников и врачей в этическую ситуацию ответственности. Одновременно в эту ситуацию проникает право. И любое этически оправданное решение может вести к юридической ответственности. Чтобы избежать последней (неважно, через законодательство или через этические комитеты) вводится система правового регулирования. Врач застрахован от возможных юридических преследований.

Биоэтика – это попытка этики долга пробиться через закон к утилитарному сознанию современного человека. Но фактически это идет за счет окончательной утраты этикой своих позиций, потому что в условиях формирования тотального коллектива, скрепленного юридическими цепями, религия подменяется наукой и вся конструкция повисает над бездной.

Литература

1. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М., 1989.
2. Цит. по кн. Лукреций. О природе вещей. М.; Л., 1947. Т. II.
3. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Изд. 2-е. М., 1986.
4. Ганс фон Арним. Европейская философия древнего мира // Общая история философии. СПб., 1910. Т. 1.
5. Кант И.. Критика практического разума // Сочинения. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
6. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995.
7. Буньян Дж. Путешествие пилигрима в небесную страну. Charlottesville, Virginia. 1957.

БИОЭТИКА В УКРАИНЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.И. Егоренков

Киев, Украина

«...Истинная свобода означает свободу политической общественности защищать ценности, которые ей всего дороже, и именно этой свободой мы должны воспользоваться сегодня по отношению к биотехнологической революции...»

Френсис Фукуяма, «Наше постчеловеческое будущее»

Как указывает известный американский футуролог и социолог Френсис Фукуяма, только сегодня человечество начинает осознавать

возможные негативные последствия развития биотехнологий, на которые в свое время (в 1932 г.) обратил внимание гениальный писатель Олдос Хаксли в своем знаменитом романе-антиутопии «О дивный новый мир». И каждый из тех, кто сегодня в Украине поддерживает призывы политиков о «европейском выборе» страны, должен осознать тот критический уровень назревших биоэтических проблем в развитии цивилизованного мира, который уже осознан интеллектуальной элитой Запада, но решения которых пока еще до конца не знает никто. И наша (в Украине) еще большая (в силу переходного этапа социально-экономического развития) неподготовленность к решению этих проблем может негативно повлиять на процесс «евроинтеграции». Один из возможных механизмов защиты общества вообще, и украинского в частности, от слишком бурного и непредсказуемого развития новых достижений биомедицины является внедрение идей биоэтики, целью которой является рациональный анализ нравственных проблем, связанных не только с биомедициной, но и со сферами права, гуманитарных наук, образования. Для реализации этих целей биоэтика предполагает нам методику выработки этических ориентиров для общества, основанных на ценностях человеческой личности и прав человека, при уважении всех религиозных исповеданий и опирающихся на рациональную основу и научно адекватную идеологию. Известный украинский ученый-философ С.Б. Крымский обращает наше внимание на тот факт, что «стратегия витальности превращает биоэтику из профессионально медицинской дисциплины в императив общественного сознания. И это вносит в духовность XXI в. новые моральные коллизии относительно оценок деятельности и принятия решений... Оказалось, что в наше время возникают проблемы, не имеющие решения в общей форме. Они требуют индивидуального подхода и личной ответственности субъекта за принятие решений перед людьми и небесами. Подобные ситуации демонстрирует не только биоэтика, но и политика, которая сегодня становится не только искусством возможного, но и осознанием невозможного...» [1]. Можно также проиллюстрировать смысл биоэтики на примерах современной жизни в Украине. В 2006 г. многие киевляне оказались свидетелями одной такой биоэтической коллизии, связанной с появившейся на улицах Киева довольно броской социальной рекламы против наркомании (городские рекламные стенды с текстами: «Мама, чому я урод», «Мама, чому я помер»). В СМИ развернулась горячая дискуссия, связанная с «биоэтическим» противоречием между интересами общества в решении такой

социально-медицинской проблемы, как наркомания, с одной стороны, и индивидуальными правами отдельных людей или социальных групп (в том числе и больных наркоманией, их родственников), с другой стороны. И решение этой проблемы, в частности, с использованием социальной рекламы, с точки зрения биоэтики, не является прерогативой только ученых – медиков или государственных чиновников. Европейский опыт развития биоэтики говорит о том, что для решения такой коллизии (в данном случае связанной с разделившимся в обществе мнением о целесообразности или нецелесообразности такой рекламы) необходим специальный общественный диалог или, говоря профессиональным языком, биоэтическая экспертиза такого способа борьбы с наркоманией и ее последствиями. И здесь биоэтика демонстрирует себя как средство формирования новых социальных институтов, способствующих развитию гражданского плюралистического общества.

Вообще весь спектр биоэтических проблем можно свести к следующим блокам: распределение общественных средств на нужды здравоохранения, использование достижений медико-биологических наук для влияния на социально-общественные процессы (репродуктивные технологии, эвгеника), использование тела человека (живого или умершего) или его частей (органов) для медико-биологических целей (клонирование, трансплантация, использование эмбриональной ткани, генно-инженерное задание свойств потомству), отношение (общества, пациента, врача) к эвтаназии выбор биологического способа жизни (транссексуальная хирургия, создание трансгенных организмов и растений, химерных животных), клинические испытания лекарственных препаратов и медицинских технологий и т.д. Каждая из этих проблем имеет свою специфику, в том числе и национальную (ментальную, конфессиональную). С точки зрения биоэтики особенностью современного развития украинского общества является синергетический эффект усиления «традиционных» проблем украинской медицины «новыми» проблемами (возникшими в результате появления новых возможностей манипуляции с живыми организмами) и трансформацией традиционного взгляда общества на многие биомедицинские темы.

Многочисленные беседы автора с украинскими медиками, занимающимися биомедицинскими исследованиями, показывают, что многие отечественные специалисты хорошо осознают потенциальные риски, которые привносятся в Украину новыми биомедицинскими технологиями: большая (чем ранее) сложность прогноза отдаленных

последствий применения новых лечебных технологий и лекарственных препаратов, появление новых рычагов манипуляции сознанием пациентов за счет рекламы в СМИ лекарств и оригинальных методов лечения, утрата врачами полезных навыков традиционных методов диагностики и лечения, увеличение степени недоступности современного дорогостоящего лечения для основной части населения нашей страны и другие. В связи с этим многие из отечественных специалистов-медиков в Украине убеждены в необходимости повышения своей научной квалификации именно за счет этико-правовой и этико-социальной компоненты, в усилении этой компоненты в системе высшего медицинского образования и в общественных обсуждениях многих биомедицинских тем.

Резюмируя сказанное можно сделать вывод о том, что биоэтика в Украине нужна как механизм и «защитная экспертная система», которая выявляет возможные риски и минимизирует негативные последствия внедрения достижений современной биомедицины. Функции, которые начинает реализовывать биоэтика в Украине (через систему научной экспертизы и образования), следующие: повышение уровня правовой защиты пациентов-испытуемых при проведении клинических испытаний лекарственных препаратов и медицинских технологий, повышение уровня конкурентоспособности научных разработок украинских специалистов в области биомедицины и биотехнологии, социальный контроль за реализацией государственных программ в области здравоохранения и научных исследований. Развитие биоэтики в Украине может стимулировать рост гражданского общества и развитие правовой системы в области научных биомедицинских исследований. Современная биоэтика предлагает нам научно обоснованные, этически выверенные и уже апробируемые в цивилизованном мире подходы для защиты наших нравственных ценностей от непредсказуемых последствий развития современных биомедицинских технологий или от иногда не слишком продуманных (что характерно для постсоветской действительности) действий различных «реформаторов» от биомедицины.

Биоэтика, развивая концепцию «активного пациента», который для решения своих проблем вступает в «диалог» с врачом/исследователем, на самом деле дает нам хороший «образец» способа решения также и социальных проблем в гражданском обществе (в частности, для решения проблемы «информированного выбора» в социально-политической сфере, что актуально для современного этапа развития

украинского общества). В частности, методологическое значение биоэтического принципа «информированного согласие» – это переход к такой модели гражданского общества, которая защищает граждан от «манипуляционного» (или авторитарного, псевдodemократического) принятия решений по широкому кругу социально-политических проблем, т.е. предполагает процедуру «информированного» выбора, с использованием известных и контролируемых обществом «информационных» характеристик, уже апробированных в методике «информированного согласия»: достоверность информации, доступность информации, осознанность информации, информация об альтернативных способах в решении данной проблемы, достаточность и адекватность информации для принятия решения, предварительность (до принятия решения) получения информации, неокончателность решения (возможность его изменения в процессе выполнения).

Поэтому вся концепция биоэтики и этической экспертизы, включающая такие фундаментальные понятия, как «информированное согласие», «конфиденциальность», принцип «презумпции виновности» (любую новую медико-биологическую технологию можно считать возможным источником негативных последствий для пациента, пока не доказано обратное), принцип «опасности» (негативные последствия использования новой биомедицинской технологии могут выявиться непредвиденными не в силу невозможности прогноза, а в силу отсутствия предварительного специального анализа в этических комитетах), – это основа для формирования гражданского мировоззрения в обществе европейского типа [2].

Но для того, чтобы биоэтика в нашей стране стала социальным механизмом защиты (пациента/испытуемого, врача/исследователя, гражданина), необходима большая организационная работа. Частично она в Украине уже проводится. Существует и активно работает (проводит конференции, семинары, публикует книги) общественная организация – Украинская ассоциация по биоэтике. В 2007 г. будет проведен уже 3-й Национальный конгресс по биоэтике [3]. Создан ряд общественных организаций по защите прав пациентов. В 2005 г. Высшая аттестационная комиссия Украины приняла решение об обязательной этической экспертизе всех диссертационных работ в области биомедицины (медицина, биология, ветеринария), в связи с чем созданы около 100 специальных этических комитетов при научно-исследовательских и учебных заведениях биомедицинского профиля. В украинском законодательстве уже имеется ряд законов «биоэтического» профиля,

последний по времени из них – это закон «О защите животных от жестокого отношения», принятый Верховной Радой 21 января 2007 г. Но успокаиваться еще рано, потому что слишком много неожиданностей могут нас подстергать в связи с развитием биомедицины в мире вообще и в связи с «национальными» особенностями развития биоэтики в Украине. В частности, пока еще законодательно не принят разработанный специалистами закон «О правах пациентов в Украине». А ведь по данным некоторых социологических исследований (в частности, по материалам информационного бюллетеня «Гражданские права пациента в Украине»):

- 6 пациентов из 10 имеют опыт нарушения их прав в лечебных учреждениях;
- 9 пациентов из 10 считают необходимыми меры по усилению прав пациентов;
- 9 из 10 пациентов считают недостаточной существующую информацию о своих правах в качестве пациента;
- каждый второй гражданин Украины впервые узнал о существовании понятия «права пациента» из анкеты во время социологического опроса;
- каждому второму пациенту не предоставляли правдивую информацию в больнице о состоянии его здоровья и прогноз на будущее;
- каждый третий пациент указал на факт разглашения конфиденциальной информации о состоянии его здоровья;
- каждый второй пациент сообщил, что ему не была предоставлена своевременная информация о запланированных вмешательствах и их влиянии на организм со стороны медицинского персонала;
- каждый второй пациент не знает о существовании права свободного выбора и замены врача.

Литература

1. Крымский С.Б. Принципы духовности 21 столетия // Две Руси. Украина Incognita. Киев, 2004.
2. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3.
3. Антологія біоетики / За ред. Ю.І. Кундієва. Львів, 2003.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В РАКУРСЕ БИОЭТИКИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Л.Н. Ердаков

Новосибирск, Россия

Современное человечество стремится одновременно следовать двум противоположным и даже взаимоисключающим стратегиям. Каждая из них имеет видимость прогрессивной и жизненно необходимой для сохранения и процветания человеческого общества на планете. Одна названа глобализацией, а вторая сформулирована как концепция устойчивого развития. Кратко представим обе.

Глобализация является очередным этапом техногенного развития человечества. Ее суть заключается в укрупнении и централизации изъятия ресурсов, и распределение их потоков по всей планете. Что же глобализация представляет собой в экологическом смысле?

Стратегия жизни человечества как биосоциального вида одновременно и отлична, и сходна со способом жизни прочих видов на планете. Она также адаптивна, направлена на расширение экологической ниши и на конкуренцию за «место под солнцем». Отличают ее планетарные последствия. Каждый вид животных существует в составе своей фауны, производит специфическую «работу», дополняя остальные виды, участвующие в кругообороте вещества и энергии. С эволюционной сцены зоологический вид уходит обычно вместе со своей фауной, лишь очень редко переживая ее в виде реликта. А вот человечество имеет свои особые планетарные роли, действуя как в биологической, так и в социальной ипостасях. В биологической оно занято ускорением планетарных круговоротов вещества – различными способами, но с одинаковым результатом. Либо уничтожается множество видов организмов, что влечет снижение биологического разнообразия и укорачивание пищевых цепей. Либо высвобождается связанный углерод (сжиганием подземных запасов углеводородов) и возвращается в биосферу. Даже создавая запасы пищевых ресурсов, человек как вид частично работает на тот же результат – ускорение планетарных круговоротов. Эти запасы способствуют селекции наиболее энергичных потребителей, которые затем побеждают в конкуренции своих более медленных «соседей по биоценозу» и вносят свой вклад в ускорение биоценотического круговорота.

В социальной жизни человечества прослеживается та же стратегия. Особенно ярко она проявилась в самом конце XX столетия и получила название глобализации. Хозяйственное воздействие нашего общества на планетарные процессы отмечались издавна. Уже когда человек прямоходящий пускал по ветру палы, дабы выгнать и убить добычу, он неминуемо расширял пояс саванн на Африканском континенте. В дальнейшем, сводя леса, распахивая большие пространства, уже кроманьонский человек заметно включался в глобальные процессы. К середине XX в. мощность воздействия современного человека на атмосферные процессы превзошла вулканическую деятельность и приблизилась к планетарным круговоротам вещества.

Однако глобализация, как социальная особенность, появилась только тогда, когда промышленная и хозяйственная деятельность человека преодолела рамки отдельных государств и регионов, приобретя планетарные масштабы. Наше общество, похоже, не ожидало появления этого феномена, и он застал народы врасплох. Поэтому всемирное обсуждение глобализации, выяснение ее значимости, полезности или вредности для населения Земли происходит постфактум, после того, как начал проявляться заключительный самый мощный ее этап. Процесс этот, по-видимому, уже становится необратимым.

Понятно, что это все та же стратегия человечества, которой он придерживается и в мире дикой природы. Глобализация – один из способов очень мощного ускорения оборота вещества и энергии, и в этом смысле ничего хорошего для биосферы он не предвещает. Ведь оно – ускорение, приближения к финишу. Тем не менее человечество разделилось на три группы по отношению к глобализации. Одну составляют поборники глобализации, вся их деятельность направлена на ее поддержание и расширение. Это люди, получающие ощутимую выгоду от процесса, причем их мало беспокоит его суть. Другая группа, пока малочисленная, предчувствуя опасность этого процесса для человечества, активно борется доступными ей социальными способами. Третья же, по-видимому, самая большая, пока не осведомлена о ситуации, хотя процессом затронута. Ей предстоит определить свое отношение, постепенно пополняя ряды сторонников или противников [1].

Итак, процесс глобализации есть не что иное, как ускорение развития общества и биосферы, частью которой оно является. Его результаты: интенсификация природного обмена вещества и энергии, упрощение биоценологических связей и самих биоценозов. В конечном счете, это ослабление устойчивости всей биосферы.

Ослабление устойчивости ведет к повышению частоты природных и социальных катастроф, и это не может не обеспокоить общество. Оно начинает искать пути к благополучию, не отказываясь от достигнутого уровня потребления. Между тем отказываться от чего-нибудь придется. Нужна альтернатива сложившемуся образу жизни, а для этого неминуемо изменение системы ценностей. В мире давно утвердилось антропоцентрическая система ценностей. В ее основе – представление о превосходстве человека над всеми живыми существами, о необходимости его господства над природой [2].

Другая стратегия дальнейшей жизни человечества на планете сформулирована в концепции устойчивого развития. Зачем она понадобилась и что собой представляет? Части населения стало очевидно, что надо не просто улучшать отношения к природе или повышать экономическую эффективность деятельности человека, а следует придумать и предложить совершенно новый принцип организации жизни. Такой принцип используется «устойчивым развитием».

Краткий экскурс в историю. Человечество уже много лет пробует разные способы выживания на планете. Интуитивно созданные и опробованные в разные века и тысячелетия стратегии не дают желаемых результатов, да и народы, как правило, не выдерживают избранного курса развития. По мере технического развития общества пропадают последние экологические элементы в его культуре. Разрабатываемые научные стратегии становятся все более оторванными от жизни людей – теоретическими. Последняя из используемых в настоящее время – ноосферная, за время своего короткого существования (примерно 50 лет) нанесла ощутимый вред обществу, нацелив его на кардинальное изменение окружающей среды. А время, между тем, неумолимо течет, и режим обитания человека на Земле ухудшается.

Здравомыслие вынуждает правительства уже вместе с учеными участвовать в разработке каких-то шагов если не к улучшению, то к безопасности обитания человечества на планете. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро съехались лидеры почти 200 стран мира, и была принята так называемая концепция устойчивого развития. Устойчивое развитие определили как *модель развития человечества, при которой удовлетворяются основные жизненные потребности как нынешнего, так и всех последующих поколений, создаются условия для самореализации всем людям, независимо от того, в какой стране они живут и к какой социальной группе принадлежат.*

Из сформулированных 27 принципов этой концепции в порядке важности основное место занимают следующие [3]:

- в центре внимания находятся люди, имеющие право на гармоничную жизнь;
- охрана среды является необходимой компонентой процесса развития человечества;
- право на развитие должно быть как у современного, так и у будущих поколений;
- поднять уровень жизни слаборазвитых стран, искоренить бедность и нищету.

Общее впечатление от концепции устойчивого развития остается очень хорошим. В ней видна забота как о человечестве, так и о каждом человеке, его благосостоянии и здоровье. Настораживает только диссонанс с основными положениями биоцентризма.

На это немедленно отреагировали экофилософы, занятые проблемами экологической этики. Рид Носс заметил, что «превалирование потребностей одного вида (человека) над потребностями всех остальных, вместе взятых, чему примером – идея устойчивого развития, стало сегодня одной из самых вредоносных тенденций в охране дикой природы» [4]. В такой передаче основные положения концепции вызывают восхищение социолога и недоумение эколога. Впрочем, при изучении очень объемного документа всегда могут быть различия в его понимании и особенно в расстановке акцентов.

С чем не согласится эколог в приведенных принципах? Первый из них уже не принял Р. Носс. Что касается второго, то он очень невнятен. Человек по мере сил охраняет природу уже несколько столетий, она всегда считалась обязательной компонентой развития человеческого общества, поэтому приведенное выше положение – это просто банальность. Третье положение утверждает, что нужно заботиться о детях и внуках. Оно никогда не вызывало никаких споров и не представимо как дискуссионное.

И последнее из приведенных, ратующее за равенство и общее благоденствие было написано на знаменах нашей родины целых 70 лет ее существования в прошлом веке.

Концепция устойчивого развития определялась ее авторами как модель развития человечества, при которой удовлетворяются потребности как нынешнего, так и всех последующих поколений. Значит в противоположность глобализации, это отнюдь не ускорение, а замедление, переход к естественным темпам биосферных изменений, таким

же медленным как сама эволюция. По аналогии: нельзя продлить жизнь индивидуума (устойчивое развитие), максимально ее ускорив (глобализация).

Такое развитие невозможно на фоне потери стабильности биологической системы, упрощения и укорочения связей в сообществах. Это опять противоречит глобализации, которая предполагает максимальное упрощение и ускорение оборота вещества.

Обратим внимание на нравственную сторону. У глобализации этот аспект не просматривается, потому что ее стратегия осуществима только при максимальном выкачивании ресурсов из системы в пользу одного вида. Задача обеспечения устойчивого развития тоже решается в интересах одного вида биосферы – человека. При ее выполнении все остальные формы жизни отдаются на потребу избранному виду. Разве это нравственное решение проблемы?

Этически приемлемый вариант решения – достижение общей устойчивости с помощью стабилизации и продления жизни всей системы, т.е. замедления ее развития и отказ от концентрации усилий в пользу избранного вида. Увы, это отказ и от глобализации, и в значительной мере, от концепции устойчивого развития.

Не обсуждая здесь экологической составляющей обоих процессов, еще раз обратим внимание на этическую. Человек – это один из существующих на планете видов организмов, способный обитать здесь только благодаря наличию своего биотического окружения. В этой связи он должен считаться со всеми сопутствующими ему организмами. Этот ракурс экологической этики неожиданно приближает решение проблемы устойчивости системы: «человек – сообщество». Введение, например, в отношения между организмами этических норм поможет сохранить на долгий срок такую систему экологических взаимодействий. Иными словами, люди – это моральные агенты, они способны к размышлениям, благодаря которым могут поступать морально. Экологическая этика – продукт деятельности моральных агентов. Так что люди как моральные агенты в отношении своего партнера – природы имеют моральные обязанности. Природа же в отношении людей таковых не имеет. Ведь она не является моральным агентом [5].

Этические нормы взаимодействий, принятые между людьми в силу разумности этих существ и не действующие в остальном мире, как в области, где разум отсутствует, вполне приемлемы в предлагаемой системе, где одна из составляющих обладает интеллектом. Тем более, что все остальные организмы ограничиваются в своей жизнеде-

тельности экологическими правилами в силу достаточно жесткой биологической регуляции их взаимодействий. Стоит одному из видов создать в своем местообитании катастрофическую ситуацию, как система, изменившись, элиминирует его. Человек в своих действиях не может воспользоваться только экологическими сдерживающими механизмами в силу катастрофического техногенного воздействия на окружающую среду. Экологические законы взаимодействия всегда будут приводить к элиминации этого техногенного вида из биосферы. Это человечество чувствует все острее. Так что включение этических норм во взаимоотношения человека с прочими членами его сообществ, пожалуй, единственное разумное решение в настоящий период, способное продлить существование человечества.

Принятая в человеческом обществе теория ценностей, основанная на полезности для человека, неприемлема в природе. Все виды в ней, как и человек, имеют подлинную (врожденную, внутреннюю) ценность [6]. Родоначальник экологической этики определял ее как ограничение свободы действий в борьбе за существование. Тогда как в философском смысле он предполагал, что это разграничение общественного и антиобщественного поведения. Однако в обоих смыслах это мера, способствующая сохранению целостности биоценотической системы, т.е. ее устойчивости. Б. Калликотт (Callicott B) предполагает, что все природные существа и природа в целом имеют внутреннюю или присущую ценность – это ценность, которой что-то обладает как самоцелью. Внутренняя ценность человека редко оспаривается [7]. С этих позиций человек – не хозяин окружающей его природы, а ее составная часть, он не может распоряжаться всеми остальными ее частями в силу своей равнозначности с ними. Это положение остается одним из основных в бурно развивающейся экологической этике.

Утверждения натурфилософов непривычны уху большинства людей. Традиционно полагают, что самое важное и ценное на планете – это человечество, но тогда невозможно расширение правил этики за пределы этого избранного общества. Иного же ограничения человеческой деятельности пока придумать не удалось.

Долгое время считалось, что ограничить размах ее можно, используя разум или страх. Однако выяснилось, что разум никак не связан с экологическими законами. Они объективны, а не придуманы с помощью разума, и переделать их, опираясь на интеллект, невозможно. Что касается страха, то самая ужасная кара для живого – это угроза смерти, но эта угроза всегда сопутствует жизни. Смертное существо напугать

таким способом невозможно. Что касается уничтожения не конкретного человека или группы людей, а всего человечества, то особью, даже разумной, такая угроза всерьез не воспринимается, и ни к какой деятельности ее не побуждает. Видимо, здесь сказывается системный разрыв между особью и популяцией и тем более биоценозом. Ведь законы на уровне особи не могут проявляться на уровне популяций, в силу хотя бы того, что характеристики живого на этих уровнях различны.

Человечество, ощущая нарастающую опасность для себя с ростом населения и развитием своих техногенных систем, нашло наконец механизм, который может помочь его выживанию. Этот механизм оказался этическим, но при его «включении» человеческое общество будет вынуждено перестроиться кардинальным образом. Возможно, оно трансформирует траекторию своего дальнейшего развития. Например, перейдет с чисто техногенного на путь, приемлемый для остальных организмов биосферы.

Тогда существенно изменится система принятых ценностей и даже моральных норм. Видимо, предстоит отказаться и от глобализации, потому что этот процесс ускоряет эволюцию и тем самым сокращает срок жизни современного фаунистического комплекса на планете. В эту фауну входит и человек, с исчезновением «его» фауны он тоже может исчезнуть.

Получается, этические подходы противоречат сразу с обеими современными стратегиями, которые готово осуществить человечество: и с глобализацией, и с устойчивым развитием. Экологическая этика отвергает оба пути. Но ведь развитие человечества определяется еще и культурной компонентой. Как же происходит культурное преобразование общества? Может быть, сохранить устойчивость ему поможет мощная культурная традиция, которая поддержит и закрепит обе названных стратегии?

Действительно, процесс глобализации формирует новую культуру, причем весьма быстро. Вместе с повышением интенсивности использования всех ресурсов планеты он заметно изменяет общественное сознание, создавая оригинальную форму мировоззрения особи. Такая новая особь только и может поддерживать глобализацию.

Круг должен быть замкнут, чтобы процесс не затухал. Если изъятие ресурсов необходимо для интенсификации производства, то люди должны становиться все более заинтересованными в таком изъятии. Появляется необходимость массового создания нового психического

типа – человека-потребителя. Это тоже процесс этический. Ведь он требует изменения многих моральных и нравственных норм. Новый тип формируется в соответствии с потребностями глобализации, и активно насаждается в современном обществе. Для этого с помощью рекламы, средств массовой информации и перераспределения соотношений предметов материальной культуры, очень быстро, в течение одного – двух поколений, происходит внедрение новой модификации человека. Это энергичный потребитель, у которого мотивация потребления не только гипертрофирована, а прочие социальные стремления редуцированы. Зато именно такой тип граждан не только способен поддерживать, но и развивает, интенсифицирует процесс глобализации.

В помощь новому реклама не просто дает информацию о новых товарах. Она обеспечивает психологическую подмену – ты покупаешь не новую кастрюлю или бутылку пива, ты покупаешь пропуск в клуб достойных и избранных. Она убеждает потребителя в достоинствах временных, одноразовых вещей, создавая тем самым разрыв в материальной культуре. И тут новая подмена: реклама создается как произведение новой культуры, хоть и опрощенное, но с доступными художественными достоинствами (образность, музыка, все чаще и смысл). Происходит подмена культуры. Молодежь все чаще заменяет просмотром рекламы все другие художественные произведения, все меньше их понимает и поэтому отвергает в пользу таких ярких и понятных рекламных клипов.

Между тем связь времен все более прерывается. Одноразовые вещи не способны передавать традицию. Так как они поточные произведения, практически теряющие свою индивидуальность, то необходимы какие-то критерии выбора. Для облегчения опознания нужных предметов потребителю предлагается простой маркер – их яркая, блестящая упаковка. Это упрощает выбор, практически элиминируя его интеллектуальную компоненту. Прочь сомнения и размышления! Среди таких вещей не может быть любимых, привычных. Тех, которые хочется оставить потомкам. Так формируется новый социальный тип особи.

Для создания избытка товаров на потребу растущего в числе покупателя необходимо быстрое наращивание производства, причем не всегда важна его модернизация в сторону уменьшения загрязнения среды, снижение себестоимости изделий. Изделие может быть и не особенно качественным, ведь покупают его в соответствии с внешними опознавательными знаками.

Кроме того, успех сбыта все более определяет общественное мнение (мода). Производители наращивают валовое количество товаров, концентрируя внимание на короткоживущих предметах. Одновременно они постоянно обновляют варианты товаров (чаще названий и упаковок), убыстряют их смену. Вещь покупается уже не на смену износившейся, а на смену морально устаревшей. Интенсификация производства ведет к истощению источников сырья, а одновременно к росту количества отходов.

Никем не утилизируемые отходы любой популяции вызывают сбои в функционировании биоценоза. Мы же, к сожалению, зоологический вид, имеющий уже не биотопическое, а планетарное воздействие. Наши отходы, никем не потребляемые, грозят уже биосферными катастрофами.

Рост интенсивности спроса новым «универсальным потребителем», рост числа покупателей этого типа, снижение цены массовых товаров вызывают наращивание производства и одновременно наращивание отходов. Снижение цены и рост внешней привлекательности товаров повышает спрос на них, одновременно формируя общественное мнение в пользу именно этих покупок (мода). Не порвать этот круг, выгодный для производителя и все более удовлетворяющий покупателя.

Разорвать же это «дьявольское колесо» необходимо. Оно катится в бездну. Стоит поспешить не только с разработкой способов борьбы против этого зла, но создавать и действенные методики такого противостояния.

Как и в случае с введением этических норм для обеспечения долгой жизни человечества и его устойчивого развития, здесь тоже может оказаться эффективным этический механизм. Остается найти способы включения его, чтобы сохранить культурные связи между поколениями, восстановить связь времен. *(При условии, что вопрос об обуздании тех, кто извлекает прибыль из ускорения, мы оставляем за рамками.)*

Один из таких механизмов очевиден. Глубокие корни в нашей, да и мировой культуре имеет традиция почитания предков. Она основана на родственных связях внутри семьи, позволяющих сохранять информацию о предках. Она не только традиция, определяющая путь потомков, но и предмет гордости за род. В современном мире с постоянным перемешиванием людей эту традицию сохранить трудно, но в то же время она делается наиболее привлекательной для людей, далеко оторвавшихся от родных мест и родственников. Поддерживая чувство родства, они с особым вниманием относятся к вещам, несущим

память о роде. Остается поднимать престиж таких вещей-долгожителей. Их не могут заменить поделки широкого потребления и одноразового использования.

Общественное мнение (моду) можно формировать не только в русле усиления родственных связей и родовых традиций. Положительное отношение к ним можно сочетать с отрицательным к одноразовым товарам. Блестящие обертки и одноразовые вещи могут перестать быть модными. Наиболее удачные из них могут заметно задержаться в употреблении, даже передаваться потомству, т.е. способствовать сохранению традиции. Это сочетание отказа от блестящих оберток и предпочтения надежным и удобным старым вещам может создать новую волну моды. Предпочитаемыми станут вещи-долгожители, и даже антиквариат. Такая смена общественного вкуса уже создаст препоны глобализации и заметно уменьшит количество промышленных отходов, в которых задыхаются развитые страны.

В человеческом обществе очень сильны мотивации к новым знаниям, интеллектуальной деятельности. В кризисные периоды они подавляются, в большей мере искусственно, правителями (религиозное мракобесие, фашизм). Глобализация – это эффективное управление обществом экономическими правителями, которые диктуют контуры исторического пути общественным и государственным лидерам. Практически это тот же путь обнищания массового сознания, но многократно усиленный и убыстренный. На этом пути могут возникать периоды общественного сопротивления, основанные на полиморфности членов общества. Поэтому именно с полиморфизмом прежде всего борется тот, кто желает обществом управлять. Он унифицирует общество.

Полиморфность любой популяции – это залог ее жизни. Именно разнокачественность особей делает популяцию заранее адаптированной к даже еще не случившимся катаклизмам. Что касается нашего общества, то даже при расширяющейся глобализации остаются и появляются индивидуумы с гипертрофированной интеллектуальностью или склонностью к спорту, музыке, другим видам искусства. Эти люди могут служить «ядрами конденсации» для создания вокруг них референтных групп с новым мировоззрением. Мощный подъем такого общественного брожения наблюдался в середине прошлого века. Стихийный отказ от принятых норм жизни: хиппи множились на Западе; физики, лирики и барды – на Востоке. То же осуществимо уже не стихийно, а направлено. Соответствующие социологические технологии существуют уже более века, и разрабатываются все новые.

Надежды на самопроизвольный всеобщий отказ от бездумного потребительства, усиление интеллектуальных и даже романтических приоритетов науки, культуры, спорта, увы, нет. Возможно, часть энергии политтехнологов и социологов будет направлена для решения этой задачи, не исключено, что подобные механизмы управления общественным мнением давно отработаны, правда, вряд ли такой механизм будет запущен волевым решением правителей.

Подводя итог, можно подчеркнуть: налицо два противоречия. Одно из них этическое и состоит в том, что человечество, как и встарь, стремится стабилизировать свое проживание и продлить его за счет всех остальных совместно с ним проживающих организмов. Человек не только не считается с их интересами, но и просто уничтожает многих из них.

Второе связано с культурологической составляющей, точнее, с собственно культурной общественной традицией и с современным стремительным ее уничтожением. Речь идет о связи времен, прервать которую старается процесс глобализации, характерный для современного развития человечества.

Имеются и возможности выхода из сложившейся опасной ситуации. Они связаны с введением экологической этики, т.е. с введением в человеческое моральное общество всех организмов и их группировок, всей остальной дикой природы. На этом фундаменте строятся новое биосферное мышление и новая биосферная культура [8]. Сохранению культуры, упрочнению связи времен поможет умелое использование полиморфизма человеческих популяций, возрождение и поддержание в обществе повышенного интереса к другим сферам человеческой жизни, кроме материального потребления.

Литература

1. Ердаков Л.Н. Особенности концепции устойчивого развития Медвежий угол № 1 (12). ИСАР-Сибирь, Новосибирск, 2004.
2. Костарев С. Устойчивое развитие – слова и смысл // Медвежий угол. 1994. № 1(12).
3. Глобальные проблемы, их суть и поиск путей разрешения. Новосибирск, 1998.
4. Носс. Р. Проект «Дикие земли». Стратегия сохранения дикой природы: Программа сохранения природного наследия Новосибирской области. Новосибирск, 1995.
5. Борейко В.Е. Экологическая этика в вузе. Киев, 2004.
6. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев, 1999. Вып. 11. (Серия: Охрана дикой природы.)
7. Борейко В.Е., Поминова Е.В. Зарубежные философы дикой природы. 2000. Вып. 17. (Серия: Охрана дикой природы.)

8. Рифкин Джереми. Приближение биосферного века // Биосферная политика. Киев, 1955.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, КОНСТРУИРУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

Е.А. Жукова

Томск, Россия

Вся сумма технологий, конструирующих человека, базируется на информационных технологиях. Без рассмотрения развития информационных технологий сложно понять все междисциплинарные аспекты социокультурной реальности Hi-Tech. Высокие технологии (Hi-Tech – от англ. high technology) появились в 60-х гг. XX в. и получили впоследствии широкое распространение, в связи с чем современный период развития общества часто называют эпохой высоких технологий. Фактически высокие технологии стали технологическим базисом формирующегося постиндустриального общества и оказывают огромное влияние на социокультурную сферу и самого человека.

Техногенные воздействия на человека к концу XX в. приобрели ряд особенностей. Это обусловлено тем, что Hi-Tech породили совершенно новый социокультурный феномен Hi-Hume. Hi-Hume – это высокие социогуманитарные технологии, которые предназначены для изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового (политические технологии, маркетинговые технологии, бизнес-технологии и др.) [1]. Hi-Hume возникли как социальные технологии, сопровождающие Hi-Tech. Одной из основных причин, обусловивших формирование Hi-Hume в качестве социокультурного феномена, стала опора этих технологий на информационные технологии (в первую очередь на вычислительную технику и телекоммуникации). Именно информационные технологии создали основу для формирования глобального информационного пространства.

Анализу причин и последствий различного рода воздействий, в том числе техногенных, на современного человека посвящено множество исследований в различных областях естественнонаучного и социогуманитарного знания, в том числе и философского [2], но, как мы полагаем, механизмы воздействия раскрыты недостаточно. Особо отметим, что остаются практически неизученными информационные механизмы воздействия различных факторов на человека, в частности

не раскрыты информационные механизмы воздействия на него Hi-Tech и Hi-Hume. На основе предложенной И.В. Мелик-Гайказян [3] информационной модели развития культуры нами был раскрыт механизм воздействия Hi-Tech и Hi-Hume на социокультурную реальность и человека [1, 4–5], который связан с тем, что взаимодействие культуры и высоких технологий – это информационный процесс.

В мировой практике к высоким технологиям, как правило, относят те производственные технологии, в которых непосредственно использованы новейшие достижения фундаментальных и прикладных наук, например физики, химии, генетики и информатики. В данной статье под высокой технологией мы будем понимать условное обозначение наукоемкой, многофункциональной, многоцелевой технологии, имеющей широкую сферу применения, способной вызвать цепную реакцию нововведений и оказывающей значительное воздействие на социокультурную сферу. С нашей точки зрения, системообразующими для феномена Hi-Tech стали информационные технологии, нанотехнологии и биотехнологии. Развитие этих технологий взаимообусловлено, но оно было бы невозможно без современной быстродействующей вычислительной техники.

Таким образом, если Hi-Tech способны изменить тело человека, то Hi-Hume способны изменить его сознание. В обоих случаях основу этих технологий составляют информационные технологии, ядро которых – вычислительная техника. Именно поэтому становится особенно актуальным изучение того, как эта техника развивается ввиду ее нарастающего влияния на современного человека.

В процессе развития любой техники и технологий периодически наступают моменты, когда дальнейшее развитие на основе имеющихся идей становится неэффективным и требуются принципиально новые идеи.

Вторая мировая война (конец 30-х гг. – сер. 40-х гг. XX в.) заставила обратить пристальное внимание ученых и инженеров на создание вычислительных машин [6, с. 423]. Военная техника становилась все сложнее, ее разработка требовала все более сложных, и главное, более быстрых математических расчетов. Управление военной техникой тоже непосредственно стало основываться на математических расчетах. Поэтому от военной сферы к науке и производству шли требования к постоянной разработке и улучшению вычислительных машин, в первую очередь, к необходимости автоматизации вычислений.

К этому времени существовало множество вычислительных машин и приспособлений, но все они уже не удовлетворяли имеющиеся запросы социума. Прежде чем проводить анализ механизмов выбора

новой вычислительной техники, необходимо ретроспективно выяснить, каково было состояние дел в данной сфере на момент начала Второй мировой войны и как развивалась вычислительная техника в дальнейшем до настоящего времени.

Проведенный нами анализ исторического развития основных на наш взгляд вычислительных устройств, приспособлений и машин, которые обусловили появление и широкое распространение современных информационных технологий, для удобства мы представили в виде схемы (рис. 1). Эта схема не является бифуркационной диаграммой. Подчеркнем, что мы выделяли в истории развития вычислительной техники только ключевые, с нашей точки зрения, моменты и ограничивались более подробным рассмотрением данной истории только с момента Второй мировой войны. Подробное описание данной схемы дано в [7]. В целях наглядности мы несколько упростили процесс развития вычислительной техники. Тем не менее, как показал анализ, в сфере вычислительной техники имелось и имеется множество различных тенденций. Но схема на рис. 1 ничего не говорит нам о том, как происходил выбор той или иной технологии.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что по сравнению с технологиями индустриального общества во всей совокупности знаний, используемых в высоких технологиях, наблюдается значительное увеличение доли научных знаний. Это делает отличительной чертой Hi-Tech высокую наукоемкость. Еще Д. Белл отмечал, что в постиндустриальном обществе характер знаний модифицировался: ключевое положение стало отводиться теоретическим знаниям, а значительная доля научных знаний стала приобретаться в процессе фундаментальных исследований, необходимых для дальнейшего развития технологий [8, с. 4]. Именно в фундаментальных теоретических знаниях, подчеркивает В.С. Степин, потенциально могут содержаться «целые созвездия будущих новых технологий и неожиданных практических приложений» [9]. Только благодаря фундаментальным исследованиям сегодня можно создать «стратегический запас» технологических разработок, так как сами высокие технологии морально устаревают часто уже в процессе их разработки. Тот, кто имеет подобный запас, имеет и экономическое, и политическое преимущество в современном мире. Это прекрасно понимают и в развитых государствах, где закладывают в национальные бюджеты отдельные статьи на развитие фундаментальных исследований, и бизнес, в первую очередь ТНК. Последние сегодня являются одним из основных источников финансирования данных исследований.

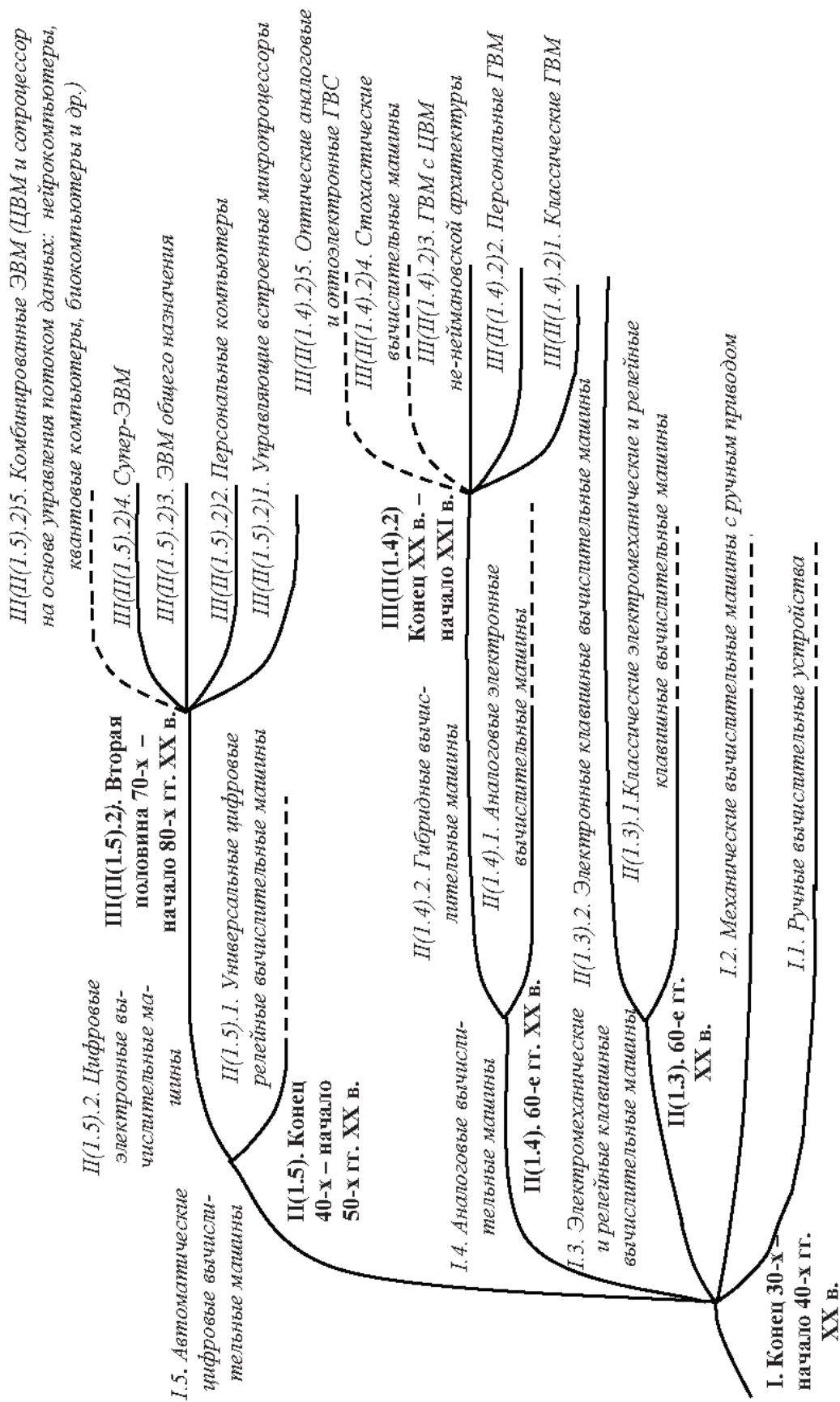

Рис. 1. Схема развития вычислительной техники с конца 30-х - начала 40-х гг. XX в.

Итак, высокая наукоемкость Hi-Tech сегодня рассматривается уже как нечто само собой разумеющееся. Современная вычислительная техника создается на основе фундаментальных знаний, но, как показал анализ истории развития вычислительной техники, механизмы проникновения фундаментальных знаний в технологическую сферу и механизмы выбора конкретной технологии не изучены в должной мере.

Для анализа механизмов воплощения результатов фундаментальных исследований в высокие технологии воспользуемся разработанным И.В. Мелик-Гайказян информационно-синергетическим подходом и предложенной данным автором моделью эволюции информационной системы на телеологическом этапе [10, с. 86; 11, с. 155]. Эта модель описывает этап преодоления сильной неустойчивости. Преодолевая хаотическое состояние, система выбирает один из многих возможных путей дальнейшего развития, т.е. генерирует информацию. На этом этапе происходят эволюция ценности информации и конкуренция различных целей развития системы. Структурные элементы сложных синергетических систем конкурируют за полномочия и приоритеты, т.е. за ресурсы системы. Подсистемы могут иметь различные цели, которые оказываются в конкуренции друг с другом. Происходящие процессы детерминируются выбором будущего состояния всей системы.

На нашей схеме (см. рис. 2а) пунктиром отражены фундаментальные идеи, которые еще не нашли реализации в технологиях, либо то, когда технология проигрывает в конкурентной борьбе. Сплошной линией показано воплощение фундаментальных идей в технологию. По оси ординат – параметр порядка x , который представляет собой скорость вычислений. По оси абсцисс – время t .

Итак, Вторая мировая война вызвала состояние хаоса в сфере разработки вычислительных машин. Отклонение когнитивной системы от состояния равновесия было начато попытками создания вычислительных устройств с более высокой скоростью вычислений, вызванными потребностями военной сферы. Удовлетворить потребности технологической сферы гениальные самоучки и «жестянщики» уже не могли. Армия требовала сложную и дорогостоящую технику, которую могли создать только профессионалы на основе идей, имеющих в современной на тот момент фундаментальной и прикладной науке.

На рис. 2а участок быстросменяющихся x в области B_1 показывает предбифуркационное состояние – состояние хаоса, вызванное необходимостью решения проблемы выбора принципов работы вычислительного устройства. Следует отметить, что до Второй мировой войны

вычислительные устройства создавались в основном практиками и инженерами без теоретического осмысления. Но уже к концу 1940-х гг. начинают формироваться несколько конкурирующих теорий, описывающих принципы работы вычислительных устройств. Это отражено на нашей бифуркационной диаграмме тремя линиями:

I – развитие теории однородных структур;

II – развитие теории аналогового моделирования;

III – развитие теории цифровых автоматов.

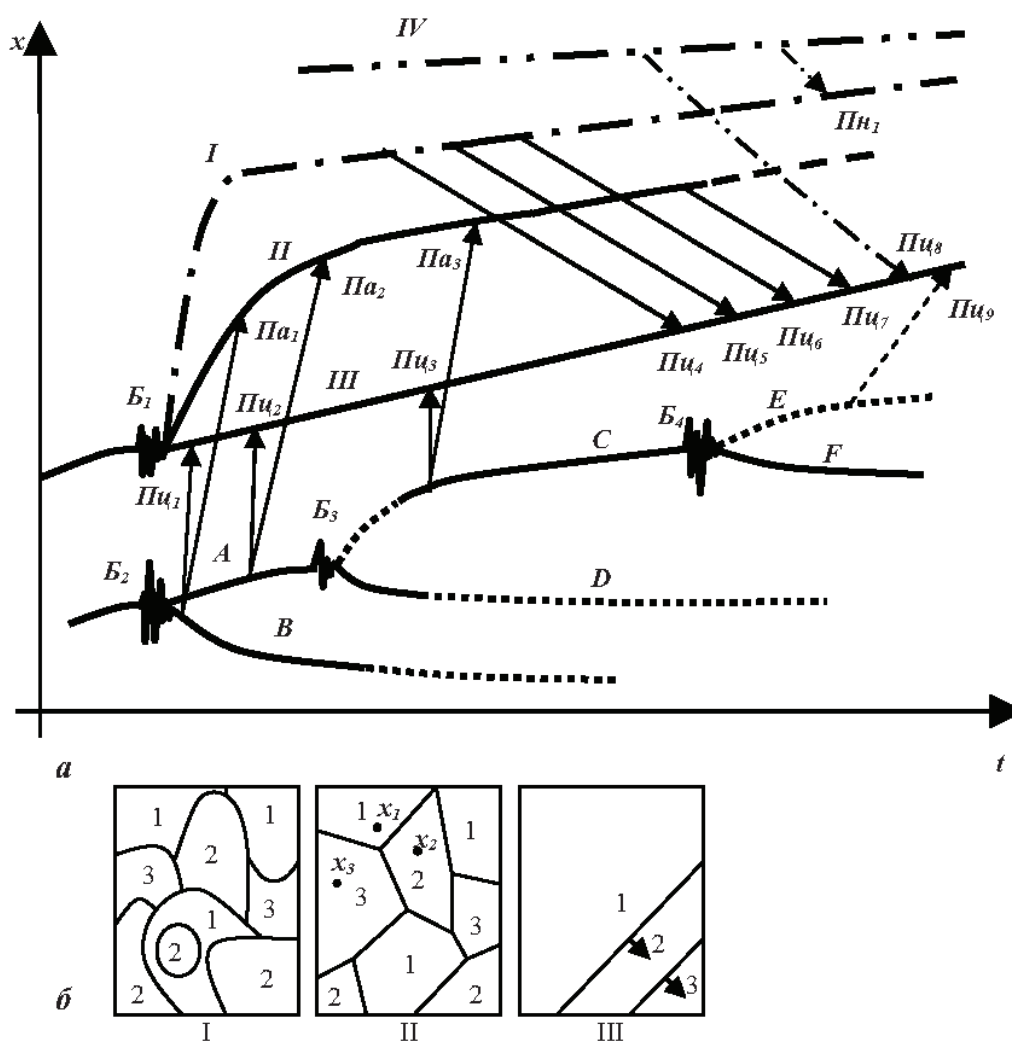

Рис. 2. Моделирование ситуации выбора в динамике информационных технологий:
 а) бифуркационная кривая. Участки быстроменяющихся x в области B_1, B_2, B_3 и B_4 обозначают предбифуркационные состояния, x – параметр порядка (скорость вычислений), t – время;
 б) этапы эволюции: *I* – «мозаика», *II* – «паркет», *III* – «переход» к чистому кластеру

Линия *I* на рис. 2а отражает формирование и развитие теории однородных структур (ТОС). Сама идея однородных структур (ОС) в их первоначальном виде была предложена независимо Дж. фон Нейманом (с подачи С. Улама) и К. Цузе в конце 40-х гг. XX в. [12, с. 57–58]. Дж. фон Нейман использовал однородные структуры в качестве среды биологического моделирования, а К. Цузе увидел в них перспективную среду для создания параллельной вычислительной техники. Спустя почти десятилетие теория однородных структур, у истоков которой стояли крупнейшие современные математики и кибернетики Дж. фон Нейман, С. Улам, К. Цузе, А. Черч и Э. Мур, привлекла к себе внимание многих исследователей.

Современная точка зрения на ТОС как на отдельную ветвь теории абстрактных бесконечных автоматов сформировалась в 1970-х гг. под влиянием основополагающих работ Х. Ямада, С. Аморозо, А. Смита, А. Беркса, Х. Нишио, Р. Фольмара, Т. Тоффоли, Д. Кодда, Н. Хонда, С. Вольфрама, Э. Бэнкса, Т. Китагава, В.З. Аладьева, Я.М. Барздиня и др.

Была установлена эквивалентность МТ-моделей (машин Тьюринга) и ОС-моделей в отношении их универсальной вычислимости, а также доказана возможность решения целого ряда задач на ОС-моделях с существенно меньшими временными затратами, в ряде случаев на порядок меньшими, чем в случае МТ-моделей. Но на практике до сих пор конкретные ОС-модели еще не были реализованы. Тем не менее в случае аппаратной реализации высокопроизводительных вычислительных структур, исповедующих нетрадиционный, не-неймановский принцип вычислений и обработки информации (сугубо параллельный), скорость вычислений может значительно возрасти. Первые проекты таких универсальных вычислительных структур были предложены самим Дж. фон Нейманом, Э. Коддом, Э. Бэнксом, Дж. Холландом, К. Фостером и др. Проекты практически копировали классическую ОС-модель и не были реализованы по той причине, что требовали: 1) высокой микроэлектронной технологии, 2) соответствующего высокопараллельного системного программного обеспечения, 3) разработанных методов высокого уровня распараллеливания вычислительных алгоритмов. Вместе с тем была доказана реальность создания такого типа вычислительных систем, базирующихся на высоком уровне распараллеливания. Среди наиболее близких к ОС-моделям реальных проектов можно считать клеточные процессоры Т. Легенди и САМ-машины клеточных автоматов Т. Тоффоли; другие работающие проекты параллельной вычислительной техники используют

ОС-концепцию в меньшей мере. Ряд авторов предлагают практические подходы к реализации перспективных сверхбольших интегральных схем на основе однородных структур, которые могут быть разработаны в ближайшее время. Предполагается, что последующие успехи микроэлектроники, систем проектирования высоко параллельного программного обеспечения и прикладной теории параллельных алгоритмов создадут необходимые предпосылки для промышленного производства вычислительной техники на основе ОС-моделей [12, с. 66].

Особый интерес к ОС-моделям возобновился в начале 1980-х гг. в связи с активными работами по созданию новых перспективных архитектур высокопроизводительной вычислительной техники, проблемой искусственного интеллекта, робототехникой, информатикой, успехами микроэлектроники и др. Высказываются предположения, что ОС могут сыграть чрезвычайно важную роль в качестве концептуальных и прикладных моделей пространственно-распределенных динамических систем, из которых физические и биологические клеточные системы представляют интерес в первую очередь [12, с. 58]. В настоящее время многие идеи ТОС используются в теории нейронных сетей. Нейросети представляют собой совокупность большого числа сравнительно простых элементов, топология соединений которых зависит от типа сети. Большинство известных подходов к проектированию нейросетей связано преимущественно с выбором и анализом некоторых частных структур однородных сетей на формальных нейронах с известными свойствами (например, сетей Хопфилда, Хемминга, Гроссберга, Кохоннена и др.).

Хотя пока еще нет реализации ОС-моделей в «железе», т.е. не созданы технологии в чистом виде, но идеи из ТОС были неоднократно заимствованы в процессе развития цифровой вычислительной техники. Например, работа супер-ЭВМ стала строиться на принципах параллельных вычислений, что позволило значительно увеличить быстродействие. В суперкомпьютерах принцип параллельных вычислений мог реализоваться аппаратно и программно (матричные и конвейерные супер-ЭВМ). К концу XX в. идея распараллеливания вычислений оказалась востребованной не только в супер-ЭВМ, но и в персональных компьютерах. Это связано с тем, что «гонка за мегагерцами», проявляющаяся в усложнении архитектуры процессора, увеличении числа транзисторов, повышении тактовой частоты дошла до физически непреодолимых барьеров. В то же время причины, обусловившие эту гонку – потребности разработчиков программного обеспечения,

не были устранены. Новые функциональные возможности постоянно требуют более мощных, более совершенных компьютеров с большей производительностью. Домашние мультимедийные, игровые, офисные приложения и их постоянные обновления уже исчерпывают практически все ресурсы самого могучего процессора. Например, сегодня цифровая видеокамера стала уже предметом широкого употребления. Многие люди сами осуществляют не только запись, но и видеомонтаж на персональных компьютерах с помощью доступных программ для подготовки видеопрезентаций. В настоящее время уже налажено производство персональных компьютеров с одно- и многоядерными процессорами.

Из ТОС была воспринята также идея сети (распределенных вычислений), которая была реализована сначала на супер-ЭВМ, а впоследствии и на включении в сеть компьютеров и микропроцессоров различного уровня. Начав с 4-х суперкомпьютеров (сеть APRANET), далее в сеть стали соединять различные по масштабам вычислительные устройства. Сегодня в мире имеется множество сетей различного уровня, в том числе и глобальная сеть Интернет.

Благодаря использованию многопроцессорных архитектур в персональных компьютерах становится реальной идея «электронного коттеджа», предложенная в свое время Э. Тоффлером [13, с. 320–340], которая сегодня трансформировалась в идею «цифрового дома» или «цифрового офиса». Современное представление о «цифровом доме» – домашний сервер будет управлять всеми соединенными в локальную сеть бытовыми приборами, начиная от охранной сигнализации и заканчивая оформлением и передачей в интернет-магазин заказа от холодильника на пополнение запасов пива. При этом он осуществляет обслуживание традиционных компьютерных нужд хозяев дома – веб-серфинг, игры, работы на дому, мультимедийные развлечения. Предполагается, что в дальнейшем будут использованы такие нейросетевые наработки, как голосовой интерфейс, распознавание облика пользователей и другие весьма интересные и очень ресурсоемкие технологии. Последние будут основаны на параллельных моделях вычислителей (ОС-моделях), разрабатываемых в теории искусственного интеллекта.

Многопроцессорная архитектура и интеллектуальный интерфейс способны в корне изменить существующие сегодня представления о том, что такое рабочая станция или персональный компьютер. Уже сегодня трудно провести четкую границу между персональными

компьютерами и профессиональными вычислительными системами. Персональный компьютер превращается в распределенный домашний суперкомпьютер.

Восприятие идей параллельных вычислений и распределенных вычислений отражено на нашей диаграмме точками $\Pi_{ц_4}$, $\Pi_{ц_5}$ (линия III рис. 2а) Подобное слияние не является бифуркацией. Это паллиатив – мера, не обеспечивающая полного, коренного решения поставленной задачи; полумера. Одна ветвь «вбирает» в себя различные полезные для своего развития идеи.

Как мы уже отмечали, ТОС способствовала развитию теории нейронных сетей. В настоящее время нейросети «в железе» пока еще не вышли на стадию технологической разработки. Но уже получили широкое распространение ЭВМ, где нейросети реализуются программным способом, а также в виде специализированных нейрочипов или нейроплат в виде приставок к персональным ЭВМ (сопроцессоров), хотя при ближайшем рассмотрении данные приставки представляют собой классические процессоры [14, с. 29]. На нашей диаграмме это точка $\Pi_{ц_6}$ (линия III рис. 2а)

Следующая линия на нашей диаграмме отражает развитие теории аналогового моделирования, ставшей основой для создания аналоговых вычислительных машин (АВМ) (линия II рис. 2а). Аналоговое моделирование представляет собой вид моделирования, основанный на аналогии (в более точных терминах – изоморфизме) явлений, имеющих различную физическую природу, но описываемых одинаковыми математическими (дифференциальными, алгебраическими или какими-либо другими) уравнениями [15, с. 11–19].

Теория аналогового моделирования стала формироваться в начале XX в. [15, с. 9; 16]. Различными учеными (Больцманом, Гексли и др.) ранее отмечалось, что единство законов природы позволяет разные явления описывать одними и теми же математическими уравнениями. Найдя решения уравнений, можно сразу решить задачи для целого ряда наук. В начале XX в. русский математик, механик и инженер-кораблестроитель академик А.Н. Крылов сформулировал это явление достаточно точно, но не дал заключения о возможности создания на его основе вычислительной машины. Такой вывод сделал другой русский академик Н.Н. Павловский в 1918 г. Он смог установить соответствие переменных величин в гидравлической задаче их аналогам в электрической и получить решение, измеряя электрическую величину (напряжение), которая является аналогом давления воды

в гидравлической задаче. Н.Н. Павловский назвал этот метод методом аналогового моделирования ЭГДА (электро-гидродинамический аналог). Ленинградский математик С.А. Гершгорин в развитие метода ЭГДА предложил заменить электролитический (токопроводящий) слой раствора в ванне сеткой из сопротивлений, получив таким образом аналоговую модель дифференциального уравнения Лапласа. Большой вклад в развитие теории аналогового моделирования внесли В. Буш, Н. Минорский, С.А. Лебедев, И. С. Брук, Л. И. Гутенмахер и др.

Используя аналогии между различными по физической природе явлениями, в АВМ моделируют рассчитываемые процессы. Если в цифровых машинах информация представлена в виде дискретных значений переменных (чисел), т.е. последовательности цифр, то в аналоговых информация представлена в виде непрерывно изменяющихся переменных, т.е. физических величин [17, с. 23; 18, с. 10]. Аналоговые приборы измеряют, а цифровые считают. Физические величины в аналоговых устройствах заменяются другими физическими величинами, имеющими иную природу, но подчиняющимися тем же самым количественным закономерностям, а цифровые вычислительные машины представляют собой усовершенствованные автоматические счеты. Поэтому аналоговые вычислительные машины (АВМ) часто называют вычислительными машинами непрерывного действия, а цифровые вычислительные машины (ЦВМ) – вычислительными машинами дискретного действия или дискретными машинами [19, с. 6].

Работа машины с дискретными состояниями, говоря словами А.Тьюринга [20, с. 28], «складывается из совершающихся последовательно одна за другой резких смен их состояния. Состояния, о которых идет речь, достаточно отличны друг от друга, для того чтобы можно было пренебречь возможностью принять по ошибке одно из них за другое. Строго говоря, таких машин не существует. В действительности всякое движение непрерывно. Однако имеется много видов машин, которые удобно считать машинами с дискретными состояниями. Например, если рассматривать выключатели осветительной сети, то удобно считать, отвлекаясь от действительного положения дел, что каждый выключатель может быть либо включен, либо выключен. То, что выключатель фактически имеет также и промежуточные состояния, несущественно для наших целей, и мы можем об этом забыть».

Изменения физических величин в АВМ происходят по тем же законам, что и изменения заданных функций. Каждой элементарной математической операции над машинными величинами, как правило,

соответствует некоторый физический закон, устанавливающий математические зависимости между физическими величинами на выходе и входе решающего элемента (например, законы Ома и Кирхгофа для электрических цепей, выражение для эффекта Холла, лоренцовой силы и т.д.).

По принципу работы АВМ можно назвать *машиной параллельного действия*, так как в аналоговой машине вся схема работает одновременно, т.е. параллельно. Это обуславливает их высокое быстродействие, которое на начальных этапах развития ЦВМ было на порядки выше, чем у последних. Но в отличие от ЦВМ аналоговые машины не могут решать задачи в общем виде, из которого в дальнейшем можно получать частные решения при новых исходных данных. Данный класс вычислительных машин оперирует только конкретными числами и дает только частные решения. Другим их недостатком является высокая погрешность вычислений, которая может достигать нескольких процентов.

В 40-е гг. XX в. сложилась весьма резкая дифференциация разработок в сфере аналогового и цифрового (дискретного) принципов обработки информации, которая временами переросла в открытую конкуренцию вплоть до антагонизма. В этой конкурентной борьбе значительное преимущество одержала линия сторонников цифровой вычислительной техники, завоевав львиную долю средств, выделяемых на разработку новых вычислительных машин, приборов и устройств. Но уже к 60-м гг. многие исследователи и специалисты все четче стали понимать преимущества и недостатки обоих типов вычислительной техники, во многом зависящие от конкретных приложений. В результате появилась тенденция к созданию гибридной вычислительной техники, использующей оба принципа представления и обработки информации – аналоговый и дискретный [12, с. 78–79]. Это отражает точка *Пи₇* (линия *III* на рис. 2а).

Развитие теории цифровых автоматов началось в середине 30-е гг. XX в. с работами А. Тьюринга и Э. Поста, изучавших абстрактные автоматы. А. Тьюринг выдвинул идею формальной модели вычислителя (абстрактного автомата, МТ-модель), способного вычислить любой алгоритм [21, р. 23]. Машина Тьюринга (МТ-модель) представляла собой модель последовательного вычислителя.

Дж. фон Нейман, работая во время Второй мировой войны в группе разработчиков ЭНИАКа, пришел к идее создания нового типа логической организации ЭВМ, что впоследствии отразил вместе

с Г. Гольдштейном и А. Берксом в отчете «Предварительный доклад о машине EDVAC» [22], который получил широкое распространение в научно-технических кругах. В докладе Дж. фон Нейман на основе анализа проектных решений и идей А. Тьюринга по формальному универсальному вычислителю (машине Тьюринга) впервые представил логическую организацию компьютера безотносительно от его элементной базы, заложив, таким образом, основы проектирования ЭВМ и основы теории цифровых автоматов.

Архитектура с последовательным выполнением команд в программе и принципом разделения данных и алгоритмов стала называться со временем «фон-неймановская архитектура ЭВМ» или «архитектура фон Неймана». Она практически не менялась до 1970-х гг. XX в.

Развитие вычислительной техники проходило на фоне постоянного совершенствования элементной базы. Скорость вычислений зависела от выбора принципов работы элементной базы вычислительных устройств. На период Второй мировой войны сложилась неустойчивая ситуация в данной сфере (область B_2). Выбор необходимо было осуществить между механическими, электромеханическими элементами и электронными лампами. Следует отметить, что на данный период совершенствование элементной базы осуществлялось не столько на основе теоретических изысканий, сколько на основе эмпирических исследований в рамках механики и электромеханики (линия B на рис. 2а), а также электродинамики (линия A на рис. 2а). Теории релейно-контактных схем, проводимости в вакууме и ряд других еще находились в стадии своего становления. Так, изобретение первой в мире электронной лампы в **1884 г.** американским изобретателем и предпринимателем Т.А. Эдисоном произошло в лаборатории, и ее действие легко объяснялось имеющейся тогда теорией электронов Дж.Дж. Томсона [6, с. 419]. В **1904 г.** английский ученый Дж.Э. Флейминг создал вакуумный диод – двухэлектродную электронную лампу. В **1906 г.** американский инженер Ли де Форест изобрел электронную лампу – триод – усилитель, имевший третий электрод – сетку, и ввел принцип, на основе которого стали строиться все дальнейшие электронные лампы – управление током, протекающим между анодом и катодом, с помощью других вспомогательных элементов [23]. Развитие электронных ламп в дальнейшем шло по пути улучшения их функциональных характеристик и расширения многофункционального использования.

Таким образом, если первые универсальные вычислительные машины создавались на основе механической и электромеханической

элементной базы (точки $Пц_1$ линия III и $Па_1$, линия II на рис. 2а), то после Второй мировой войны уже было ясно, что перспективным являются не механические и не электромеханические элементы, а электронные лампы (линия A рис. 2а), так как они обеспечивали более высокую скорость вычислений. Электронные лампы достаточно быстро вытеснили механические и электромеханические элементы. Это отражают точки $Пц_2$ линия III и $Па_2$ линия II рис. 2а, которые означают соответственно изменение элементной базы цифровых и аналоговых вычислительных машин.

В дальнейшем в сфере принципов построения элементной базы вычислительной техники сложилась следующая неустойчивая ситуация ($Б_3$ на рис. 2а), вызванная новыми разработками в теории физики твердого тела – открытии полупроводникового эффекта (линия C рис. 2а). В 1948 г. американские физики У.Б. Шокли, Дж. Бардин и У. Браттейн, проводя исследования в области физики твердого тела, изобрели транзистор [24, с. 340]. Причем следует особо отметить, что это были уже преимущественно теоретические исследования. Это открытие стало началом полупроводниковой эры, породившей огромное количество типов диодов и транзисторов, а позднее – интегральных микросхем. В 1956 г. У. Шокли, Дж. Бардин и У. Браттейн были удостоены Нобелевской премии по физике «за исследования полупроводников и открытие транзисторного эффекта». Научные исследования в области полупроводников широко шли не только в США, но и в других странах.

Последующее развитие элементной базы вычислительной техники связано с развитием полупроводников от полупроводниковых триодов (транзисторов) и диодов ко все более совершенным интегральным схемам (БИС, СБИС и т.д.) (линия C на рис. 2а). В конце 1950-х независимо друг от друга Р. Нойс из Fairchild Semiconductor Corporation и Джек Килби, работающий в Texas Instruments, изобрели практически аналогичные модели интегральной схемы, но Килби использовал германий, а Нойс – кремний [25]. Интегральная схема (ИС) представляет собой электронную схему произвольной сложности, изготовленную на полупроводниковом кристалле (или пленке) и помещенную в неразборный корпус, т.е. она выполняется как единое целое. Сегодня часто для обозначения интегральных микросхем применяют термин «чип». Дальнейшее развитие цифровых и аналоговых ЭВМ связано с развитием интегральных схем. Это отражают точки $Пц_3$ линия III и $Па_3$ линия II на рис. 2а.

Отметим, что развитие теории проводимости в вакууме продолжается и по сей день, а электронные лампы, несмотря на значительные возможности современной твердотельной электронной базы, до сих пор используются в мониторах, мощных радиопередатчиках, аудиоаппаратуре класса Hi-Fi и кое-где еще. Но в связи с тем, что в качестве элементной базы вычислительной техники электронные лампы уже не используются, то на нашей диаграмме мы отразили это пунктирной линией (рис. 2а линия *F*).

В настоящее время «гонка за мегагерцами», основанная на уменьшении размеров ИС и увеличении числа полупроводниковых элементов на одной схеме, подошла к своим физическим пределам, когда дальнейшее уменьшение размеров интегральных микросхем приведет к различным помехам на квантовой уровне. Мы полагаем, что в ближайшее время в данной сфере возникнет состояние неустойчивости (B_4 рис. 2а) – состояние хаоса, вызванное необходимостью решения проблемы преодоления квантово-механических эффектов. Дальнейшее развитие может осуществляться минимум в двух направлениях (рис. 2а): линия *E* – развитие нанотехнологии [26] (в данном случае речь идет о нанотехнологии как науке, имеющей свою сферу фундаментальных теоретических и прикладных исследований); линия *F* – дальнейшее развитие теории физики твердого тела, в частности физики полупроводников.

Сегодня существуют фундаментальные теории, которые еще не нашли своего воплощения в технологии, но уже сегодня привлекают пристальное внимание специалистов технологической сферы, бизнеса и политиков. Это обусловлено тем, что в случае, если эти фундаментальные идеи будут реализованы в технологии, то прибыли могут быть колоссальными. К числу таких фундаментальных теорий относится и теория квантовых алгоритмов. В случае, если удастся реализовать в технологии квантовый компьютер, то скорость вычисления будет на несколько порядков выше скорости вычислений самого современного цифрового суперкомпьютера. Линия *IV* (рис. 2а) отражает развитие теории квантовых алгоритмов. В настоящее время предполагается, что квантовый компьютер будет создан как сопроцессор с классической ЦВМ, которая будет выполнять функции управления кубитами, ввода-вывода данных и измерения кубитов [27]. Точка $Пц_8$ (линия *III*) показывает предполагаемый «симбиоз» квантовых и цифровых компьютеров. Также ведутся теоретические разработки в области квантовых нейрокомпьютеров (точка $Пн_1$ на линии *I* рис. 2а) и многое другое.

Если на основе фундаментальных исследований возникает инновационная идея, то она совсем не обязательно воплотится в технологию, даже если для этого будут необходимые технологические решения. Необходимо, чтобы элита оценила ее значимость и ценность и вложила в нее средства. Для нас важно то, что выбор информационной технологии осуществляет не научная элита, а элита производственная и бизнес-элита. Побеждает не тот кластер, который имеет наилучший показатель параметра порядка (в нашем случае – это скорость вычислений), а тот, который более удовлетворяет параметрам технологичности (рис. 2б).

Мы показали, как происходит выбор информационной технологии на телеологическом этапе. Когда происходит выбор конкретной технологии, то его осуществляет не научная элита, а производство и бизнес. Другими словами, выбор технологии осуществляют не те, кто создавал фундаментальные принципы, лежащие в основе этой технологии, а те, кто намерен вкладывать деньги во внедрение данной технологии в производство. Это приводит к деформации научного этоса [28].

У фундаментальной и прикладной науки всегда были разные цели. Развитие фундаментальной науки ранее в значительно меньшей степени зависело от социокультурного окружения, чем прикладной. Принято считать, что фундаментальная наука развивается на основе своей собственной логики и не ставит перед собой достижение утилитарных целей. Но современные фундаментальные исследования, как правило, очень дороги и требуют привлечения огромных средств. Поэтому в реальности, современный ученый редко оказывается в идеальных условиях – когда он может заниматься научной проблемой ради самой научной проблемы, т.е. соблюдается норма свободы научного творчества. Сама система финансирования фундаментальной науки предполагает ориентацию на какой-либо прикладной результат.

Наука с момента своей институализации (в форме системы университетов и академий) как сфера получения истинного знания стала восприниматься как некоммерческая сфера деятельности, существующая на общественные средства или частные пожертвования. С производством и рынком наука была связана опосредованно. Сфера получения истинного знания (которое существовало здесь в форме «открытия») и сфера его практического применения (знание в ней представало в форме «изобретения»), следуя христианской традиции, были институционально разделены, а буфером выступала так называемая «прикладная наука» [29, с. 66].

Возникновение и широкое распространение Hi-Tech создало предпосылки для ускоренной коммерциализации науки. Исследования в сфере Hi-Tech потребовали огромных финансовых вложений, что неминуемо вело к слиянию финансируемых правительствами научных исследований с частным капиталом, заинтересованным в получении сверхприбылей. Это вызывало преобразование системы управления наукой, способствовало переключению исследований на прикладную проблематику и, как следствие, ужесточению требований к коммерциализации изобретений. Но как мы показали, именно в фундаментальных исследованиях содержатся те идеи, которые могут затем «выстрелить» в прорывной технологии, поэтому необходимо наращивать финансирование именно фундаментальных исследований.

Наблюдаемая сегодня активизация процессов коммерциализации науки обостряет проблему секретности и закрытости научных исследований. Это обусловлено стремлением к снижению рисков, связанных с вероятностью копирования конкурентом продукта или технологии. Поэтому большое значение уделяется серьезной правовой защите коммерциализируемых результатов научных исследований. Коммерциализация науки привела к тому, что и **фундаментальное научное знание приобрело вид рыночного товара**, что было совершенно немыслимо в классической науке. Сегодня патентованию подлежат не только искусственно созданные микроорганизмы или лабораторные животные, но и гены человека, последовательности ДНК, эмбриональные стволовые клетки и даже геномы целой нации, которые в дальнейшем выступают как коммерческие продукты. Так, в Исландии частная компания DeCode Genetics выкупила эксклюзивное право на коммерческую эксплуатацию геномных данных исландской популяции сроком на 12 лет [29, с. 67–68]. Таким образом, секретность и новые права собственности распространяются не только на прикладные исследования, но и на фундаментальные. Но данные требования входят в противоречие с этическими нормами общедоступности научных знаний, организованного скептицизма и др.

В лекциях по социологии науки Э.М. Мирский акцентирует эту проблему так: «Этические нормы выполняли свои функции, когда делили большие деньги, но стали давать сбои, когда стали делить очень большие деньги». Гонорар, полученный от продажи результатов своей научной деятельности или своих способностей, может быть по величине таким, что ученый будет в состоянии обеспечить себя и свою семью до конца жизни. Поэтому этические нормы и моральные ценности

современных ученых все чаще находятся под сильным финансовым прессингом. Например, если исследования на человеке, в частности клонирование, запрещены во многих европейских странах, то эти исследования переносятся в страны третьего мира и всегда находятся ученые, которые хотели бы продолжать исследования в данной области. И далеко не всегда их мотивация может быть вызвана стремлением к получению научного признания.

Мы наблюдаем сегодня становление нового профессионального сообщества, с новой профессиональной этикой, которая будет регулироваться не только этическими нормами «большой» и «малой» науки, но и бизнес-этикой. Думается, что сегодня трудно точно спрогнозировать, какие этические нормы будут регуляторами в результате подобного симбиоза, так как ценности, регулирующие деятельность в сфере науки и в сфере бизнеса далеко не всегда совпадают и во многом противоречивы. Это требует адекватной философской рефлексии и специальных социологических исследований.

Отметим, что роль науки в развитии общества в будущем по-прежнему будет возрастать, но она больше не сможет быть относительно замкнутым сообществом узких профессионалов. Это сообщество становится все более открытым для обсуждения, как своих достижений, так и своих неудач. Это проявляется и в возникновении биоэтики. В 90-е гг. все более широкое внимание начинает привлекать «принцип предосторожности» (precautionary principle). В соответствии с этим принципом вопрос о безопасности новой технологии ставится не задним числом, когда ее применение уже привело к негативным эффектам, а еще на этапе ее внедрения [30]. Другими словами, особенностью современного осмысления морально-этических и правовых аспектов проблемы использования высоких технологий становится их предвосхищающая направленность [31, с. 53]. Еще до того как Hi-Tech получают свое практическое воплощение, они начинают выступать объектами широких научных и общественных дискуссий, когда предполагаемые выгоды от разработки и внедрения данных технологий (в первую очередь экономические) критически переосмысляются как с точки зрения возможного риска для человека и общества, так и с точки зрения правовых норм и моральных ценностей (причем не только общечеловеческих ценностей, но и ценностей отдельных социальных групп, например конфессий). Особенно это заметно на примере нанотехнологии и биотехнологии (проблема «серой слизи», клонирование человека и мн. др.). Но как мы полагаем,

в отношении информационных технологий осуществляет не в должной мере.

Сложность оценки влияния информационных технологий на общество и человека, с нашей точки зрения, связана с тем, что эти оценки носят во многом субъективный характер. В то же время многоаспектность этих влияний приводит к тому, что специалисты из разных сфер изучают только отдельные срезы данной проблемы. Выявленные нами информационные механизмы выбора информационной технологии (на телеологическом этапе) и механизмы воздействия выбранной информационной технологии на социокультурную реальность и человека на детерминистическом этапе (после выбора) [1, 4–5] позволяют не только определять тенденции развития информационных технологий, но и прогнозировать пути и способы их воздействия на человека. Это даст возможность вскрывать болевые точки этих воздействий и принимать меры по предотвращению последствий их негативного влияния на человеческую целостность.

Литература

1. Жукова Е.А. Философские последствия Hi-Nume во времена Hi-Tech // Труды Института теории образования. Томск, 2006. Вып. 2.
2. Модификация человека: Круглый стол Института Философии РАН и журнала «Человек» // Человек. 2006. № 5–6.
3. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
4. Жукова Е.А. Социокультурная реальность Hi-Tech: изменение подготовки элиты будущего // Высшее образование в России. 2006. № 11.
5. Мелик-Гайказян И.В., Жукова Е.А. Философские проблемы технологий и феномен Hi-Tech // Философия математики и технических наук. М., 2006.
6. Бернал Дж. Наука в истории общества: Пер. с англ. М., 1956.
7. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007.
8. Белл Д. Постиндустриальное общество: что принесут 1970–80-е годы? // Америка. 1974. № 215. Сентябрь.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 1999.
10. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М., 2004.
11. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
12. Аладьев В.З., Хунт Ю.А., Шишаков М.Л. Основы информатики. М., 1998.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
14. Комарцова Л.Г., Максимов А.В. Нейрокомпьютеры. М., 2002.
15. Прагер И.Л. Электронные аналоговые вычислительные машины. М., 1985.
16. Смирнов А.Д., Петров Г.М. Из истории развития аналоговых вычислительных машин в России. [Электронный ресурс]: <http://www.computer-museum.ru/histussr/avm.htm>

17. Бородавский Ю.В., Лободинский Ю.Г. Информационные технологии: методы, процессы, системы. М., 2004.
18. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М., 1978.
19. Каган Б.М. Электронные вычислительные машины и системы. М., 1979.
20. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? / Пер. и прим. Ю.В. Данилова. М., 1960.
21. Turing A.M. On computable numbers with an application to the Entscheidungsproblem // Proc. London Maths. Soc. Ser. 2. 1936. № 42. P. 230–265.
22. Neumann J. First Draft of a report on the EDVAC. University of Pennsylvania, 1945.
23. Чачин К. Начало ламповой радиотехники. [Электронный ресурс]: <http://www.computer-museum.ru/index.htm>
24. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: В 9 т. Т. 6: Изобретения и технологии / Пер. с англ. М., 2002.
25. Фаткуллин А. Чип, который построил Джек // Компьютерра. 1998. № 34. 1 сент.
26. Кобаяси Н. Введение в нанотехнологию: Пер. с японск. М., 2005.
27. Валиев К.А. Квантовая информатика: компьютеры, связь и криптография // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8.
28. Жукова Е.А. Трансформации системы «наука» в мире High-Tech // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 7(58).
29. Тищенко П. Геномика: новый тип науки в новой культурной ситуации // Biomediale: Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004.
30. Юдин Б. Этическое измерение современной науки // Отечественные записки. 2002. № 7(8). [Электронный ресурс]: <http://www.strana-oz.ru/css/oz.css>
31. Иойрыш А. Правовые аспекты геномной инженерии // Biomediale: Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004.

ТРАНСЛЯЦИЯ ПРОБЛЕМ БИОЭТИКИ В ОБРАЗОВАНИЕ

И.А. Ланцев

Великий Новгород, Россия

Особенности современной науки – переход от аналитической методологии к синтезу данных (системный подход) и смещение интересов от технократических проблем к гуманистическим. Осознанная или неосознанная цель науки – предотвратить самоуничтожение человечества. Анализ эволюции жизни на Земле приводит к выводам, что любой биологический вид, появившись и пережив пик своего расцвета, вымирает (биотический цикл). Учитывая биосоциальную природу человека, трудно надеяться, что человеческая «популяция» не подчиняется этому закону. Однако в отличие от биологических видов возможная причина гибели человечества не внешние факторы,

а техногенная деятельность, ведущая к глобальной экологической катастрофе. Но человек – существо разумное, социально активное и может предотвратить подобное развитие событий, осуществляя целенаправленную деятельность на основе современной науки и лучших традиций общечеловеческой культуры. Будущее цивилизации зависит от целей и ценностей, которых придерживается человечество в своей деятельности. К сожалению, в современном обществе утилитарные ценности (личная польза и получение максимальной выгоды) доминируют над духовными, игнорируются нравственные основы бытия. Выход из кризисной ситуации возможен путем гармонизации взаимоотношений природы и общества в трех сферах: познавательной, преобразовательной (в поддержании внешней среды обитания человека) и этико-эстетической (физического, душевного и духовного здоровья).

Биоэтика (этика жизни) – область междисциплинарных исследований на стыке наук (биологии, медицины, этико-философского знания, права, социологии, теологии). Для нее характерно, прежде всего, осознание высшей ценности жизни, ее нравственное освящение как фундаментальной ценности. Усилия биоэтики направлены преимущественно от человека в окружающий его мир с целью сохранения жизни, независимо от того, в какой форме она протекает. Именно поэтому круг интересов биоэтики включает такие нравственные проблемы, как эвтаназия, трансплантация органов, искусственное оплодотворение, биомедицинские исследования. Проблемы, возникающие при применении биомедицинских технологий (аппараты искусственного кровообращения, дыхания, пересадка жизненно важных органов, вспомогательные репродуктивные технологии, генная диагностика и терапия и т.п.), демонстрируют противоречивость взаимовлияния медицины и ценностей. Эти противоречия побуждают выработать и корректировать фундаментальные нормы и ценности (правовые, этические, религиозные, политические и др.), традиционно лежащие в основе человеческой деятельности.

Актуальность проблем биоэтики и смежных с ней дисциплин определяет насущную необходимость трансляции ее знания в сферу образования. Биоэтика открывает перспективы теоретического и научно-практического анализа проблем, возникающих в отношении современного мира. Статус биоэтики как научно-практического знания позволяет существенно расширить ее гносеологические и образовательные цели. Биоэтику можно рассматривать как глубокий и специфичный пласт философской антропологии, этики и аксиологии.

В поисках мировоззренческих оснований, единства в системе знания о человеке и живой природе философия вырабатывает понятия, формирует язык междисциплинарного обсуждения жизненно важных проблем века научно-технического и информационного прогресса. Многие проблемы душевного и физического здоровья, стоящие перед человечеством, непосредственно затрагивают духовно-нравственную сферу. Это демографический кризис, наркомания и алкоголизм, резкое снижение уровня половой морали, рост невротизации общества, распространение новых технологий, повышение активности «медицинских» и оккультных сект, претендующих на оказание психологической и медицинской помощи населению, и другие. В рамках биосоциальных представлений о человеке решение этих вопросов не представляется возможным. Нельзя решить проблемы жизни, здоровья, ограничиваясь телесным, субстратным проявлением жизни без рассмотрения триединства тела, души и духа, физической, психической и духовной составляющих человека. Религиозные представления влияют на биоэтику, поскольку генезис биоэтики – религия, философия, этика, биоэтика. Происхождение этики дает возможность проводить тесные научно-религиозные параллели, считать наивысшей ценностью приближение Человека, всего человечества к подобию Божьему. Все остальные ценности, подчиненные этой, выстраиваются в определённую иерархию духовных, моральных и прочих ценностей, которую человек должен принять в идеале. Религии осуждают убийство, воровство, половую распущенность, определяют статус человеческого эмбриона, как личности и образа Божия, могут играть роль особой методологии при рассмотрении таких метафизических понятий, как жизнь, смерть. Междисциплинарный характер позволяет биоэтике формировать культуру достижения согласия, в том числе в различении добра и зла, в трудных ситуациях современного мира.

Новый смысл и цель всего образовательного процесса – междисциплинарное содержание. Задача образования – дать человеку такой образ мира, который позволил бы понимать причины кризиса современного человечества, возможность его преодоления, возбудить желание осознанно брать на себя ответственность по решению насущных проблем цивилизации. Достижению этих целей, наряду с философией, может служить курс «концепции современного естествознания» (КСЕ), в содержание которого гармонично вписываются проблемы биоэтики, экоэтики и валеологии. Основная цель курса – формирование научной картины мира как основы научного мировоззрения и регулятора

отношения человека к миру в его жизнедеятельности. В курсе КСЕ неизбежно приходится рассматривать основы экологической парадигмы – идеи единства, целостности окружающего мира, неразделимости всех процессов, протекающих в масштабах планеты и Вселенной. Экологический императив, как составляющая нравственного императива ведет к осознанию ответственности каждого человека за состояние биосферы Земли и будущее человечества. Изложенный в сообщении подход реализован в Новгородском государственном университете в авторском курсе лекций КСЕ. Создан мультимедиа вариант курса.

ДЕСУБСТАНЦИАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА В АСПЕКТЕ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Т.А. Сидорова

Новосибирск, Россия

Тело оказывается ключевым понятием в анализе трансформаций идентичности человека, являющихся результатом развития биомедицинских технологий. В современных формах антропологического знания, к коим нужно относить и философскую, и медицинскую антропологию, вырабатывается взгляд на тело, телесность как нечто произведенное, артефакт. В аспекте биомедицинского манипулирования телом в трансплантологии, репродуктивной медицине, пластической хирургии, в геной инженерии, нейрофармакологии тело не рассматривается как естественная данность, а превращается в биофакт [1], произведенную естественность. Такое восприятие телесного симптоматично для эпохи постсубъектности и отсутствия концептуального представления о человеке. В постсубъектной философии человека за развенчанием *res cogitas* тело оказывается под субстанциалистским подозрением. Не есть ли тело квинтэссенция рефлектирующего сознания, на основе которого может создаваться еще один метафизический концепт человека? Поэтому среди современных философских трактовок тела характерной чертой становятся его десубстанциализация и конструируемость в интерсубъективном процессе. Примером этому служат концепции «практик» (Фуко) и «техник» (Мосс) тела.

Магистральное движение изменения представлений о телесности немецкая исследовательница Э. Лист обозначает как движение от одухотворенного тела к телесности духа [2]. Возможно, взгляд Нанси

на Я как тело Другого находится в этом русле. Инаковость тела становится центром сборки такого Я, которое всегда внешне по отношению к самотождеству, а потому несакрально. «Я никогда не познаю своего тела, я никогда не познаю себя в качестве тела даже там, где «*corpus ego*» безоговорочно достоверен. Но других я познаю всегда в качестве тел. Другой – это тело, потому что только тело и есть другой. У него такой-то нос, цвет кожи, родинка, рост, ямочка. Он столько-то весит. От него исходит такой-то запах» [3, с. 55]. Э. Лист полагает, мы находимся перед технологическим уничтожением «живой самости», которая есть сочетание духа и тела, одухотворенное тело. Тело начинает, видимо, доминировать в понимании человеческого, однако в своем бытийном, сущностном значении, очевидно, утрачивает какой-то более важный пласт. Как замечает Д.В. Михель, «тело становится ареной для творчества и экспериментирования со стороны самой личности, превращается в своеобразный полигон для апробации творческих идей, веяний моды и фантазий» [4, с. 112].

В биоэтике теоретические модели представлений о теле востребованы в решении острых проблем. Здесь онтологические и аксиологические подходы к телу синтезируются в антропологическом вопросе об идентификации человеческого. Проблема разграничения человеческого и (до)человеческого или уже (не)человеческого в ситуациях констатации смерти индивида, находящегося в длительном коматозном состоянии, или определение статуса эмбриона неизменно ставят вопрос о том, какую роль играет тело, телесное в идентификации человека. Сегодня в биомедицине опровергнут тезис известного психолога Д. Лонга, утверждавшего, что «живые человеческие тела всегда с необходимостью являются живыми человеческими личностями». В обиход вошли понятия «доличностная жизнь» – когда речь идет об эмбрионах, «нечеловеческое личностное существование» (Энхельхардт) – как иногда обозначают пациентов с длительным вегетативным статусом.

Тело является той эмпирической данностью, которая всегда подвержена опасности лишения, изъятия свободы. С точки зрения морального взгляда, этот пункт очень важен, потому что мы о нарушении нашего права на свободу узнаем из нарушения нашей телесной интеграции. Истязание означает унижение человека на различных уровнях: наряду с отнятием свободы наносится также физический и психологический ущерб человеку. Телесные порывы или жесты, раздраженное лицо или смех, расслабленное или напряженное тело также свидетельствуют об интересубъективной вовлеченности тела, и эти

жесты могут интерпретироваться с точки зрения телесной ответственности. Например, такие социальные отношения как иерархия и родственные связи проявляются в определенных движениях, жестах, мимике. Это позволяет людям угадывать намерения других, предсказывать их поведение и либо продолжать взаимодействие, либо обрывать контакт. Таким образом, любое проявление телесного поведения человека имеет символический смысл, более или менее понятный другим членам общества. Как указывает П.Д. Тищенко, «...общность резко ограничивает суверенитет человека над его собственной телесностью. Тело, образующее интимнейший мир существования человека, оказывается чужой собственностью, находится в распоряжении чужой воли... это уже не просто мое тело, но и реальность бытия для меня чужого в форме общества и природы» [5, с. 44].

Технологические инновации радикально изменяют артикуляции телесности. С одной стороны, мы видим, как медиальная техника, виртуальные способы коммуникации порождают феномен бестелесного языка. С другой стороны, тело оказывается в центре биотехнологической сферы жизни современного общества. Когда ученый экспериментирует с эмбрионом, очевидно, что тело здесь не имеет возможности выражения, не имеет языка. Языком этого тела становится междисциплинарный дискурс, выражающий в этической оценке прагматически-инструментальный аспект существования этой телесной самости: при каких условиях это телесное образование может претендовать на человеческую идентичность.

Представляется, что в процессе конституирования самоидентичности тело в его временных аспектах – возраста, последовательности изменений тела в течение жизни, имеет огромное значение. Тело является качественной основой жизненных состояний человека, несмотря на релятивизацию опыта восприятия. Беспорядочное смешивание последовательностей-событий в медицинской заботе о теле ведет к утрате значения тела для самопонимания человека, к разрывам в целостной ткани жизни.

В современном технологизированном обществе возникают различные способы переделки тела посредством медиальной техники, интерента, ген-техники. Смысл этих переделок заключается в том, что здесь происходит попытка овладеть временем – заглянуть вперед, туда, о чем еще невозможно рассказать, поскольку это не стало частью жизненной истории и, соответственно, опытом тела. В экспериментах с телом, с началом или концом жизни, предугадывается будущее, конструируется определенным образом физическая данность, с которой

работают медики. Тело умирающего человека уже рассматривается как жизнь органов через техники трансплантологии. Тело будущего ребенка, конструируемое в технологиях премимплантационной генетической диагностики, также предугадывает его будущее как носителя особых качеств и, соответственно, особого восприятия, особой телесности, особого отношения с другими – особой самоидентичности. (Рискованность этого экспериментирования проявляется в том, что медицинские профессионалы озабочены оправданием своих действий путем выявления соответствий их «искусственных результатов», например, при применении вспомогательной репродукции психосоматическим показателям установленной нормы (идентичности) в настоящем.) Попытка «произведенное будущее время» представить как настоящее есть инстинктивное стремление видеть в идентичности, и, прежде всего, здесь речь идет о телесной идентичности, только то, что есть сейчас, то, что является нормой. «Пойманное» время оказывается чужим, не собственным, не прожитым. Идентичность, конструируемая на будущем телесном опыте, с одной стороны, притягательна, с другой, она отвергается общественным взглядом. Процесс нормирования, который осуществляется в биоэтике, есть не что иное, как адаптация нового телесного самопредставления.

Одухотворенное, десубстанциализированное тело изменяет свое значение в связи с изменением восприятия. По мере угасания тактильного восприятия происходит возрастание значения визуализации. На это, в частности, указывает Д. Михель [4]. Визуальный язык агрессивен, он строится на основе отстранения, разграничения, противопоставления и рассчитан на максимальное и мгновенное воздействие. Однако для памяти тела это быстрое воздействие также оставляет менее заметные следы.

Ж.-Л. Нанси также указывал на то, что современная западная культура утратила изначальный опыт тела, основанный на способности тела чувствовать, касаться. Способность касания обозначает не только границу тела для Другого, но и богатство тактильного мира.

Современные психолого-педагогические подходы часто видят в утрате богатства тактильного восприятия источник нарушения личностного развития ребенка, его способности осваивать социальное пространство. Так возникают специальные методики, например методика Монтесорри, направленные на восстановление деградирующей тактильной способности детей, которая влияет на общий психосоматический статус ребенка.

В. Беньямин, исследуя новые формы визуализации и изменение восприятия, утверждал, что формы репрезентации действительности меняются. Так, по мысли немецкого философа, рассказ в своей традиционной форме вышел из употребления. Также артикуляционная форма, которая завязана на телесности во временной перспективе, когда, например, морщины на лице «рассказывают» историю возраста, оказывается в ловушке современных коммуникативных форм. Общение в Интернете обходится без тела, так же как в явлении косметизации тела нужно видеть устранение знаков времени. Культура модернистского общества в отличие от традиционного отдает приоритет молодости перед старостью. Поэтому молодой облик оказывается востребован. В этом преуспевает не только хирургия, но и технологии репродукции, которые направлены на преодоление естественных временных ограничений фертильности. Гормональные и другие технологические вмешательства вспомогательной репродукции делают возможным рождение детей в постменопаузе.

Применение вспомогательной репродукции в медицине коренным образом изменяет метафору начала жизни. Семейный альбом сегодня открывается не фотографией счастливых родителей со свертком на руках, а фото малопонятного сгущения звуковых волн, зафиксированных на фотобумаге, или более фантастичным, когда мама держит ребенка *в руках*, в то время, когда он был еще эмбрионом. Пребывание в миру наступает до появления ребенка на свет. Технологии изменяют то, что всегда представало как область границ природного: зачатие, беременность, рождение, роды, сексуальную идентичность, различные манифестации телесности, процесс оплодотворения, материнство и менопаузу, наши формы аппетита, темперамент, и далее, наши взгляды, нашу личность, наш возраст, начало и конец жизни. Другими словами, наука и технологии ведут к радикальному изменению взгляда на телесность человеческой самости, к переоткрытию области природного.

Наступление на тело в генных технологиях (концепция Х. Хакер)

Кроме технического конструирования телесной самости в коммуникативном пространстве, обеспечиваемого современными технологиями, коренные изменения в представлениях о теле происходят в генных исследованиях. Телом не являются, тела имеют – так характеризует профессор Тюбингенского университета Х. Хакер воззрение на тело, принятое в современном медико-биологическом знании. Тело здесь предмет и центр внимания генетиков и ученых-биологов. Оно кажется

местом, в котором встречается борьба против болезней, научное любопытство и культурно канализированные образы тела [6].

Борьба с болезнями выступает как инициатор научного поиска за «ключами к жизни», которые ассоциируются с божественным могуществом. Такими ключами сегодня для науки выступает тело, точнее, биологический, имманентный принцип строения тела, ДНК. В самопонимании медиков и генетиков позитивно принимаются вызовы так называемых «границ жизни», будь это вызов клонирования человека или производство человеческих яйцеклеток, развитие искусственной беременности или всех видов тканей и органов при помощи стволовых клеток, или развитие ДНК-чипов, с помощью которых в будущем в кратчайшее время можно будет вычислить полностью генетически обусловленный потенциал риска для пациента. То, что в феноменологии телесности было обозначено как «своенравность» тела, феномен, который содержит два измерения понятия контингенции – случайность и конечность, – в биомедицине теперь есть как раз то, что попадает «под контроль технологии». Речь идет об уменьшении контингенции тела. Появляются возможности удовлетворить желание бессмертного, вечно молодого тела благодаря генетическим, гормональным, биохимическим методам. Медицина заботится об этом индивидуальном, но социально опосредованном желании и благодаря этому повышает рейтинг собственного положения в обществе. Что означает придать области медицины такую социальную функцию, которая прямо не связана с ее назначением – бороться с недугами? На уровне намерений речь идет о помощи пациентам. Их страдания стоят в центре ее интересов, являются мотивом развивать технику, которая помогает облегчать или преодолевать страдания. Однако мотив исцеления здесь оказывается не достаточен для того, чтобы оправдать выбор донора спермы с определенными свойствами в ин-витро оплодотворении с целью культивирования определенных признаков (например, создание банка донорской спермы нобелевских лауреатов и т.д.).

Очевидно, что больное или постаревшее тело противоречит глубоко признанному нарциссическому идеалу самости здорового и атлетического тела. Это желание превращается в культуру, которая использует технику и медицину как средства реализации этой желанного образа, в социально культивируемый фетиш. Фетишизирована именно телесная культура, которая воспринимает тело не как форму проявления индивидуальности и истории человека, а как инструмент власти, с которым действуют и символизируют этим телом силу, эстетику,

молодость и свободу от принуждения. Здоровое, сильное, прекрасное тело придает своему носителю квазимагическую силу, которая отрицает своё рождение от матери, зависимость в течение большого отрезка человеческой жизни, связь как выражение взаимной зависимости и противостоит смертности и конечности. Х. Хакер полагает, что за кажущимся суверенитетом инструментального и экспрессивного подхода к телу скрывается угроза отдельному человеку, которая состоит в том, что отдельный человек не сможет соответствовать господствующим идеалам и социальным стандартам, которые должно выполнять тело. Тело становится центром деятельности, оно функционально направляется во имя здоровья, прекрасной телесной целостности и вечной молодости и, вместе с тем, одновременно отрицается в своей индивидуальности. Социальное нормирование и индивидуальное овладение, эти два полюса конституирования идентичности, которые проявляются и имеют значение во всевозможных формах: в сексуальном развитии, в развитии профессиональной самости, в телесном фетишизме современной западной культуры, оказываются так вплетены в техногенную перестройку, что тем самым значительно затрудняют индивидуальный опыт телесности.

Сегодня наибольший контроль над человеческим телом или наибольшие возможности его формирования лежат не на поверхности, не «на коже», а «под кожей», в специфическом изменении признаков при генетических вмешательствах. Выбор эмбриона по критерию качества спермы для других личностей и попытки клонирования человека, без сомнения, являются пионерами так называемой генетики предложения. Проблематична в этом не только оценка риска, который отступает на задний план перед достижением желаемого. Важнее кажется Х. Хакер специфический способ подхода к человеческому телу, которое также сегодня подвергается в геномном исследовании двойной редукции. Во-первых, тело не воспринимается как медиум самости, а напротив, лишает тело телесности, редуцируя его к материалу. Во-вторых, биомедицина, особенно геномные исследования, занимается телом фрагментарно: органами, тканями, клетками, хромосомами, генами, т.е. именно частью вместо целого, функции которого должны быть поняты и изменены, но не с точки зрения целого.

Ученый обращается с материальностью материала, с телом как формой проявления, но не как выражением самовосприятия и восприятия Другого, поскольку тело вырывается из жизненного контекста, из индивидуальной жизненной истории. Любая связь с телесностью,

с «не-инструментальным отношением к собственному телу» и с телесным опытом с самого начала пресекается, духовность тела также не признается, как до этого в классической науке не признавалась телесность духа. Таким образом, лежащая в основе генных исследований модель дробления организма на мелкие части лишает тело целостности, а также не рассматривает тело как фактор самоопыта и самовосприятия человека. Биологический процесс абстрагируется от живого тела, не возвращая обратно эту абстракцию в конце цепочки действий.

Устранение тела опасно тем, что человек становится безосновным в том смысле, что меняя свои идентичности, выходя на предел возможных самоизменений, он утрачивает способность остаться самим собой, поскольку тело есть основание устойчивости самовосприятия и восприятия другого. Жажда предельного опыта, по словам С. Хоружего, приводит к дезориентации человека, в смысле кризиса истолковательной, означающей способности. В контексте телесности это означает, «...что с разрушением структур идентичности наступает и утрата человеком той имманентной герменевтики телесности, которая непременно входила в эти структуры. Человек перестает знать, что значит его тело, у него исчезает способ означивания, истолковывания своего тела... Он стремится открыть заново, что же значит его тело – и очевидный путь к этому обретается в разъятии, разложении тела. Идет интенсивное разъятие телесности – научно-аналитическое, эстетическое, в поиске идентичности, просто «из интереса» [7, с. 97]. Десубстанциализированное, конструируемое тело отнимает устойчивое основание самоуверения человека и человеческого.

Литература

1. Karafyllis Nicoli C. Biofakte. Versuch ьber den menschen zwieschen Artefakt und Lebenswesen. Paderborn, 2003
2. List E. Grenzen der Verfьgbarkeit. Die Technik, das Subjekt und das Lebendige. Wien, 2001.
3. Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999.
4. Михель Д.В. Тело. Территория. Технология. Саратов, 2000.
5. Тищенко П.Д. Дано мне тело... // Человек. 1990. № 3.
6. Haker H. Moralische Identitat. Literarische Lebensgeschichten als Medium ethischer Reflexion. Tьbingen, 1999.
7. Хоружий С. Герменевтика телесности в духовных традициях и современных практиках себя // Междисциплинарные проблемы психологии телесности. М., 2004.

БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА: КОГДА И КАК УЧИТЬ БИОЭТИКЕ?¹

Х.П. Тирас

Пушино Московской обл., Россия

Постановка задачи. Этика и этические вопросы человеком ставятся и решаются все время жизни. Не является исключением процесс биологического образования: этические проблемы биологии как науки и ее преподавания актуальны на всех уровнях рассмотрения вопроса.

В большинстве учебных программ биоэтику преподают как дисциплину гуманитарного профиля на 4-м курсе университета. Вероятно, составители программы полагали, что с проблемой морального выбора, другими традиционными вопросами биоэтики можно ознакомить наряду с другими дисциплинами в конце программы бакалавриата. В этом есть определенная логика: проблемы клонирования и эвтаназии, другие «заметные» проблемы биоэтики резонно изучать в конце программы бакалавриата.

Другое дело, если рассмотреть биоэтику не как теоретическую дисциплину, относящуюся скорее к области медицины и медицинской этики, а как к дисциплине, решающей самые острые проблемы собственно биологии как науки. Попробовать оценить этику биологов, повседневную практику их отношений с объектом исследования.

Цель исследования – показать, что преподавание биоэтики должно проходить стержневой ветвью через весь процесс биологического образования.

Современное состояние вопроса. Рассмотрим центральное противоречие, которое сопутствует ученику и студенту в ходе биологического образовательного процесса. Это противоречие между любовью к биологии, живой природе, которое присуще каждому человеку, и отсюда, интерес к этой науке о (строении) живой природы и реалиями биологии, как науки и научной дисциплине. Эти реалии лаконично можно представить как необходимость в ходе учебы и работы проводить различные манипуляции с животными, которые приводят в конечном итоге к травме и гибели экспериментальные животных.

В средней школе осознание последствий таких манипуляций стало обоснованием фактического запрета на работу школьников с живыми животными. Раз невозможно преодолеть этические перегрузки

¹ Работа поддержана РФФИ. Грант № 07-06-00272-а.

в работе с животными, то такие контакты в школе следует ограничить и разрешить работу (содержание, уход, наблюдение) с животными на внешкольном уровне, это могут быть дома пионеров (ранее), детско-юношеские центры и прочие учреждения, где можно создать этически корректные условия для содержания животных.

Эта проблема сделала школьную биологию фактически теоретическим предметом, который изучается по книгам и пособиям. Вся биологическая практика в школе свелась к походам на прогулки в близлежащий лес, на берег реки или озера, что, очевидно, не замещает потребности нормального цикла обучения биологии в средней школе.

Не менее важные проблемы встают перед школьниками, поступившими в биологический или медицинский вуз. Ими движет «чистая» любовь к биологии, живой природе, а в реальности уже на 2–3-м курсе на различных практикумах они должны проводить операции над живыми животными в ходе обучения, причинять им боль и смерть. Этические перегрузки в этом случае могут быть весьма серьезными, вплоть до ухода из профессии. Очевидно, что существующая практика биологического и медицинского образования требует серьезной этической экспертизы и коррекции [1; 2]. В первую очередь следует как можно раньше информировать учащихся о возможных этических рисках, которые имеются в биологии, должен работать принцип «предупрежден, значит, защищен» [1; 3].

В университете этот подход должен быть дополнен принципом «постепенности»: необходимо ставить перед студентом этические проблемы как можно раньше, желательно с первого курса, с повышением сложности решаемых задач на старших курсах. При этом существующие классические программы и курсы по биоэтике, которые преподаются на четвертом курсе, хорошо дополняют общую программу обучения биоэтики в вузе. Нами предложена практика введения в проблемы биоэтики уже на первом курсе бакалавриата. Студенты прослушивают курс лекций, проходят начальный практикум по экспериментальной биологии, а затем пишут реферат по биоэтике на избранную тему.

В эпицентре биологического образования оказывается выбор биологического (зоологического) объекта, который удовлетворял бы жестким этическим требованиям образовательного цикла в средней и высшей школе. Не менее важно определить объем и характер решаемых задач, которые будут решаться с помощью данного объекта в средней и высшей школе.

Экспериментальное животное должно быть достаточно легким для разведения и содержания в условиях школы и/или университета. Еще более важно, чтобы это животное было достаточно устойчивым к различным повреждениям, которые могут нанести им неопытные исследователи в ходе наблюдений. Тогда его можно будет рекомендовать для ограниченного круга задач в средней школе. Этим условиям отвечают пресноводные плоские черви – планарии [2–4].

Планарии – глобально распространенный вид животных, обитатели пресноводных водоемов. В США планарии отнесены к группе животных-индикаторов чистой воды. Планарии – небольшие животные, покрытые коричневыми или черными пигментными клетками, размером от 1 до 30 мм. Поверхность тела планарий покрыта ресничным эпителием. С помощью ресничек планарии перемещаются по субстрату, а также под пленкой на поверхности воды; способностью к плаванию планарии не обладают.

Регенерация – это способность живых организмов к восстановлению утраченных или поврежденных частей тела. В этом отношении планариям нет равных: они могут восстановиться после практически любых повреждений и утраты любой части тела. Таким образом, планарии прекрасно приспособлены к различным повреждениям, которые неминуемы при работе неопытного исследователя. Поэтому в ходе работы ученик и студент знают, что при любых возможных повреждениях, которые он может нанести планарии, она не погибнет, а регенерирует утраченную или поврежденную часть тела или даже целый орган.

При этом объем задач, которые решают школьники и студенты, принципиально различен: школьник только наблюдает за животными, а студент уже может делать простые операции над планариями [2]. Здесь учитываются два фактора: возраст учеников (школьник моложе студента минимум на один, а чаще всего – на два-три года), степень вовлеченности (соответственно, информированности) учеников. В средней школе биологию изучают все, в том числе, школьники, которые не будут в дальнейшем профессиональными биологами и медиками. В университет и на медицинский факультет идут молодые люди, ориентированные на профессию биолога или медика, имеющие изначально более полные знания о будущей профессии, лучше готовые к ней морально. Задача образования на этом этапе обеспечить постепенность вовлечения молодого человека в круг трудноразрешимых этических проблем и помочь ему найти собственное правильное решение проблемы.

Опыт решения проблемы. В Пущинском научном центре в Институте теоретической и экспериментальной биофизики впервые занятия со школьниками по компьютерной биологии были начаты в 1999 г. Пущинские школьники занимаются компьютерной зоологией – собирают планарий на листьях в близлежащих прудах и речках, в том числе на Оке, и делают их компьютерные фотографии [2, 5].

Далее эта работа была продолжена в 2004 г. в цикле лекций «Введение в биоэтику» на 1-м курсе бакалавриата Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Пущинский филиал). Студенты Пущинского филиала биологического факультета МГУ на первом курсе проходят первый в своей жизни экспериментальный практикум по биологии планарий, в ходе которого знакомятся с физиологией и поведением планарий, ставят свои первые опыты над животными, делают простые операции на планариях. Этот первый опыт экспериментальной работы должен помочь студентам адаптироваться к работе над животными и быть, в том числе, психологически готовыми к работе с высшими животными на старших курсах бакалавриата.

Помимо этих программ, в течение ряда лет совместно с Национальным медицинским университетом им. А.А. Богомольца (НМУ, Киев, Украина) реализуется проект «Этика живого и биоэтика» – опыт своеобразного «погружения в биоэтику» школьников медицинского лица при НМУ. В рамках этого проекта киевские и пущинские школьники прослушивают лекции и проходят тренинги по актуальным вопросам биоэтики на доступном им уровне, в том числе выполняют задачи по наблюдению за регенерацией планарий. Следует вновь подчеркнуть, что все опыты по регенерации ставят преподаватели, а школьники только наблюдают за процессом регенерации и фиксируют его в виде компьютерных фотографий регенерирующих планарий. Соруководителем проекта с украинской стороны является доцент НМУ, к.п.н. А.И. Егоренков [6].

Таким образом, в течение ряда лет в Пущинском научном центре РАН и Пущинском филиале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова наработан определенный опыт по созданию системы непрерывного биоэтического образования в средней и высшей школе. Эта практика раннего введения элементов биоэтики в программу классического университетского образования – опыт биоэтической пропедевтики.

Литература

1. Тирас Х.П. Человек и лягушка. Биоэтика. XXI века // Химия и жизнь. 2002. № 9.
2. Тирас Х.П. Биолог, вооруженный до зубов // Химия и жизнь. 2004. № 9.
3. Тирас Х.П. На пути к этической биологии (контуры этической концепции) // Практична філософія. 2006. № 1.
4. Тирас Х.П. Компьютерная биология в школе: вполне возможная реальность // Компьютер в школе, 1999. № 3.
5. Тирас Х.П., Рождественская З.Е., Ильясов Э.Ф., Судовцов В.Е. «Компьютерная морфология планарий» – проект, предлагающий новый подход к преподаванию биологии в школе // Математика. Компьютер. Образование: Тез. VI Междунар. конф. Пушино.1999.
6. Биоэтика – обучение методом погружения. Опыт российско-украинского сотрудничества // Медицинская газета. 2004. № 64. С. 12.

ЭКОЛОГИЯ И СОЗНАНИЕ

Л.Л. Штуден

Новосибирск, Россия

Этика (учение о морали) с момента её возникновения касалась, как правило, межчеловеческих связей и почти никогда – отношений человека с окружающей его средой. Это легко понять: цивилизованный *homo sapiens* уже давно разучился воспринимать среду как нечто живое; вплоть до Новейшего времени человеческий эгоизм абсолютно игнорировал опасность экологической катастрофы («на наш век хватит!»), а призывы отдельно взятых недругов цивилизации, поборников естественной жизни, вроде Ж.-Ж. Руссо, оставались гласом вопиющего в пустыне.

Между тем роковой конфликт человека с экосистемой ведёт своё начало ещё с первобытных времён. Рубикон, который осмелился перейти человек, затеявая гражданскую войну с природой, носит название Неолитической революции. Именно переход к производящей форме хозяйства открыл эру систематического насилия над природой.

Производство – всегда война со средой обитания. Победа в ней человека означает – неизбежно – самоубийство победителя. В XX в. это стало, наконец, очевидно не только специалистам-экологам, но и рядовому обывателю.

Если вникнуть в существо проблемы, нельзя не прийти к радикальному (и потому пугающему) выводу: *любое производство несовместимо с естеством природы*. Несовместимо – в принципе. Ибо производство есть система искусственных средств для получения искусственного продукта, который, по мнению человека, природа

ему дать не может, по крайней мере, в том количестве и того качества, на которое он претендует. Производство есть также средство для обеспечения безопасности и комфорта, в чём, по мнению человека, он всегда нуждается, и что не способна ему предоставить равнодушная и враждебная среда обитания.

С тех пор как, забыв о сотрудничестве с природой, человек стал в позицию *пользователя*, произошла опасная аберрация: все объекты, составляющие природное окружение, он перестал видеть как всеобъемлющий живой организм, частью которого, между прочим, является и он сам, – среда превратилась в некий склад подручного материала, из которого человек по своему произволу может делать всё, что ему заблагорассудится.

Первые тысячелетия после начала неолита природа уступала человеку в частностях (умножение пустынь, засоление почв, исчезновение отдельных видов животных), однако не уступала в главном: глобальная экосистема, несмотря на потери, сохранялась. Но с наступлением эры индустриализации, оснастившей человека невиданными средствами воздействия на всё и вся, положение кардинальным образом переменялось.

Наука никогда не ставила своей приоритетной целью изучение условий гомеостаза, в которых только и возможно существование всего живого на планете Земля... Между тем эти условия, подобно лезвию ножа, разделяют две пропасти: лунную мертвенность обезвоженного каменистого пейзажа и хаос первообразной космической пыли. Дело в том, что химические элементы, существующие в космосе, могут быть благоприятными для жизни лишь в известных сочетаниях, так же, как и само положение планеты в звёздной системе, и многое другое. Например, высокая концентрация метана в атмосфере, или наличие в почве отравляющих веществ, или мощные радиационные потоки, или слишком высокая плотность атмосферы, – и еще множество этих «или» – были бы абсолютно несовместимы с жизнью. Можно лишь удивляться тому, как разумно и заботливо распорядилась природа, снабдив Землю необходимым сочетанием сбалансированных условий и тонких механизмов, поддерживающих жизнь.

Производящему человечеству это всё нипочём. Идея технического «переустройства» мира, благоустроенного Богом, вот уже 300 лет не даёт покоя «романтикам» от науки. Наука ищет и находит искусственные материалы (пластик, целлофан, пенопласт...), которые, попадая в землю, **не могут** стать пригодной к воспроизводству жизни

почвой; она изобретает химические соединения, способные омертвить или взорвать всё живое в пределах досягаемости; она синтезирует антибиотики, применение которых плодит вирусы-мутанты и ослабляет иммунную систему защиты организма человека... Она вторгается и в такие интимные тайны природы, как зарождение жизни, энергетику атома, управление сознанием. И всё это – под флагом самочинного, самовольного благоустройства того, что, по мнению человека, недостаточно продумано и благоустроено в естественной природе!

Сложность экосистемы такова, что наука, как правило, не в состоянии предусмотреть все последствия своих экспериментов, а *не-наука* и подавно: человек только и делает, что спасается от бед, «наколдованных» жрецами технотронной цивилизации. Казалось бы, самое время повернуть стрелки судьбоносных часов вспять, самое время опомниться, дать возможность Земле свободно вздохнуть и залечить многовековые раны! Да не тут-то было. В «обществе потребления», основанном на коммерции, невозможно хотя бы замедлить безумный рост темпов производства, не говоря уж о том, чтобы привести его в соответствие с задачами экологии. Мы продолжаем выкачивать нефть, уничтожать уголь, вырубать леса, отравлять воздух, воду и почву, превращать в гималаи свалок полезные ископаемые.

Поразительная ситуация: все всё понимают, но сделать ничего нельзя.

Почему? Не потому ли, что человек, будучи индивидуально разумным, внутри *массы* остаётся безличным атомом социальной стихии? Что совокупное человечество так же лишено не только разума, но и простого инстинкта самосохранения, как стая леммингов, спешащая опрорхнуть к речному берегу, чтобы триумфально утонуть во исполнение никому не понятной воли к коллективной смерти?

Становясь частью стихии, человек не может отвечать не только за состояние природы, но и за себя самого. Он не понимает и главной движущей силы этой стихии, а между тем она совершенно банальна: АЛЧНОСТЬ – её имя. Человек социальный есть, как правило, *человек алчущий*. О цене своих социальных благ, о цене своих привилегий и своего комфорта он не задумывается хотя бы потому, что награда за эти «достижения» следует немедленно, а вот расплата – где-то в далёком будущем... О ней он предпочитает много не размышлять.

Сплошь и рядом предмет этой губительной алчности – совершенно ничтожен, и однако ж «социальное животное» никак не может от него отказаться! В современной Германии, по свидетельству русского

социолога А.А. Зиновьева, на рынок поступили 200 разнообразных устройств для... разрезания крутых яиц. На одно лишь это производство тратится, надо полагать, немалое количество расходных материалов... Смысл? – Никакого, если не считать стратегии конкурентной борьбы. Остановить это безумие можно только в том случае, если человечество сумело бы обуздать стихию коммерции, заодно со стихией «растущих потребностей»... (Можно начать и с того, чтобы согласиться резать крутые яйца простым ножом, что, вероятно, потребует у столь цивилизованной нации, как немцы, известного мужества и готовности к самопожертвованию.)

Но это лишь один аспект проблемы. Массовое производство яйцезерезных аппаратов, усовершенствование комфорта и рост ненужных потребностей – не единственные «виновники» уничтожения природы. Другая сторона того же процесса заключена в равнодушном, варварском, хамском отношении «человека разумного» ко всему, что не есть он сам. Например, Советская Россия, где потребление было весьма убогим, а коммерция считалась уголовным преступлением, разрушение природы происходило с не меньшим успехом, чем на преуспевающем индустриальном Западе. Разгильдяйство, халатность, воровская алчность (вспомним браконьеров!) свели к нулю немало заповедных уголков нашей необъятной Родины. Это, конечно, *проблема отношения*, – причём гораздо более глубокая, нежели коммерческий беспредел. Она не есть только следствие дурного воспитания, как могло бы показаться на первый взгляд. Проблема – в *ложном осознании*.

Современный человек зачастую даже не догадывается о том, что он не единственный носитель сознания в природе и что окружающая среда – не «среда» вовсе, а океан живого, в котором «венеч творения» является лишь каплей... Цивилизованный индивид утратил это понимание. Однако оно, безусловно, существовало в палеолите – в эпоху так называемого «детства человечества» (факт, лишний раз указывающий на то, что дети изначально мудрее взрослых...).

Для древнего человека в природе не было *мёртвых* вещей. Всё сущее в подлунном мире было для него не «оно», а «ты». Городская цивилизация, отделившая человека от природы крепостной стеной, погасила в нём это ощущение *тотальной силы сознания*... Ставши всего лишь «объектом», природа сделалась психологически пригодной для научного познания.

Среди племён, сохранивших до наших дней первобытную культуру и первобытное мирозерцание, до сих пор принято просить прощения у любого живого существа, которое охотник вынужден лишить жизни, чтобы добыть пропитание для своего племени. И не только у животных, но даже у растений: с ними собиратели и шаманы могли «беседовать». Именно такое поведение было достойно *человека разумного*: уважение к жизни, *сознательная* связь с нею на всех уровнях живого универсума. К разновидностям этой коммуникации относился, между прочим, и пресловутый *анимизм* – почитание духов мест и стихий. Мыслима ли сама возможность ТАКОГО восприятия относительно объектов научного познания?

Между тем этика как таковая вообще невысказана в системе «человек – вещь». Этика предполагает ощущение *партнёрства сознаний*, в котором оба «собеседника» имеют равное право на жизнь и любовь: человек и животное, человек и растение, человек и земля. Нельзя надеяться на сохранение экосистемы, опираясь лишь на прагматику человеческого эгоизма: мол, я должен позаботиться об окружающей среде, исходя из моих собственных (человеческих) интересов! Этого мало. Тем более, что интересы человека во многих случаях, как мы знаем, слишком далеки от разумности.

Надо вернуть природе священный статус, который она когда-то имела во времена язычества. Из отношений с окружающей средой надо категорически исключить *идею эксперимента*. Эта идея не только ошибочна, она кощунственна (вообразите-ка себе эксперимент с телом собственной матери!).

В научной литературе последних десятилетий уже не раз отмечалось, что эволюция человеческого сознания пошла по ложному пути совершенствования интеллекта, в ущерб другим его свойствам, которые когда-то помогали человеку сохранить себя как вид в очень суровых условиях, но с течением тысячелетий деградировали. Не странно ли, что кроманьонец – единственное на Земле существо, лишённое естественных средств защиты и нападения, – сумел уцелеть среди дикой природы, не имея ни крепостных стен, ни смертоносного оружия? Вероятно, он обладал, ещё до эры «абстрактного мышления», такими сверх-способностями сознания (ясновидение? телепатия? психокенез?), которые выгодно выделяли его из среды всех живых существ... Но, поставив перед собою задачу обеспечения *гарантий безопасности*, т.е. изобретения *технических* средств защиты и нападения, он шаг за шагом начал совершенствовать рационально-логическое мышление,

попутно теряя всё остальное, в том числе силу своей первобытной интуиции, некогда позволявшей ему *реально чувствовать* жизнь в любом дереве, любом камне и любой былинке! Сознание, становясь всё более механистичным, достигло невиданных интеллектуальных высот, однако потеряло глубину и тотальную связь с окружающим миром. ТАКОЕ сознание, противное всякому естеству, вполне закономерно сделалось врагом природы. Прежде, чем сделать природу мёртвой, человек создал внутри себя её мёртвый – «объектный» – образ. Так, мало помалу живая природа превратилась в окружающую среду, подручный материал для всевозможных технических усовершенствований. Наука и техника Новейшего времени подвели под всем этим жирную черту: сделали ментальную отгороженность человека от мира почти непробиваемой.

Что можно было бы сделать прямо сейчас, чтобы, если уж не ликвидировать опасность катастрофы, то, по крайней мере, отдалить её настолько, чтобы успеть перестроить сознание «царя Природы» с монархического своеволия – к смирению перед Нею и сотрудничеству с Ней?

1. К настоящему времени человек **не может** отказаться от благ, доставляемых ему цивилизацией; было бы утопией надеяться на мгновенный и благодетельный переворот в массовом сознании... Пусть так. Но в таком случае, в качестве первого шага, человек должен обозначить заповедные места на земной карте, куда ни в коем случае не должен вторгаться ни он сам, ни лелеемая им цивилизация. Человек должен перейти к «точечной» системе мест своего обитания, предоставив остальной части экосистемы развиваться по естественным законам. Тогда поверхность Земли будет напоминать не сплошь изъеденный язвами организм, а по крайней мере, тело с отдельными очаговыми поражениями, совместимыми с жизнью.
2. Необходимо создать специальный международный орган, нечто вроде **Совета экологической безопасности** (далее – совет) при ООН, решения которого были бы обязательны для всех государств. Например, решением такого совета могла бы быть запрещена вырубка лесов в Амазонской сельве, губительно влияющая на климат Земли; запрещено испытание угрожающих экосистеме новых технологий. Решение того же совета, в частности, могло бы прекратить деятельность целлюлозного комбината, отравляющего Байкал. Специальным решением следовало бы объявить

все действия любого государства, угрожающие жизни на Земле, не подконтрольными суверенной юрисдикции этого государства: подобные действия должны быть квалифицированы как преступление против человечества. Никакие соображения коммерческой выгоды, прогресса науки или даже государственной безопасности не должны служить аргументом к продолжению деятельности, угрожающей экосистеме планеты.

3. Одновременно следовало бы ввести в систему образования всех промышленно развитых государств мира основы экологической грамотности, так же, например, как ныне повсеместно введена компьютерная грамотность. Это не потребует каких-то больших усилий, ни материальных, ни организационных. Новая учебная дисциплина не должна быть очередной академической формальностью, наряду с прочими, и в её учебном арсенале обязательно должно быть введение специальных методик по расширению сознания. Необходимо преодолеть ветхозаветный стереотип тотального подчинения якобы неодухотворённой природы её якобы полновластному господину и «венцу творения», человеку.

Вот то немного, что, по нашему мнению, можно – и нужно – было бы сделать уже сейчас. Автор этих строк, конечно, далёк от призыва к тотальному уничтожению машин и городов, дабы найти спасение в лесах и пещерах... Но, может быть, есть какой-то способ сделать наше сознание чуть более живым, а цивилизацию – чуть менее убийственной?..

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

ПОНЯТИЕ «НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ» В ФЕНОМЕНЕ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

Л.В. Ананова

Томск, Россия

В настоящее время выражение «единая Европа» практически полностью отождествляется с проводимыми в европейских странах интеграционными процессами. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается основная проблема и актуальность представленной работы – говоря о «единой Европе», многие современные исследователи европейского объединения видят единство Европы через ее экономическую составляющую. Однако мы обратили внимание, что в понимании этого образа отсутствует культурная составляющая. В данной статье мы рассмотрим основные причины указанной проблемы, а также значение понятия «наднациональность» как части феномена единой современной Европы.

Процессы европейской интеграции развивались в направлении создания единого пространства: географического – без промежуточных границ и таможен, с единой визовой зоной; политического – с единой конституцией; экономического – с едиными рыночными критериями, нормативами и валютой.

Продолжающиеся и по сей день интеграционные процессы в европейских странах исторически имели экономические предпосылки. Начиная с 50-х гг. XX в., можно наблюдать образование таких крупных объединений, как Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Европейское объединение по атомной энергии. Эти Европейские сообщества, или так называемый «Общий рынок», являлись объединением государств, стремящихся к политическому и экономическому единству (при частичном отказе от своих национальных суверенитетов).

С середины 60-х гг. в исследованиях, посвященных крупным европейским сообществам, все чаще стало отмечаться, что в каких-то отношениях они перерастают рамки обычных международных организаций и что руководящие органы сообществ во многих отношениях приобретают большее сходство с органами государственными. Потребовалось новое определение процессов интеграции в Европе, отражающее их сущность.

Поиски нового определения процесса интеграции, его специфики привели исследователей к возникновению понятия «наднациональность».

В зарубежной литературе понятие «наднациональность» оказалось в центре оживленной дискуссии после образования Европейского объединения угля и стали. Еще в начале 50-х гг. И. Кунц определяющим в наднациональности считал передачу государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации и наделение ее соответствующей компетенцией по их реализации [цит. по: 1]. По его мнению, международное право в целом должно быть наднациональным. Оно не может быть правом «между», а только «над» государствами. Его соотечественник П. Хэй главным критерием для определения наднациональности считал автономный характер международной организации [1]. Применительно к Европейскому экономическому сообществу он полагал, что независимость комиссии является главной характеристикой наднациональной природы сообщества.

В российской науке международного права также нет единого, понимания наднациональности. Е.А. Шибаева полагала, что вопрос о наднациональности международной организации – это вопрос о соотношении суверенитета государств-членов с полномочиями созданного ими внутриорганизационного механизма [2]. Вступление государств в международную организацию влечет за собой с их стороны добровольную передачу данной организации своих суверенных прав. Степень делегирования составляет, по ее мнению, сущность института наднациональности. По мнению А.С. Фещенко, наднациональность – это совокупность полномочий, которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования их взаимоотношений, причем эти полномочия имеют приоритетный характер по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, включая возможность принятия обязательных для них решений [3].

Итак, в основе понимания феномена «наднациональности» лежит определение правоотношений, позволяющих органам объединенных государств принимать решения, создающие права и обязанности для граждан с одной стороны, а с другой – определяющих пределы своих полномочий. С этой позиции о наднациональном феномене можно говорить с того момента, когда страны-участники Европейского союза (ЕС) отдают часть своего суверенитета наднациональным (надгосударственным) властям, которые, минуя власти отдельных государств, могут напрямую обращаться к гражданам государств-членов ЕС.

Таким образом, говоря о степени разработанности данной проблемы можно отметить, что в работах исследователей интеграционных

процессов в Европе понятие «наднациональность» рассматривается в основном с правовой и экономической точек зрения.

Тем не менее, выражения «наднациональная Европа», «Европа регионов» говорят о новых жизненных ощущениях и новой духовной практике европейцев. Это наводит на размышления – есть ли у европейского единства иные основания, кроме экономических?

В первой половине 90-х гг. наблюдается множество публикаций различного рода, пытающихся определить, что стоит в современном культурном сознании за понятиями «Европа» и «европейская идентичность», в каких отношениях они находятся с понятиями «прошлое», «национальное» и «будущее».

С одной стороны, европейские государства в силу географических и экономических причин стремятся к объединению, с другой стороны, каждая страна-участник ЕС стремится сохранить свою уникальность и национальную идентичность.

Отсюда возникает серьезный вопрос относительно того, будет ли вследствие объединения создана единая европейская нация (возможно без юридического признания, но будет ли она таковой в повседневной жизни и можно ли будет это увидеть по каким-либо ощутимым и определяемым признакам) или же странам-участникам удастся сохранить собственную национальную идентичность?

Дискуссии по этому поводу продолжаются и сегодня. В 1995 г. голландец Риен Седжерс написал достаточно показательную статью «Европа: когнитивный или эмоциональный концепт?», указывая на явный недостаток эмоционального содержания понятия «Европа» и неумение работать с культурной идентичностью.

Таким образом, мы видим, что понятие феномена «наднациональности» крайне противоречиво и многогранно. Существуют различные группы исследователей, принимающих ту или иную концепцию понимания термина «наднациональность», однако общепринятой теории этого определения не существует. В какой-то мере разногласия исследователей порождены, с одной стороны, отсутствием ясности и неоднозначностью термина «наднациональность» в тех немногих документах, где он употребляется, с другой – различием методологических приемов, использованных при его изучении.

Итак, феномен «наднациональности» сегодня – это в некоторой степени многостороннее сочетание образов единой Европы, в котором, с одной стороны, явно просматривается экономическая составляющая, с другой стороны, культурно-антропологическая присутствует в латентном виде.

Таким образом, отвечая на вопрос: «Можно ли сегодня говорить о феномене «наднациональности»?», мы можем утверждать, что данный феномен существует. Однако исследования этой части феномена единой Европы ведется сравнительно недавно. При этом акцент ставится на его экономической и правовой грани. Однако достаточных оснований говорить о феномене «наднациональности» с точки зрения его гуманитарной (культурной, антропологической, социологической) составляющей пока нет. С нашей точки зрения, «наднациональность», прежде всего, проявляется в едином европейском пространстве как социокультурный феномен, который подлежит более глубокому исследованию.

Литература

1. Толстухин А.Э. О наднациональном характере Европейского Союза // Московский журнал международного права. 1997. № 4.
2. Шibaева Е.А. К вопросу о наднациональном характере универсальных международных организаций // Советский журнал международного права. 1992. № 4.
3. Фещенко А.С. Наднациональность в деятельности международных организаций // Советский ежегодник международного права. М., 1987.

ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

В.В. Ачкасов

Томск, Россия

Интенсивное использование в конце XX и начале XXI вв. природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, широкое внедрение научно-технического прогресса во все сферы общественно-производственной деятельности, формирование рыночных отношений сопровождаются появлением и широким распространением различных природных, биологических, техногенных, экологических и других опасностей. По прогнозам МЧС России на 2006–2007 гг., количество и тяжесть стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф будет сохранять тенденцию к увеличению [10].

Но на сегодняшнем этапе своего развития человечество не может отказаться от опасных технологий, без которых также не возможно выживание населения Земли, которое уже составляет 6.5 млрд

и продолжает увеличиваться. Сегодня мировым сообществом признаётся тот факт, что пока невозможно обеспечить абсолютную безопасность, можно лишь поддерживать приемлемый уровень риска, так как источники катастроф лежат не только в ошибках операторов или ненадежности отдельных элементов. Они в основе самих сложных технологий, включающих множество взаимосвязанных элементов. При таком подходе возможность катастроф – это не свойство отдельных частей системы, а свойство целого. Другими словами, в результате «сборки» возникает совершенно новый фактор – сложная динамика системы. Она способна обеспечивать сложные зависимости конечного состояния системы от ее начального состояния. При этом полный перебор всех возможных вариантов подобных зависимостей лежит за пределами человеческих возможностей. Отсюда возникновение «неблагоприятных начальных условий» и как следствие их дальнейший прогресс с возникновением чрезвычайной ситуации [8].

Такая политика, не исключая возможности полного предотвращения чрезвычайных ситуаций, тем не менее принимает во внимание, что они по тем или иным причинам все же могут произойти. Она требует заблаговременной оценки риска аварий и катастроф (оценки вероятности их реализации и последствий) с целью принятия решений по его снижению до такого уровня, какой только разумно достижим, учитывая экономические возможности и социальные предпочтения [7].

Глубокий развернутый анализ эта концепция получила на Конференции ООН (1992 г.) по глобальной проблематике в Рио-де-Жанейро и поддержана в Йоханнесбурге (2002 г.).

Основным лейтмотивом на них стало развитие идеи устойчивого развития человеческой цивилизации. Её суть – это путь социального, экономического и политического прогресса, позволяющий «удовлетворить нужды настоящего поколения, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять их нужды» [12]. В России эта идея была закреплена в важнейшем государственном документе «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [3]. Принятие стратегии перехода России к устойчивому развитию представляется событием огромного исторического значения для нашей страны. Можно ожидать, что идеи устойчивого развития будут служить основой становления ноосферной духовности и созидательной социальной стратегии россиян, базой гражданского, национального и политического согласия в обществе, формирования новой модели российской

государственности. Россия, не обремененная чрезмерным грузом негуманных потребностей, может опередить многие индустриально развитые страны, раньше других встать на путь устойчивого развития.

Реализация подобной стратегии требует формирования у каждого человека определённого типа сознания, создающего потребность в овладении соответствующими навыками и средствами защиты, а также мотивацию деятельности, направленную на получение дополнительной информации, определение собственного выбора в возникающих неблагоприятных ситуациях и участие в управлении риском на уровне общества.

Особенно важным в этой связи представляется обучение безопасному поведению в экстремальных ситуациях (БПЭС), вызванных как природными стихийными бедствиями, так и техногенными авариями и катастрофами (согласно рекомендации «Центра исследований экстремальных ситуаций», созданного в 1992 г. на базе Военно-инженерной академии МЧС России). Оно включает ключевые компетенции, связанные с действиями в очаге стихийного бедствия, в зоне техногенной аварии и катастрофы, во время террористического акта и автономное выживание [6]. Эти знания и навыки активно используются сегодня в сфере специального профессионального образования (подготовка сотрудников для МЧС России, спецподразделений армии и спецслужб и т.п.) [9; 11]. На их трансляции в общеобразовательную практику настаивает большинство учёных и практиков в области безопасности жизнедеятельности [1; 3; 6; 13]. Это обусловлено тем, что личность может быть безопасной для себя и окружающих её людей в экстремальных ситуациях (ЭС), только если владеет не отдельными навыками выживания, а имеет комплексную подготовку, позволяющую ей эффективно противостоять стихии.

Начиная с 90 гг. XX в. и по сегодняшний день интеграция опыта БПЭС в России осуществляется в общеобразовательную практику в основном через учебные дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) в школе и «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) в вузе. Однако этот процесс идёт крайне медленно и недостаточно эффективно вследствие того, что, с одной стороны, делается попытка включить в содержание этих образовательных дисциплин изучение всевозможных видов угроз, с которыми человек может столкнуться в жизни [1; 2].

С другой – отсутствие концепции формирования БПЭС на разных ступенях обучения: школа, колледж, вуз. Наиболее ярко эта проблема

проявляется в учебном процессе классического университета. Согласно УМО РФ учебная дисциплина БЖД рекомендована как курс по выбору и включается в учебный план на самостоятельное усмотрение вуза. Государственный образовательный стандарт по этому предмету отсутствует [4, 5]. Не существует разработанных специально для классических университетов учебных и методических пособий не только по формированию БПЭС, но даже по БЖД, а имеющиеся являются адаптированным вариантом учебников, написанных для технических вузов.

Например, в Томском государственном университете на 2007 г., только на 14-ти факультетах из 22-х ведётся преподавание БЖД, причём разными преподавателями (нередко аспирантами кафедр) и по разным учебным программам и учебникам. В 2005 г. 6 факультетов вообще исключили данный курс из своих учебных планов. Примерно такая же картина наблюдается и в других классических университетах.

Подобная ситуация была спровоцирована отчасти самими разработчиками учебных дисциплин ОБЖ и БЖД. По их замыслу, школьный курс ОБЖ должен вооружить подростков знаниями и сформировать у них все необходимые навыки, позволяющие им успешно противостоять различным видам опасностей, в том числе и ЭС. На последующих ступенях образования (колледж, вуз) эти навыки и знания должны в основном только совершенствоваться и углубляться [1].

Однако и на сегодняшний день остаётся неясным, что из себя должно представлять «совершенствование» и «углубление». Анализ существующей на сегодня учебной и методической литературы по БЖД (в том числе и созданной разработчиками ОБЖ и БЖД) показал, что в основном она незначительно отличается от той, которая используется при обучении ОБЖ (особенно в вопросе формирования БПЭС).

Отсюда преподавание учебной дисциплины БЖД в классическом университете на 81–87 %, а в техническом вузе на 48–53 % является дублированием школьного курса ОБЖ (меньший процент дублирования вызван тем, что включены вопросы охраны труда и безопасности технических процессов и объектов).

Описанная проблема усугубляется ещё и тем, что современное общество, несмотря на возрастающую потребность в формировании у каждого человека БПЭС, достаточно лояльно относится к фактам некомпетентности в вопросах обеспечения безопасности жизнедеятельности. Сегодня ни один работодатель не возьмёт на работу выпускника

вуза, не владеющего азами выбранной профессии. Но при этом, согласно данным опроса работающих выпускников вузов, во время собеседования при приёме на работу никто не интересуется уровнем подготовки молодого специалиста в вопросах обеспечения безопасности.

Поэтому не случайно по рейтингу безопасности, введённому ООН для оценки благополучия государств, Россия соответствует седьмому уровню. К восьмому относят страны, в которых идёт война [13].

Сегодня необходимо серьёзно задуматься и пересмотреть отношение к формированию у будущих выпускников вузов БПЭС, так как это не только поможет им выжить в ЭС, но и, самое главное, их предотвращать.

Первое, с чего необходимо начать, – это определиться с тем, что является конечным продуктом подготовки после изучения школьного курса ОБЖ и БЖД в вузе. На взгляд автора, школьный предмет ОБЖ должен формировать индивидуальную траекторию БПЭС. Другими словами, подросток будет способен бороться за свою жизнь в большинстве ЭС.

В вузе, в частности классическом университете, в учебной дисциплине БЖД БПЭС должно рассматриваться с точки зрения группового выживания в ЭС, причём студентов необходимо обучать методам управления людьми в чрезвычайных ситуациях. Такой подход продиктован тем, что выпускников вуза, независимо от выбранной ими специальности, по сути своей готовят к руководящей и организаторской работе. Но это же самое оказывается востребованным и в ЭС при групповом выживании. История изобилует примерами, когда авторитет руководителя, его правильные умелые действия спасали многих людей в самых безнадёжных ситуациях.

Однако для повышения ответственности руководителей учебных заведений всех уровней, на взгляд автора необходимо ввести в диплом графу, характеризующую уровень квалификации выпускника в вопросах обеспечения безопасности жизнедеятельности.

Например, присуждение квалификации «специалист гражданской обороны». При этом абсолютно не важно специализация выпускника, так как вряд ли стихийное бедствие будет лояльнее относиться к художнику, чем к инженеру. Потому что перед чрезвычайной ситуацией все люди равны и выживают только более подготовленные и организованные.

При этом было бы хорошо вспомнить опыт СССР в деле военной подготовки студентов вузов, когда диплом о высшем образовании не выдавался выпускнику без сдачи экзамена по военно-учётной специальности.

Перечисленные мероприятия, по мнению автора, могли бы помочь в деле повышения как личной ответственности выпускника вуза перед обществом, так и общества перед ним, если мы хотим сохранить приемлемый уровень риска опасностей в нашей повседневной жизни.

Литература

1. Белов С.В. Концепция образования в области безопасности жизнедеятельности / В.А. Девисилов // Безопасность жизнедеятельности. 2001. № 3.
2. Белов С.В. Безопасность жизнедеятельности // Безопасность жизнедеятельности. 2001. № 1.
3. Воробьёв Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций: Монография. М., 2000.
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность – 060600 Мировая экономика. Квалификация: экономист: Вводится с момента утверждения / Мин-во образования Рос. Федерации. М., 2000.
5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность – 061000 Государственное и муниципальное управление. Квалификация: менеджер: Вводится с момента утверждения / Мин-во образования Рос. Федерации. М., 2000.
6. Дикарев В.И. Обеспечение безопасности человека в экстремальных ситуациях / В.И. Дикарев, В.А. Заренков. М., 2003.
7. Кузьмин И.И. Концепция безопасности: от риска «нулевого» – к «приемлемому» / И.И. Кузьмин Д.А. Шапошников // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 5.
8. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
9. Методическое пособие по тактико-специальной подготовке спасательных подразделений войск ГО Российской Федерации / Под общей ред. генерал-полковника Г.Н. Кириллова. М., 2001.
10. Прогноз МЧС России: аварии, катастрофы и стихийные бедствия в 2007–2008 годах. [Электронный ресурс]: <http://www.mchs.gov.ru>
11. Программа первоначальной подготовки спасателей МЧС России / Под общей ред. С.К. Шойгу. М., 2002.
12. Состояние мира 2003: Доклад Ин-та Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу: Пер. с англ. М., 2000.
13. Ярочки В.И., Бузанова Я.В. Теория безопасности. М., 2005. 176 с.

МЕТАСИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД НА КРИТЕРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.А.Ванеева

Новосибирск, Россия

Начальная стадия нового века формирует принципиально иную точку отсчёта в движении современного общества. Это предполагает пересмотр главных социальных ориентиров для выстраивания надежной парадигмы социально-экономического развития и переоценки с этой целью качества и эффективности научных исследований, связанных с изучением тенденций формирования современного человека.

В России перелом веков совпал с фундаментальными изменениями в области теории и практики национального развития, которые связаны с переходом страны к открытым рыночным отношениям.

Кардинальные изменения в политико-экономической и социокультурной ситуации в нашей стране объективно стимулируют необходимость формирования **системного взгляда** на любые явления и процессы. Это имеет непосредственное отношение и к анализу условий трансформации современной личности. Человек в действительности становится центральной фигурой всех происходящих событий. Поэтому сегодня необходим выход на интегральную ступень дифференцированного научного поиска, предполагающего междисциплинарный подход к исследованию общего процесса социального развития и приоритетных направлений в формировании личности.

Приоритетно-профессиональный взгляд уже не способен дать эффективных решений, если не затронуть соседние области знаний, связанные с изменением внешних условий функционирования общества. При этом очень важно увидеть реальную картину в целом вместо членения ее по различным аспектам.

Системное *междисциплинарное* осмысление назревших проблем общественного развития позволяет увидеть важнейшие явления и логику их преобразования с позиций критерия нормализации дальнейшего хода общественного движения в целом.

С этой точки зрения в данной работе представлена попытка комплексного осмысления реальных процессов жизнедеятельности общества в масштабах метасистемы как фундаментальном методе изучения реальной действительности. Бытие человеческого общества с современных

позиций объективно видится как метасистема, включающая в себя три главных структурных элемента (или подсистемы): природный базис, экономические структуры и социальные формы.

Новое качество системного представления о человеке в современном мире предлагается обеспечить с помощью междисциплинарного взгляда. Именно такая систематизация выступает как некая гарантия сочетания необходимости и достаточности исследования любых процессов на современном уровне, способная объективно представить существующий мир как самодвижущуюся и саморазвивающуюся систему.

Биосоциальный подход к исследованию конкретных аспектов формирования человека значительно раздвигает горизонт познания и позволяет переместить акценты на более значимые фундаментальные структуры и взаимосвязи, обеспечивающие выживание и развитие общества в целом. При этом предложенная методология позволяет увидеть и оценить несомненный приоритет *социальной составляющей* среди трех элементов, входящих в метасистему. Именно она определяет равновесие общества в целом: от нее зависит регулирование взаимодействия нормативных социальных структур (ячеек) и обеспечение социальной стабильности, в рамках которой можно эффективно решать проблемы экономического роста и контролировать любые сдвиги в области сохранения и воспроизводства естественной среды.

Понятие о метасистемном исследовании, включающем социобиоэкономическое видение различных явлений общественной жизни, формирующих главные социальные ценности человека, непосредственно выходит на формулировку проблем, обеспечивающих стабилизацию и дальнейшее развитие целостной социальной системы. Характеристика разрыва между нынешним состоянием общества и предпочтительным нормативным будущим его состоянием зависит от направленности тенденций развития (приближение к нормативу или отдаление от него), интенсивности положительных преобразований с позиций конечной цели. Все это обуславливает определение конкретных путей решения проблемы.

В этом плане термин «мета» нам кажется более приемлемым с позиций будущего, так как возможно дальнейшее дополнение системы в пространственно-временном разрезе и ее развитие с учетом новых открытий и тенденций в будущем (например, геополитических движений, космических влияний и межпланетных связей). Таким образом, термин «мета» (ассоциируемый с понятием незаконченности или середины)

не ограничивает развитие событий и науки, оставляя место для будущих вариантов исследования жизненного пространства, формирующего расширенный объект исследования.

С позиций методологии это нормальный, закономерный ход событий. Оценка будущего мира равнозначна открытию или качественному сдвигу в познании, опирающемуся на логические, математические, вероятностные и прочие методы, а также на интуитивные формы постижения окружающей действительности. Используемая учеными система построения и верификации действительности (т.е. установления достоверности и правдивости всех происходящих событий) реализуется в соответствующем логическом подходе. Аппарат логического мышления основан на формировании специального категориального набора, правил формулировки проблемы и построения доказательств, применяемых в каждой области знаний.

Зная этот логический аппарат, можно решать определенные задачи, укладывающиеся в найденные правила. Но со временем появляется новая задача (или новые задачи), которую невозможно решить в рамках старой логической конструкции. Такие исключения множатся, накапливаются, поскольку реальный мир значительно шире и многообразнее любых правил, устанавливаемых человеком. Соответственно, приходится искать более сложные законы и правила относительно тех, которые уже известны науке. Человек приходит к открытию новой закономерности, качественному сдвигу в познании. Этот процесс бесконечен, так как он идет вслед реальным событиям общественной жизни и природы, которые создают все новые и новые варианты действительности: события, явления, процессы, тенденции.

Поэтому выход научного представления на уровень метасистемного анализа, на наш взгляд, объективно предопределен. Опорный метасистемный каркас является основой жизнедеятельности современного общества по аналогии с объемным трехмерным пространством: биоструктура и социальная структура формируют исходную площадь, как основу выживания любых жизненных форм, а экономическая составляющая воплощает в себе высоту общей объемной конструкции, отвечая за уровень и качество жизни человека.

Каждая зона интегральных исследований может быть оценена как часть или ступень метасистемного анализа. Примеров развития такого подхода – множество. По существу они формируются во всех главных областях жизнедеятельности социума.

Так, в здравоохранении ученые-медики четко поставили задачу лечения не отдельного заболевания (органа), а необходимости в каждом случае восстановления и усиления иммунной системы человека в целом, которая ответственна за внутренние ресурсы организма и его социобиотический потенциал для борьбы с любым заболеванием [1]. В данном случае клеточкой метасистемного анализа является человек. И его здоровье можно рассматривать с позиций биотического блока (наследственность), с позиций социального блока (социальное здоровье как уверенность в будущем, социальная поддержка, взаимодействие и помощь), а также с позиций экономического блока (стоимость профилактических мер и цена восстановления здоровья).

Другой пример – представление об уровне жизни, включающее и экономическую, и социальную, и нравственную, и политическую, и экологическую и прочие составляющие. Т.е. междисциплинарная оценка данного показателя также без сомнения системна и описывает определенное состояние своей метасистемной клеточки.

В конечном счете, все эти клеточки формируют целостный социальный объект, отражающий проблемы выживания общества в целом.

Отличительным свойством системной организации по сравнению с несистемной сборной конструкцией считается появление нового дополнительного качества, которое заключается в том, что именно в данном составе компонентов и в течение данного периода времени система способна решать принципиально новые задачи или обеспечивать достижение новых целевых функций. Причем эти функции являются недоступными с позиций ограниченных возможностей каждого из её элементов. Следовательно, любая система – целевое понятие. Цель является исходной и неотъемлемой внутренней частью системы. Она мотивирует формирование системы для достижения определенного результата.

Если до сих пор общество рассматривалось как социальный феномен, объединяющий людей для защиты и осуществления хозяйственной деятельности, то с позиций метасистемного анализа видится иной ракурс трактовки этого понятия

Современное общество видится как *биосоциальный феномен*, включающий в себя множественные внутренние структуры, ответственные за качество и длительность выживания любой социальной системы. Главные составляющие общественного организма – социальная и биотическая структуры бытия. Соответственно, общество должно описываться в нескольких измерениях, обязательно включая социальную

и биотическую характеристики, так как любое общество так или иначе вписано в природные комплексы. Исходная симбиотическая связь двух живых организмов – этноса и ландшафта – обеспечивает коллективное выживание в рамках данных природных условий конкретной географической зоны и формирует необходимые социальные институты.

Биотическая структура в метасистеме (или экологическое пространство) является всеобщей исходной плоскостью – без определения конечных границ, так как человек не способен до конца исследовать естественные явления, поскольку природа постоянно развивается и изменяется. Ещё К. Маркс писал, что «**Отрыв «социального» от «биологического» недопустим**, так как это исключает правильное понимание исторического генезиса самого общественного строя и происхождения человека как субъекта истории» [2].

Второй слой – социальное поле, которое понимается как спектр отношений, обеспечивающих выживание коллективных биоструктур, в том числе и человеческого общества. Именно в рамках этого поля идет формирование личности и выстраиваются главные ориентиры жизнедеятельности.

Наконец, третья плоскость – это экономическая зона, которая расценивается как обязательное условие существования современного человеческого общества, а также формирования новых экономических отношений и экономических структур, связанных с открытым рынком.

Устойчивость каждого элемента метасистемы зависит от внутренней структуры данных подсистем. Их надежность определяется качественно-количественным соотношением, а подвижность и гибкость структур обеспечивают их адаптацию к изменяющимся условиям.

В представленной метасистеме исследуется оптимальный, на наш взгляд, набор элементов. Но в историческом разрезе, несомненно, возможны коррективы в составе и границах метасистемы как по количеству основных блоков, так и по внутренней структуре каждого из них.

Независимо от сферы жизнедеятельности общества (экономической, политической, культурной и т.д.) взаимодействие всегда *социально* по своему характеру, так как выражает связи между субъектами, которые опосредуются целями, преследуемыми каждой из взаимодействующих сторон.

Очевидно, что для человеческого общества (в отличие от животного мира) социально-организационная структура более полноценно реализуется на уровне локальных систем в рамках этноса, уходящего своими историческими корнями в ландшафтные условия.

Социальное взаимодействие в человеческом обществе имеет объективную и субъективную стороны. Если объективная сторона взаимодействия – это связи, опосредующие и контролирующие содержание и характер взаимодействия, то субъективная сторона взаимодействия – это сознательное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях (экспектациях) соответствующего поведения.

Метасистемное исследование предполагает восприятие социальной структуры общества именно как социетальной составляющей. С этой частью метасистемы связана оценка объективного состояния социума на текущей стадии его развития, постановка целей и задач на ближайшую и отдаленную перспективу, субъективное построение траектории будущего движения в соответствии с избранной моделью построения общества, разработка механизмов достижения сформулированных целей и регулирование самого хода поступательного движения в заданном направлении. Все эти действия предполагают осуществление мониторинга (отслеживания и контроля) основных блоков общей программы социального развития, так как рынок принципиально модифицирует личностные приоритеты.

Следовательно, современная модель общественного развития должна быть основана на новых социальных правилах. Эти правила должны обеспечить необходимый уровень социальной стабильности общественных структур за счет равновесия сил малых социальных групп, где каждый человек стремится к формированию надежной жизненной ситуации, поскольку резко и часто меняющиеся условия не позволяют надежно планировать свое будущее даже на короткий период времени. Стабильная же ситуация дает возможность осмыслить и оценить все условия, чтобы грамотно поставить конкретную цель, обеспечивающую нормальное, полноценное выживание и развитие человека в рамках определенной общественной структуры (семьи, предприятия, региона или отдельного государства).

Анализ социальных явлений в рамках метасистемного исследования дает видение качественной характеристики социума как главного действующего лица и в области экономического развития, и в области решения экологических проблем. Соединение усилий многих людей позволяет синхронно отслеживать общий результат и более надежно стабилизировать обстановку, снимая противоречия в составе формальных и неформальных социальных образований.

Таким образом, в метасистеме представлены естественное начало – природа и искусственная составляющая – экономика, непосредственно отражающиеся на существовании общества, которое мы рассматриваем как главную целевую задачу современного этапа развития в рамках метасистемного исследования, надеясь на положительный исход в движении цивилизации в рамках XXI в. Следовательно, социум и длительность его существования есть зависимость от двух указанных выше составляющих. Тогда общество есть результат нормативного соотношения этих двух начал, на которые оно способно осознанно влиять.

Метасистема, предлагаемая в данной работе, – это частный случай общего системного подхода, имеющего конкретную пространственно-временную характеристику. Конкретика в данном случае обусловлена определенным местом (границами пространственно-территориального объекта), временем, условиями и приоритетами.

Сознательный выбор социальной формы развития с позиций метасистемы заставляет выстраивать модель такого нового общества, в котором будет изменено собственно социальное содержание как совокупность общественных отношений внутри данного сообщества, интегрированная в процессе совместной деятельности (взаимодействия) индивидами или группами индивидов в конкретных пространственно-временных условиях.

Эти отношения людей друг к другу, предполагающие нарастание движения в сторону основ гуманизма, взаимной ответственности, социальной справедливости и солидарности, сохранения природы, отказа от культа потребительства и борьбы за власть и господство, должны определенно стать преобладающей нормой социального поведения.

Принципиально новые качественные составляющие в системе социальных отношений, востребованные в новом веке, ориентированы на торжество новой морали, новой идеологии, нового мировоззрения, с позиций которых новое общество предстает как нормативное общество солидарной ответственности за настоящее и будущее в рамках сохранения природных систем Земли. Прогрессивные социальные установки в этих условиях будут иметь приоритетное значение для формирования человека.

Осмысливая объективную необходимость единства общества и природы, человек приходит к пониманию, что антропогенная нагрузка, обусловленная масштабами имеющегося производства, уровнем современных технологий, численностью населения и концентрацией его в населенных пунктах, не должна превышать границ самовосстано-

вительного потенциала природных систем. Ведь уже сегодня достаточно остро стоит вопрос о сохранении ресурсов жизнеобеспечения для всей человеческой цивилизации.

Современная индустриальная эра, научно-технический прогресс и последняя научно-техническая революция сформировали представление о практически неограниченных возможностях индустрии, соединенных с наукой. Но это представление оказалось ошибочным. Ранние цивилизации полностью вписывались в естественные условия, так как природный потенциал на порядки превышал масштаб антропогенной нагрузки.

В отличие от этих существующих прежде льготных условий, уровень современной материально-ориентированной цивилизации в области преобразовательной деятельности явно превышает потенциал «грузоподъемности» природных комплексов, снижая устойчивость биосоциальных систем до критических отметок, что заставляет общество стремительно сползать к экологической катастрофе. Коэффициент полезного действия (КПД) хозяйственного использования естественных ресурсов (величины отвлеченных ресурсов на единицу конечного продукта) «упал ныне до 3-5 % (разница в весе добываемого сырья и изготовленного из него конечного продукта; да и то, что создано, служит минимальный срок, после чего выбрасывается на свалку)» [3]. Жесткая культура выживания в соответствии с природными требованиями практически сохранилась сегодня только у народов севера. Это – пример самой экономной, даже скупой формы хозяйствования, опыт которой может нам очень понадобиться в будущем.

Природа не является чем-то неизменным, данным навеки. Она также подчиняется законам диалектики, а следовательно, находится в постоянном изменении и развитии. Но основные преобразования, происходящие в масштабах естественных систем, связаны сегодня именно с деятельностью человека. И этого нельзя не учитывать. А поскольку влияние общества на природу может быть как положительным, так и негативным, то реальное соотношение в виде результирующего эффекта в современных условиях, к сожалению, не в пользу среды, а значит, и не в пользу человека.

С позиций системного междисциплинарного подхода, возможно, и необходимо исследовать различные модели мировой цивилизации. Оценка современного и вариантов ее будущего состояния зависит от расстановки социальных и других сил на мировой арене. Анализ их соотношения позволяет определить те направления общественного

развития, которые действительно отвечают требованиям прогрессивного движения (с точки зрения равновесного сочетания национальных и интернациональных интересов для обеспечения устойчивого выживания человеческого общества на планете).

Исходной ступенью формирования представления относительно будущего предпочтительного состояния мирового сообщества в целом является оценка внешних условий, определяющих возможности развития современной цивилизации в целом. Это предполагает видение перспектив решения наиболее значимых глобальных проблем, анализ возможных и желаемых состояний планетарной биосоциальной системы в определенных хронологических границах. Понимание проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество, имеет первостепенное значение не только при определении общего курса национальной политики, но и при выборе возможных альтернатив решения важнейших стратегических задач.

Результаты специального анализа показали, что «большинство племен, государств и цивилизаций в близком и отдаленном прошлом погибли не столько из-за внешних причин, сколько оттого, что сами подорвали природные и организационные основы своего существования. Вторжения же извне, эпидемии, экологические катаклизмы или внутренние беспорядки при этом довершали саморазрушительную активность социального организма подобно вирусам и раковым клеткам в ослабленном биологическом организме» [4]. В частности, в исследованиях А.А. Григорьева собраны факты, свидетельствующие о печальной судьбе многих обществ, не сумевших предвидеть долгосрочные последствия хозяйственной деятельности, развивающейся по простой схеме: нарастающее вторжение в биогеоценоз – разрушение ландшафта – социальная катастрофа [5]. Таким образом, научные изыскания в историческом плане показывают, что чаще всего общество гибнет под ударами собственного могущества, если оно не способно найти ему применение в социально значимом направлении.

Метасистемный взгляд в этом плане дает возможность уйти от дублирования данной негативной схемы, позволяя очертить и осмыслить на определенном уровне общий комплекс накопившихся проблем.

Взаимодействие элементов, входящих в метасистему, рождает определенную совокупность противоречий, обнажая целый ряд кризисных ситуаций в различных сферах.

Прежде всего, это кризис философско-этических воззрений, трактующих человека как высшее существо, стоящее над природой, который может считаться или не считаться с ее законами.

Далее, это кризис стихийной организации народнохозяйственного комплекса в рамках рыночной экономики и ложной ориентации национальных целей в пределах сложившегося способа производства (в том числе погоня за прибылью, конкуренция, гонка вооружения и др.).

Наконец, это кризис, связанный с ложной ориентацией людей на престижное индивидуальное потребление, которое ведет к социальным конфликтам в условиях нарастания численности населения планеты и резкой дифференциации уровня потребления в разных регионах и социальных слоях внутри отдельных государств.

Стремление значительной части населения подняться по ступеням лестницы социальной иерархии за счет достижения высокого уровня материальной обеспеченности любой ценой становится все более популярным. Соответственно, принципиально изменяется система социальных ценностей, лежащих в основе гражданской ориентации населения.

Совокупность всех этих проблем способна «перекрыть» путь дальнейшему перспективному развитию во многих странах, поскольку любая государственная общность зиждется на жизнеспособности социальной системы как целостного живого организма. Поэтому устойчивость социально-экономических тенденций и перспективы в области общественного развития зависят от системы показателей, отражающих условия жизнедеятельности основной части общества: от качества здоровья населения, сохранения полноценности традиционного строя жизни и регулирующих его социально-экономических институтов, сохранения здоровой среды обитания, уверенности в завтрашнем дне и др. При этом социальные ориентиры становятся ведущей силой прогресса, а социальные механизмы – решающим методом реализации оптимальных программ общественного развития, в рамках которых выстраивается образ будущего прогрессивного человека.

Эти проблемы в XXI в. непосредственно касаются многих стран, а также проецируются на глобальный уровень в целом.

Сегодня мировое сообщество, и Россия в том числе, вошли в новую полосу жесткого экстремального времени. Специфика этого временного периода заключается в том, что многочисленные угрозы (военно-политические, геополитические и террористические), катастрофы (как природные, так и техногенные) и связанные с ними потери

растут значительно быстрее, чем валовой внутренний продукт, а поэтому сужаются и возможности реальных социальных маневров в этих условиях. В ближайшее время вряд ли удастся снять экономическое напряжение и социальную неустойчивость, что не может не сказаться на сознании и мотивации поведения человека.

Соответственно, мы начинаем понимать, что главная трагедия сегодняшней России состоит не в том, что медленно растут макроэкономические показатели и конкурентоспособность государства на мировой арене оставляет желать лучшего, а в том, что изношена сама социальная основа общества. Это проявляется в виде нарастания таких проблем, как разрыв социальных связей; разрушение семьи; сокращение популяций коренных этносов России; низкая рождаемость; тенденция к индивидуализации выживания и др. Оторванность от корней, неустроенность и потерянности основной части населения рождает такие социальные беды, как наркомания, алкоголизм, преступность, проституция и другие асоциальные явления. Все это, в конечном итоге, резко обесценивает плоды экономического роста, несмотря на определенные усилия со стороны правительства РФ.

Низкая адаптивность тружеников к резко изменившимся экономическим условиям, неготовность к социальной и трудовой мобильности, крайне низкая конкурентоспособность населения в качестве рыночных агентов выразились в массовом обнищании, пауперизации населения; в разрушении ценностей и стереотипов поведения людей; в неготовности российского менталитета к принятию рыночных отношений; в незащищённости жителей России перед лицом происходящих изменений.

Социально-психологическая цена проводимых экономических реформ оказалась очень высока – разрушение жизненных привычек, интересов и целей в условиях социально-экономической изоляции, попытка смириться с ситуацией собственной невостребованности, рост апатии и депрессии, потеря самооценки и самоуважения. Результат этого – резкое снижение показателей по длительности жизни и качеству здоровья населения. «По основным показателям наша система здравоохранения скатилась на 130-е место в мире. Ничего себе «страна в восьмёрке!», – пишет академик РАМН С. Колесников [6].

В течение перестроечного периода в России проявилась новая острейшая социальная проблема, которую можно обозначить как проблему пауперизации населения. Это явление получает все более массовый характер. Проблема «новых бедных» приобретает в России все

большой накал, сравнимый с её звучанием в годы великой депрессии в США на рубеже 20–30-х гг. ушедшего века [7]. Основная часть населения беззащитна перед рынком. «В России один из самых высоких в мире не только показатель смертности, но и инвалидности, и общей заболеваемости» [8].

Все это чревато разрушением российского этноса, не успевшего приспособиться к новым экономическим условиям. При этом существуют стороны, явно заинтересованные в сокращении населения на огромной территории Российской Федерации и освобождении пространства для геополитических перемещений.

Социальная система, исходя из определения, должна решать задачу полноценного воспроизводства *общества в целом*, которая не может быть решена за счет достижения высокого уровня жизни отдельных людей или отдельных социальных слоев населения. Однако реально эта задача не выполняется, так как только 20 % населения России улучшили свое положение за последние 10 лет. А 80 % населения страны стали жить хуже [9].

Мы видим, что у разных людей и разных социальных групп внутри общества явно существуют разные цели и разные способы их достижения. Соответственно, встает вопрос *о качестве* социальной системы или мотивировке цели её созидания. В России эти моменты никак не сочетаются друг с другом, и поэтому социальная система не работает как полноценная целевая система. Или продекларированная целевая функция социальной системы не соответствует реальной.

Сознательный выбор наиболее рациональной *социальной формы* развития с позиций метасистемы заставляет выстраивать модель нового общества как *нормативного* общества, ответственного за настоящее и будущее развитие в рамках сохранения природы.

Следовательно, уже сегодня необходимо определить метапрограмму, характеризующую интегральные цели развития общественной системы в рамках выбранного интервала времени.

Значение метасистемного подхода для формирования нового человека определяется, на наш взгляд, следующими положениями:

1. Осмыслением первоначала жизни общества как объективной гармонии социального, биотического и хозяйственного существования.
2. Доказательством приоритетности социальной структуры общества относительно экономической в плане общеисторического подхода.

3. Переоценкой критериев социально-экономического развития в современном обществе с учетом выработки социальных аксиом, воплощающих приоритетное требование по укреплению жизненных сил общества, в том числе социальной сплоченности, взаимответственности, социальной поддержки и формирования высоких нравственных ценностей (относительно объема ВВП или темпов его прироста), что требует необходимости отслеживания и оценки социального фона при любых экономических преобразованиях.
4. Формированием грамотного представления об общественном прогрессе, идея которого должна отталкиваться от требования устойчивости социальной системы как живого организма, способного самовоспроизводиться и развиваться.
5. Необходимостью активного, осмысленного социального регулирования, позволяющего осознанно блокировать экономические и экологические деградационные процессы.
6. Постижением единства законов социального развития человечества и социальных структур животного мира, что необходимо использовать на практике, формируя грамотную культуру взаимодействия людей и природы.
7. Осознанием необходимости осуществления поиска перспективных вариантов общественного развития в рамках целостности социально-биотических конструкций.

В соответствии с этим объективно необходимы сегодня следующие шаги: а) разработка социальных аксиом, как ориентиров дальнейшего экономического развития; б) отслеживание социального фона и его трансформации под действием любых экономических и политических преобразований; в) социальная экспертиза как конечная стадия определения эффективности любых экономических мероприятий: экономических реформ, проектов и программ.

Таким образом, наука о человеке должна быть ориентирована сегодня не только на познание внутренних закономерностей функционирования общественных систем, но и осмысление механизмов «вписывания» социальных структур в природные и техногенные комплексы как внешние условия стабильного и полноценного выживания.

Уровень социализации природы и производства должен определяться с позиций общества, которое берет на себя ответственность за остальные составляющие жизненного пространства в рамках метаструктуры.

Человек, как активное звено процесса социализации, способен рационально воздействовать на другие метасистемные части. Такой ход социализации является реальностью при условии воспитания личной и коллегиальной ответственности человека за мир, в котором он живет. Подвластные современному человеку природа и производство соединяются в **комплексный** объект управления с позиций сообщества.

Следовательно, исторически деятельность человека в современных условиях приобретает новую размерность: она не может считаться разумной, осмысленной и целостной, если не учитывает негативные тенденции, формирующиеся на уровне метасистемных блоков.

Правящая верхушка общества определяет, в чьих интересах обеспечивается дальнейшее развитие социальной системы. Но с объективных позиций нам представляется необходимым учитывать как минимум следующие два аксиоматических положения:

1) Необходимость продолжения жизни на Земле – удлинение исторического жизненного пространства человечества как количественного критерия.

Стремление общества к повышению жизненного уровня, отражающего качество выживания основной массы населения.

О чем бы ни шла речь, эти две составляющие прогрессивного развития подразумеваются и реализуются через конкретные социально-экономические показатели и позволяют очертить направление движения общества естественным образом.

Если же эти две аксиомы перечеркнуть, то движение общества может быть реализовано в совершенно противоположном направлении: сокращение длительности жизни, снижение рождаемости, уменьшение численности населения... вплоть до исчезновения нации или этноса в целом.

Каждая из представленных выше аксиом непосредственно увязана с категорией здоровья человека и нации в целом. Биологическое здоровье, как наследственность, стремительно ухудшается. Социальное направление анализа категории «здоровье» в масштабах метасистемы связано с концепцией социально-экономического развития каждого государства. Физиологическая полноценность должна непременно дополняться нравственно-духовной составляющей здоровья. А духовное здоровье характеризуется ощущением полноты жизни, огромного запаса внутренних сил и способностей, уверенностью в себе, стремлением к достижению общих и личных целей. В противном случае падает интерес к жизни, растут сомнения, нерешительность, рождающие

цинизм и усталость от бесцельного существования. Нарастающее распространение этих форм отражает деградацию общества и цивилизации в целом. Поэтому только здоровая нация – и физически, и духовно – может гарантированно рассчитывать на будущее, воспитывая полноценного человека.

Наконец, экономическое видение здоровья в масштабах метасистемного исследования также получает качественно иное представление относительно общепринятого. Назначение экономики с этих позиций видится не только в удовлетворении растущих потребностей общества, но и в рационализации самой системы потребления. Т.е. выход на новый уровень качества товаров и услуг, подтвержденных наукой, и необходимость корректировки потребительского стандарта продукции с позиций здоровой жизни. Лидерство здоровой продукции должно обеспечиваться не только медицинскими прогнозами, но и государственной программой развития: нормативное качественное питание, здоровые условия труда, здоровые формы проведения досуга и т.д. Причем приоритет здоровых нормативов в разных областях жизнедеятельности должен преобладать над индивидуальными запросами и «аппетитами». В соответствии с этим необходимо формировать основные показатели по уровню жизни и материальному обеспечению населения. В противном случае совокупное общественное производство будет продолжать преследовать цель максимизации потребления в отрыве от ответа на вопрос «сколько нужно?», подменяя его другим – «сколько можно?», перерабатывая огромное количество естественных ресурсов, дефицит которых на планете нарастает из года в год.

Уровень жизни и образ жизни должны создать условия, при которых здоровье населения должно опираться на естественные силы индивидов, а не только на достижения медицины и биологии. Сегодня человек живет, опираясь на самые различные искусственные методы, что априори снижает порог устойчивости человеческого организма. Не случайно в нашей стране принят проект национальной программы «Экология и медицина XXI века». На пресс-конференции ученых Российской академии наук директор государственного научного центра РФ – Института иммунологии – академик Р. Хаитов прямо заявил, что «в начале нынешнего века человечество ожидают ранее неизвестные болезни, которые напрямую связаны с изменениями окружающей среды. Поэтому на первый план выходит наука об иммунной системе человека, защищающая его от генетически чужеродных изменений» [10]. Ученые-разработчики программы считают необходимым создание

институтов здоровья в разных регионах страны и объединение не только национальных усилий в борьбе за здоровье человека, но и усиление сотрудничества всех стран в этой области. Эта линия поведения отражает развертывание процесса, сокращающего физическое вырождение людей как живых организмов.

Но общество, самоустранившееся от формирования нравственно здорового поколения, обречено на вымирание. Современный лозунг: «Интересы человека превыше всего» – размывает общественные связи, противопоставляет личность обществу. Лишенный духовного единства общественный организм теряет способность к самосохранению.

Таким образом, в рамках метасистемы категория здоровья получает иное видение, включающее в себя триединую характеристику этого понятия: биотическую, социальную и экономическую. При этом социальная часть претендует на лидерство, так как стабильность общественных структур обеспечивается прогрессивными социальными правилами, обеспечивающими выбор оптимальной модели нового общества, в котором будет нарастать движение в сторону основ гуманизма, ответственности, социальной справедливости, солидарности, сохранения природы и отказа от культа потребительства. Эти качественные составляющие предполагают необходимость торжества новой идеологии и нового мировоззрения, с позиций которых будущее общество предстает как нормативное общество солидарной ответственности в рамках сохранения природных систем Земли.

Практическая значимость метасистемного исследования связана с объективным требованием выработки новых методологических приемов описания и анализа реальной действительности в связи с *принципиальным качественным изменением общей картины современного мира* и необходимостью формирования адекватных происходящим событиям подходов к управлению развитием общественных структур и конструированием нового человека.

Литература

1. Денисов В.Н. В решении основных проблем здоровья мы задержались на перепутье // Российское здоровье и общество. 2002. № 10.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. О биологии. М., 1934.
3. Олдак П.Г. Куда держим путь? // Российское здоровье и общество. 2004. № 8.
4. Назаретян А.П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия // Философские науки. 2004. № 7.
5. Григорьев А.А. Экологические уроки прошлого и современности. Л., 1991.

6. Колесников С. Во имя кого и чего собираются проводить реформу здравоохранения // Общество и здоровье. 2004. № 5.
7. Корнева Н.С. Социально-психологический тренинг «Обретение силы» // Альманах «Априори». 2002. № 1.
8. Из выступления Л.М. Рошаля, приведенного в статье «Бомба замедленного действия или почему врачи против революции» // Общество и здоровье. 2004. № 5.
9. Львов Д.С. Почему богатая Россия такая бедная? // Финансовый контроль. 2004. № 7.
10. Российское здоровье и общество. 2002. №12.

ИНОЯЗЫЧНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

Н.П. Гальцова

Томск, Россия

В процессе приобщения к культурному опыту идет формирование человека как социального существа, его синтезирование с результатами духовного производства современной человеческой действительности. Происходит не только информационное усвоение культуры прошлого и настоящего, но и преобразование культурного опыта в собственное духовное состояние. Это приводит к открытию человеком мира культуры, как своего внутреннего мира, так и к познанию самого себя внутри объективной реальности. «Овладевая материальной и духовной культурой общества, личность усваивает культуру новых форм и опыт старых, отживших поколений, который сохраняется и передается посредством обычаев и традиций. Подвергая имеющийся опыт личностной переработке, человек вырабатывает индивидуальные ценности, смысложизненные ориентиры, формирует духовную культуру, самоопределяется, самореализует себя как личность» [1, с. 19], позиционирует себя как носителя человеческой образованности и профессиональной компетентности. Особенности организации субъективной реальности личности и культуры в целом, формы взаимодействия человека с окружающей действительностью интегрируют природу и социум в объективно существующую модель мира, которая может реализоваться в различных формах человеческого поведения и в его результатах (социальные институты, культурное наследие и т.д.).

Образование как продукт деятельности – это то, что приобрел человек в результате познания, развития, воспитания и учения.

Следовательно, образование должно преследовать цель развивать способность личности к оценке окружающего мира, людей, себя с точки зрения субъекта культуры. В связи с этим представляется необходимым переориентацию образования со знаниецентрического на культуросообразное, способное сделать человека не только образованным, но и культурным, духовным, научить мыслить, нацелить не на овладение готовыми знаниями и их применение, а на креативную деятельность.

Обладая культурно-гуманистическими функциями, образование развивается в контексте культуры, являясь ее неотъемлемой частью. При этом оно является средством созидания и трансляции культурных ценностей, что позволяет человеку приобщиться к ним, а также раскрыть и реализовать собственный творческий потенциал. В самом обобщенном виде образование признаётся как овладение человеком культурой разных видов деятельности и общения.

Особое внимание к роли общегуманитарной культуры в процессе подготовки специалистов с высшим педагогическим образованием обусловлено следующими факторами:

- возросшими за последние десятилетия требованиями к подготовке высококвалифицированных специалистов, усилением их творческого потенциала, а также предоставлением степеней свободы в их деятельности с учётом возрастающей академической мобильности в соответствии с Болонским соглашением;
- рассмотрением процесса образования как способа приобщения к современной культуре человечества;
- приобщением молодежи к нравственно-духовной деятельности, которая является основой для личностного усвоения культуры;
- знакомством студентов с сокровищами мировой и отечественной культуры как средства творческой самореализации личности, ее самоутверждения, раскрытия всех ее сущностных сил. «Насыщая учебный процесс в вузе общекультурными компонентами, мы получим условия для духовного становления будущих специалистов, что особенно актуально для нашего времени» [2, с.124-125].

В современном обществе резко возрос интерес к феномену общекультурной и профессиональной подготовки специалистов в вузе совокупными средствами всех учебных предметов, каждый из которых несет в себе элемент общечеловеческой культуры. Эта тенденция касается и предмета «иностранный язык», в современной методике преподавания которого общепризнанным является положение о неразрывности

изучения аспектов иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом-носителем языка. Иноязычная коммуникативная культура развивает способности студентов слушать и услышать, понять и признать мысль другого человека, оценить, принять и сопоставить культурные ценности чужой культуры со своими. В связи с этим под содержанием учебного предмета «иностраный язык» сегодня следует понимать не только иноязычную грамотность специалиста, но и овладение иноязычной культурой страны изучаемого языка, формирование иноязычной компетентности, которая, в свою очередь, занимает весомое место в формировании целостной личности будущего педагога.

Новые подходы к обучению языку ставят перед педагогикой и педагогической лингвистикой и новые проблемы. Встает вопрос о приобщении человека XXI в. к мировой культуре, о владении молодыми специалистами несколькими иностранными языками, что, в свою очередь, требует формирования современной языковой личности и ее реальных коммуникативно-познавательных и культурных компетенций, составляющих основу системы обучения. Таким образом, потребности современного общества, его духовных и материальных сфер делают чрезвычайно актуальной проблему обучения иностранным языкам.

Преподаватель иноязычной культуры, как интерпретатор чужой культуры и носитель родной, должен делать всё от него зависящее, чтобы сформировать у студентов ту систему ценностей, которая соответствует идеалу образования – человеку духовному (*homo moralis*). Контакт с другой культурой и менталитетом ведет к созданию многочисленных проблемных ситуаций в силу столкновения различных точек зрения, разных способов видения мира. Поэтому достичь взаимопонимания невозможно без учета социокультурной среды собеседника, т.е. без знания этнокультуры, особенностей национального характера, традиций и обычаев, образа жизни партнеров по общению. Социализация личности невозможна вне активного процесса приобщения к культурным ценностям своей страны, усвоения их, накопления человеком собственного духовного багажа на основе усвоенного и реализацию своего культурного потенциала, активное использование его в различных видах деятельности. Эти постулаты адресуются в первую очередь педагогу как непосредственному организатору процесса освоения знаний и воспитателю будущих поколений.

Для того чтобы эффективно взаимодействовать в сфере межличностных отношений, необходимо наличие у педагога коммуникативных качеств, которые представляют собой интегративную связь ценностных ориентаций, нравственных позиций и устремлений, знаний, умений, этики общения. В условиях интеграции России в международное образовательное пространство одной из основных задач преподавателя иностранного языка следует считать подготовку будущих педагогов к адаптации в мультикультурной среде, в которой особую значимость приобретают коммуникативные свойства личности, способность к иноязычному общению. Известно, что высокий уровень общительности является неременным условием успешной коммуникации человека в любом социуме, его продуктивного взаимодействия с окружающими. Необходимо также уметь ориентироваться в разнообразных ситуациях общения, понимать чувства и настроение собеседника, и, следовательно, варьировать собственное речевое поведение в зависимости от условий общения. Развитие способности к межкультурной коммуникации предполагает знание этикетных норм общения и правил речевого поведения в новых условиях и ситуациях общения, наличие аналитической и оценочной ориентации, формирование стратегии восприятия новой информации. Иными словами, на развитие иноязычной компетентности, кроме знания языка, влияют множество факторов, такие как условия и культура общения, правила поведения, знания невербальных форм выражения (мимика и жесты), наличие глубоких фоновых знаний мира носителей языка, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.д.

Тем самым межкультурный подход в обучении иностранным языкам позволяет преодолеть стереотипы восприятия иноязычной среды, дает возможность соединить три основные языковые функции: коммуникативную, когнитивную и эмоциональную, что благотворно влияет на восприятие, мышление, память, поведение человека и ведет к активизации познавательных процессов личности. Урок иностранного языка, в свою очередь, является тем предметом, где происходит соприкосновение с другой культурой и менталитетом, а преподаватель выступает в роли посредника двух культур.

Обращение к структуре и содержанию иноязычной культуры позволяет выявить основные принципы овладения иноязычной компетентностью, опираясь на которые преподаватель иностранного языка сможет эффективнее построить свою деятельность, направленную в первую очередь на формирование языковой личности педагога,

его способностей к межличностному иноязычному общению. Эти принципы проявляются в:

- актуальности изучаемого материала;
- профессиональной направленности процесса обучения;
- культуросообразности и духовности учебного процесса;
- эмоциональной насыщенности учебного процесса;
- доброжелательности, такте, уважении к студентам;
- разумном сочетании учебной, аудиторной и самостоятельной работы;
- преодолении психологических факторов (страх, боязнь при изучении иностранного языка, неверие в свои силы и др.), мешающих успешному обучению.

Таким образом, овладение иноязычной компетентностью представляет собой процесс, при котором языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Иноязычная грамотность предполагает совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное общение, знание языковых средств всех уровней и правил их применения в потоке речи, а также правил общения и умения применять их в соответствии с целями, задачами, ситуациями, ролями говорящих. Иначе говоря, это «знание механизма использования языка в определенных условиях и владение этим механизмом» [3, с. 40], что становится возможным в современных условиях только при ясном понимании и реальном учете социокультурного фактора. Рассматривая иноязычную культуру как часть целостной культуры будущего специалиста, реализуя на практике её аспекты, можно формировать и развивать необходимые стороны общегуманитарной культуры педагога, а также необходимые профессиональные качества будущего специалиста.

Литература

1. Дмитриенко В.А., Домбинская М.Г. Проблема формирования духовной культуры студента // Образование в Сибири. Томск, 1996.
2. Решетников П.Е. Нетрадиционная система подготовки учителей: Рождение мастера: Кн. для преподавателей высших и средних педагогических учебных заведений. М., 2000.
3. Болотнова Н.С. О коммуникативной культуре педагога-исследователя в контексте современной языковой ситуации. // Вестник ТГПУ. 1998.

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

О.Б. Гужавина, Н.В. Матыскина

Томск, Россия

В самом общем плане проблема конструирования человека предстает в двух взаимосвязанных контекстах рассмотрения: во-первых, человек понимается как биосоциальный механизм и, во-вторых, как субъект-носитель духовного содержания, имеющий определенную душевную (психическую) организацию. Поскольку философия является квинтэссенцией духовной культуры общества, исходная составная единица которого есть человек-субъект, рассмотрим некоторые ее представления о «духовно-душевных» основаниях технологического процесса, направленного на формирование целостного человеческого существа.

Философская наука как область знания, имеющая одним из предметов своего изучения мировоззрение человеческого сообщества: его генетических и структурных характеристик, функционирования в процессе организации мышления, поведения и деятельности людей и т.д., выступает, в конечном итоге, источником формирования мировоззрения и предлагает наибольшее количество иллюстраций вариативности систем мироописания и миропонимания.

Объективные условия существования человека в окружающей его действительности формируют одинаковые по содержанию осмысливаемого материала (мир, человек и взаимодействие между ними) и различающиеся по выражаемому отношению и символической форме преподнесения системы мировоззрения. В меньшей степени это сказывается и на вытекающих из всего этого технологиях формирования, как способов деятельности, так и содержания общественного и индивидуального сознания. Логико-гносеологические ориентации западной философской традиции и религиозно-антропологические – восточной, таким образом, базируются на ценностном вычленении из всего многообразия природных явлений некоторого аспекта целостного существования.

Возникает вопрос: что лежит в основе подобной оценивающей деятельности и как проявляется в технологическом процессе, направленном на формирование целостной и гармоничной человеческой личности?

При рассмотрении процесса восприятия действительности через призму сравнения его механизмов, форм и способов получения,

переработки и передачи информации различных мыслительных способностей, в соответствии с теоретическими принципами психоаналитической антропологии К.Г. Юнга [1], механизмы различных способностей сознания предстают как формы или способы восприятия разнокачественных параметров объекта. Каждая из этих форм обладает собственным технологическим процессом, результатом и способом передачи формирующихся представлений, которые не дублируют и не отменяют друг друга. Таких технологических познавательно-психических процессов современная психологическая наука насчитывает шесть: ощущение, мышление, эмоции-чувства, интуиция, память и внимание.

Функции механизма памяти в процессе мыслительной деятельности заключаются не в генезисе и структурировании содержания системы представлений индивида или сообщества индивидов, а в основном в его сохранении и воспроизведении, поэтому мы не считаем необходимым рассматривать его деятельность в нашей работе. Не рассматривается нами также и функция внимания, потому что ее механизм заключается в сосредоточении на объекте исследования, т.е. выполняет в мыслительной деятельности второстепенную роль установки к познанию.

Что касается других четырех психических функций, то, будучи неотъемлемой и всепроникающей частью душевной жизни человека, которая включает в себя и такой компонент, как формирование представлений, все перечисленные способности занимают свое определенное место в этой деятельности, играют свою определенную роль. Эта роль может быть как вспомогательной, второстепенной, так и непосредственной или ведущей, основной.

Ведущей в процессе мыслительной деятельности (что и позволяет доказать относительно самостоятельную роль каждой из перечисленных психических способностей в процессе формирования представлений о мире) будет деятельность, выполняемая ею тогда, когда посредством работы одной из них индивидуум получает знание *о той части реальности, для отражения параметров которой приспособлены ее технологические механизмы.* В таком случае *остальные* психические способности *доставляют* до целостного субъективный образ объекта, полученный в процессе его отражения за счет работы технологических механизмов ведущей способности. В комплексе они формируют определенное представление об объекте (в том числе, когда в роли объекта выступает срез или уровень реальности, а не только предмет

или ситуативный процесс) и вписывают это представление в общую (то есть уже имеющуюся) систему знаний, мировоззрения, ценностей, типа мировосприятия и миропонимания и т.д. и самой личности, и сообщества, среди которого она распространит полученное знание. В этом заключается их вспомогательная роль.

Мыслительные способности человека, кардинально отличающиеся по своему механизму, выражаются в процессе формирования содержания того или иного способа мировосприятия и вытекающих из него типа миропонимания и способа деятельностной активности, в зависимости от степени осознанности. В силу подобного «распределения ролей» картина мира представляет собой проекцию того среза реальности, который отображается в сознании посредством конкретной мыслительной способности, а также проекцию технологических механизмов этой способности. В противном случае, мыслительная способность принимает на себя организационные функции жизнеобеспечения, а также функции сбора фактических данных и структурирования системы представлений, оставаясь «в тени» сферы бессознательного.

Ценностный приоритет в формировании представлений у конкретного индивида предполагает первичную значимость за той сферой объективной реальности, которая отображается посредством его ведущей психической мыслительной способности. Деятельность ведущей способности, как правило, осознается индивидом. Ориентированное таким образом мышление «растягивает» на всю реальность принципы, сформулированные на основе наблюдений за явлениями, протекающими в рамках ее отдельного среза. Для способности рационально-логического мышления это будут процессы познавательной деятельности человека, для эмоционального переживания – процессы эмоционального реагирования и межличностных отношений, для ощущения – процессы ориентировки во внешнем мире и пространственных соотношений предметов и т.д. Из такого однозначного набора исходных принципиальных положений органично вытекает ряд мировоззренческих конструктов или представлений о структуре мироздания и месте и возможностях человека в нем, а воспитание в определенных культурных традициях загодя задает направление взгляда – индивидуум ориентируется, в первую очередь, обращать внимание на определенную часть реальности, которая не имела бы для него такого ценностного значения, принадлежи он от рождения к другому культурному сообществу.

В процессе исторического развития человеческой мысли подходы к проблеме соотношения реальных действительности и, соответственно,

понимание места и роли мыслительных способностей человека, формирующих содержание той или иной картины мира, менялись качественно и неоднократно – от идеалистических представлений о том, что человек рождается с полным запасом знаний о мире и лишь «вспоминает» их в процессе жизнедеятельности (Платон, В. Лейбниц, Дж. Беркли, Д. Локк и др.), до исторического материализма, абсолютизирующего роль социума в формировании содержания индивидуального сознания.

Основой содержания того или иного типа мировосприятия и миропонимания выступает разделение ролей между этими способностями подобно тому, как это происходит в мыслительной деятельности отдельного человека. В различных типах мировосприятия и миропонимания представления, сформированные посредством актуализации результатов восприятия реальности с помощью какой-либо из мыслительных способностей, возводят ее в ранг ведущей. Подобная актуализация инициирует и противоречивость установок различных типов мировосприятия и миропонимания – основанием картины мира каждого из них становится тот срез реальности, который воспринимается посредством мыслительной способности, признанной в его рамках в качестве ведущей. Таким образом, вклад в формирование содержания той или иной системы представлений о мире различных формирующих представления способностей человеческой психики можно рассматривать как равновозможный и имеющий своей целью создание в рамках определенного типа мировосприятия и миропонимания целостной и непротиворечивой картины мира.

Содержание рефлексивного или рационально-логического западноевропейского менталитета фактически основано на придании привилегированного основополагающего значения в формировании системы представлений о мире такой мыслительной способности человека, как разум или рациональное мышление. При подобном ракурсе рассмотрения все представления о структурных и функциональных характеристиках объективно существующей реальности (и человека-субъекта взаимодействия с ней) закономерно вытекают из проекции на нее методов, технологий и результатов получения и переработки знаний о мире посредством формирующей представления способности рационального мышления: «Когда демаркационная линия между истиной и не-истиной проводится с помощью доказательства, сама логика предстает способом идентификации бытийственного положения вещей» [2].

Рефлексивное мышление в чистом виде – это своего рода аналог вербально-знакового или видео- аудио- запахо- вкусо- и т.д. распознающего, записывающего и воспроизводящего (идентифицирующего) устройства – сродни блоку памяти компьютера. Рефлексия как рассуждение не предполагает ничего, кроме мысленного манипулирования знаковыми и символическими отражениями (где понятие выступает одним из видов символа) деталей воспринятых предметов или ситуаций, перетасовки этих образных конкретно-чувственных либо символически-словесных фрагментов готового знания.

Интерпретировать в том или ином качестве этот упорядоченный ограниченным набором способов запас фактических данных («делать выводы») позволяет качественно иная функция человеческой психики – интуиция. Будь современный тип мировосприятия и миропонимания действительно исключительно рефлексивным вследствие развития этой способности из других – мистического и мифологического типов, как считает большинство философско-антропологических школ (эволюционисты, культурантропологи, структурантропологи, социологи и др.), то говорить стоило бы не о развитии, а о деградации – куда при этом исчезают результаты деятельности других психических способностей?

Эта идея, на наш взгляд, закономерно вытекает из методологического подхода естественных наук, из постулата принципа поступательного эволюционного движения, в котором развитие опирается на взаимодействие эволюционирующего объекта с окружающей средой – изменяется среда, изменяются функции или способности объекта. При этом никто не скажет о внезапности – изменение структуры и свойств, к примеру, биологического организма – это результат продолжительных мутаций, где появившийся на свет новый организм есть так же и результат информационных перетасовок в генетических структурах клетки. Но в исторический период, когда формируются теоретико-методологические основания логико-гносеологического подхода (как и во все предшествующие и последующие периоды), природная среда человека не изменяется, и не изменяются сами люди – психо-физиологические реакции и потребности человеческого организма остаются прежними.

Изменяется отношение людей к миру, т.е. проблема располагается не в области взаимодействия, а в области построения тех или иных систем ценностей. В рассмотрение включается еще один аспект – эмоционально-оценочный. Можно сказать, что изменяется эмоциональная

реакция людей на мир. В этом контексте как внезапный можно рассматривать выход иного – в обсуждаемом случае рефлексивного или рационально-мыслительного – взгляда на мир на первый план. Привлечение к логическому всеобщего внимания. Актуализация этого, качественно иного по сравнению с применявшимся ранее, ряда параметров действительности при построении взаимоотношений с миром. Параметров, которые всегда существовали наряду со всеми остальными, неустанно выполняли все положенные им функции жизнеобеспечения человеческих существ, но не были «принятыми в обществе» – та часть реальности, которую отображают эти параметры, не ставилась во главу угла при построении системы ценностей, социальных структур и институтов, а значит, и при построении системы представлений о мире.

Содержательные аспекты мистического или, согласно Л. Леви-Брюлю, пра-логического способа мировосприятия и миропонимания, связаны, коррелируют с теми знаниями, которые формируются у индивида в процессе отражения реальности посредством эмоционального переживания, а также с механизмами получения и переработки этих знаний.

Если содержанием типа мировосприятия и миропонимания может стать, по терминологии Л. Леви-Брюля, такая система описания действительности, как партиципация (сопричастность некому коммуникативному сообществу) [3], то для формирования этого содержания необходима отчетливая картина эмпатического переживания действительности посредством эмоций: «Первобытный миф – это фиксация мирочувствования» [4, с. 571]. Именно в подобной форме воспринимается и представляется окружающая действительность с помощью такого механизма восприятия реальности, как эмоциональное переживание, ориентированного на аспект реальности, связанный с человеческой коммуникацией.

Подобный тип мировосприятия предполагает повышенную чувствительность к чужим переживаниям, вплоть до болезненных физических ощущений в процессе деятельности этой мыслительной способности. Происходит отождествление объекта, воспринятого органами чувств, с той эмоциональной реакцией, которую этот объект вызывает у субъекта. Процессы и результаты познавательного и всякого другого взаимодействия с окружающей действительностью посредством других мыслительных способностей отойдут, соответственно, на второй план. В частности, что касается такого механизма психики,

как абстрактно-логическое мышление, то его работа у мистически или первобытно мыслящих субъектов не менее продуктивна, чем у современных цивилизованных индивидов. Подтверждением этого служат свидетельства многих антропологов, описанные в их работах (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Дж.Дж. Фрезер и др.).

Что касается содержания мифологической системы представлений о реальности и вытекающего из нее способа мировосприятия и типа миропонимания, то в его основе лежат методы и результаты отображения явлений реальности посредством способности ощущения.

Сущность любой мифологической религиозной картины мира заключается в том, что это, в первую очередь, идеологическая доктрина, ограниченная набором управленческих и политических целей и задач, а также снабженная ритуализированным по способу передачи потенциальным приверженцам набором информационных блоков и однозначно наполняемых в содержательном плане символически-образных конструкций.

Религиозное мифологическое или любое другое идеологизированное представление начинается с эмоционального переживания как реакции на какое-либо происшествие, т.е. с опыта ощущений, которые произвели на индивида сильное эмоциональное впечатление: «У первобытных людей эстетический мотив комбинируется с символическим, между тем как в современной жизни эстетический мотив или вполне независим или ассоциируется с утилитарными идеями» [5, с. 126]. При этом не имеет значения происходили ли события, являющиеся фактом веры, в реальной жизни субъекта или он получил знание о них из вторых рук: «Миф это не собрание первобытных представлений о началах всего сущего. Он также не является итогом созерцания природы или некоторого рода символическим обобщением ее законов. Миф выступает как исторически образовавшееся суждение о некотором событии, само существование которого однажды и навсегда свидетельствовало в пользу какого-либо магического действия» [6, с. 94].

Если бы формирующие представления способности человеческого мышления ограничивались только таким механизмом, то никому никогда не пришла бы в голову мысль о том, что любое описание реальности, поскольку «предоставляется» оно в основном конкретным механизмом психики, всегда локально, что результаты деятельности в соответствии с ним применимы только в строго заданных условиях. Мифологическое мышление в чистом виде – это мышление иллюзорное.

Будь человек ограничен возможностью только так размышлять, а именно такую идею проводят исследователи, рассматривающие рефлексивное мышление как производное от мифологического и в силу этого являющееся более высоким этапом развития мыслительной способности человека, он был бы обречен на хождение по информационному кругу, как мы можем наблюдать это, например, в различных религиозных или других идеологизированных формированиях.

Будучи запертым в рамках воспроизведения одного и того же набора эмоциональных переживаний, «юридически разрешенных» изложениями опыта чужих ситуативно обусловленных ощущений, передаваемыми по цепочке поколений, человек вел бы себя сродни той лабораторной крысе, которая нажимала на рычаг удовольствия до тех пор, пока ее не настигала смерть. Даже в том случае, если бы вместо возбуждения центра удовольствия электроды, присоединенные к этому рычагу, возбуждали бы центр боли. При условии, что поддерживающийся такими людьми миф проповедовал бы абсолютную истинность подобного поведения.

В качестве примера способа мировосприятия и типа миропонимания, ориентированного на интуицию как основной метод восприятия объективного мира, на наш взгляд, можно принять находящуюся сегодня на пике научной моды синергетическую парадигму мышления. Описываемое по принципу противопоставления линейной односторонности традиционного для западноевропейской рефлексии рационально-логического стиля мышления, лежащего в основе научного миропонимания, синергетическое видение мира опирается на следующий ряд методологических принципов, напрямую коррелирующих с психологическими установками индивидов с интуицией в качестве ведущей мыслительной способности.

Характеристики исходного определяющего принципа синергетической парадигмы рассматриваются через призму противопоставления их механизмам познавательной способности рационального мышления даже в таком, казалось бы, неременном свойстве оформления знания, как оперирование понятийным аппаратом: «Кульминационные моменты творческого мышления – работа творческой интуиции, достижение озарения, инсайта, «ага-переживания» трудно поддаются не только логическому анализу, но даже и вербальному описанию» [7, с. 191].

Причинно-следственные ряды, на понятие которых опирается технологический процесс рационального или логического мышления,

должны, по мироощущению интуитивной способности познания, ограничивать свободный полет синергетически ориентированной мысли человека, тогда как понятие хаоса как предшествующего моменту познавательной деятельности, наоборот, призвано избавить индивида от заданности, запрограммированности восприятия уже имеющимся знанием и предоставить ему свободу выбора из большего количества возможных вариантов развития ситуации.

Еще Диоген Лаэртский свидетельствует об утверждении Анаксагора о предшествовавшем человеческому познанию хаосе: «Все, что имеется, было совокупно (вперемешку), потом пришел Ум и установил в нем (мире) распорядок» [8, с.105]. В этом утверждении просматривается не только *вспомогательная* роль рационально-логического мышления по отношению к интуитивному восприятию действительности, но еще и принцип субъективности человеческого познания. Такой его характеристики, которая выражается в производности картины мира от ценностных и потребностных ориентиров индивида, эту картину составляющего.

Принимая во внимание принцип эмерджентности, являющийся критерием самоорганизующейся системы и выражающийся в нередуцируемости целого к его частям (в нашем случае – «частями» выступают механизмы процесса формирования представлений посредством различных мыслительных функций, формирующих содержание различных систем описания реальности и вытекающих из них способов мировосприятия и типов миропонимания), можно сказать, что выведение на первый план в этом процессе методов и технологий мыслительной способности интуитивного восприятия будет выражаться в пропуске через призму проистекающих из нее ценностных ориентиров результатов познания посредством рационального мышления, ощущения и эмоционального переживания. И, если с мышлением и ощущением все более или менее просто – они, как и прежде, лишь под грифом «не единственных» являются «поставщиками» разрозненных фактических данных, почерпнутых из бездонных «запасников» хаоса, то эмоциональное переживание оказывается в двусмысленном положении.

В результате мы получаем замкнутый круг. Линейность заученных причинно-следственных связей, если процесс получения нового знания опирается только на рациональное мышление, должна, согласно представлениям синергетической доктрины, ограничивать человеческое познание в рамках уже установленных законов существования реальности: «Процессы самоорганизации в познании нужно искать

не среди тех познавательных процессов, которые планируются и движение которых подчиняется заранее поставленной цели, а среди тех, которые не ожидаются, а возникают независимо, а иногда и вопреки, от сознательно организованной деятельности ученых» [7, с.178]. Тогда как свобода интуитивного познания в рамках отсутствия заготовленных мышлением схем может оказаться мнимой, так как обернется произволом субъективных ассоциаций и индивидуальных пристрастий. Это тем более вероятно, что ставка в процессе получения нового знания делается на неосознаваемости, на отсутствии контролирующей роли сознания: «Синергетические механизмы действуют в тех процессах научной деятельности и развития научного знания, которые осуществляются «поверх умов творящих» – не контролируются сознанием, протекают на подсознательном и бессознательном уровнях» [7, с. 178]. Эти ассоциации, в свою очередь, «наложившись» на первозданный хаос бытия, вполне могут снова локализовать картину мира индивида, но теперь уже опираясь не на просчитанные логическим мышлением и проверенные временем и экспериментом «законы природы», а на личные пожелания конкретных субъектов познания. Что может им помешать при следующей исходной посылке: «Синергетика дает возможность строить прогнозы от целей, структур-аттракторов развития знания, от целого, общих тенденций развития в целостных системах знания и *от желаемого человеком* и согласованного с собственными тенденциями развития систем *идеала*» [9, с. 31]. Разве что полное отсутствие у субъекта познания способности к эмоциональному переживанию как мотивирующему на придание первостепенного значения отдельным частям и фактам реальности, равно как и отсутствие способности к свидетельствующему о действительном положении вещей ощущению этой реальности, на результаты которого субъект мог бы эмоционально отреагировать и таким образом, опять же, осознать их объективную значимость.

Интуитивно ориентированное мышление не приемлет жестких определений принципов существования, механически применяемых к любым объектам познания. Поскольку его механизмы направлены на рассмотрение объекта в становлении и изменчивости, постольку, например, высказывание о том, что «методологический принцип о превосходстве бытия над становлением, о превосходстве пребывающего над изменяющимся стал руководящей идеей всего классического естествознания» [2], будет звучать как указание на методологический изъян при предпочтительном применении в познании логических принципов способности рационального мышления.

Поскольку мыслительные и поведенческие установки интуитивного способа восприятия реальности принципиально не приемлют никаких ограничений – ни в объекте, ни в процессе формирования представлений о нем, постольку все методологические достижения классической науки будут восприниматься как изжившие себя и мешающие переросшему их организму человеческого сознания подобно тому, как «жмут» подростку его детская одежда и обувь.

Еще раз возвращаясь к мысли о вероятности скатывания в субъективизм интуитивного синергетического мировосприятия, нужно заметить, что она тем более правомерна, что в истории мировой философии несть числа работ по теме духовного развития человека, основные положения и технологии которых формулируются и описываются, исходя из степени осознания конкретным автором механизмов психической способности интуитивного восприятия реальности, а также «мешающих» ему механизмов других мыслительных способностей человека.

Самым ярким примером могут служить, например, различные школы и техники йоги. Ориентированные на развитие у человека способности к «познанию истинного бытия» эти философские направления с завидным постоянством начинают свои рассуждения с постулата вреда и препятствий, создаваемых подлинному познанию такими свойствами человеческого мышления, как способность к конкретно-чувственному восприятию (ощущению), абстрактно-логическому мышлению и, наконец, эмоциональному переживанию. В соответствии с представлениями подобных философских школ и доктрин, в основном религиозно-нравственных по социальной направленности и восточных по территориальной принадлежности, только свобода от ранее выученных представлений, формирующихся на их основе мыслительных ассоциаций и фантазий, а также свобода от телесных желаний и страстей, выражающаяся в так называемом «духовном молчании», позволяет «освободить сознание» для проникновения в него потока «чистого бытия», «не испорченного» субъективными наслоениями жаждущей истины личности и потому являющегося источником по настоящему объективного (или истинного) представления о реальности. Или, выражаясь современным языком, для процесса интуитивного озарения или прозрения. Весь процесс формирования человеком представлений о мире понимается здесь как набор проблесков подлинной реальности, достигающих человеческого сознания с помощью телесных органов чувств.

Основные теоретические положения китайской философско-терапевтической школы цигун также можно соотнести с принципиальными положениями синергетической парадигмы. В частности, с принципом минимума диссипации (рассеяния) энергии как главным условием жизнеспособности самоорганизующихся систем: «Цигун – это прежде всего искусство поддержания своего здоровья в нормальном состоянии через особый метод мышления и способ энерго-информационного обмена с окружающим миром и общения со всей Вселенной. Овладение мастерством цигун – это освоение методов накопления, преобразования и управления энергией ци (жизненной и духовной силой)» [10, с. 29]. Принцип диссипации энергии в синергетике, в свою очередь, звучит: «Поток энергии, поступающий извне в систему неорганизованной материи, обуславливает в определенные моменты возникновение в ее хаотической структуре организованного поведения, вихрей, от галактик и планетных систем до течений в океане и тайфунов в атмосфере. Момент возникновения новой структуры определяется точкой пересечения термодинамических траекторий – в этот момент происходит удивительный акт самоорганизации материи – система переходит на новую траекторию, обеспечивающую минимум производства энтропии в структуре. Именно достижение каждый раз нового уровня экономии энергии обеспечивает живым системам большую устойчивость и более широкие границы существования» [11, с. 9].

Отличие синергетической парадигмы от йоги заключается в том, что, если синергетика только претендует на роль методологии научного познания, то йога всегда рассматривалась ее создателями и приверженцами как средство максимальной реализации всех потенциальных возможностей психики человека. Например, Н.В. Абаев, анализируя различные аспекты традиционной китайской культуры, говорит, что в ее рамках «культура психической деятельности имела определенную сферу функционирования и решала вполне конкретные задачи: воспитывать (культивировать) и тренировать естественные психические способности человека с целью дальнейшего их использования в соответствии с определенными нравственными, религиозно-философскими и социально-психологическими нормами и критериями» [12, с. 7]. Из этих критериев вытекали самые разнообразные ориентиры – на выявление изначально заложенного в человеке космического начала и в подчинении психофизиологических процессов всеобщим космическим законам (даосизм), на достижение личной святости и духовного развития (буддизм), на занятие высокого социального положения

и принесение максимальной общественной пользы (конфуцианство), на освобождение от цепи перерождений и выход на новый уровень существования («Тибетская книга мертвых») и т.д.

Таким образом, в зависимости от того, методы и результаты какой из мыслительных способностей человека будут приняты в качестве определяющих при формировании содержания сознания того или иного человеческого сообщества, спроецированы на содержание этого сознания, мы получим на выходе четыре способа мировосприятия или типа миропонимания и четыре способа взаимодействия с реальностью. Будет ли это способность ощущения и тогда мы имеем мифологический стиль мышления в сочетании с обыденной практической сметкой и здравым смыслом. Займет ли определяющее место рациональное мышление, – и мы получим науку с ее объективным знанием и ограниченностью в рамках изученных на конкретном историческом этапе причинно-следственных рядов. Встанет ли во главу угла эмоциональное переживание, – и умами завладеют мистика и искусство. Или же на первый план выйдет интуиция, – и мир наполнится свободой, оригинальными изобретениями, а также просветленными в большом количестве, для которых жизнь на земле никакой ценности не представляет. Попутно возникает вопрос: в каком направлении движется процесс формирования человеком представлений о реальности в случае попытки синтезирования и перевода на уровень осознания методов и результатов всех мыслительных способностей человека одновременно?

Анализ различных систем представлений о реальности и вытекающих из них способов мировосприятия и типов миропонимания демонстрирует проективность содержания общественного сознания. При этом все остальные мыслительные способности человека будут выполнять либо ведущую, либо вспомогательную роль в формировании содержания того или иного типа миропонимания. В первом случае картина мира представляет собой проекцию того среза реальности, который отображается в сознании посредством конкретной мыслительной способности, а также проекцию технологических механизмов этой способности. Во втором – мыслительная способность принимает на себя организационные функции жизнеобеспечения, а также функции сбора фактических данных и структурирования системы представлений в качестве средства оценки и создания мотивации.

Поскольку система рыночных взаимоотношений приобретает в современной России все большее и большее значение, необходимо

обратить внимание также и на механизмы формирования так называемого экономического человека, на особенности его мышления и поведения. Понятие «экономического человека» сформировалось в рамках теории общественного выбора, которая представляет собой одно из наиболее ярких направлений экономического империализма, связанное с применением методологии неоклассической экономической науки для изучения политических процессов и феноменов. Ключевую роль в разработке этой теории сыграли представители так называемой Вирджинской экономической школы, признанным лидером которой является Дж. Бьюкенен [13].

В условиях ограниченности ресурсов каждый из людей стоит перед выбором одной из имеющихся альтернатив. Методы анализа рыночного поведения универсальны. Они с успехом могут быть применены к любой из сфер, где человек должен сделать выбор. Основная предпосылка теории общественного выбора состоит в том, что люди действуют в политической сфере, преследуя свои личные интересы. Рациональные политики поддерживают, прежде всего, те программы, которые способствуют росту их престижа и повышают шансы одержать победу на очередных выборах. Таким образом, теория общественного выбора пытается последовательно провести принципы индивидуализма, распространив их на все виды деятельности, включая государственную службу.

Второй предпосылкой теории общественного выбора является концепция экономического человека. Человек в рыночной экономике отождествляет свои представления с товаром. Он стремится принять такие решения, которые максимизируют значение функции полезности. Его поведение рационально. Рациональность индивида имеет в данной теории универсальное значение. Это означает, что все – от избирателей до президента – руководствуются в своей деятельности в первую очередь экономическим принципом, т.е. сравнивают предельные выгоды и предельные издержки.

Основной принцип теории общественного выбора состоит в том, что люди действуют одинаковым образом, как в роли частного лица, так и в любой общественной роли. При анализе личного выбора людей экономисты давно пришли к выводу о том, что люди действуют исходя из рационального преследования личных выгод. Как потребители они максимально увеличивают полезность; как предприниматели они максимально увеличивают прибыль и т.д. Таким образом, теоретики общественного выбора предполагают, что действия и выбор людей,

занимающих общественные посты, также управляются соображениями лично выгоды.

В теории общественного выбора широко используется микроэкономический анализ для объяснения процесса принятия политических решений. Рассмотрим случай голосования по какому-либо вопросу, имеющему для конкретного человека меньшее значение, чем, к примеру, назначенная на это время деловая встреча. Предположим, что человек видит, что его голос на выборах не будет иметь большого веса, так как в обществе подавляющее большинство придерживается другой точки зрения. Такой взгляд может быть обусловлен данными опросов общественного мнения в СМИ, или же явно выраженными настроениями в обществе, или же опытом предыдущих голосований по данному вопросу. Кроме того, сама сущность и содержание вынесенного на голосование вопроса может не являться для данного человека жизненно важной – вопрос имеет крайне малое отношение к повседневной жизни индивида или же не имеет таковой вообще. С другой стороны, этот человек видит, что отмена деловой встречи может повлечь за собой какие-либо издержки. Например, он не сможет заключить договор и, следовательно, не получит возможной прибыли от этого договора. Обдумав сложившуюся ситуацию с рациональной точки зрения, наш «экономический человек» не пойдет на выборы, так как его насущные проблемы ему ближе и ему выгоднее пойти на деловую встречу. В случае же когда обсуждаемый вопрос не имеет никакого отношения к жизни голосующего, то ему будет выгоднее даже просто отдыхать дома, чем пойти на голосование. Можно сказать, что существует некий эффект порога – это минимальное значение пользы, которое необходимо превысить, чтобы избиратель участвовал в политическом процессе. Если оно ниже определенной величины, то избиратель старается избежать исполнения своего гражданского долга, становясь человеком, для которого рациональнее проигнорировать политический процесс.

Некоторые экономисты утверждают, что общественный сектор по своей природе менее эффективен, чем частный. И дело не в том, что в государственный сектор попадают ленивые и некомпетентные работники, тогда как целеустремленные и способные тяготеют к частному. Дело скорее в том, что рыночная система создает стимулы к повышению эффективности, чего нет в государственном секторе. У менеджеров частных предприятий есть личный сильный стимул, чтобы эффективно работать – увеличение дохода. Достижение бюрократами личной выгоды ведет к тому, что их действия приходят в противоречие

с общественными интересами. Конечно, это не означает, что все как на подбор официальные лица никогда не принимают решений в интересах всех граждан. Многие из них, руководствуясь чувствами своего профессионализма и гордости, делают то, что, как они полагают, необходимо для общества; хотя иногда, с точки зрения их личной выгоды, нужно было действовать противоположно. Но теоретики общественного выбора предупреждают, что профессионализм и гордость возобладают у бюрократов далеко не всегда. Мотивы извлечения личной выгоды – это ветер, дующий в постоянном направлении, под действием которого всегда дрейфует принятие тех или иных бюрократических решений.

Определение границы между частнопредпринимательской деятельностью и функциями правительственных органов решается на уровне здравого смысла. Теория общественного выбора отнюдь не предлагает универсальных формул и средств, хотя проливает свет на ряд проблем, которые нельзя обойти вниманием. В зависимости от процедуры голосования, распределения затрат и личных интересов, внешних факторов, непроизводственных затрат и многих других соображений, экономические решения, принимаемые демократическим правительством, могут иногда быть лучше, а иногда – хуже аналогичных решений частных предпринимателей. Но, несмотря на самые благие намерения создателей правительственных программ и концепций, рынок со всеми своими недостатками зачастую приносит гораздо лучшие результаты в силу личной заинтересованности подвизающихся в его сфере субъектов.

Литература

1. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1996.
2. Режабек Е.Я. Платоновская парадигма и синергетика [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.public.uic.rsu.ru/~smakien/publications/Plato-synergetic.htm
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д, 1998.
5. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л., 1926.
6. Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб., 2002.
8. Лэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
9. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995.
10. Минтан С., Мартынова Т. Чжун Юань цигун. Книга для чтения и практики. I степень. Киев, 2001.

11. Блинков А.В., Киселев А.Н. Неожиданные находки в Храме науки // Химия и жизнь. 1992. № 12.
12. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
13. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. М., 1995. Т. 1.

«ЗОЛОТАЯ ПРОПОРЦИЯ» КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

А.К. Ерохин

Томск, Россия

Прогресс и современные условия существования общества постоянно повышают требования, предъявляемые человеку. Однако человек, включенный в систему общественных и межличностных отношений, часто не может эффективно противостоять растущим запросам со стороны общества. Потеря работоспособности и подверженность стрессам, отсутствие эффективных способов разрешения меж- и внутриличностных конфликтов, непродуктивное эмоциональное реагирование на стимулы, предъявляемые обществом, – причины этих проблем кроются в организации психической жизни. В связи с этим возникает потребность в определении существенных свойств личности, развитие которых бы помогло выстроить ее эффективное взаимодействие с внешним и внутренним миром. Личность, чтобы адаптироваться к постоянно меняющемуся окружающему миру, непрерывно находится в движении и развитии. Изменяются мотивы и потребности, установки, черты. Часто под воздействием внешних обстоятельств у человека формируются новообразования в виде потребностей, способностей, умений и черт личности. Но иногда человек сознательно и целеустремленно формирует в себе такие качества личности, которые помогли бы успешно решать возникающие задачи. На протяжении веков ориентиром для саморазвития и самосовершенствования являлось понятие о гармонично развитой личности.

Гармония – это принцип, по которому организуются отдельные части внутри целого. Например, известное еще в Древней Греции понятие о гармонии тела и духа: человек развивает в себе физические и умственные способности. Понятие «гармония» в Большой советской энциклопедии определяется как «соразмерность частей и целого, слияние

различных компонентов объекта в единое органическое целое» [1]. У Аристотеля гармония – порядок, нерушимая слаженность частей, подвижное соотношение слаженности частей, принцип «золотой пропорции» [2]. А.Ф. Лосев пишет о том, что во всех древнегреческих определениях гармонии «золотая пропорция» выступает как некоторое неизменное начало, принцип, закон, согласно которому возникают и существуют ее явные плоды – красота, совершенство, полнота [2]. Таким образом, уже со времени Аристотеля начинают связываться понятия «гармония» и «золотая пропорция», являющаяся при этом гармоническим принципом, по которому строится восприятие человеком окружающего мира, и повсеместно проявляющаяся в природе и в деятельности человека.

В последнее время стало появляться множество исследований, посвященных изучению «золотой пропорции». Работы таких ученых, как А.П. Стахов [3], Э.М. Сороко [4], Н.А. Васютинский [5] показали, что в природе повсеместно наблюдается принцип «золотой пропорции», который распространяется на объекты живой и неживой природы. В психологии данный вопрос исследован только частично. Изучением этого феномена в процессе восприятия занимались Г. Фехнер [6], Э. Торндайк [7], С. Дэвис и Дж. Дженке [7]. Дж. Адамс-Вебер [8], В.А. Лефевр [9] изучали свойства биполярного выбора. О.И. Мотков [10] занимался определением «уровня гармоничности личности» в целом и ее отдельных аспектов.

«Золотая пропорция» определяется как такое соотношение частей целого, при котором отношение меньшей части к бóльшей равняется отношению бóльшей части к целому. В численном выражении данная пропорция составляет 1,618 (или 0,618 – обратная величина) [11].

Обратимся к вопросу организации гармонично развитой личности с позиции применения принципа «золотой пропорции». Возникает закономерный вопрос: каким образом можно применить этот принцип к личности, учитывая, что здесь приходится иметь дело с численным выражением пропорции (1,618 или обратная величина 0,618)?

К решению данной проблемы можно подойти, если рассмотреть структуру личности в виде набора шкал, представляющих черты личности, например, в виде модели Р. Кэттелла. Его модель основывается на пятнадцати шкалах, представляющих черты личности, и добавляется шкала интеллекта. Между собой они образуют отношения и состоят в определенной пропорции друг к другу. Так как шкалы имеют численную выраженность, следовательно, можно говорить о таком соотношении

черт личности, при котором будет проявляться «золотая пропорция». Здесь и далее мы будем отождествлять шкалы и черты личности, так как имеем дело с моделью. Таким образом, черты личности могут формировать отношения, близкие к «золотой пропорции»: 5/8, 8/13, 13/21. В подтверждение данного предположения, нами было проведено исследование черт личности с помощью опросника 16 PF Р. Кэттелла. Этот опросник впервые был издан в 1949 г. С тех пор пользуется большой популярностью как диагностический инструмент. Опросник 16PF – универсальный инструмент экспресс-диагностики. Представление о 15 первичных личностных чертах создавалось и укреплялось на основе многолетней факторизации данных, полученных с помощью самого вопросника, с помощью рейтинга (внешних оценок выраженности черты личности), а также на основе анализа реальных жизненных ситуаций и лабораторных данных [12]. При анализе полученных данных был произведён поиск гармонических композиций шкал – т.е. таких отношений между шкалами, которые образуют «золотую пропорцию» (5/8, 8/5; 8/13, 13/8; 13/21, 21/13). Обработке подвергались сырые баллы, так как при переводе в шкалы получается интервальная шкала, что в результате даёт неверные соотношения. Результаты показали, что у испытуемых наблюдается от 0 до 12 композиций черт, построенных по принципу «золотой пропорции».

Что даёт такая пропорциональность? Если представить себе личность, черты которой состоят в «золотой пропорции» друг с другом, то она не будет односторонне развита. Высокая выраженность одних черт будет компенсироваться средней выраженностью других. Например, если показатель «эмоциональность» имеет максимальное значение в 21 балл, то показатель «самоконтроль поведения» со значением 13 баллов будет её «уравновешивать». Или если показатель «чувствительность» понижен (5 баллов), то он может компенсироваться более высокой выраженностью показателя «мечтательность» (8 баллов). Таким образом составляются композиции черт личности по принципу «золотой пропорции». Конечно, понятие о гармоничном развитии не предполагает, что все черты должны быть на среднем уровне. Каждая личность обладает индивидуальной выраженностью черт, что составляет основу её своеобразия. Ни о какой усредненности говорить нельзя, если речь идет о гармоничном развитии. Скорее, в результате «золотой» организованности возникает динамическое равновесие черт личности. Если одни показатели изменяются, то другие пропорционально уравновешивают их.

Пока данное объяснение существует лишь на уровне предположения. Для того чтобы понять, каким образом влияют на личность «золотые» пропорции ее черт, необходимы дополнительные исследования. Проработка данного вопроса на сегодняшний день еще очень незначительна и поверхностна, чтобы давать однозначные интерпретации.

Литература

1. Большая советская энциклопедия.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
3. Стахов А.П. Коды Золотой Пропорции. М., 1984.
4. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. М., 1984.
5. Васютинский Н.А. Золотая пропорция. М., 1990.
6. <http://www.terravita.ru/articles/200601280800.htm>
7. S. Davis, J.C. Jahnke. Unity and the Golden Section: Rules for Aesthetic Choice?// American Journal of Psychology. Vol. 104. 1991. No. 2.
8. <http://www.pcp-net.de/berlin99/abstracts/adams.htm>
9. <http://psycprints.ecs.soton.ac.uk/archive/00000476/>
10. <http://psychology.rsuh.ru>
11. Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы / Пер. с англ. Ю.А. Данилова, А.Р. Логунова. Ижевск, 2005.
12. Шмелёв А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ В ЛОГИКЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

О.А. Козырева

Красноярск, Россия

Понятие «акмеология» (акме) в переводе с древнегреческого – высшая точка, острие, расцвет, зрелость, лучшая пора; в научную терминологию ввел профессор Н.А. Рыбников в 1928 г., обозначая им возрастную психологию зрелости или взрослости.

Предпосылкой появления акмеологии стали исследования Ф. Гальтона и В. Освальда [1] о возрастных закономерностях творческой деятельности и И. Пэрна [2], изучавшего зависимость ее продуктивности от различных психобиологических факторов.

Акмеология разрабатывает новые подходы и методы совершенствования профессионального мастерства в различных областях профессиональной деятельности, исследует закономерности этого процесса, разрабатывает методы определения уровня эффективности систем

совершенствования профессионального мастерства, направленных на достижение наивысшего уровня профессионализма в профессии [3].

Свою онтологическую определенность акмеология приобретает, синтезируя достижения таких наук, как философия, социология, физиология, генетика, педагогика и психология.

В настоящее время акмеология превратилась в систему наук с дифференциацией предмета и методов познания: акмеология образования (Н.В. Кузьмина, А.М. Зимичев и др.), акмеология профессионального развития (Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач, А.А. Реан, Л.Е. Варфоломеева, С.Ф. Эхов и др.), спортивная акмеология (И.П. Волков), школьная акмеология (В.Н. Максимова, Н.Е. Кузнецова, Н.М. Полетаева, Ю.А. Гагин и др.), синергетическая акмеология (В.П. Бранский, С.Д. Пожарский) и т.д.

В акмеологии разработаны модели профессионального образования человека (Е.Н. Богданов, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан, Л.Г. Лаптев, А.К. Маркова, В.Г. Михайловский, Л.Э. Орбан, И.Н. Семенов, А.П. Ситников и др.); акмеологические способы выявления закономерностей, факторов и условий наивысших достижений человека в различных сферах жизнедеятельности – прежде всего в профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, О.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.А. Климов, Р.Л. Кричевский, Н.В. Кузьмина, Н.И. Конюхов, Л.Г. Лаптев, А.К. Маркова, Л.Э. Орбан, И.Н. Семенов, Е.А. Яблокова и др.).

Б.Г. Ананьев сформулировал *задачи*, которые должна решить акмеология:

1. Научное освещение феноменологии акме;
2. Объективирование общего и различного в ней у разных людей,
3. прослеживание в действии факторов, которые определяют качественно-количественные характеристики акме.

Еще одну задачу акмеологии сформулировал А.А. Бодалев в своей книге «Вершина в развитии взрослого человека»:

4. Классификация, прослеживание причин, описание феноменологии случаев, когда происходит утрата профессионализма, а также деформация личности самого профессионала.

Предметом акмеологии являются объективные и субъективные факторы, содействующие и препятствующие достижению вершин профессионализма, а также закономерности в организации обучения профессионализму будущих специалистов, совершенствовании их профессиональной деятельности.

Согласно исследованиям акмеологов (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина и др.), психолого-акмеологические факторы – это основные причины, имеющие характер движущих сил, главные детерминанты профессионализма. Главным системообразующим фактором профессионализма личности является образ искомого результата, к которому стремится субъект деятельности.

Психологические факторы нацелены на достижение эффективного уровня профессионального самосознания личности. Акмеологические факторы – на развитие личности в профессиональной и учебной деятельности, движение к вершинам профессионализма личности и деятельности.

Психологические и акмеологические факторы с точки зрения системной методологии являются разноуровневыми. По данным Н.В. Кузьминой и А.А. Реана, психолого-акмеологические факторы бывают трех видов:

- объективные (связаны с профессиональной деятельностью человека в существующей системе, которая и направляет его на достижение значимых для системы результатов);
- субъективные (связаны с личностными предпосылками, профессионализма – мотивация, направленность, способности, креативность, отношения (мера их проявления объясняет субъективные причины, содействующие росту профессионализма, или препятствующие ему));
- объективно-субъективные (связаны с особенностями организации профессиональной среды).

А.А. Бодалев и Л.А. Рудкевич подразделяют факторы, связанные с достижением человеком «акме» на социальные макро- и микрофакторы (микросреда) и психологические характеристики личности, которые условно могут быть подразделены на объективные (в известном смысле не зависящие от человека, такие как его индивидуальность) и субъективные (такие как работа над собой, т.е. активное стремление к самосовершенствованию) [4, с. 88].

По мнению А.А. Деркача и Н.В. Кузьминой, важнейшими психолого-акмеологическими факторами являются потребность в достижении, высокие профессионально-личностные стандарты, уровень мотивации.

Исследования конкретных видов деятельности показали, что общими психолого-акмеологическими факторами являются высокий уровень профессионального восприятия и мышления, развитая

антиципация. К закономерностям, определяющим творческую продуктивность, относят не только сами эти факторы, но динамические изменения в жизненном пути, связанные с возрастными изменениями, например, закономерность пропорций в смене доминирующих мотивов с возрастом (на возрастных пиках), закономерности возрастной эволюции интересов [5, с. 88].

В.Г. Зазыкин отмечает, что общими психолого-акмеологическими факторами являются акмеологические инварианты профессионализма – высокий уровень антиципации, саморегуляции, развитая образная сфера, умения принимать решения, коммуникативные умения.

В.Д. Шадриков в исследовании системогенеза профессиональной деятельности особо рассматривает связи профессионального мастерства со следующими психолого-акмеологическими факторами: потребности личности, уровень мотивации достижения и социальный престиж деятельности. Престиж положительно коррелирует с высокой мотивацией (в том числе достижений, а не избежания неудач), самооценкой, уверенности в завтрашнем дне, значимостью деятельности и ее результатов [6, с. 188].

Типы методологических ориентаций в акмеологии

Естественнонаучная ориентация выражается в том, что, во-первых, акмеология – самостоятельная наука, методологически во многом следует дисциплинарным стандартам (в виде изучения в эксперименте фактов, механизмов, закономерностей, их математической достоверности и т.п.), которые сложились в классическом естествознании. Во-вторых, при анализе акмеологических проблем (природы одаренности, творчества, образования взрослых, психологических предпосылок становления профессионального мастерства и т.п.) имеет место апелляция к естественнонаучным знаниям из сферы возрастной физиологии, психофизиологии труда.

Гуманитарная ориентация. Принадлежа к наукам о человеке, акмеология обретает свою онтологическую определенность, с одной стороны, на базе взаимодействия с этими науками в ходе исторического развития, а с другой – в предметном обособлении от них в качестве самостоятельной науки.

Технологическая ориентация – непосредственное взаимодействие с техническими науками (кибернетикой, теорией информации и т.п.); активное использование акмеологией присущих им алгоритмически четких стандартов практически ориентированного прикладного знания.

Акмеологический подход базируется на идеях системного анализа (П.К. Анохин, Н.В. Кузьмина, А.И. Уемов, В.Д. Шадриков и др.); комплексного структурно-функционального анализа профессиональной деятельности (В.Г. Асеев, А.А. Деркач, Е.М. Иванова, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, К.К. Платонов и др.). Он опирается на результаты анализа деятельности (В.Г. Зазыкин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, С.И. Съедин и др.); принципы системного познания, развития, деятельности и общения человека на этапе его зрелости (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Р.Л. Кричевский и др.); психолого-педагогические основы творчества, развития и ценностных ориентации (Г.А. Айзенк, О.С. Анисимов, А.В. Брушлинский, И.Н. Семенов, В.В. Петрусинский и др.).

Акмеологический подход позволяет рассматривать вопросы сознания личности в профессиональной деятельности на разных возрастных этапах онтогенеза личностной зрелости специалиста: от профессионального самоопределения, получения профессионального образования до самоактуализации в профессиональной деятельности и развития творческой индивидуальности специалиста, обладающего оптимальным уровнем развития профессионального самосознания. Далее опишем в характерологическом плане акмеологическое содержание двух основных видов профессиональной компетентности педагога.

Аутопсихологический вид профессиональной компетентности педагога. С акмеологической точки зрения аутопсихологическая компетентность рассматривается как готовность и способность личности к целенаправленной психической работе по изменению свойств личности, ее поведения, деятельности и отношений в сторону прогрессивного личностно-профессионального развития [7, с. 150].

Является следствием способности к целенаправленной ориентации во внутриличностном пространстве. Аутопсихологическая компетентность проявляется также в умении личности использовать и развивать собственные ресурсы, поэтому она является результатом особого рода психологической деятельности, которая относится к классу внутриличностной деятельности. Ее предметом является саморазвитие и самосовершенствование человека [7, с. 150]. Имеет ключевое значение для осуществления прогрессивного личностно-профессионального развития. От ее уровня зависят: качество самоанализа, адекватность самооценки, уровень саморегуляции, самоэффективность и другие важнейшие свойства личности.

Аутопсихологическая деятельность может иметь произвольный, произвольный и постпроизвольный характер. С акмеологической точки зрения особый интерес представляет произвольный вид аутопсихологической деятельности, которая характеризуется осознанностью, мотивированностью и контролируемостью [7, с. 150].

Аутопсихологическая компетентность представляется как система, включающая следующие структурные компоненты:

- рефлексивный компонент, включающий способность осуществлять адекватную самооценку и эффективный самоконтроль, в том числе и их динамических характеристик;
- проективный компонент, состоящий в способности осуществлять планирование развивающей самопреобразующей деятельности;
- интрокоммуникативный компонент как системообразующий внутренний диалог;
- конструктивный компонент, проявляющийся в способности осуществлять целенаправленные внутриличностные изменения;
- организаторский компонент, выступающий в умении наращивать свои ресурсы для саморазвития;
- прогностический компонент как способность и умение предвосхищать ключевые моменты своего развития [7, с. 154].

Развитие аутопсихологической компетентности возможно и с ориентацией на биоэнергетические ресурсы, что позволяет активно влиять на функциональные состояния и тем самым повышать стрессоустойчивость и работоспособность [7, с. 155].

Аутопсихологические способности личности оказывают сильное влияние на такой компонент саморазвития, как самосовершенствование. Эти способности операционализируют процессы энергоинформационного преобразования у развивающейся личности и включают интериоризацию, рефлексию и внутреннюю адаптацию, информацию о потенциальных возможностях в самосовершенствовании. Разработаны акмеологические технологии развития таких способностей до высокого уровня, обусловленного требованиями профессионализма [7, с. 155].

Развитие аутопсихологической компетентности осуществляется преимущественно во внутриличностном пространстве с выходом в межличностное. Основным методом развития являются акмеологические технологии, применяемые в индивидуальной работе и с помощью групповых тренингов [7, с. 155]. А также тренинг оценки общественной и личностной значимости изучения отдельных разделов,

блоков, тем программы; тренинг актуализации концептуальных моделей профессиональной деятельности.

Коммуникативный вид профессиональной компетентности педагога. Исследования коммуникативного поведения учителей (Митина, 1989; 1991; 1994) убеждают, что уровень развития вербальных и невербальных систем поведения учителя является показателем как коммуникативной компетентности учителя, так и его общей профессиональной компетентности.

Особое место в структуре коммуникативной компетентности занимает конфликтная компетентность, которая рассматривается Б.И. Хасаном, как «уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте и умений реализовать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации» (Хасан, 1996).

Конструктивное отношение к конфликтам предполагает не избегание или подавление всех и всяческих конфликтов, а дифференцированный подход к ним, конструктивное их разрешение.

Конфликтная компетентность – это, прежде всего, освоение позиции партнерства, сотрудничества на фоне владения, конечно, и другими поведенческими стратегиями тоже (Петровская, 1996).

А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин [7, с. 157] указывают, что в проведенных акмеологических исследованиях была определена и описана психологическая структура конфликтологической компетентности, включающая ряд взаимосвязанных компонентов:

- гностического (знания о причинах возникновения конфликтов, закономерностях и этапах его развития и протекания, особенностях поведения, общения и деятельности оппонентов, их психических состояниях, применяемых приемах конфликтного противоборства, психологических характеристик конфликтных личностей);
- регулятивного или конструктивного (умения воздействовать на оппонентов, влиять на их оценки, суждения, мотивы противоборства, умения разрешать конфликт на справедливой и конструктивной основе, в том числе выступая в качестве «третьей стороны», умения формировать общественное мнение по отношению к оппонентам, организовывать работу в постконфликтной ситуации);
- проектировочного (умения на основе имеющихся знаний предвосхищать поведение и деятельность оппонентов в конфликте, его влияние на психологический климат в коллективе, последствия для организации);

- рефлексивно-статусного (развитая рефлексивная организация деятельности и отношений, рефлексия собственного поведения и общения, отражения иерархических отношений);
- нормативного (знание корпоративных этических норм поведения и отношений, следование им).

А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин [5, с. 158] особо отмечают, что в психолого-акмеологических исследованиях были разработаны различные виды системного описания конфликтологической компетентности по данным структурным компонентом с раскрытием содержания необходимых знаний, умений, личностно-профессиональных качеств и детерминант развития (объективные и субъективные условия и факторы, психологические механизмы).

Развитие конфликтологической компетентности происходит посредством акмеологических технологий и специальных тренингов противостояния манипулированию и управления транзакциями.

Акмеологический подход к системному рассмотрению проблемы развития профессиональной компетентности учителя опирается на работы, касающиеся изучения и использования резервных возможностей личности человека.

Исследования проблем развития профессиональной компетентности и ее различных видов в акмеологии занимают особое место, так как профессиональная компетентность является главной составной частью профессионализма личности и деятельности, важным условием становления профессионала [7, с. 149]. Акмеологическое значение профессиональной компетентности трудно переоценить.

По мнению А.А. Деркача, В.Г. Зазыкина, развитие компетентности ужесточает личностно-профессиональные стандарты, положительно влияет на мотивацию личностных и профессиональных достижений [5, с. 149].

Литература

1. Освальд В. Великие люди. СПб.. 1898.
2. Пэрна И.Я. Ритмы жизни и творчества. Петроград, 1925; Пэрна И.Я. Жизнь человека (из дневниковых записей). СПб., 1993.
3. Чернышев В.Н., Двинин А.П. Подготовка персонала: Словарь. СПб., 2000.
4. Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великим или выдающимся. М., 1997.
5. Деркач А.А., Орбан Л.Э. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности. М., 1995.

6. Москаленко О.В. Акмеологические основы профессионального самосознания личности. Астрахань. 2000.
7. Акмеология: Учебное пособие / Деркач А.А., Зызыкин В.Г. СПб., 2003.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
ОСНОВ ПРОЦЕССА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА:
СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛОВ ВРЕМЕНИ
В ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ
И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

С.Б. Куликов

Томск, Россия

Наша статья посвящена анализу некоторых аспектов проблемы основ процесса конструирования человека, а именно соотношению смыслов времени в философии природы и философской антропологии. Актуальность данного вопроса обусловлена как минимум с двух сторон. С одной стороны, как замечает В.С. Степин, «включение научного знания в культуру всегда предполагает его философское обоснование. Оно осуществляется посредством философских идей и принципов, которые обосновывают онтологические постулаты науки, а также её идеалы и нормы» [1, с. 259–260]. Следовательно, анализ понимания времени (одного из базовых элементов, условий возможности представления материальной природы, согласно И. Канту [2, с. 84–88]) раскрывает специфическое направление философского обоснования естествознания. С другой стороны, М. Хайдеггер полагает, что категория времени отсылает *in toto* не только к области природных процессов, но также их смыслу относительно проблематики бытия вообще и вопросов бытия человека в особенности [3, с. 27, 451]. Таким образом, анализ вопроса о смысле времени в философии природы и философской антропологии позволяет раскрыть один из способов обоснования данных областей знания через выявление их специфики в общей структуре онтологического познания как проблематического отношения природа/человек.

В истории онтологии может быть выделено как минимум два направления экспликации смысла времени: классический натурфилософский, развивавшийся Аристотелем, Г. Гегелем и другими авторами, а также неклассический философско-антропологический, существенный вклад в разработку которого сделан Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером. В частности, Аристотель анализирует время в категориях существования

и несуществования [4, с. 145–156]. Исходным положением выступает фиксация принципиально проблематического характера раскрытия природы времени [4, с. 145]. Анализ традиционных для его эпохи концепций приводит Аристотеля к целому ряду важных заключений. Во-первых, время не есть движение, оно не может «двигаться» (само по себе), поскольку в этом отношении ему необходим некоторый способ измерения подвижности, а такой способ совпадает с самим временем, и это ведёт к необходимости интерпретации через понятия покоя и неизменности [4, с. 147]. Во-вторых, время также должно обладать признаками изменчивости и подвижности [4, с. 147], следовательно, обладает и признаками покоя, и чертами подвижности. Время как таковое не может быть разделено, но в том же отношении должно подразделяться на отдельные части. Природа времени противоречива и требует особого понимания, позволяющего устранить выявленное противоречие. В связи с этим Аристотель, в-третьих, полагает, что время есть не что иное, как мера движения, выраженная в числовом отношении ко всякому возможному движению и изменению [4, с. 149–150]. Из этого вытекает понимание времени в качестве парадоксального явления, выступающего как целостным образованием, так и внутренне разделённым феноменом. Парадоксальность времени требует представление его в качестве формирования, аналогичного точкам математических линий. Это выражается в том, что деление времени применяется в случаях обеспечения понимания сообщения о некотором событии [4, с. 155]. Таким образом, время есть противоречивое (едино–множественное) образование, является само по себе неподвижным и неизменным и выступает числовым выражением происходящих движений и изменений, а также предстаёт в виде комплекса прагматических правил повседневной языковой практики. Всё это свидетельствует, что Аристотель понимает время в относительном отрыве от реальных процессов в материальной природе, сближает его с областью человеческих взаимоотношений и даёт основание отождествить его с эпифеноменом общественной жизни.

Особую интерпретацию времени представляет Г. Гегель. Он соотносит время с пространством, включая его в процесс диалектического становления абсолютного духа на этапе воплощения как исходно абсолютной идеи в рамках инобытия данной идеи, упорядочивания одной из сторон материального мира [5, с. 51]. Таким образом, общее понимание времени совпадает с двумя моментами: 1) противопоставленностью пространству, а также 2) дискретностью, образующей

в совокупности точек разрыва самостоятельные образования, а именно линию и поверхность (т.е. плоскость).

Г. Гегель во многом воспроизводит идею Аристотеля относительно парадоксального характера природы времени, но гегелевская позиция только по форме совпадает с точкой зрения Аристотеля [5, с. 52]. Время раскрывается в категориях существования и несуществования как внутренне противоречивое явление, путём же разрешения данного противоречия выступает направление, противоположное аристотелевской линии мысли. Г. Гегель полагает, что время само по себе совпадает с процессом (длительностью), и выдвигает тезис об ограниченном характере его парадоксальности, самоотрицании этой парадоксальности на более высоких ступенях развития природы [5, с. 54–55]. Время есть чистая форма организации представления природных процессов. В этом отношении процессы конституированы моментами различия, которое раскрывается в качестве бесконечного деления и равномерного воспроизведения точек отсчёта изменения онтологической ситуации. Бытие представляется в рамках понятий, отсылающих к возможности некоторого ряда позиций и состояний (прошлое, настоящее или будущее), и раскрывается как соотносённое с необходимой шкалой переходов между этими позициями и состояниями. Сама шкала обладает противоречивыми свойствами и не может быть с точностью понята как наличная в действительности либо же отсутствующая в ней (связано с гегелевской интерпретацией времени самого по себе как «исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии») [5, с. 56].

На базе анализа классических подходов к представлению времени можно сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, природа времени имеет внутренне противоречивый (парадоксальный) характер и заключается в единстве его существования и несуществования. Во-вторых, время отождествляется с мнимым движением в греческой классике, а также идеальным (формальным) процессом становления природы в немецкой классической мысли. В-третьих, общее понимание времени связано с его «математичностью», т.е. формальностью и универсализмом как регуляцией языковой практики, по Аристотелю, а также организацией количественных параметров осмысленности природных процессов, по Г. Гегелю.

Данные выводы позволяют соотнести классическую интерпретацию времени с неклассическим пониманием, которое в концептуальном плане наиболее полно разработано М. Хайдеггером. Этот автор развивает линию, основы которой закладывает Э. Гуссерль и смысл

которой заключается в последовательной критике аподектичности оснований науки Нового времени. Как показывает исследовательская практика [6, с. 8–9], это приводит Э. Гуссерля к критике замещения (неотрефлексированности) в физико-математическом естествознании непосредственной данности чувственного мира (детерминированности процедур теоретизации установками жизненного мира) комплексом геометрических методов идеализации явлений материальной природы. В отношении исследований М. Хайдеггера данное направление исследований раскрывается в рамках особого понимания времени.

Основой концептуализации времени, по М. Хайдеггеру, выступает экзистенциальная аналитика присутствия, т.е. бытие человека в мире, а также обусловленность научного знания (о человеке, обществе, природе) базовыми установками его существования [3, с. 29]. Согласно М. Хайдеггеру, природа времени совпадает с двумя версиями истолкования: «расхожего», смысл которого соответствует неререфлексивно принятому допущению тождества времени и непосредственной фиксации протекания природных процессов [3, с. 475], а также «экстатично-горизонтного» истолкования, подразумевающего рефлексивную установку повседневного понимания времени в виде необратимого чередования моментов изменения состояний в рамках окружающей действительности. Вторая интерпретация предполагает, что повседневная установка задаёт способ понимания мира, причём М. Хайдеггер считает, что природа времени в принципе соответствует данной способности человека присутствовать, быть в мире, в буквальном значении слова исходя из самого себя [3, с. 475].

Таким образом, классическое понимание времени и современная интерпретация соотносятся, с одной стороны, как установка на выделение корреляции между природными процессами и сферой их познания, а с другой – в виде интенции на ограничение времени областью человеческого бытия. Аристотель и Г. Гегель выявляют парадоксальность, общую формальность и универсальность времени, регулирующего (по видимости и через призму языковых норм, согласно Аристотелю, а также идеально, по Г. Гегелю) природные процессы. М. Хайдеггер раскрывает неререфлексивность данной концепции в целом и полагает, что время относится исключительно к сфере бытия человека в мире, но не к бытию мира как такового.

Легко увидеть, что философско-антропологическая концепция затрудняет точное соответствие времени области естествознания. Необходимым образом время не может быть включено во всей полноте

собственного смысла в рамки действительного процесса естественнонаучного исследования. Сама действительность такого процесса должна быть поставлена под сомнение в границах актуального понимания времени.

В данном отношении мы занимаем принципиальную позицию, фундаментальными предпосылками которой являются: 1) идея дискретности культурно-исторического процесса, а также 2) виртуальный характер взаимодействия осознанных пределов самосознания философского и научного знания (элементы предельности обнаруживаются в реальной истории и находятся в оппозиционном отношении к прошлым и (или) гипотетически возможным будущим моментам) [7, с. 11–44]. Наша позиция отсылает к комплексу философских положений, но также может быть сформулирована в естественнонаучных категориях момента времени t , энергии E , массы тела m , а также расстояния r (входят в классическую теорию гравитации (И. Ньютон) и релятивистскую механику (А. Эйнштейн)). Становится возможной особая интерпретация, в контексте которой время связывает действие явления или его «энергию» со своего рода «массой», исторической значимостью отдельного предела самосознания через аналог «расстояния» как напряжённости культурно-исторического пространства, т.е. оппозиционного характера взаимодействия установок. Выявляется комплекс философских идей, которые позволяют обнаружить путь рационального обоснования естествознания, соподчиняя философско-антропологическое понимание соотношения времени и бытия, а также элементы естественнонаучного знания.

Таким образом, смысл времени предполагает, с одной стороны, его парадоксальность, идеальность и универсализм, а с другой – связь бытия и времени только с миром феноменов человеческого существования. Эволюция в представлениях приводит к необходимости проблематического соотношения времени с природными процессами. Положения о дискретности и виртуальном характере взаимодействия, взаимном напряжении пределов культурно-исторического процесса позволяют связать философию природы и философскую антропологию с системой категорий (энергия, масса и другие), находящих применение как в естественнонаучной сфере, так и в области гуманитарных исследований.

Литература

1. Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура и историческая эволюция. М., 2000.

2. Кант И. Критика чистого разума. М., 1999.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
4. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1976–1983. Т. 3.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М., 1975.
6. Куликов С.Б. Критика Э. Гуссерлем оснований физико-математического естествознания: релятивистские следствия // Философия науки. 2005. № 4.
7. Куликов С.Б. Вопросы становления предметной и проблемной области философии науки. Томск, 2005.

ЧЕЛОВЕК КАК КОНСТРУКТ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.Г. Ланкин

Томск, Россия

Чтобы увидеть проблему конструирования человеческой реальности более объемно, надо принять прежде всего, что человек – это открытая информационная система. Задолго до того, как медицина начала подбирать ключи к тайнам устройства и реконструкций человеческого организма, человек уже начал конструироваться как субъект рефлексивных процедур самоопределения, как агент общения, как инструмент познания и преобразования мира – как субъект социальной деятельности. Можно, конечно, исходить не из того, что человек – искусственный интеллект божественного мироздания, а из того, что человеческая деятельность и человеческое сознание в своих истоках естественны, но человек-субъект все же однозначно – искусственный конструкт общества и культуры. Те структуры, с помощью которых он уже десятки тысяч лет идентифицирует реальность, опознает себя, обращается к другим и обретает смысл, – это артефакты, кстати, радикально менявшиеся – технологически эволюционировавшие, ведя при этом за собой эволюцию цивилизации и культуры. Те структуры, с помощью которых человек включается в практику, т.е. собственно, технологии производства, потребления и социального взаимодействия направлены не только на переустройство мира, но подразумевают и структурную деформацию самого человека как целеорганизованной системы. Социальные технологии неизбежно оборачиваются антропо-конструированием (конструированием человеческой реальности).

Как представляется, технологии информационной коммуникации и автокоммуникации, прежде всего, являются основаниями и условиями

превращения человека природы в человека-субъекта культуры, а их небывало интенсивное развитие – знамение современной эпохи – чревато радикальными инверсиями человеческой реальности. Эта тема не изолирована от проблем биоэтики и биотехнологий. С одной стороны, направленность информационно-смысловой системы человеческого существования так или иначе регулируется его физиологически заданными детерминантами и может быть в конце концов сведена к их реализации, замкнув болезненно затянувшийся цикл эволюции. Но с другой стороны, эта направленность и задает мотивацию, ради которой человек готов мобилизовывать и даже менять свою природу.

Здесь возникает ряд важных вопросов. Какую роль уже сыграло развитие информационных технологий в создании того образа деятельности, которую осуществляет человек и в соответствие с которой приводит свои способности и возможности? Насколько глубоко и принципиально могут видоизменить способности человека, мотивы и способы его деятельности, новые формы массовой коммуникации, искусственные интеллектуальные системы и робототехника? Как видоизменяется система в целом – в плане соотношении натурального и конструктивно-культурного начал в ней? Стоит ли относиться к технологизированной информационной среде как к среде существования человека, аналогичной по значению природной среде его обитания?

Роль информационных технологий в конструировании человеческой реальности чаще всего недооценивается: из внимания, как правило, выпадают архаические формы выражения и понимания смысла, текстуализации мысли, которые задали базовую систему координат не только для культуры как опыта осознания, но и для человека как специфически деятельного существа. Человек в этом смысле – это результат разработанных (на основе элементов спонтанно инстинктивных реакций) информационных кодов – своего рода «искусственный интеллект». В поле проблем аналитической философии, например, высказывается мысль, что сознание, характеризующееся степенью ясности рефлексивного отчета, вообще не может проявиться без развитой способности вербализации выражаемого и переживаемого таким образом смысла. Если это так, то первичные способы телесной экспрессии обретают характер визуальных и аудитивных процедур выражения и понимания смысла – процедур мышления – тоже только в контексте той революции, которую спровоцировало принятие вербального кода информации, коммуникации и автокоммуникации сознания. Когда археологи говорят о неолитической революции,

то, разумеется, имеют в виду вещественные артефакты; но было бы наивно думать, что революция эпохального антропологического масштаба имела своим истоком подыскивание новых орудий и материалов, а не смену базовой информационной технологии. Таким прорывом, возможно, и стала обретенная возможность упаковать человеческое существование в слово – мифологическая революция. (Применить при этом к примитивным цивилизациям слово «информационные», видимо, мешает затвердевшая понятийная неточность: частное применение понятия к обществу, по преимуществу производящему информацию, заслоняет общую перспективу понимания жизни общества и человека как организуемой на основе постоянного производства информации.)

Более отчетливо мы понимаем роль письма в той реконструкции человеческого существа, которую принесла цивилизация. Только отразившись во внешне предъявляемом тексте, человеческое сознание оказалось рефлексивным в полном смысле слова – истолковывающим, дискурсивным, самовоплощающимся (философским, религиозным, художественным, авторским). Человек окончательно переставал быть естественным и начинал ощущать себя противостоящим природе. Переход от рукописного текста к печатному тоже произвел важную трансформацию: «послание человечеству», потерявшее координаты личного послания, заставляло автора все субъективно додумать до конца – превращало автора текста в центр управления миром, в картезианскую первичную очевидность. Эта-то коммуникационная трансформация давала толчок самой возможности направленной реорганизации природы, в том числе и практической рационализации природы самого человека.

Когда говорится о том, что техника – это продолженная человеческая природа, расширяющая его естественные возможности за счет «захваченных» у окружающей природы – присвоенных – свойств, часто упускается из внимания, что техническое усиление функций приводит к «атрофии» их естественных аналогов. Для телесных способностей здесь несложно найти компенсации. А вот в интеллектуальных системах смещение фокуса деятельности с человеческого фактора на медиа-информационный может привести к некомпенсируемым трансформациям: человек из существа рефлексивно смыслополагающего (мыслящего – в классическом смысле) в обозримой тенденции превращается в зависимого оператора технологически заданных систем. В этом, как видится, коренится природа массовой культуры как культуры создания и усвоения массово тиражируемой, абстрактно-

анонимно адресуемой и покупаемой – т.е. переводимой таким образом из абстрактной формы предложения в конкретную форму потребления – информации. Этот процесс медленно, но с эпохальными эффектами пошел, начиная с того, как заработал станок Гуттенберга и развился до тотально-манипулятивных информационных сред современной жизни человеческого сознания. Сегодня человек социальной технологии зримо вытесняет человека культуры (что мы видим, в том числе и как тенденцию образовательной практики). И причина этого – трансформация коммуникативно-информационных систем. В перспективе же это – массовая утрата навыков письма, усиление роли визуального (телесного) мышления по отношению к аудитивному (духовному), способному актуализировать внутренне убедительные аспекты внимания и понимания. Эти замечания не надо квалифицировать как односторонний алармизм, но важно понять в качестве посылки к адекватной и полной оценке информационно-технологического прогресса как экспансии цивилизации в направлении самого человека и его культурно оформленной природы.

Виртуальная человеческая жизнь – еще один симптом бурно продвигающейся тенденции. В связи с этим особая практически развиваемая тема – обеспечение средств перехода между биологическим существованием и виртуальной информационной «реальностью». Реальные проекты здесь подразумевают вживление электродов и чипов, имитацию сенсорных носителей, в том числе химического и биологического генезиса и др. (Не дай бог только дожить до пандемии, вызванной видоизменением компьютерных вирусов – через производные медиаторы – в вирусы, опасные для человека.) Жизнь в эволюционирующей информационно-коммуникативной системе предписывает мотивы изменения человека. Собственно, и пластическая операция – по своему функциональному назначению – это преобразование выразительно-коммуникативной системы человеческого существования, а вовсе не чисто телесный акт, вверенный медицине.

По крайней мере, координаты аксиологических определений таких изменений раскрываются именно здесь. Какова та система, в которую человек хотел бы вписаться, оперативно изменяя себя? Насколько принципиальным и оправданным может быть такое изменение?

В связи с этим стоит обратить внимание, что развитие информационных технологий делает самого человека манипулируемым элементом спонтанно развившегося цивилизационного целого. Развитие техники вообще неизбежно переводит центр сил человеческой деятельной

системы с ее рефлексивной сердцевины на по-особому организованную, но все же натурально-реагирующую периферию. Рефлексивное самоопределение играет все меньшую роль в системе продолженных, «удлиненных» чувств и реакций, обеспечиваемой техникой. Технология же, направленная на управление вниманием и мотивами, ярко выражает эту редукцию смыслообразования как субъектного самоопределения – к детерминации натурального типа, хотя теперь и к детерминации «второй природой», автоматически управляющей инстинктивной природой человека. Способен ли человек как субъект смыслополагания не поддаться технике как системе удовлетворения и регулирования его базовых устремлений и рационально отлаженного успокоения тревожащих сознания мотивов радикальной неудовлетворенности? Иными словами, неизбежна ли эволюция конструирующего существа – человека творчества в конструируемое и искусственно адаптированное к природным стимулам существо – человека потребления? Ответить на этот вопрос можно, только поняв роль информационных технологий в функционировании человеческого сознания и, соответственно, всей целеорганизованной системы нашей жизнедеятельности.

Наконец, однозначно, информационная среда существования современного человека оказывается едва ли не более важной, чем природная среда. При этом, анализируя современную ситуацию, можно констатировать, что общество в целом не контролирует процессы, интенсивно развертывающиеся в информационной среде на основе бурно развивающихся СМИ. Оно не может пока осмыслить этот процесс, опознать значение тенденций, не имеет критериев для адекватного анализа и оценки явлений.

Свидетельством этому является как минимум то обстоятельство, что состояние информационных процессов сегодня обществом в общем-то еще и не оценивается как первостепенно важное; их значение в основном связывается с политикой («четвертая власть»), и редко рассматривается в самостоятельном контексте среды обитания, влияющей на все стороны жизни. Свидетельством этому является и неспособность четко отличить позитивные факторы информации от негативных: – информацию от дезинформации, развлечение от растления, просвещение от манипуляции, выделить факторы информационного загрязнения. Общество озабочено маркировкой такого рода границ; но попытки провести их очень сбивчивы, оптика различения не отлажена, в возникающих по этому поводу дискуссиях, как правило, не прослеживается соизмеримых оснований.

Одна из причин этого, как представляется, в том, что СМИ, как технически чрезвычайно усиленная система обмена информацией, уже способна создавать поток такой интенсивности и суггестивной действенности, который превышает возможности адекватного осмысленного восприятия человека. Человек перестает выступать здесь аутентичным субъектом коммуникативного процесса, а оказывается в основном объектом воздействия. Прослеживается логика превосходства нарастающих возможностей СМИ по заполнению информационной среды в сравнении с ограниченными возможностями воспринять и осмыслить эту информацию, причем не только ее потребителем, но и обществом в целом, человеком как таковым. Решить эту проблему – в общем-то социальную и культурную – очевидно, позволит более четкое определение антропологических параметров и границ информационных технологий, понимаемых в качестве фактора трансформации человеческой реальности.

ОЗНАЧИВАНИЕ СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИЯХ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Н.А. Лукьянова

Томск, Россия

Бурное развитие современных коммуникационных технологий привело к росту значения коммуникаций в жизнедеятельности общества, при этом отмечаются растущие противоречия между возникающими новыми возможностями коммуникации и пределами физиологических возможностей восприятия и обработки человеком новой информации. В процессе социальной эволюции культура протекания коммуникации постоянно меняет свою конфигурацию, что заставляет человека постоянно приспосабливаться к новым условиям коммуникации и конструировать новые коммуникативные технологии.

Сегодня коммуникативное пространство воспринимается, прежде всего, как пространство, соединяющее членов коммуникации. Когда человек называет что-то словом или каким-нибудь другим звуковым символом, едва ли он предполагает, что оно тотально и годится для любого случая. Сам по себе язык ни к чему не отсылает, сами вещи в именах также не нуждаются, однако что-то заставляет человека создавать вербальные копии вещей и фиксировать их в этой стадии. Это связано

с необходимостью при появлении другого субъекта показать ему эту вещь; и не только показать, но, игнорируя ее изменение, обеспечить себе возможность упоминать о ней при ее не-присутствии. Описываемое нами явление называется простым словом «коммуникация». В повседневной жизни событийность спрятана за перманентной коммуникацией, что создает иллюзию о контроле над вещами и смыслами. В действительности именно событийные механизмы лежат в основе функционирования коммуникативного пространства. События с огромной скоростью сменяют друг друга, при этом теряются их первоначальные значения и придаются новые. Именно создание новых значений, с нашей точки зрения, лежит в основе современных социальных практик конструирования человека. Поиск механизмов, лежащих в основе *означивания* событий, и будет предметом нашего дальнейшего исследования.

Гипотезой нашего исследования является утверждение, что событие является необходимым условием коммуникаций. При этом мы понимаем событие как структуру – локализованный в определенных участках среды процесс. Иначе говоря, это – процесс, имеющий определенную геометрическую форму [1, с. 103]. «Форму» события организуют информационные процессы и формат знаковых каналов (семантика, синтактика и прагматика) [2, с. 215–223]. Именно событие как процессуальный и когерентный феномен является тем связующим элементом, который соединяет различные стадии информационного процесса в процессах коммуникативных и семиотических. Специфика современного коммуникативного пространства в том, что вышечисленные информационные и семиотические процессы завершаются когерентностью воздействия. Это связано с увеличившейся скоростью передачи информации, когда развитие информационных технологий ускоряет скорость передачи информации. Тем самым вносится беспорядок в личностный мир человека, насаждается чувство необходимости следования насаждаемым образцам поведения, где не остается места для полета творческой мысли. Переизбыток информации подавляет личность человека. По словам Ф.И. Гиренка: «Мир как бы проседает. В человеке образуетя пустота, заполняемая социальными институтами» [3]. В этом мире значимой является не личность человека, а роль, которую он играет. Мы утверждаем, что когерентность, одномоментность, одновременность воздействия и реакции на событие и обеспечивают нетривиальность культурной ситуации, сложившейся в настоящее время.

В соответствии с этим идея А.Н. Уайтхеда о роли процессуальности и интерпретации [2, с. 222] отмечаемой им специфики воздействия символа как когерентности событий в универсуме непосредственным образом связана с влиянием, которое оказывает «Глобальное коммуникационное пространство» [4] на культуру. Происходящие события, помимо когерентности воздействия, характеризуются высокой плотностью взаимодействия друг с другом. «В результате объединения события как структуры «падают в один темпомир, значит, приобретают один и тот же момент обострения, начинают “жить в одном ритме”» [5, с. 139]. В силу этого информационные процессы ускоряются, что зачастую приводит к искажению в восприятии события. Причиной такой трансформации является понимание того, что коммуникативное пространство является сильно неравновесной, открытой системой, в которой неравновесные связи являются условием самоорганизации, но и «самоорганизация, в свою очередь, изменяет роль и смысл связей» [6, с. 67]. Мы получаем одновременно информацию о множестве событий, что создает «гул» событий. Язык уже не является той опорой, на которую можно полагаться, слова вводят в заблуждение и создают новые значения. Именно «работа» события в коммуникативном пространстве лежит в основе появления новых образов и символов на основе старых. Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, переизбыток информации существенно ослабляет процессы генерирования новой информации [5]. Это приводит к тому, что событие, появившееся как следствие неустойчивости хаоса в результате генерации и фиксации информации [1; 2], «ходит по кругу», многократно кодируется и перекодируется в коммуникативном пространстве. Каждый новый процесс кодирования «запускает» новое коммуникативное событие, вокруг которого образуется свое коммуникативное пространство. Это связано с тем, что в процессе кодирования событие приобретает актуальность и становится эффективным с точки зрения конкретного наблюдателя.

Основным условием формирования коммуникативного события становится участие человека. И это закономерно, поскольку феноменологически событие сложно неуловимо. Любое событие по своей природе процессуально, мы видим движение, поэтому никакая редукция становится невозможной. Событие тем самым как таковое не поддается категориальному «заковычиванию», ведь оно существует только благодаря своему описанию. Поэтому на первый план выходит наблюдающий это событие субъект – наблюдатель. Со всей очевидностью

событие и наблюдение события, равным образом как событие и описание события находятся в тесном взаимодействии. Это позволяет нам рассмотреть процесс становления события в коммуникациях, разделив его на два этапа. В своих рассуждениях мы опираемся на положения А.Н. Уайтхеда о том, что «существует внутренняя и внешняя реальность события, т.е. событие, схватываемое самим собой, и событие, схватываемое другими событиями» [7, с. 164]. Первый этап – сращение – это событие, схватываемое самим собой. Это процессы генерации и фиксации информации (внутренняя реальность события) [1; 2; 11]. Событие возникает как следствие неустойчивостей хаоса. Второй этап становления – переход, это процесс возникновения коммуникативного события. В процессе кодирования информации оно схватывается другими событиями в сознании наблюдателя, отделившись как таковое от системы событий (внешняя реальность). Во внешней реальности событие посредством своей индивидуализации в речи «наблюдателя» трансформируется в коммуникативное событие и начинает «работать» в коммуникативном пространстве. Событие становится конституированным и определенным как для конкретного человека, индивидуализируясь в языке, так и для коммуникативного пространства, отделяясь посредством языка от других событий. Именно при пересечении индивидуального состояния коммуниканта и события действительности возникает коммуникативное событие, которое становится частью реальности данного коммуниканта (осознанием действительности). Таким образом, «действительность облекается в знаковую форму – кодируется, кодирование, в свою очередь, «запускает» процесс семиозиса и влечет за собой организацию трех «каналов», по которым осуществляется трансляция компонентов кода» [2].

Итак, событие «работает», трансформируясь в коммуникативное событие, коммуникативное событие «работает» в каждом коммуникативном акте, как бы закрывая и открывая систему. Успех коммуникации достигается лишь в том случае, если участники коммуникации обладают общей возможностью интерпретации определенного знака. Эти процессы являются важнейшими элементами коммуникативного акта. В процессе коммуникации человек вынужден придавать единое значение вещам, чтобы быть понятым. При этом принципиальную роль играет способность информации подвергаться кодированию и декодированию. Поскольку значение послания, кодируемого одним человеком, никогда не будет полностью идентичным посланию другого человека. Это связано с тем, что, хотя сообщения и могут быть переданы

от одного человека к другому, значения так передаваться не могут. Мы уже упоминали, что значения определяются не только сообщением, но и индивидуальным способом его восприятия. Поэтому конечным результатом любого общения будет разница между значениями, которых придерживаются собеседники. В зависимости от ситуаций, от используемых в них ценностей, значения которых не абсолютны и проявляются только во взаимодействии друг с другом, мы выбираем ту или иную модель поведения

Процесс создания значений связывается с нами с понятием «семиозиса», обозначенным в исследованиях школы Ч.С. Пирса. Понятие «семиозис» происходит от греч. *semeiosis*, термина обозначающего «процесс интерпретации знака», или *процесс порождения значения*. С точки зрения Ч.С. Пирса, семиозис – это динамический процесс интерпретации знака, который является единственно возможным способом функционирования знака. Именно существование процесса семиозиса в теории Ч.С. Пирса отличает его воззрения от семиологии Ф. де Соссюра, в которой знак рассматривался как «недвижимый» элемент системы и определяется в оппозиции (или различии) к другим элементам знаковой системы. В семиотике Ч.С. Пирса, напротив, знак, определяемый как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретации. По мысли Ч. Пирса, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой [8, с. 10–11], т.е. должна осуществляться основная характеристика знака, он должен быть интерпретирован, чтобы быть знаком. Таким образом, процесс семиозиса осуществляется благодаря интерпретанте. Каждый знак способен породить интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Если предположить гипотетическое существование самой последней, самой сложной, исчерпывающей и завершающей интерпретанты какого-либо объекта, то эта интерпретанта может быть не чем иным как самим объектом, целиком явленным нашему сознанию. Но такой объект, а равно и такой знак – как физически тождественные друг другу – не возможны и не существуют. Стало быть, процесс интерпретации безграничен. На этом постулате основана идея Ч. Пирса о неограниченном семиозисе или бесконечной регрессии в терминологии У. Эко. Семиозис включает в себя две одинаково важные части: производство знаков и их интерпретации. Далее в своих рассуждениях мы опираемся на положения семантико-прагматической теории известного семиотика и литератора У. Эко, которую он строит, опираясь на творческое наследие Ч.С. Пирса. Значимость теории У. Эко в том,

что он природу знака рассматривает в русле теории коммуникации. «Семиология, – пишет он, – рассматривает все явления культуры как знаковые системы, предполагая, что они таковыми и являются, будучи, таким образом, также феноменами коммуникации» [9, с. 43]. При этом, в семиологии У. Эко, с нашей точки зрения, удачным образом сочетаются семиотика Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра.

Семиозис Ч.С. Пирса для У. Эко является частью социальной деятельности, кроме того, он не отрицает, что в семиозис вовлечены субъективные факторы, которые образуют индивидуальный семиозис. Реконструировав понятие интерпретанты Пирса, У. Эко понимает это как иной способ представления объекта [9, с. 67]. Тогда эту интерпретанту знака можно установить, только если «обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого будет следующий знак и т.д.» [там же]. Интерпретанта гарантирует знаковый характер отношения между А и Б даже в отсутствии интерпретатора. В соответствии с этим можно утверждать, что центральной категорией семиотики коммуникации становится семиозис – динамический процесс создания значений, *т.е. означивания*. «Когда мы имеем дело с машиной, мы не выходим за рамки кибернетики, а кибернетику интересуют только *сигналы*. Но если в коммуникации участвует человек, то мы должны говорить не о мире сигнала, но о мире *смысла*. С этого момента речь должна идти уже о *процессе означивания*, ведь в этом случае сигнал – это не просто ряд дискретных единиц, рассчитываемых в битах информации, но скорее значащая форма, которую адресат-человек должен наполнить значением (*курсив наш*)» [9, с. 62]. При этом У. Эко проводит различие между *обозначением* (*denoting, denotare*) и *означиванием* (*signifying, significare*). Это различие, по его словам, связано с различием между *экстенсионалом* и *интенсионалом*, между *шириной* и *глубиной*, или же – в современных терминах – между денотатом и значением (*meaning*), т.е. между отсылкой (референцией) к чему-то и *означиванием* чего-то [10, с. 307].

Как уже говорилось выше, особую роль в семиологии У. Эко занимают феномены коммуникации, которые, в общем, и составляют суть семиологических исследований. В изложении У. Эко действие коммуникативной модели таково: в момент достижения адресата сообщение «пусто», ему «могут быть приписаны самые разнообразные значения (*курсив наш*)» [9, с. 92], т.е. в момент получения сообщения, человек «высвечивает» смыслопорождающий механизм некими фундаментальными кодами, когда на сообщение накладывается код какого-либо

языка, начинают опознаваться денотативные значения, сообщение начинает наполняться смыслом, при малейшем изменении обстоятельств рецепции, в сообщении могут появиться новые смыслы. В терминах информационно-синергетического подхода (разработанного И.В. Мелик-Гайказян [1; 2; 11]) можно сказать, что в информационных процессах, информации сообщению «приписывается» определенное значение, т.е. создается *интерпретанта* – воздействие, в силу которого данный предмет оказывается для интерпретатора знаком. *Иначе говоря, знаки должны быть интерпретированы, чтобы стать значениями.* Это подтверждается тезисом У. Эко о том, что понятие *означивание* (интенционал, глубина, значение) связано с понятием информация [10, с. 307]. Создание значения – это и есть основная функция знака в коммуникативном пространстве. В своих текстах Ч.С. Пирс высказывался достаточно уверенно, что значение (*the signification*) термина – это все качества (*the qualities*), на которые он указывает [Цит. по: 10, с. 308]. Осуществляется это значение благодаря интерпретанте, т.е. интерпретант – знак, который «создается в уме» реципиента, воспринимающего кем-то уже созданный знак. Реципиент же на основе данного в коммуникации «тела знака» (*означающее в терминологии Ф. де Соссюра*), интерпретируя его и соотнося со своим опытом, конструирует собственное содержание знака, которое может отличаться от того содержания, которое лежало в начале знаковой операции (процесс кодирования), исполненной отправителем сообщения. Отметим, что рецепторная система понимается нами, как неравновесная диссипативная система, способная под влиянием полученной информации самопроизвольно повышать степень своей упорядоченности. Понятие об информации на стадии рецепции ассоциируется с образованием структур, созданием порядка [11, с. 11]. Таким образом, в процессе рецепции формируется новое значение. Принципиальное отличие пирсовской концепции знака от соссюровской состоит в следующем. Знак у Ф. де Соссюра – это «вещь в себе», объект вне какого-либо отношения к субъектам коммуникации, к самой коммуникации, которая только и делает возможной знаковые операции и существование знака как такового. Концепция Пирса восполняет этот существенный недостаток тем, что возвращает знак в сферу коммуникации указанием на субъектов последней: интерпретант – это результат интерпретации данного знака (репрезентамена) реципиентом, который создает свой вариант знака, отличный от варианта, данного адресантом (правда, в приведенном определении продуцент – фигура неэксплицированная).

Из этого различия проистекает существенное для теории коммуникаций следствие: – каждый знак способен породить интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен, как неограничен процесс семиозиса. «Семиозис – это триадическое «действие [action] знака», процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора» [8, с. 11–12]. Тем самым идея семиозиса выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром.

Итак, возвращаясь к понятию событие, мы утверждаем, в информационных процессах событие может проявляться как процесс и результат на различных стадиях информационного процесса (кодирование, декодирование, память, считывание). Как *процесс, событие* определяет деятельность адресата в информационных и семиотических процессах, начиная с момента кодирования информации. А поскольку, интерпретант – это не только значение термина, но еще и результат, то *событие как результат* данных процессов является интерпретантой знака (результата предыдущего информационного процесса), и, «будучи, в свою очередь, также знаком, становится временным мета-семиотическим конструктом, выступающим в каждом конкретном случае в качестве *explicans* 'а (то, что объясняет) по отношению к интерпретируемому *explicatum* 'у (то, что объяснено) – и, в свою очередь, может быть интерпретируемо другим знаком, который выступит по отношению к нему в качестве интерпретанта» [10, с. 315].

В процессе кодирования информации событие зашифровывается в определенном знаковом формате (семантика, синтактика, прагматика) и в этом виде передается для рецепции. В дальнейшем в процессах рецепции событию придается то *значение*, которое оказывает воздействие на всех вовлеченных в сферу его влияния. Это и есть процесс формирования *окончательной (final) интерпретанты*. «Она есть то, что *было бы* определено *в конце* как истинная интерпретация, если бы рассмотрение вопроса продолжалось до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное мнение» [8, с. 15]. Именно с понятием окончательной интерпретанты связан, с нашей точки зрения, процесс управления коммуникациями, поскольку, как отмечал У. Эко, говорить об окончательной интерпретанте можно тогда, когда «восприняв ряд знаков, мы изменяем наше поведение, нашу деятельность...» [10, с. 325]. В процессе рецепции, система способна под влиянием полученной информации самопроизвольно повышать степень своей упорядоченности, т.е. , восприняв определенным образом закодированную информацию и декодируя ее в своем канале, человек принимает

решение, связанное с изменением деятельности. «Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую *привычку* (*a habit*), некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Поскольку привычка – это «склонность...вести себя сходным образом при сходных обстоятельствах в будущем. *Окончательный Интерпретант* знака – это и есть данная привычка» [10, с. 321]. Тем самым, окончательный интерпретант – есть точка приостановки (во временном аспекте) процесса семиозиса, когда в процессе рецепции событию придается некоторое значение, декодированное в определенном знаковом формате (семантика, синтактика или прагматика, в различных сочетаниях и информационными процессами кодирования, декодирования, передачи, памяти).

В процессе формирования окончательной интерпретанты «мы изменяем наше поведение, нашу деятельность в мире – навсегда или на время. ...В этой точке неограниченный семиозис приостанавливается (именно приостанавливается: остановка не конечна во временном, хронологическом смысле, потому что вся наша обыденная жизнь пронизана таким изменениями привычек)» [10, с. 325]. Здесь мы отличаем время *приостановки*, выделенное У. Эко, от времени *перерыва* в процессе семиозиса. *Приостановка* означает, что время течет, останавливаясь на какое-то время. В этот момент событие отделяется от системы других событий в сознании реципиента и потом течет в прежнем порядке. Событие было воспринято, но не изменило ход исторического процесса, в отличие от *перерыва*, когда время начинает течь в восприятии другого события заново, происходит формирование иного коммуникативного пространства, относительно нового коммуникативного события. В *приостановке* времени происходит формирование *интерпретанты*. Значение, которое было передано событию, остается либо непонятым в коммуникативном акте для других коммуникаторов, что приводит к необходимости в ином кодировании, декодировании, передаче, обращении к памяти. Время *прерывания* это процесс рецепции, в котором завершается и формируется *окончательная интерпретанта*. Именно в процессе прерывания «окончательная интерпретанта как процесс означивания становится одновременно результатом и правилом» [10, с. 325, 328]. Как *результат*, окончательная интерпретанта проявляется в рецепторной системе и диктует перечень условий, определяющих характер деятельности человека, как *правило*, преобразуется в оператор и создает те институты, которые определяют образ действия субъектов коммуникации, т.е. в процессе создания оператора

формируются инструменты и технологии управления. «Понимать знак, как правило (которое объясняется посредством ряда интерпретантов данного знака) – это значит, приобрести привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака» [10, с. 326]. Именно так, с нашей точки зрения, происходит процесс управления коммуникативным пространством как *процесса означивания событий*. Тем самым круг семиозиса замыкается каждый миг – и не замыкается никогда [10, с. 328]. Окончательный интерпретант не окончателен во временном смысле. Поскольку он является информационным процессом. При этом «Пирсово понятие интерпретант учитывает не только синхронные структуры семиотических систем, но также диахронные деструктуризации и реструктуризации этих систем» [10, с. 328]. Управление проявляется как результат приписывания нужных значений событиям в процессе рецепции информации. Каждое такое «приписывание» побуждает людей воздействовать на мир; и «каждое такое преобразующее воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса» [10, с. 328]. Как было показано выше, в основе процесса семиозиса лежат информационные процессы. Именно это утверждение позволяет нам говорить о том, что на человека оказывают огромное влияние не только постоянный информационный контакт с окружающей социальной средой или его отсутствие, а также значение, которое он придает поступающей и перерабатываемой информации. События преломляются через непосредственный опыт, личное общение, а также через одновременное восприятие внешних источников информации (книги, радио, телевидение, журналы, газеты, различные информационные системы, а также другие источники знаково-символического характера). Причем закономерностью современного развития является преобладание и резкое увеличение доли информации, получаемой из информационных источников, нежели из непосредственного опыта и личного общения, что позволяет использовать многочисленные манипулятивные технологии. Трансформация, или любые изменения информации и процессов ее функционирования, в настоящее время активно используется значительной частью индивидуальных и совокупных социальных субъектов для оказания воздействия на психику людей, модификации их поведения, для психологических манипуляций лично. Многочисленными исследованиями было установлено, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функционирование социальных групп

и общества в целом. При этом в тени оставался тот факт, что информационно-коммуникативные процессы могут таить в себе опасности, представляющие реальную и всевозрастающую угрозу для развития личности и общества.

Современные средства массовой коммуникации создали принципиально новые возможности манипуляций, многократно усилив эффективность использования информации в этих целях. При этом сегодня практически не подвергается сомнению тот факт, что человек для реализации своего социального поведения в обществе нуждается в постоянном притоке информации. А поскольку мы рецептируем информацию всю жизнь, информационно-психологическое воздействие оказывается на людей в течение практически всей их жизни.

Итак, в процессе исследования проблемы управления коммуникативным пространством, мы определили (на основе моделей, разработанных И.В. Мелик-Гайказян [2]) механизмы означивания события как внешнего фактора управления в процессах коммуникации. Их действие таково: коммуникативное пространство существует в горизонтальных процессах кодирования, передачи, декодирования, хранения и рецепции информации и вертикальных семиотических процессах (семантика, прагматика, синтактика); в процессе генерации информации рождается и фиксируется событие, как следствие неустойчивостей хаоса; в процессе кодирования с «участием» знаковых каналов адресат данное событие кодирует в сообщение для передачи адресанту, образуя тем самым коммуникативное событие; в информационных процессах, которые являются результатом в сочетании с форматом знакового канала, и в которых событие «обрастает» определенными значениями – формируются многочисленные, полисемичные интерпретации; в момент достижения адресанта сообщение пусто (как означающее, имеющее форму и «набравшее» определенные смыслы); именно в процессе рецепции другим участником коммуникации сообщение *означивается*, получает самые разнообразные значения (meaning) – (создается означаемое); это и есть процесс создания окончательной (final) интерпретанты, которая представляет собой, с одной стороны, результат, с другой – определенное правило поведения; как *результат*, окончательная интерпретанта изменяет наше поведение и нашу деятельность; как *правило*, окончательная интерпретанта становится «оператором», определяя инструменты и социальные институты управления, что дает начало новому кругу семиозиса.

Например, наиболее универсальной манипулятивной категорией всегда признавалось формирование и распространение образов – конструирование и распространение с использованием в первую очередь средств массовой коммуникации образа привлекательного политика, позитивно воспринимаемого большинством населения, и как вторая сторона – распространение негативного имиджа оппонента. Это и есть процессы *означивания* необходимых событий, когда придается особое значение одному событию и любым способом «затеняется» другое. В этом случае «интерпретант отождествляется с любым закодированным и осознаваемым свойством содержания, а эти свойства могут быть идентифицированы лишь в виде других знаков... Каждая культура в любой сфере своей жизнедеятельности обнаруживает устойчивые отношения (корреляции) между разными репрезентантами (или выражениями), так что каждый из них в свой черед становится интерпретантом другого» [10, с. 331]. Соотношение акцентов между этими сторонами определяется в зависимости от конкретных условий и избранной тактики политической борьбы. Суть ее в том, что в зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются заранее «сконструированные» образы или имиджи конкретных лиц, фирм и организаций, идей, программ, товаров и т.п., которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и таким образом, дезориентируют людей, на которых направлено информационно-психологическое воздействие.

Проблема манипулирования личностью, человеком, его сознанием и поведением неоднократно ставилась в XX в. отечественными и зарубежными исследователями. Она рассматривалась в рамках работ, посвященных философским, социологическим и психологическим аспектам политики и права, развития общества, индивидуальной и общественной психологии. Сегодня признается, что манипулирование личностью, использование различных средств и технологий информационно-психологического воздействия на людей стали достаточно обычным явлением в повседневной жизни, экономической конкуренции и политической борьбе. Конкретные формы влияния информационной среды на духовную сферу общества выделяются как информационное воздействие на социальные субъекты различных уровней общности, системно-структурной и функциональной организации, на индивидуальную, групповую и общественную психологию, а терминологически, в общем виде, обозначаются как информационно-психологическое воздействие. Суть данного понятия отражает процесс

изменения психических состояний и характеристик людей под влиянием информационно-коммуникативных и событийных процессов как динамичных компонентов коммуникативного пространства. Понимание структуры коммуникативного пространства и знание механизмов управления им – это шаг к формированию психологической защиты личности и необходимое условие безопасности в социальном взаимодействии, в различных межличностных коммуникативных ситуациях. Таким образом, в информационной среде в причудливых сочетаниях и многообразных формах переплетены адекватная и иллюзорная субъективные реальности. Взаимодействуя и проникая друг в друга, изменяясь и развиваясь по собственным законам, они расставляют многочисленные загадки и ловушки, расшифровывать которые человеку приходится ежедневно и ежечасно, и чем дальше, тем чаще и больше, если он хочет остаться действительно полноценной и свободной личностью, а не быть послушной марионеткой в паутине психологических манипуляций.

Литература

1. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян И.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. –М., 2001.
2. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М., 2005.
3. Гиренок Ф.И. Антропологическая катастрофа. [Электронный ресурс]: <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>
4. Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии: [Электронный ресурс]: www.philos.msu.ru/congress/rector/mironov.html
5. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и доли управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Материалы I научно-практической международной конференции. М., 2004. Т. I.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1999.
7. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии: Пер с англ. М., 1990.
8. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. № 3–4.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
10. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб., 2005.
11. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ). Томск, 1995.

РЕКЛАМНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ ПОТРЕБНОСТЕЙ КАК СТРАТЕГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

С.А. Маленко

Великий Новгород, Россия

Одним из главных атрибутов «общества потребления», как пост-модернистского идеала социального развития человечества, выступает традиционное для этого типа социальной организации произвольное, насильственное препарирование им феноменологического разворачивания архетипа в индивидуальном сознании, оборачивающееся повсеместным очастниванием этапов подобного разворачивания, конституируемых затем в статусе самоценных и самодостаточных элементов социальной практики. С точки зрения автора, наиболее массивному, разрушительному воздействию коммерциализации подвергается феноменология образа, социальное бытие которого в «обществе потребления», монополюльно представленном государством, приобретает перманентно усугубляющийся товарно-рыночный характер.

Признавая право на существование образа исключительно в значении имиджа, который «в концентрированной форме задаёт суть человека или организации» [1; 7], государство методично девальвирует всё возможное многообразие его смысловых содержаний до внешне привлекательных, потенциально востребуемых товарных характеристик, формирующих совокупный имидж «обществе потребления», имитируя его содержательность, вынуждая потребителей реагировать «именно на имидж, а не на реальность» [1; 7].

В отличие от образа, маевтически лелеющего становящееся в освоении мира сознание индивида, бессознательно стратифицирующий общество товарный имидж формируется на основе первичного, адекватного социальному контексту знакомства потребительской массы людей с наиболее простыми, доступными, свойствами феноменов реальности, постепенно низводящего их до частных (но тем не менее означенных как всеобщие) и потенциально ликвидных, имагинативных признаков социального пребывания. Ритуально отрабатываемый в имидже механизм социальной утилизации личности в форме товара предстаёт результатом стихийных, неосознанных отождествлений с уже однажды развернутыми в той или иной сфере социальной

деятельности, индивидуальными содержаниями, в целях их поточной конвертации в «стоимости», способные приносить прибавочную стоимость. Подобные отождествления, враждебные развитию как таковому, не только не способствуют приросту содержаний сознания, но и открыто дискредитируют их творцов, а также сам процесс приращения социального опыта и его результаты, утрируя смыслы посредством их произвольного комбинирования с теми или иными товарными марками.

Целенаправленная рекламная эксплуатация бессознательного имиджа как основного средства массовой насильственной витализации социальной значимости товара в контексте её господства над потребительским обществом перманентно воспроизводит систему бессознательного переноса личных качеств политических, эстрадных, спортивных и других кумиров на частные потребительские признаки того или иного товара. Переноса, нивелирующего их социальные значимости и утрируемые рекламой содержания, создаваемые деятельностью известных личностей. Имманентная товарному социальному пребыванию «массовая культура» представляет собой лишь частность массового потребления, означающую всего лишь отождествление потребительской массы с присущим её идолу стандартом потребления бытия, опосредованное ажиотажной покупкой эксклюзивных продуктов его «жизнетворчества».

С точки зрения автора, повсеместно рекламируемая фирменная «неотразимость» товара наиболее адекватно характеризует социальное состояние дефеноменологизированного в процессе эскалации цивилизованности, персонифицированного образа становящегося сознания, представляющее закономерный результат предельной социальной имажинизации кумира в форме специфической товарной фетишизации его вещного оснащения. Подлинное шельмование индивидуальных свойств в ходе тотального имажинационного поглощения обыденно сакрализуемой «неотразимостью» имиджа неминуемо приводит к воцарению в системе социальных значимостей «черноты», выступающей социальным модусом крайнего институционального уничтожения палитры даже принципиально возможных содержаний бытия.

Следует, однако, отметить, что ни известность как таковая, ни положительное или отрицательное восприятие рекламного имиджа, а именно его максимально яркое, эмоциональное потребительское переживание становится основой рекламно-товарной минимизации потенциала рефлексии социального индивида-потребителя. Последующее же бессознательное отождествление рекламного имиджа товара, самого

товара и соизмеряющего себя с ними потребителя программирует его рефлексивные, полуавтоматические и преимущественно долгосрочные товарные предпочтения, посредством активного внедрения спекулятивных моделей эффективного манипулирования естественными, имагинативными принципами освоения мира и культивирования на этой основе потенциально экономически прибыльного социального поведения. Формируя систему бессознательного следования частным моделям предсказуемой усредненности и лояльной адаптированности, «общество потребления» превращает в прибыльный модельный бизнес социальный процесс институционального перепрофилирования исходного разнообразия индивидуальных и общественных содержаний в стильные культы престижных образцов социального пребывания. Стоит отметить, что отношение цивилизованного «уважения» покупателя к производителю, представленному той или престижной торговой маркой, прививается, отшлифовывается сезонными тренажами акций и консервируется в поколенческих привычках путём, искусственного взвинчивания и последующего протекционистского, монопольного удержания цен на уровне, определённом текущей котировкой социально престижного бессознательного имаго конкретного товара.

Таким образом, адепты рекламы настойчиво апеллируют к ими же произведённому, наукообразному имаго «типового набора» возможных индивидуальных, товарно-потребительских имагинаций, профессиональное, циничное оперирование которыми гарантированно загоняет человека на базальный уровень имагинативно-эмоционального тождества с коллективом, социально оформленным в «общество потребления». Именно призрачная социальная стабильность последнего отражает степень наркотической зависимости среднего класса, составляющего мнимое квалифицированное потребительское большинство – по данным ООН, 80% покупок на Земле совершают лишь 20% населения – от достигнутого уровня технологии институциональной утилизации индивидуальных содержаний в товарной форме.

В этой связи весьма показательными выступают результаты многочисленных маркетинго-социологических исследований, изобилующих прямыми доказательствами откровенного, пропагандистски-бытового характера рекламной продукции, с авансированной готовностью утверждающих, что потребители платят за крем во много раз дороже, чем за мыло, потому что мыло сулит им только чистоту, а крем – красоту. Вообще, реклама формирует и с максимальной выгодой реализует

наиболее прибыльные в данный момент бессознательные имаго внутренних потребностей социального индивида. В итоге он обменивает свои, омертвлённые в деньгах внутренние содержания, не на ланолин, а на надежду, не на апельсины, а на жизненную силу, не на автомобили, а на престиж. Пленённые атмосферой тотальной социальной продажности, потребители, становясь клиентами солидных банков, заготавливают впрок оптимизм и хорошее настроение. Припасают объекты любви и семейные традиции, в виде товаров для детей, вызывающих сладостные ассоциации с вечными «Добрыми старыми временами». Скупают оптом и в розницу сны, мечты и фантазии, материализующиеся в соответствии с наличным уровнем их годового дохода. Накапливают самоудовлетворение, провоцируемое призраком мнимой независимости опекаемого товаром человека, и бессмертие, в форме годами сколачиваемой перспективы подлинной, финансово самодостаточной жизни. По случаю обзаводятся престижными дипломами – формальными показателями социальной значимости, реальными предпосылками рутинной, лояльной устоям, карьерной эволюции и институционального стяжания цивилизованного изобилия. Срывают в качестве куша ощущение уверенности пребывания, в интерьере бытового снобизма и приторной надежности угодливого сервиса, гарантированной техногенной силы, всегда готовой противостоять хаосу мира, однозначно враждебного организованной социальнойности. Реализуют пережитки натуралистичного, деятельностного маргинализма в виде явно девиантных приступов творческого зуда, посредством примитивного, инструктивно предусмотренного оперирования с доступной номенклатурой полуфабрикатов. Таким образом, именно товарно-расфасованные и порционно представленные потребности социального индивида, детерминированные параметрами его социального пребывания и сопряжёнными с ними показателями социальной рефлексии, задают совокупный потребительский контекст современной социальнойности, искушая взрослых выкупленной возможностью адаптированного социально-ролевого блиц-тренинга бессознательных проекций, а детей – латентно социализирующей возможностью имитационных игр в потребительскую «взрослость».

Рекламно-апологетическое внедрение и дальнейшее сервисное сопровождение гипертрофированных товарных значимостей на индивидуальном, групповом и массовом уровнях социального пребывания приводит к переориентации и последующему полному замещению ними витальных оснований бытия и всяких порождаемых феномено-

логическим разворачиванием архетипа в сознании систем нравственных ценностей, тотальная коммерциализация которых отныне провозглашается монопольным модусом функционирования экономизированной социальности. Подобная практика является примитивной вульгаризацией и грубым попранием рекламными дельцами христианского принципа воздаяния, содержащегося в Евангелии от Матфея: «...и так отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» [2].

Превознося функциональные возможности товара, реклама, с бессознательной небрежностью оптовика, огульно дискредитирует сопоставимые как реальные, так и потенциальные возможности и способности каждого конкретного человека, являющиеся прототипом актуальной и соответствующей конъюнктуре номенклатуры потребительских свойств, технологически и технически воспроизводимых в тех или иных товарах. Закономерным результатом эскалации товарного отчуждения выступает выстраиваемая в том числе и посредством рекламного активизма система институционального недоверия социума деятельности как способу личностного отношения с миром в процессе феноменологического освоения архетипа. Система, неминуемо порождающая массовую инфляцию и прогрессирующее вырождение индивидуальных способностей, умений и опытов, потенциально опасных духом единичной непредсказуемости и естественного творческого хаоса, организационно нисходящих в обобщённые и адаптированные социальные потребности.

Таким образом, реклама как один из основных способов коммерческой, пропагандистко-апологетической экзегетики принципов бессознательной эволюции социума фактически враждебна жизни и архетипическим основаниям её человеческого, общественного осуществления. Автор считает необходимым обратить особое внимание на то, что официальное признание за «нетоварными» формами рекламы, статуса «социальной рекламы», с бессознательной, автоматической лёгкостью относит весь остальной массив исконной рекламной продукции – товарную, коммерческую рекламу – к асоциальным как исключительно антиобщественным явлениям. С другой стороны, так называемая «социальная реклама» представляет собой исключительно политизированный, пропагандистский продукт, опосредующий всей наличной социальностью, с целью расширенного воспроизводства институциональных принципов социальной организации общественной жизни, свою латентную товарность.

Наиболее ярким примером извращённой сущности социальной рекламы являются проводимые по всем правилам государственных рекламных акций президентские и парламентские выборы. И это не удивительно, так как в числе руководителей предвыборных штабов числятся виднейшие специалисты по рекламе, что превращает политическое соперничество между кандидатами в массивную конкурентную борьбу между крупнейшими рекламными фирмами за приоритетность в процессах воспроизводства системы товарного социума. Института, в котором кандидаты на социально значимые должности переоформляются в статусе ходового и прибыльного товара, политические кампании реконструируются как биржевые сессии по его продаже, а электорат вновь закрепляется в правах массового потребителя как стационарного полигона рыночных апробаций социально-рекламных технологий.

Идеологическую основу подобных кампаний формируют отнюдь не убеждения кандидатов или содержание их политических платформ, а пропагандистские механизмы производства конъюнктурной программной настройки и последующего сервисно-технического сопровождения товарного имиджа претендента, наиболее адекватного институционально оформленному имаго уровня бессознательных представлений о социальных притязаниях потребительской электоральной массы, детерминированных сиюминутностью преходящей котировки социальной значимости конкретной выборной должности. Таким образом, социальная функция избирателей обозначена государственным аппаратом в форме публичной манифестации результатов распределения потребительских предпочтений среди номенклатуры кандидатов, жёстко лимитированной системными требованиями и неявно представленной реестром социально состоятельных лоббирующих организаций.

По мнению автора, практика пропагандистских социальных презентаций кандидатов на ответственные посты в форме структурного позиционирования сопоставленных им товарных ярлыков, со спесью матёрых господ оснащающих социальное пребывание потребителей, оборачивается тотальным замещением именного образа живого человека, номинальным конгломератом механически совмещённых, произвольно сгруппированных элементов имиджа, отражающего социальное господство цельнокроенного имаго целостности образа, что позволяет в полной мере вскрыть суть институционального превращения людей в социальных индивидов, а общество – в бессознательно-потребительский социум.

Неотъемлемой чертой «общества потребления» выступает институционально канализированная социальная мобильность индивидов-потребителей, характеризующая тенденцию к достижению ими максимально возможного уровня формализационного отчуждения индивидуальных содержаний. Эффективная организация процессов товарно-рекламной поддержки системного отчуждения основана на формировании и расширенном воспроизводстве разветвлённой сети социально значимых товарно-фирменных анклавов – инфраструктуры разъедающих социум омутов, проводящих имагинативную стратификационную разметку социального пространства. Формирующиеся в ходе этого «потребительские ордена» жёстко конституируют престижность ареалов социального пребывания, контролируемого произведёнными и апробированными комплексами индивидуальных поведенческих реакций. Линейная детерминация которых базальным рефлексом товарного потребления автоматически актуализирует адекватный социальный контекст, вожделенное отождествление с имиджем которого фатально освобождает индивида от бремени пытавшихся образовать его сознание содержаний. Подобные анклавов, посредством имиджепроизводящих знаков, имеющих официальный статус проводников идеологии товарно-социального о-частнивания, осуществляют в силу этого легитимное представительство товарных содержаний в системе биржевой иерархии социальных значимостей.

Эскалация процессов модернизации товарного ассортимента провоцирует обвальную инфляционную декаданс частных товарных имиджей с их последующей адсорбацией в концентратах значимостей товарных семейств. Отличающийся высокой рекламоспособностью товарный знак, посредством аккумулятивной в нём престижности и уникальности, позволяет с гораздо большей эффективностью эксплуатировать бессознательный потребительский потенциал, реализуя принципы менеджмента в процессе активистского стяжательства социальностью «качественно» нового уровня экономии социальной рефлексии. Спекулятивно манипулируя ассоциативной потребительской ёмкостью товарного знака, представленной набором эффективных звуковых и визуальных раздражителей, сертифицирующих наличие ожидаемых товарных признаков, производитель педантично обслуживает баланс сформированного рекламой социально значимого бессознательного потребительского имаго товара с его продажной ценой. Угожливо оптимизируя весь «жизненный цикл» товара, реклама онтологизирует его симулятивное социальное «развитие», посредством

формирования системы тотального функционального оперирования параметрами потребительских имаго, представленных наличным спросом.

В то же время отмечаемые в последние десятилетия резкое усложнение сбыта и обострение конкуренции, привели к отказу производителей от заведомо убыточных попыток достижения превосходства на рынке за счёт внедрения технических новшеств или снижения себестоимости продукции, т.е. путём формального экстенсивного производства товарных содержаний. Эскалация усилий рекламодателя, направленных на обеспечение сбыта товаров, оборачивается расширением номенклатуры приёмов манипуляции социальной значимостью товара, конституированной его ценой, в форме рекламы – практически единственного инструмента активистского эпатажа социальности «кризиса содержаний». Одной из популярных методик «преодоления» косности и отчуждения процессов институциональной реализации товара выступает его персонифицированное социальное представительство – дистрибьюторство. Однако пунктуально отработывая инструктивную процедуру фирменного «сватания» торговой марки, дистрибьютор оказывается приговорённым условиями хронической товарной формализации современной социальности, всего лишь к отправлению функции от ритуально воспроизводимого им рекламного имиджа товарной частности.

Анализируя особенности бизнеса компаний так называемого «многоуровневого маркетинга» как одной из декларируемых «свободных» альтернатив консервативной и институализованной магазинной торговли, автору хотелось бы обратить внимание на специфику их профессионального кредо, отражающую господствующую в «обществе потребления» тенденцию к социальному остракизму работников, обречших себя на однотипный труд в течение всей жизни. Действительно, неформальная реализация этого принципа могла бы стать определённым шагом в «уничтожении труда», если бы все это хотя бы предполагало возрастание уровня сознательности в обществе, пусть даже и в рамках этих компаний. Наоборот, в программных установках большинства из них, в том числе и американской косметической фирмы «Vision Internationale People», прямо указывается, что именно альтернативная вековому институционализированному формализму простота должна стать основой «деятельности» её сотрудников-дистрибьюторов, персонально работающих с потребителями исключительно в неформальной для них обстановке. Кстати, именно эта

«непосредственность» якобы и является главным декларируемым «гуманистическим» новшеством элитных компаний «многоуровневого маркетинга», в отличие от традиционной магазинной торговли, выступающей, согласно Гордону Чайлду, одной из номинальных черт цивилизации, погрязшей в массовых формах потребления.

Таким образом, современное «общество потребления», в котором абсолютное большинство товаров и услуг, широко рекламируемых в средствах массовой информации, оказываются недоступными именно массовому потребителю, характеризующееся болезненной тягой к оздоровлению и ритуальным педантичным чисткам общества, с готовностью отоваривается производимым рекламой совокупным имиджем «общества потребления» – дезинфицированной, стерилизованной, выбеленной и дезодорированной институциональной конструкцией, экономическая необходимость ритуальной реставрации которой детерминирована характером рокового бессознательного пребывания общества в Тени государственно-патронируемого социума.

Литература

1. Почепцов Г. Имиджология: теория и практика. Киев, 1998.
2. Библия. Евангелие От Матфея. (22: 21).

НОМО ZWISCHENS КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ

О.Ю. Матвеева

Томск, Россия

Многочисленные дискуссии последних лет указывают на необходимость осознания феномена выбора в современном быстро меняющемся мире. Эта проблема актуальна, прежде всего, для российского общества, переживающего сейчас неоднозначный этап, связанный, в очередной раз, с историческим самоопределением. По словам известного политолога А.Ю. Мельвиля, «опыт последних 10–15 лет свидетельствует о том, что если радикальный политический выбор не воплощается в течение какого-то ограниченного времени, окно демократических возможностей закрывается, и начинается стабилизация нового варианта авторитаризма... В этом смысле «отложенный выбор» может легко оказаться отмененным» [1, с. 41].

Изучение процесса выбора предполагает необходимость выявления внутренних механизмов его реализации. Другими словами,

попробуем найти ответ на вопрос: в чем же причина незавершенности выбора в России и как она связана с проблемой выбора человеком вообще?

Старый «новый» образ человека в антропологии

Наиболее ярким примером драматичности выбора можно назвать «буриданова осла» (по имени французского философа Ж. Буридана) – известный в истории культуры парадокс для объяснения свободы воли. Современный человек в состоянии выбора уже не просто «буриданов осел», его поведение описывается гораздо более сложными моделями. Нам представляется, что одной из возможностей понимания природы процесса выбора является введение достаточно нового дискурса в философской антропологии – Homo zwischens (человек колеблющийся). Весьма может быть, что раскрытие специфики природы «человека колеблющегося», не уверенного в правильности делаемого или уже сделанного выбора, постоянно стремящегося вернуться назад, в ситуацию «до выбора», или наоборот «после выбора», другими словами, как-то обойти сам момент принятия решения, позволит в какой-то мере прояснить возможную историческую перспективу российского общества.

Феномен «человека колеблющегося» наиболее ярко проявляется в ситуации неустойчивости, когда, потеряв ориентиры в привычном мире, он пытается обрести определенность на грани шаткого равновесия. Несмотря на то, что образ относительно новый для философской антропологии, можно выделить разнообразный спектр мнений по этому вопросу.

«Историко-философская мысль всегда фиксировала факт между-бытия человека: между земным и небесным (Августин), между телом и духом (Декарт), между экзистенцией и трансценденцией (К. Ясперс), между «Оно» и «Супер-Эго» (З. Фрейд), между индивидуальным и общественным (К. Маркс), между символами и реалиями (Э. Кассирер)... Как метафорически отметил М. Бубер, состоянием «между» порождается сам человек. Ведь «между» – это не вспомогательная конструкция, но истинное место и носитель человеческих событий» [2, с. 26]. С точки зрения А.С. Ахиезера, «человек постоянно находится между стремлением измениться для того, чтобы адаптироваться, остаться неизменным, и стремлением измениться, чтобы совершенствовать свои ценности... Между – это сфера где разыгрываются все драмы, трагедии человеческой жизни, формирование программ деятельности, а следовательно, и самой деятельности» [3, с.164].

Р.Г. Баранцев описывает феномен «человека колеблющегося» с точки зрения социальной синергетики: «Однородные области в пространстве, времени и масштабе заведомо конечны, так что переходные зоны, периоды, интервалы являются скорее правилом, чем исключением. Каждый может назвать, припомнить, представить множество таких ситуаций: таможенный досмотр, поступление в вуз, социальная перестройка и т.п. Крутые перемены порождают определённый тип человека, оказавшегося в полосе междущарствия, без надёжных ориентиров и привычной шкалы ценностей. Цвишенсы взаимодействуют также между собой и плутают на грани осознанного. Потеряв представление об определённом русле жизни, человек превращается в джокера» [4, с. 460]. Напомним, что в большинстве карточных игр джокер (от английского *joker* – шутник) может быть назначен любой картой по желанию того, кому он достался. Это резко повышает неопределенность ситуации и усложняет игру. И действительно в реальности, в ситуации политических выборов именно за счет колеблющихся избирателей у партии сохраняется шанс победить на выборах.

Ю.А. Харин так определяет антропологический образ человека в ситуации кризиса: «Цвишенсы – это оказавшиеся перед выбором, колеблющиеся, сомневающиеся люди, вынужденные в атмосфере неопределенности принимать рискованные решения» [5, с. 13]. Для нас в данном контексте ключевым параметром является наличие неопределенности, так как феномен цвишенизма актуализировался в состоянии перманентного социального кризиса. Социальная философия к подобным состояниям относит формационные и цивилизационные разломы, эпохи революций и контрреволюций, социальную маргинальность, кризисы, войны, периоды резкого обострения социальных противоречий.

Однако современное общество даже в условно стабильные этапы своего существования представляется состоящим из множества микро-кризисов на различных социальных уровнях, инициируя в человеке процесс постоянного выбора. Оценивая свои шансы, цвишенс ожидает, прежде всего, опасности от неверно принятого решения и потому не перестает сомневаться. Тем не менее, как писал Г. Гессе, «...каждый выбирает, ...может, и скептически, глубоко убежденный в бесполезности своих усилий, но в той же мере убежденный, что действовать и стремиться, выбирать и мучиться лучше, жизненней, пристойнее или хотя бы забавнее, чем коснеть в бездеятельной покорности».

Неопределенность и риск

Попробуем понять, почему выбор сегодня – настолько сложный акт для человека, в чем его особенности и природа. Очевидно, что человек и среда постоянно изменялись в результате исторического развития. В традиционном обществе понимание выбора не имело столь большого значения, выбор в основном был предопределен; религиозное мировоззрение, полагаясь на Бога, оставляло очень мало свободы для человека. Пожалуй, только в литературе проблема выбора всегда имела особое значение, восходя от сакраментального «быть или не быть» к классическому «что делать?».

Только в период перехода к современности, с возникновением понятия риска, неопределенности возникает полноценное значение феномена выбора. В современном информационном обществе неопределенность становится символом нашего времени. Выбор происходит в условиях, с одной стороны, недостаточности, несмотря на кажущийся переизбыток необходимой, ценной информации, обеспечивающей правильность решения. С другой стороны, не полностью определены «правила игры», т.е. традиционная устоявшаяся, общепринятая, неизменная система ценностей сменяется целым набором новых, зачастую противоречащих ценностных систем. Как отмечает Н. Луман, сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему не ведомы ни различия, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности – разве что собственные результаты наблюдающих систем в окружающем мире других систем. Риск связан с ожиданиями и решениями субъекта и не существует безотносительно к ним. Выбор всегда связан с риском. Риск это непредсказуемое развитие ситуации.

Анализируя ситуацию выбора, мы сталкиваемся с такими понятиями как неопределенность, неустойчивость, риск, случай, а все эти понятия входят в проблемное поле постнеклассической методологии. Философские и социальные измерения цвишенизма дополняются обозначенными в терминах синергетики характеристиками: состояние цвишенизма непременно содержит в себе моменты хаоса, нестабильности.

В классической философии все процессы были детерминированы и ситуация выбора не представляла интерес для исследователей. Однако с появлением постнеклассики выбор получил совершенно иную трактовку, а значит, и образ человека с точки зрения антропологии выглядит иначе. Синергетическая теория отменяет детерминизм развития, а кризисные состояния рассматривает как состояние хаоса, выход

из которого в порядок определяется не закономерностью, а случайностью выбора пути в точке бифуркации. Множественность путей развития, непредсказуемость развития ситуации и сложный характер воздействия внешней среды на систему в неустойчивых состояниях заставляет по-новому оценивать роль случая в процессе выбора.

При исследовании процессов самоорганизации открытых систем было установлено И.В. Мелик-Гайказян, что исходным для выхода из состояния бифуркации является генерация информации, а характер процесса выхода системы из хаоса в процессе самоорганизации определяется последующим развертыванием информационного процесса. С позиций плюральности мира, многовариантности его развития удалось понять и представить феномен информации как целостный необратимый нелинейный процесс, содержащий отдельные стадии [6, с. 35–61]. Это возникновение информации, ее рецепция, кодирование, запоминание, передача, декодирование, целенаправленное действие, воспроизведение. Одним из определяющих этапов, вслед за *случайным выбором* (генерация информации), является динамический (синергетический) процесс рецепции – восприятия информации. Сущность процесса рецепции – создание информационно насыщенных структур вплоть до полного насыщения, когда исчезают возможности повышения ценности информации (ценность информации определяется как соотношение вероятности достижения цели до и после получения информации). Генерируемая информация (как сделанный выбор) может быть ценной или неценной в зависимости от преследуемой цели.

Правильно организованное резонансное воздействие на сложные системы (например выбор президента) в такой ситуации очень эффективно, оно может привести как к росту, так и разрушению. В то же время необратимость совершенного выбора ставит сложную проблему ответственности человека за совершаемый выбор. Необратимость связана с тем, что в неустойчивой системе после прохождения состояния бифуркации (выбора) действие становится необратимо детерминированным и все альтернативы отсекаются до следующего выбора.

Таким образом, сложная ситуация в современной России – отложенный выбор, может быть объяснена следующим образом. В ситуации неопределенности в обществе возникает феномен цвишенизма, человека колеблющегося, неуверенного в правильности своего решения. Постепенно он адаптируется к ситуации «между» и откладывает выбор на будущее, другими словами, делает выбор не выбирая. Можно сказать, что в этом случае, как правило, создается почва для новых

социальных утопий, когда выбор переносится в будущее; или не-выбор проецируется на сделанный когда-то верный выбор в прошлом, мечтая вернуться в мифологическое «вчера». Более того, ситуация постоянного выбора, при которой человек вынужден снова и снова приспособливаться к новому, когда он вынужденно адаптируется к ситуациям, включающим конфликт и неопределенность, ведет к новой стадии – «человек адаптирующийся».

И все-таки, несмотря на всю сложность этого процесса, в каждый момент нашей жизни, как считал А. Маслоу, у человека имеется выбор между продвижением и отступлением, между заостренностью в собственной психопатологии. Выбирая каждый раз развитие вместо нашего невротического страха, мы вновь и вновь продвигаемся к самоактуализации, к достижению единства, сознательности, постоянного Я и воли, т.е. к постижению идеи саморазвития [7].

Литература

1. Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с российским выбором? // Политические исследования. 2003. № 4.
2. Ан С. Современный человек и грани его бытия // Вестник БГПУ. 2001. № 1.
3. Ахиезер А.С. Категория между в социокультурной динамике. // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. М., 2004. Ч. 1.
4. Баранцев Р.Г. Имманентные проблемы синергетики // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М., 2002.
5. Харин Ю.А. Современный цвишенизм: реалии и перспективы человека как социоантропной тотальности // Субъективные притязания и объективная логика в развитии общества переходного типа. Гродно, 1998.
6. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
7. Maslow A. Toward a psychology of being. N.Y., 1968.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Н. Михайлова

Томск, Россия

В современной системе российского образования все более актуальным и наглядным становится противоречие интересов государства с интересами личности. Это приводит к тому, что интересы личности, несмотря на провозглашенный принцип личностно-ориентированного

обучения, оказываются как бы растворенными в интересах общества и государства. Достаточно ярко это проявляется в системе непрерывного педагогического образования, на каждом этапе этой системы. Проведем анализ основных противоречий, используя «*подход Конструктора*» польского философа, футуролога и писателя-фантаста Станислава Лема («Сумма технологий» (Summa Technologiae)), что позволяет каждый раз не только поднимать проблемы, но и с тем или иным успехом отыскивать пути возможного их разрешения.

Педагогическое образование является приоритетным направлением сферы российского образования, которая:

- обеспечивает формирование профессионально компетентной личности педагога, способного самостоятельно и творчески решать профессиональные задачи, осознавать личностную и общественную значимость педагогической деятельности, нести ответственность за ее результаты;
- способствует социальной стабильности и развитию общества;
- определяет качество подготовки кадров для всех сфер функционирования общества и государства.

Для большей эффективности российского образования разработана и внедряется в практику Программа развития системы непрерывного педагогического образования России на 2001–2010 гг. Цель программы - развитие исторически сложившейся системы педагогического образования на основе создания правовых, экономических и организационных условий формирования профессионально компетентной, социально активной, творческой личности педагога, повышения качества педагогического образования, оптимизации механизма управления системой педагогического образования при изменении образовательной парадигмы и динамичной социокультурной ситуации.

Программа ориентирована на повышение качества педагогического образования, обновление его содержания и структуры на основе отечественных традиций и современного опыта, обеспечение единства профессионального обучения и воспитания, сбалансированности государственного, общественного и личностного приоритетов в системе непрерывного педагогического образования.

В теории все достаточно оптимистично и не требует «подхода Конструктора» вообще, но рассмотрение практики определяет необходимость такого подхода.

Система общего образования. Интересна в этом контексте конкретная жизненная ситуация, описанная в статье Б.Г. Юдина [1]. Группа

достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т.п. По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни. Родители готовы были не только платить за образовательные курсы, которые позволят их детям развить такие черты, но и оказывать материальную поддержку разработке соответствующих психологических тренинговых программ. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании. Однако описанная группа родителей увидела, как это обычно и бывает, только вершину айсберга. Процесс «Конструирования» в образовании имеет давно сложившийся ряд технологий (содержание, формы организации обучения, установки, критерии личностной и профессиональной успешности и т.д.), которые мы обозначим в системе непрерывного педагогического образования.

Профессиональное педагогическое образование как первый этап.

Сегодня содержание обучения определяется государственными образовательными стандартами, которые представляют собой инвариантное ядро, обязательное для усвоения всеми, независимо от личностных интересов и склонностей. Этот инвариант есть отражение государственных интересов в каждом конкретном учебном предмете. Содержание обучения практически одинаково для всех обучающихся. Если не подавлять интересы личности общественными интересами, а стремиться сформировать ответственность у студента не только за свою судьбу, но и за судьбы общества, готовность и способность к саморазвитию, в том числе и профессиональному, появляется новая перспектива. Вместо задач конструирования человека с параметрами, заданными конкретными интересами государства, выдвигается задача конструирования человека для самого себя и только опосредованно для общества созданием условий для его профессиональной

самореализации. На первый план выдвигаются проблемы, связанные с вариативностью содержания образования, выбором форм образовательной деятельности. Выделенное противоречие уже решается в практике российского профессионального образования введением (пока в качестве эксперимента) кредито-модульной системы.

Постдипломное образование, система повышения квалификации педагогов. В отличие от ранее обозначенной системы профессионального образования не ограничена содержательно. Каждый педагог выбирает определенный путь профессионального совершенствования самостоятельно, на первый взгляд. На второй взгляд и далее становится очевидным, что социальный заказ на этой ступени педагогического образования еще более активен, чем на предыдущей. Профессиональная успешность трактуется специалистом и работодателем (государством, в конечном итоге) неоднозначно. Причем это напрямую влияет на оплату труда учителя, по единой тарифной сетке. Определены временные точки и формы активности профессионального роста, аттестация педагога раз в пять лет. Наиболее актуальными направлениями повышения квалификации педагогов в системе постдипломного образования являются совершенствование методики преподавания (так называемая карьера по горизонтали) для повышения разряда и переподготовка, как правило, административная (карьера по вертикали). Частично на решение обозначенного противоречия направлено проведение конкурсного отбора лучших учителей общеобразовательных учреждений для денежного поощрения за высокое педагогическое мастерство и значительный вклад в образование в рамках национального проекта «Образование». Хотя стоит отметить, что и в том случае ведущую роль играют определенные формальные признаки учительского труда, а не педагогическое мастерство.

Критерии конкурсного отбора:

- позитивная динамика учебных достижений обучающихся за последние три года;
- позитивные результаты внеурочной деятельности обучающихся по учебным предметам;
- позитивные результаты деятельности учителя по выполнению функций классного руководителя;
- использование современных образовательных технологий, в том числе информационно-коммуникационных, в процессе обучения предмету и в воспитательной работе;

- обобщение и распространение собственного педагогического опыта на муниципальном и (или) региональном уровне (мастер-классы, семинары, конференции, «круглые столы» и др.);
- участие в муниципальных, региональных и федеральных профессиональных конкурсах;
- повышение квалификации и профессиональная переподготовка [2, с. 19–20].

Послевузовское образование (аспирантура, докторантура).

Основные характеристики процесса постдипломного образования в аспирантуре (жесткие временные рамки, информационные и эмоциональные перегрузки и другие стрессогенные факторы) способствуют формированию научных интересов только в узкопредметной области по специализации исследования и не развивают компетенций педагога, необходимых для организации научной деятельности в сфере образования после окончания срока обучения.

Существующая система образования взрослых пока еще не в полной мере отвечает интеллектуальным потребностям общества. Это относится как к методам преподавания, так и к выбору изучаемых предметов, формам обучения – практически ко всему комплексу компонентов педагогической деятельности. Процесс приобретения знаний в системе послевузовского образования не должен ограничиваться лишь развитием интеллекта, желательно исследование мира чувственных переживаний субъекта с тем, чтобы это знание превратилось в непосредственную производительную силу, в умение, действие человека.

Анализ государственной политики в сфере образования показывает, что множество формулировок государственных интересов может быть обобщено и сочетать индивидуальные потребности граждан и общественные потребности. Но для этого каждый субъект системы непрерывного педагогического образования должен использовать данный «подход Конструктора» в построении своей профессиональной карьеры на любом этапе педагогического образования.

Литература

1. Каширина С.В. Концепция преподавания химии на базовом уровне в контексте профиля обучения [Электронный ресурс] <http://www.mediaeducation.ru/txt/ksv2.doc>.
2. Организация экспертизы в образовании (Приоритетный национальный проект «Образование») / Под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск, 2006.
3. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем [Электронный ресурс]: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/Yudin/chelovek>

РЕКЛАМА КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ И РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОТРЕБИТЕЛЯ

А.Г. Некита

Великий Новгород, Россия

«Общество потребления», в пространстве которого, по мнению Ж. Бодрийяра, ритуал бессознательного принятия индивидом универсальной системы социальных норм, традиционно выступает, кроме всего прочего, еще и подлинным постмодернистским идеалом социального развития человечества. Эта справедливая идея выдающегося французского философа современности может быть развита и дальше. Современное государство, по мнению автора, представляет собой арену, прежде всего потребительской социализации индивида, в рамках которой его с «младых ногтей» тщательно готовят к последующему пожизненному отправлению функции товарно-сервильного потребительства как главной социальной профессии подлинно «цивилизованного» человека. Именно поэтому вопросам рекламного обеспечения сложного комплекса процессов социального конструирования потребителя и среды его цивилизованного *расширенного воспроизводства* будет посвящена данная статья.

Автор убежден, что товар как произведенный и подготовленный к продаже комплекс бессознательных социальных отношений выступает и мериллом, и стержнем социальной организации «общества потребления», в котором исконное многообразие содержаний мира и жизни человека фактически формально отождествляется с «жизненным циклом» товара. Тогда как его подлинная «социальная зрелость» обнаруживается в дискретных, обусловленных конъюнктурой спроса и предложения, актах продажи и сопутствующей им организационно-информационной инфраструктуре, представленной потребителю в виде совокупности рекламных продуктов.

Таким образом, товар и развёрнутая номенклатура показателей его социального «бытия» предстают как имманентным условием, так и способом существования современной потребительской цивилизации – «социума совершенных форм бессознательного отчуждения человека», который реализуется и пребывает в коллективном имаго «общества потребления» – совокупности атрибутов человеческого существования, представленных в узурпировавшей их товарной форме.

Сфера социальных презентаций товара, традиционно именуемая рекламой, традиционно интерпретируется её производителями как комплекс специфических мероприятий, либо произведенная в ходе их реализации продукция, целью которых является реализация комплекса сбытовых или других задач промышленных, сервисных предприятий и общественных организаций путем распространения оплаченной ими информации, сформированной таким образом, чтобы оказывать усиленное воздействие на массового или индивидуального потребителя, вызывая заданную реакцию выбранной потребительской аудитории, которую, посредством рекламы информируют о производителе или его товаре, формируя и поддерживая их имидж.

Именно на достижение указанного комплекса целей и направлены усилия разветвленной штатной клиентелы Товара: менеджеров, маркетологов, промоутеров, коммивояжеров, формирующих и сервирующих систему «жизнеобеспечения» товарного цикла, которая концентрируется на *расширенном воспроизводстве* в восприятии (как правило, бессознательном) производимого и воспроизводимого рекламой потребителя гарантированно избыточной, т.е. чрезмерной, по отношению к реальному, содержательному наполнению, социально значимой ценности фирменных товаров. В подобной деятельности, официально именуемой «Сейлз промоушн», активно используется широкий арсенал, основанный на коллективных бессознательных спекуляциях, промышленных технологий формирования потребительских рефлексов, состоящих из **желания, стремления и готовности** покупать товар, составляющих главное и единственное социально значимое содержание потребителя, который посредством дискретных актов покупки ритуально воспроизводит систему «общества потребления» в её товарной форме.

С другой стороны, в средствах массовой информации постоянно осуществляется заказное, оплаченное, принудительное формирование всеобъемлющего бессознательного товарного имиджа, представленного произведённой посредством Паблик рилейшнз, искусственно возогнанной репутацией товара, товарных семейств и родительских фирм. Таким образом, производимые Паблик рилейшнз адекватные мировоззренческим установкам бизнес-планов бессознательные коллективные представления, выводя индивида за скобки реального существования посредством купленного товара, причащают его к сфере желаемого, ожидаемого и должного модуса «общества потребления».

Характерно, что совокупные расходы на товарно-рекламный компонент социально-пропагандистского производства имиджа товара

и готового к его безоговорочному восприятию бессознательного потребителя находятся в прямой зависимости от достигнутого уровня «товарной свободы» того или иного филиала государственной формы организации «общества потребления» и составляют довольно весомую часть бюджетов известных промышленных фирм. В США только на рекламу в средствах массовой информации тратится больше 5 % суммарных расходов на производство и реализацию товаров. У фирм, изготавливающих предметы массового потребления, доля еще выше; у производителей лекарств – 20 %, духов и косметики – 13,8, кухонных принадлежностей – 12,8, спиртных напитков – 11,9, галантереи – 9,4, моющих средств – 8 %. В этой связи реклама может быть интерпретирована и как метод реализации аналитической деятельности, детерминированной процессами денежного обращения как неотъемлемой части «жизненного цикла» товара.

Безусловно, реклама может претендовать на статус исключительно экономического феномена «общества потребления», но лишь в меру её отождествления с экономикой в ущерб остальному, экономически несостоятельному массиву общественных и индивидуальных содержания. Формируя спрос и стимулируя сбыт, вынуждая сконструированных ею потребителей постоянно покупать товары и ускоряя процесс «купли-продажи», а отсюда оборачиваемость капитала, реклама выполняет на рынке как коллективном бессознательном имидже «общества потребления» экономическую функцию.

Кроме того, она представляет и информационную функцию, искушая и шантажируя бессознательного «массового потребителя» спонсируемой производителем эмиссией препарированной, дозированной и адаптированной информации о нём самом и его товарах, провоцируя неоправданную эскалацию их реальной стоимости до максимально выгодной рекламодателю цены. Будучи официальным рупором и господствующей формой пропаганды потребительского пользования бытием, реклама в своей лавинообразно нарастающей информационной экспансии дискредитирует и обесценивает исторически предшествующие и сопутствующие товарной экспансии формы социальной коммуникации, редуцируя их до уровня однозначного, диктуемого производителем, социального взаимодействия, тематика и сюжетные линии которого детерминируются наличной товарной номенклатурой. Контролирующая и корректирующая функции рекламы как раз и реализуются в формируемых ею моделях социального взаимодействия, предоставляющих неограниченные возможности контроля за «обществом

потребления», посредством спекулятивных, пропагандистских манипуляций на уровне социально значимых, институализированных товарных форм, монополюбно представляющих те или иные содержательные аспекты социального пребывания сконструированного в горнилах рекламных кампаний массового потребителя.

Таким образом, используя патронируемые и обеспеченные институциональным авторитетом государства имагинационные бессознательные статусы презентуемых товарных форм, реклама из реального, действенного, но локального и «частного» фактора эффективного управления социальным спросом фактически превращается в единственно возможную форму политического управления «обществом потребления» как таковым.

Следует отметить, что рассмотренные выше основные функции рекламы позволяют определить её как одну из наиболее навязчивых, институциональных форм «товарной» презентации «общества потребления», активистски обеспечивающую воспроизводство системы функциональной зависимости бессознательного индивида от сложившихся механизмов имагинативного, отчуждённого, трудового рабства.

Таким образом, будучи всего лишь «функцией от функции» товарного производства, превращённого в пространстве «общества потребления» в единственную форму и способ общественного пребывания, реклама ни в коем случае не может атрибутироваться как «деятельность» или «искусство». В условиях отчуждённого и дегуманизованного «общества потребления» о ней можно говорить только лишь как о феномене, однопорядковом пропаганде – форме и единственно возможному способу бытия идеологии в постмодернистском обществе. А потому обращение автора к проблемам феноменологии рекламы – исключительно коммерциализованной формы экспонирования и экспликации бытия групповых бессознательных имаго в сфере социальных презентаций товара, как видимой кажимости превращённого бытия «общества потребления», несомненно, актуально.

Социальные функции рекламы как пространства социального конструирования и расширенного воспроизводства потребителя реализуются в сфере посредничества между оформленной в товаре жизненной потребностью человека и его бытием, оформленным в традициях «общества потребления». Ещё задолго до его воцарения и сопутствующей ему рекламной вакханалии К. Маркс очень точно подметил, многочисленные факты того, что «...промышленный евнух

приспосабливается к извращёнейшим фантазиям потребителя, берёт на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нём нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность» [1, с. 129].

Таким образом, пропагандируемая рекламой функция «потребления» представляет лишь лояльную власти форму товарной интерпретации спектра допустимых, желательных, а потому адекватных «обществу потребления», с ревностным рвением возделанных им, бессознательных имаго жизненности, апробируемых на индивидуальном и коллективном уровнях социального пребывания. Функциональность бессознательных, товарных контактов с миром содержательно воплощена в этимологии слова «потреблять», т.е. использовать по необходимости, по нужде, «по требованию», а значит, ситуативно, «частно», а с другой стороны, она же побуждает толпы потребителей бессознательно следовать институционально провоцируемой и организуемой массовой охоте за всего лишь формально доступной долей в добыче общечеловеческой стаи. В итоге, любые акты социальной нестабильности, не говоря уже о серьёзных структурных кризисах, с готовностью обращаются цивилизованным потребительским человечеством, характеризующимся непредсказуемостью и утилитарной ненасытностью, во всё более обостряющийся ажиотаж товарного потребления.

Именно *товарность* «общества потребления» в концентрированной форме воплощает коллективные бессознательные имаго преходящего индивидуального пребывания, выкристаллизованная поколенческая мнимость которого выражается в бессознательном бегстве от кропотливого освоения содержаний бытия в институционально предустановленную, социализированную стихию номенклатуры товарных форм, конъюнктурная рыночная значимость которых детерминирована котировкой социального статуса фирм-производителей. Следовательно, социум, превращённый поколениями производителей/потребителей в brutальное торжище «общества потребления», полагает необходимость удовлетворения естественных проявлений жизни как таковой исключительно посредством потребления «фирменного» бытия, воплощённого в адекватной ему, товарно «стилизованной» форме.

По мнению автора, именно посредством рекламы – исключительно имажинационной технологии социальных презентаций товара, современная цивилизация производит перманентное извращение, выхолащивание и опустошение смыслового спектра содержаний понятия «стиль»,

выражающего исконную сущность неповторимого образа индивидуального освоения мира и становления личности, низводящее его до совокупности однозначных характеристик товарного бытия, до индекса формальной принадлежности к иерархии социальной престижности.

Адекватная имагинативным критериям «стильности» модельная социализированность, в рамках конституированных конгломератов коллективных бессознательных проекций, редуцируется до идеологически отселлекционированных линий бессознательно свободной, эталонной институциональной чистоты, ориентация и стратегически программируемое отождествление с которыми автоматически гарантирует бессознательным потребителям «причащение» к элите «общества потребления». Причем последняя фактически рекрутируется из номенклатурных носителей значимостей престижности, подлинных банкротов содержания, пустых антропоморфных оболочек, маркированных наиболее рекламно продвинутыми, а значит, конкурентоспособными в данный момент товарными знаками.

Итак, в рамках «общества потребления» цивилизованный потребитель может быть «свободен» лишь в меру следования коллективным догматам «стильности» – формальным показателям усреднённой модности и конъюнктурной престижности, внешним индексам уровня жизни, действующим шаблонам подлинных ценностей, гипостазируя тем самым превращенную по своей сути товарную социальность, представляющую исконную свободу человека в виде ассортиментной номенклатуры «функций от...» товаров и фирм-производителей. Социальная организация подобного типа систематически выхолащивает внутреннее содержание личностной свободы до уровня действующего в данный момент на рынке социальности прайс-листа предложений её суррогатов, методично разрушающих исконную архетипическую цельность человеческого бытия, в угоду монополизирующим претензиям товара на тотальность именно его формы оприходования той или иной части мира. В итоге социум презентуется затоваренной стихией фирменных «свобод», жёстко конкурирующих между собой за право лицензированной эксплуатации бессознательного сконструированного потребителя: «свободой «общения», «свободой «перемещения», «свободой «выбора» и т.д. Таким образом, тот или иной рекламируемый «стиль от...» представляет квинтэссенцию добровольно принимаемой потребительской массой с подачи власти, бессознательной несвободы, рефлекторно ассоциирующейся с конкретикой торговых марок

и однозначно конституированной «обществом потребления» в качестве априорного основания своего товарного пребывания.

Знаковые парадоксы «социальности априорной несвободы» как раз и заключаются в том, что «стильность», идеологически атрибутируемая как технология жизни элиты, представляет цивилизованные процедуры институционального оперирования массами. Унифицируя естественные проявления жизни человека в форме номенклатуры потребностей, элита «общества потребления», посредством фабрикования, лоббирования и воспроизводства культа товарных марок, всё более гомогенизирует социальность в актах потребления, жертвенно апробируя на себе и затем внедряя в массы механизмы бессознательного следования и подчинения наиболее целесообразным и желательным шаблонам социального пребывания, претенциозно полагая при этом ценовые параметры собственной покупательской социальной состоятельности, единственно возможными нормативными основаниями социального партнёрства как такового. Наличный результат подобного «стиля» социального «творчества» как раз и фиксируется в формировании «общества потребления», представляющего собой уродливый гибрид «стильной» потребляющей массы и потребительской массовой «стильности».

Таким образом, институциональное воцарение товарно-потребительской «стильности» структурно оформляется в девитализирующей бессознательно-сконструированного рекламой индивида зависимости от лавинообразного нагнетания рекламно-информационного, презентационного прессинга, в условиях которого свобода для так и не ставшего сознательным человека с роковой простотой и лёгкостью трансформируется в престижную, ранговую *«функцию от...»* официально пропагандируемого уровня массового потребления, а формирование и протезирование на государственном уровне бессознательного коллективного имаго «стильности» выступает основным атрибутом наконец-то «освобождённого», уже даже и от налета индивидуальности, «общества потребления».

Анализируя распространённые в современной товарной социальности технологии пропагандистского воздействия на потребителя, автор считает необходимым обратить внимание на откровенно утилитарный характер и особенности производственно-технической эксплуатации психоаналитического инструментария, означенного в статусе гарантированно рентабельного научного базиса практически всех частных рекламных методик. Коммерческие спекуляции на шаткости

и уязвимости индивида, находящегося на естественных, бессознательных этапах феноменологического разворачивания сознания, по отношению к средствам пропагандистского манипулирования, оформляются в том числе и в виде брендинга, определяемого рекламными операторами как совокупность высокоэффективных приёмов завоевания и удержания потребителя, основанных на формировании его долгосрочного предпочтения к товару, посредством комплексной, массовой обработки авторитетом товарного знака, гипнопнотическим потенциалом упаковки, параметрами рекламных обращений, материалов *сейлз промоушн* и других элементов рекламы, объединенных определенной идеей и типовым оформлением, с целью провозглашения и обеспечения суверенитета того или иного товара на рынке товарных марок.

Детерминированный прихотями свободного рынка брендинг означает координацию широкомасштабных апологетических акций рекламодателя, реализующих организацию и рекламного агентства, направленных на производство и массивную экспансию в обыденную рутину социального пребывания потребителя бренд-имиджа – образа замаркированного определенным знаком товара или товарного семейства. Поставляемый на рынок рекламный образ представляет не что иное, как персонификацию ситуативно-очащенной в той или иной товарной форме потребности, адекватной господствующим, бессознательно-имагинативным, исключительно товарным интерпретациям, производителями конкретной продукции и производной от неё товарной номенклатуры, всего многообразия естественных нужд человека.

Итак, оформленные в современной рекламной практике профессиональные спекуляции по поводу специфики бессознательного потребительского восприятия мира выступают одним из социально значимых параметров пребывания современной товарной цивилизации и «общества потребления» как ее бессознательного имаго. Именно подобная форма институционально пособничает системному обращению исходных архетипических бессознательных импульсов к диалектическому разворачиванию содержаний сознания становящейся личности, в номенклатуру однозначных, официально санкционированных, социально адаптированных, но по-прежнему бессознательных, типовых, персонифицированных комплексов поведенческих реакций, дефеноменологизирующих, при посредничестве товарной формы, мир человека в элементарных актах социальной рефлексии. В противоположность рекламному ремеслу бессознательного *фабрикования* ложных потребностей автор настаивает на необходимости

маевтики потребностей всесторонне развивающегося в ходе сознательного освоения феноменологии архетипа человека, творчески воссоздающего целостность природы и мира в противоположность активности пропагандируемому рекламой, товарно-очастному модусу цивилизованного социального пребывания.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42.

ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО И ФАКТОРЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Л.И. Некрасова

Новосибирск, Россия

Человек как сверхсложная, самоорганизующаяся система буквально соткан из противоречий любого рода. Среди такого рода противоречий можно выделить те, которые связаны с его состоянием как природного существа. Их называл в свое время Э. Фромм, рассматривая человека не только как биосоциокультурное существо, но и как существо, которое не имеет своей ниши в природе. Он принадлежит природе и в то же время отторгнут от неё; он наделен инстинктами, но при этом не инстинкты являются безусловными регуляторами его поведения; он обладает фиксированными признаками, остающимися вполне двусмысленными и ускользающими от окончательных определений; только человеку среди всех живых существ известна трагичность его существования [1]. Все противоречия человека как существа, вышедшего из природы, естественно, влекут за собой также и другие – противоречия, сложившиеся исторически в процессе социогенеза. Взаимодействия рационального и эмоционального, должного и желательного, множественность установок, часто взаимоисключающих, разнообразие интересов, изменчивость целей, – все это делает человека заложником не только общественных, но и собственных моральных, ценностных, прагматических, психологических и прочих характеристик. Если же учесть, что человека оценивает, принимает и отвергает по самым различным параметрам как общество, так и сам он на протяжении всей жизни, то становится понятной вся огромность задачи формирования, конструирования человека или даже просто вычленения и анализа

какого-либо отдельного элемента в системе «человек». Этим обусловлен и тот факт, что человек – предмет и объект исследования множества отраслей научного знания, часто вычлняющих из всей системной целостности лишь отдельные стороны, каждая из которых, являясь частичной, но тем не менее непременно выступающей как интегративное начало, составляющее то, что именуется человеческим в человеке. Среди такого рода элементов необходимо выделить человеческое достоинство – качество человека, сформированное историческими, социальными, культурными факторами, многократно осмысленное искусством различных времен и народов. Человеческое достоинство представляет собой один из элементов, характеризующих личностное начало субъекта.

С. Франк, размышляя о смысле жизни, среди различных форм вопросов, связанных с исходным, замечает, что человек «как часть и соучастник мировой жизни» должен найти дело, которое должно представлять собой «нечто производное от человеческой жизни, природы; *смысл* же человеческой жизни, во всяком случае, должен быть чем-то, на что человек опирается, что служит единой, неизменной, абсолютно прочной *основой* его бытия» [2]. Такой опорой человека может быть не только дело, вынесенное во внешний мир, но и самооценка человека, базирующаяся на такого рода деле, поскольку, как замечает А.Ф. Лосев, «Личность есть индивидуальный сгусток (узел, связь, структура, система, тождество или какая-нибудь единичная закономерность) природных, общественных и экономических отношений» [3]. Как индивидуальность и «сгусток» внешних для человека отношений, как личность человек несет в себе такие черты, как *разумность, ответственность, воля, свобода, личное достоинство и совесть*. Все эти черты так тесно взаимосвязаны, что одно без другого вряд ли может быть возможно, в то же время они имеют как для общества, так и для индивида совершенно различную значимость. Эта значимость различным образом осмыслялась в различные исторические эпохи. Пико дела Мирандола наиболее полно выразил ренессансное понимание личного достоинства: «Пусть наполнит душу святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего, а также добивались (когда сможем или захотим) того, что положено всем людям» [4]. Другими словами, в личном достоинстве отражается некое всеобщее начало, то, которое должно быть присуще человеку в наиболее полном выражении его человечности.

Однако человек вряд ли может стать единственным источником и создателем собственного достоинства. Для конструирования такого

чувства ему необходимо общество, в котором он осуществляется как субъект социума и культуры. Ему необходимо соединение оценки его действий обществом и такой уровень самооценки, при котором он мог бы осознавать себя как такую социальную единицу, которая не оказывается лишней в данном обществе и может не стыдиться собственных деяний. Следовательно, наличие чувства собственного достоинства обладает определенной социально-исторической конкретностью и в этой связи может быть обусловлено некоторыми факторами, влияющими как на выработку такого явления, так и на его наполнение соответствующим содержанием.

Назовем три фактора, несомненно, участвующие в формировании чувства собственного достоинства: «интерес эпохи», по определению М.Вебера, государственная идеология и традиции. При изменении или утрате этих культурных феноменов изменяется и содержание понятия человеческого достоинства.

1. «Интерес эпохи» по Веберу, – это востребованность конкретным историческим временем определенных качеств людей, необходимых для выживания или дальнейшего поступательного развития определенного сообщества людей.

Макс Вебер связывает понятие «интерес эпохи» с ценностями: «Ценности суть выражение общих установок своего времени, у каждого времени есть свои абсолюты». Другими словами, «интерес эпохи» – это ценности, выражающие жизненные ориентации и практические устремления людей в каждой эпохе. Среди такого рода ценностей в системе протестантской этики можно отметить и человеческое достоинство, выражающееся в том, что человек принимает на себя соответствующие обязательства, делая это совершенно добровольно, и выполняет эти обязательства без принуждения, во всей полноте, без различного рода послаблений и оправданий. Это обстоятельство повышает его социальный статус, а также самооценку личности, способной охранять свои права и обязанности. Такая форма реализации человека всегда имела положительную значимость. Но значимость эта определялась не простым набором добродетелей или способностей человека как таковых, а их востребованностью, вовлеченностью в сферу человеческой деятельности [5].

На разных этапах развития культур этот «набор» и востребованность менялись вслед за изменениями социальных отношений, человеческой деятельности, интересов и потребностей.

Например, в Средние века в светских отношениях понятие достоинства сливается с понятием сословной чести. Достоинство практически перерастает в социальную гордыню. У каждого сословия свой кодекс чести, свой этикет, у крестьян достоинства нет.

В эпоху Возрождения достоинство человека заключается в универсальности его способностей. Это человек творческий, активный, смелый, свободный. Специфическим критерием благородства, достоинства стало не аристократическое происхождение, а культура – овладение «словесностью» и «ученостью». А к «черни» гуманисты относили всех необразованных людей, независимо от их происхождения.

В Новое время люди в своей деятельности руководствуются не только сословным моральным кодексом, мнением общественности, но и совестью, и личным долгом. В обществе возникают убеждения, что нравственные нормы, ценности и добродетели имеют общечеловеческий характер, обязательны и одинаковы для всех. Качество, которое ценится в буржуазном обществе, т.е. придает человеку достоинство, уважение к себе и со стороны окружающих, – это трудолюбие, профессионализм, стремление к самосовершенствованию. Достойный человек – это человек, который «сделал себя сам».

2. Иногда «интерес эпохи» фиксируется, обретает статус государственной идеологии. Например, когда обществу для выживания, преодоления кризиса требуется проявление определенных качеств, достойного поведения значительного числа людей. Государство начинает поддерживать, поощрять пропагандировать через искусство, литературу, СМИ, образцы человеческих качеств, поступков, которые осознаются как необходимые для успешного функционирования системы, формировать общественное мнение. В зависимости от того, какие ценности преобладают в данную историческую эпоху, таким содержанием и наполняется понятие человеческого достоинства.

Общество представляет собой воплощенную систему ценностей, а ценности, в свою очередь, воплощаются в традициях. Традиции определяют нормы поведения и санкции, их регулирующие. Другими словами, традиции держат человека в рамках должного (достойного) поведения, играют роль нравственного цензора. Утрата некоторых традиций часто ведет к утрате ценности такого понятия, как человеческое достоинство. И здесь государство может способствовать сохранению определенных традиций через законы или общественные институты. Особенно большое значение традициям придавалось в восточных культурах, связанных с конфуцианской этикой. Конфуций

прямо соотносил приверженность традициям, их буквальное знание и соблюдение с достоинством *благородного мужа – цзюньцзы*.

Таким образом, конструирование личностных признаков человека и среди них – личного достоинства человека может (и должно) осуществляться социальными институтами. Среди такого рода институтов, помимо всех форм социальной коммуникации, определенных идеологических инструментов воздействия, центральной формой все же остается система образования, предполагающая через подготовку учащегося к будущему предложить ему оформить сферу собственных притязаний и определить уровень собственных возможностей на пути самоосуществления.

Литература

1. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
2. Франк С. Смысл жизни. М., 2004.
3. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.
4. Эстетика Ренессанса: В 2 т. М., 1981. Т. 1.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

И.А. Панкова

Томск, Россия

Рассматривая различные технологии конструирования человека – от медико-биологических и философских до психолого-педагогических и социальных – нельзя не отметить управленческую составляющую всех этих технологий. Именно бездарная управленческая составляющая может погубить на корню великолепное начинание на его пути от замысла к реализации и, наоборот, эталонно безупречное управление может способствовать корректировке ошибочных или неэффективных научных изысканий, пролонгируя их на успех и эффективность.

Экономика России должна стать эффективной, иначе она не будет экономикой развитой страны. Эффективность экономики зависит от эффективности ее управления. Понимание современных концепций управления, умение использовать их в реальной практике потребность руководителя к овладению новых знаний и умений сформирует новую

управленческую культуру XXI в. [1]. Именно в XX в. управление сформировалось как наука, оказывающая мощное влияние на все стороны жизни общества, организаций и людей.

Принципы, формы и методы управления распространились на все сферы деятельности человека: образование, религию, политику и т.д. Основная роль в управлении отводится человеку, его таланту, способностям, знанию и умению.

Экономика нашей страны, находясь в рыночном типе развития, требует радикального изменения основных принципов управления социалистической эпохи. Воплощение этих изменений в эффективное функционирование и развитие организаций отводится руководителям. Процесс радикальных изменений, происходящих в нашей стране, отражается на изменении структуры предприятия, организации его управления.

Прежде всего, в современном мире под организацией рассматриваются сложные социально-технические системы, управление которыми требует огромного числа факторов внешней и внутренней среды. В этих условиях принятие управленческих решений – это искусство, базирующееся на знаниях, умениях, интуиции и опыте управленцев, способности эффективно использовать накопленный опыт на практике. Законы и закономерности, принципы, функции и формы, методы целенаправленной деятельности людей в процессе управления сформировали науку управления.

Управление реализуется через ряд функций таких как мотивация, руководство, коммуникации, исследования, оценки, принятие решений, подбор персонала, представительство, ведение переговоров и заключение сделок и др.

Основной задачей управления является принятие решений для реализации конкретных целей организации.

Важно помнить, что любая организация держится на людях: их работоспособности, знаниях, их развитии. Поэтому быть хорошим руководителем – значит, уметь управлять людьми, успех управления зависит от умения подобрать коллектив, создать «команду». Ведь организация существует и развивается за счет интеллекта персонала. «Человек – ключевой ресурс организации» [1]. Важно обращать внимание на создание условий для реализации потенциала работника и способности к совместной эффективной работе. Отсюда внимание к организационной культуре, демократизации управления, честности и доверию к людям, коммуникациям, стилю руководства.

Новые принципы управления выдвигают проблемы обогащения содержания и ротации работ, сочетания умственного труда с физическим, стимулирование результатов, учитывающих мастерство и ответственность, сокращение разделения работ, применение многомерности и взаимозаменяемости. Это обеспечивает гибкость и быструю адаптацию к изменяющимся условиям.

Марксистская парадигма экономического развития в течение многих лет определяла концепцию управления социалистическим производством, основной фактор которой – централизация управления. В соответствии с ней управление экономикой строилось по типу одной большой фабрики с подразделениями и филиалами по всей стране, что неизбежно приводило к бюрократизации и административно-командному характеру системы управления – отсюда и снижение эффективности развития.

Современная экономика рыночно-предпринимательского типа означает необходимость разработки новой парадигмы управления, активным участником которого должно быть государство. Роль государства – устанавливать и охранять общие правила функционирования рынка, используя законодательство, государственные заказы, контролируя рациональное использование природных ресурсов и т.п. Фактором устойчивого экономического роста должно стать управление развитием – важнейшая подсистема государственного регулирования российской экономики.

На сегодняшний день осуществляется переход к полицентрической системе хозяйствования, в которой возрастает роль самоуправления на всех уровнях. Любая организация, функционирующая в рыночной среде, должна решать самостоятельно как внутренние вопросы, так и вопросы, связанные с внешней средой. Организации теперь несут социальную ответственность перед обществом (удовлетворение его потребностей в товарах и услугах, экологическая безопасность, создание рабочих мест) и трудовыми коллективами. Поэтому особое внимание надо уделять к соотношению индивидуальных и коллективных интересов, участие работающих в процессе принятия решений, организационной культуре в управлении.

Организации в современном мире пронизывают всю жизнь человека, так как создаются для удовлетворения его самых разнообразных потребностей. Однако как только люди организуются, чтобы совместно достигать поставленных ими целей, они сталкиваются с необходимостью управления, являющегося важным инструментом эффективного

достижения целей организации. Разнообразие целей приводит к многообразию организаций, следовательно, управление ими должно строиться с учетом специфических черт, которые изменяются со временем под влиянием внешних обстоятельств и в результате их роста и развития. Эффективность организации является управленческой категорией, поэтому управление эффективностью – это главная задача, которую руководитель должен решать непрерывно и системно. Удовлетворение потребностей работников – прямой путь к повышению эффективности деятельности организации. Новая экономика требует новых подходов к развитию и управлению, но в большинстве случаев она требует руководителей нового типа.

Управленческий труд – преимущественно умственный труд. Прежде всего, это работа с людьми, их трудовая деятельность служит объектом управляющего воздействия. Реализацией управляющих воздействий на людей активизируется их работа в организации. Мотивация – основной метод воздействия на людей с целью побуждения их к определенным действиям. Задача руководителей в том, чтобы в процессе управления найти такие формы и методы мотивирования, которые способствовали бы достижению целей организации.

Управление – процесс многогранный и неоднозначный [1]. В процессе управления происходят изменения, которые связаны, прежде всего, с тем, что люди рассматриваются как основной ресурс организации. От профессионализма руководителей зависят перспективы развития нашей экономики. В связи с этим подготовка высококвалифицированных руководителей и приобретение ими навыков эффективной управленческой работы, навыков лидерства сегодня чрезвычайно важны.

Литература

1. Румянцева З.П. и др. Общее управление организацией: принципы и процессы. М., 2005.

ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК: УМЕНИЕ МЫСЛИТЬ И РАССУЖДАТЬ

В.В. Петров

Новосибирск, Россия

Система современного образования подразумевает формирование и дальнейшее развитие грамотного, эрудированного и образованного человека.

Что значит «образованный человек»? Древние греки вывели очень удачную «формулу» образованного человека – «все о немногом и немногом обо всем», т.е. образованный человек является отличным специалистом в своей сфере деятельности, но при этом владеет общими знаниями обо всем остальном, умеет связывать воедино разрозненные факты из других областей, анализировать их, выстраивать теории и приходить к верным выводам, пользуясь минимумом фундаментальных знаний.

Поскольку сегодня практически любая справочная информация стала легкодоступной, то умение думать, размышлять и делать какие-либо выводы зачастую отходит на второй план, уступая место энциклопедическим знаниям. Это не так хорошо, как кажется на первый взгляд.

Иногда происходит подмена понятий «эрудиция» (владение фундаментальными знаниями) и «образованность» (умение пользоваться полученными знаниями). Это выражается в том, что на учащегося обрушивается огромный поток фундаментальных знаний, а на умение пользоваться этими знаниями внимание обращается не всегда. Но если человек, например, выучит наизусть большую советскую энциклопедию – станет ли он образованным? Конечно, нет. Он станет просто эрудированным. Но зачем нужны знания, если мы не умеем ими пользоваться?

К сожалению, в современной школе в последнее время значительное внимание уделяется именно тому, чтобы учащийся просто знал, где найти ответ на тот или иной вопрос, а не как получить данный ответ. Таким образом, одна из основных целей обучения – умение думать и логически рассуждать – не всегда достигается.

Многоуровневый подход к обучению во многом способствует формированию и дальнейшему развитию именно человека, умеющего мыслить, а не только запоминать получаемую информацию.

Рассмотрим основные принципы такого подхода к обучению на примере курса «Наука о Земле», читаемого автором для учащихся 10–11-х классов Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета.

Многоуровневый подход позволяет соединять воедино разрозненные энциклопедические знания и, отталкиваясь от базисных понятий, логически размышлять и делать самостоятельные выводы [1]. Он подразумевает три уровня подачи информации, отличающихся не только объемом, но, главным образом, глубиной и сложностью изучаемого материала.

Первый, общегуманитарный уровень содержит лишь те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому образованному человеку. На этом уровне ознакомление с предметом, свойствами и общими принципами происходит на конкретных примерах.

Второй уровень – технологический. На данном уровне учащийся приглашается для обсуждения пройденного материала с попыткой раздумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности. Этот уровень должен обеспечить умения и навыки, которые позволят успешно продолжить обучение в высших учебных заведениях.

На специализированном, третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные ситуации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения. На этом уровне происходит систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам.

По содержанию курс разбивается на три основные части.

В первой части рассматривается Земля как планета, ее положение в космическом пространстве и происхождение. Здесь предоставляется широкое поле деятельности для систематизации и компоновки ранее полученных знаний из области географии, астрономии и природоведения в единое целое.

Во второй части курса планета Земля рассматривается как «набор внешних и внутренних оболочек». Отталкиваясь от гипотез возникновения Земли, рассматривается ее внутреннее строение. Опираясь на цифровые параметры, тем не менее основное внимание уделяется именно образному мышлению. Только после того как усвоена общая картина внутреннего строения Земли, имеет смысл переходить к изучению более мелких «кирпичиков», из которых сложена

наша планета. Необходимо отметить, что в дальнейшем при изучении новых тем и разделов курса учащимся необходимо неоднократно возвращаться к ранее пройденному материалу. Таким образом, закладывается фундамент «сетчатой структуры восприятия». Смысл ее заключается в том, что к одному и тому же можно прийти разными путями. Т.е. знание системы в целом может освободить от знания некоторых отдельных фактов. Создание общей картины «оболочек» планеты завершается изучением гидросферы и атмосферы.

Третья часть, завершающая курс, по смыслу является основной. В ней рассматриваются такие вопросы, как происхождение и развитие жизни на Земле, проблемы существования и взаимоотношения организмов, как между собой, так и с планетой в целом. По сути дела, разбирается взаимосвязь всех рассмотренных «оболочек» – биосферы, литосферы, атмосферы и гидросферы. При этом особое внимание уделяется экологическим проблемам и взаимоотношению человека с живой и неживой природой.

Автор придерживается представления Е.И. Биченкова, что по мере научного познания приходит большая глубина понимания внутренней взаимосвязи ранее казавшихся явлений и событий; соответственно, основные законы или теории упрощаются, а число их уменьшается [2]. На любом уровне изучаемый материал излагается в соответствии со следующими принципами:

От общего к частному – изучение каких-либо отдельных фактов или процессов возможно лишь только после того, как нарисована и усвоена общая схема процесса или явления. Бессмысленно, например, изучать тектонические процессы, не зная хотя бы упрощенного внутреннего строения Земли.

От абстрактного к конкретному и наоборот, в частности, при изучении горных пород (абстрактное понятие) мы опираемся на минералы (конкретное) [3].

Обучение по «спирали» – систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам [4].

При работе с учащимися особое внимание уделяется «...умению понимать, видеть и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых и порой неочевидных результатов» [2].

В качестве примера можно рассмотреть следующую ситуацию.

В смешанных группах специального (факультативного) курса «Наука о Земле», где одновременно присутствуют учащиеся 10-х и 11-х классов,

автором задавался вопрос о направлении вращения Земли. Примечательно, что хотя общий уровень подготовки одиннадцатиклассников несомненно выше, десятиклассники, которые еще не изучали астрономию, зачастую справлялись с этим вопросом лучше и быстрее более «подкованных» учащихся 11-х классов. Объясняется этот феномен достаточно просто: учащиеся 11-х классов располагают заведомо большими энциклопедическими знаниями и пытаются именно вспомнить цифры и данные, которые в свое время от них требовали запомнить. Десятиклассники от соответствующей информации свободны, поскольку астрономических знаний в достаточном количестве они еще не успели приобрести. Недостаток знаний компенсируется «соображением» – они начинают думать и рассуждать, вспоминая и привлекая для ответа не конкретные цифры, а общие законы природы и личные наблюдения (например, отталкиваясь от разницы во времени между Москвой и Новосибирском).

Многоуровневый подход к обучению позволяет создать такие условия для учащегося, что он начинает думать, а не вспоминать.

Достигается это следующим образом. Для того чтобы человек начал думать и рассуждать, необходимо поставить его в нестандартную ситуацию, т.е. проверочное задание не должно быть построено по образцу и подобию разобранных на занятиях материала.

Рассмотрим это на простом примере.

В итоговом тестовом задании по курсу «Наука о Земле» задается вопрос о площади, занимаемой морями и океанами. В качестве ответа предлагается выбрать одно из трех конкретных значений. Казалось бы, что это простой вопрос, направленный именно на проверку общих энциклопедических знаний. Но особенность заключается в том, что в рамках курса конкретное значение площади, занимаемой морями и океанами, не дается. После того как учащийся понимает, что он не знает (или не помнит) конкретной цифры, он вынужден думать и рассуждать. Примерный ход рассуждений следующий: конкретное значение не известно, но каждый человек неоднократно слышал, что моря и океаны занимают примерно $3/4$ от общей площади земной поверхности. С помощью простейших вычислений (используя известное значение радиуса Земли и формулу вычисления площади сферы) можно узнать общую площадь поверхности, выделить из полученного значения $3/4$ и, таким образом, понять, какой из предлагаемых вариантов ответа будет верным [5].

Описываемый многоуровневый подход к обучению с успехом применяется автором с 1999 г. при преподавании курсов «Землеведение» и «Наука о Земле» в Специализированном учебно-научном центре Новосибирского государственного университета.

Сам по себе такой подход к обучению используется достаточно давно, но отличительной характеристикой является именно возможность его адаптации как к различным изучаемым дисциплинам, так и к разным возрастным группам учащихся.

В частности, в 2006 г. данный подход был адаптирован автором для работы с учащимися начального и среднего звена общеобразовательных школ для проведения курса «Школа выживания в условиях дикой природы» на базе детского оздоровительного лагеря «Радуга» (Черепановский район Новосибирской области). В рамках реализации данного курса участники были разделены на 2 группы: а) дети в возрасте 7–15 лет, проживающие в г. Черепаново и Черепановском районе НСО, б) дети с задержкой развития в возрасте 7–15 лет, оставшиеся без попечения родителей.

Подача и отработка материала происходила в соответствии с общими принципами многоуровневого подхода. Но поскольку социальный состав групп отличался друг от друга, то для группы «А» материал рассматривался на всех трех уровнях, а для группы «Б» – только на общегуманитарном и технологическом уровнях, так как дети данной группы изначально обладали меньшим запасом энциклопедических знаний.

С точки зрения автора, многоуровневый подход к обучению не зависит от какого-либо конкретного курса. Как показывает практика, такой подход с успехом может применяться и для разработки новых курсов и для адаптации уже разработанных курсов. Область применения многоуровневого подхода не ограничена – от начальной до высшей школы. Состав обучаемых может варьироваться в очень широких пределах.

При таком подходе к обучению получаемые знания используются и применяются учащимися на практике, а не хранятся в голове мертвым грузом. Умение мыслить и рассуждать, опираясь на полученные фундаментальные знания, развивается. А это умение и является одним из отличий действительно образованного человека.

Литература

1. Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С. и др. Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности. Новосибирск, 2004.

2. Биченков Е.И. Принципы обучения физике в новосибирской физико-математической школе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. 2000. Т. 1. Вып. 1.
3. Петров В.В. Методологические принципы построения междисциплинарных образовательных курсов // Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке: Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 2003.
4. Никитин А.А., Белонос В.С., Зеленьяк Т.И. и др. Новые подходы во взаимодействии средней и высшей школы в математическом образовании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. 2000. Т. 1. Вып. 1.
5. Петров В.В. Проблемы общего образования: энциклопедическая информация и умение размышлять // Социальные процессы в Современной Западной Сибири: Сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2006.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ

Е.А. Пушкарева, Л.В. Судоргина

Новосибирск, Россия

В настоящее время воспитательная система переживает глубокий кризис. Реальностью стали массированная интервенция чужеродных ценностей, разрушающих отечественные традиции и противоречащих мировоззрению и культурам народов России, отсутствие сформулированной базисной системы ценностей, принимаемых обществом, самоустранение государственных и негосударственных организаций и учреждений, общественных структур от общенациональной и региональной проблемы воспитания детей и молодежи, забвение трудового, нравственного, патриотического и физического воспитания как фундаментальной основы формирования цивилизованного государства и его народа. И как результат – огромное количество детей-сирот, находящихся в маргинальном состоянии в широком смысле этого понятия.

Различные аспекты проблемы социальной адаптации ребенка издавна привлекали внимание детских психиатров, психологов, социологов, педагогов, физиологов. Результатом исследований в данной области является понимание того, что адаптация – это не только приспособление к успешному функционированию в определенной среде,

но и выработка способности к дальнейшему психологическому, личностному, социальному развитию.

К негативным факторам дезадаптации относятся различные варианты авторитарного стиля педагогического общения, неправильная, нерациональная организация образовательного процесса и учебной деятельности, слабые компенсационные и психозащитные возможности детей, неблагоприятная ситуация в окружающей ребенка среде. Часто причиной возникновения психогенных нарушений являются не сами по себе промахи в деятельности ребенка, а характер и степень их переживания по поводу этих промахов. Получается, что каждый ребенок живет в своем «стрессовом фоне» социальной среды, как проявляя избирательную чувствительность к различным влияниям, так определенно реагируя на них.

Причиной дезадаптации, проявляющейся в нарушении поведения и снижении успеваемости, могут быть невротические переживания, связанные с острой или хронической психотравмирующей ситуацией. Причиной дезадаптации может быть также переживание ребенком своей неуспешности при несоответствии требований окружающих его возможностям или при завышенных требованиях ближайшего окружения, не учитывающих особенности ребенка. Дезадаптация, будучи психотравмирующей ситуацией для ребенка, приводит к развитию неврозов.

Для того чтобы определить, какое поведение можно считать девиантным, необходимо соотнести те или иные поступки, ту или иную социальную деятельность с принятыми нормами. Однако далеко не всегда ясно, что именно считать нормой. То, что в одной группе может восприниматься как норма, в другой может рассматриваться как отклонение. Так, например, курение в компании друзей может оцениваться как приемлемая форма поведения, не вызывая негативной реакции, но на рабочем месте, в трудовом коллективе оно может восприниматься как девиантное. Таким образом, при характеристике девиантного поведения необходимо исходить из норм группы. В том случае, если подобные нормы расходятся с нормами более крупных групп или общесоциальных, следует исходить из норм последних [2].

Одним из направлений поиска ответа на поставленный вопрос является исследование внутриличностных аспектов поведения. Разрабатывая проблему личностного самоопределения, мы исследовали механизмы, которые обуславливают течение данного процесса [5]. Теоретический интерес к проблеме самоопределения личности

обусловлен внутренними потребностями самой теории, прежде всего в области философии образования. Тенденции современного общественного развития обусловили необходимость всесторонней разработки данной проблематики, раскрывающей связь объективных законов общественного развития с сознательной деятельностью человека.

На основе анализа психологического, социологического и психолого-культурологического подходов к пониманию и представлению о сущности личностного самоопределения был выделен тот общий момент, что данный процесс означает осознать себя, свои интересы, определить свое собственное существование, свое место в жизни, в обществе. Самоопределение – формирование внутренней позиции личности по отношению к людям и ценностям, соотнесение своих жизненных планов, самооценки, стратегий и установок с этой позицией. Личность понимается следующим образом. В социально-философском смысле личность – это субъект социальных отношений и взаимодействий, в психологическом – это целостная система установок индивида по отношению к окружающему миру и самому себе [5].

Под формой самоопределения личности понимается наиболее общая и устойчивая структура этого процесса, автономная относительно его меняющегося и разнообразного конкретного содержания. Вследствие того, что самоопределение личности можно понимать как отнесение своего образа Я с ценностями и ролями, в работе были выделены две формы самоопределения личности – ролевое и ценностное. Ценностная форма самоопределения означает, что структура этого процесса при ориентации на ценности, смены позиций относительно ценностей автономна по отношению к конкретным ценностям. Таким образом, ролевая форма самоопределения личности означает, что структура установления позиций личности относительно ее ролей автономна по отношению к специфике конкретных ролей.

Поскольку самоопределение личности является процессом, то его содержание раскрывается на основе системного понятия процесса: а) состояние системы «на входе»; б) промежуточные состояния и происходящие изменения; в) состояние «на выходе» (существенные отличия в сравнении с первоначальным положением системы). Чтобы ответить на вопрос, каким образом строится процесс личностного самоопределения, нужно описать, во-первых, состояние «на входе». Здесь подразумевается описание состояния основных характеристик «системы» личности (образа Я, самооценки, ценностных, ролевых установок) и выявление факторов, повлиявших на дестабилизацию, повлекших

за собой состояние личностного кризиса. Далее следует описать происходящие изменения – раскрыть содержание трех сторон процесса самоопределения – самооценки, самоутверждения и самоотнесения. Самооценка – личностное суждение о собственной ценности, которое выражается в установках, свойственных индивиду; пересмотр своих ценностных, ролевых ориентиров. Самоутверждение – согласование новой самооценки с ролями и ценностями. Самоотнесение – завершающее установление отношений между новой самооценкой и ценностно-ролевыми ориентирами. Наконец, нужно описать состояние системы «на выходе». Здесь подразумевается описание новых систем ценностей личности в сравнении с первоначальными, включая новые отношения, новые установки, изменения в характере реагирования, поиске ситуаций и т.д., другими словами, сюда входит все, что было «на входе», но изменившееся, т.е. итоги решения личного кризиса.

Таким образом, процесс самоопределения личности может происходить следующим образом. Началом изменений служит ситуация или серия ситуаций, вызывающие личностный кризис. Далее возможны следующие этапы процесса самоопределения: 1) переживание личностью кризиса, попытки его рационализации и погашения (при успехе – нет дальнейших изменений); 2) разнообразные попытки решить кризис путем «раскачивания» установок, продумывания и высказывания новых самооценок, оценок, новых моделей отношений и т.д. (этап самооценивания); 3) апробация этих «новшеств» в общении со значимыми другими и получение обратной связи (этап самоутверждения); 4) внутренняя работа по перестройке и закреплению новых отношений между компонентами самоопределения (этап самоотнесения). Необходимо добавить, что в процессе возможны возвраты и неоднократное повторение этапов. О завершении процесса следует судить по наличию обновленных компонентов самоопределения и осмысленной по-новому ситуации с тем или иным решением кризиса.

Структура каждой личности включает в себя свое ценностное поле, обозначающее тот репертуар ценностей, который значим для данной личности [9]. По своей структуре ценностное поле представляет собой не иерархическое образование, а основывается на системной, органической связи между ценностями, на правилах взаимного соотношения ценностей при принятии личностью решений. Для каждой конкретной личности существует проблема соотношения ценностей общества, культуры с ее собственными ценностями, т.е. проблема ценностного самоопределения. Она появляется в условиях кризиса

традиционных форм поведения и деятельности личности. Ценностное самоопределение заключается в установлении новых отношений между образом Я и ценностями. При коррекции внимание должно быть уделено необходимости изменения только понятийной, рациональной компоненты ценности, которая всегда является частной, текущей, исторически преходящей, но не более глубокого иррационального слоя глубинных предпочтений.

Рассматривать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми необходимо в терминах выполняемых им социальных ролей. Чтобы понять конкретную личность, недостаточно описать ее непосредственные взаимоотношения с другими людьми. *Начинать надо не с индивида, а с общества как целого* [2]. Общество как сложная система дифференцируется на ряд зависимых подсистем и частных структур (сферы общественной деятельности, классы и социальные группы, общественные институты). Это конкретизируется в большом количестве взаимосвязанных друг с другом социальных позиций. Функционирование и развитие всякого общества – это прежде всего многомерный процесс взаимодействия многочисленных и разнообразных статусов и ролей. Их определенные сочетания образуют социальные институты, предназначенные для удовлетворения разнообразных социальных потребностей и обеспечивающие нормальную жизнедеятельность общества (например, институт семьи, институт образования).

Ролевое самоопределение заключается в установлении новых отношений между образом Я и ролями. Концептуальная структура ролевой типологии для процесса самоопределения личности представляет собой взаимодействие играемой, субъективной, предписанной и представляемой ролей. Играемая роль как реальное (наблюдаемое) ролевое поведение индивида обусловлена содержанием и особенностями следующих ролевых образцов: роли как образца поведения и установок, социально заданного; представляемой роли как системы ожиданий со стороны отдельных индивидов и отдельных групп; субъективной роли как собственного представления индивида о содержании своей роли.

Адекватное самоопределение заключается в формировании такой внутренней позиции личности по отношению к ролям и ценностям, которая обеспечивала бы эффективную деятельность, нормальное и эффективное социальное взаимодействие, объективную оценку своих успехов (следовательно, и соответствующий уровень внутреннего эмоционального комфорта). Адекватное самоопределение, таким образом, исключает возможность девиантного поведения.

Социальные и психологические механизмы самоопределения: действие когнитивного диссонанса; механизм идентификации и механизм ориентации на референтную группу. Под механизмом самоопределения личности понимается устойчивая последовательность изменений в установках и взаимодействиях данной личности, приводящая к существенной трансформации ее внутренней позиции относительно ценностей и ролей.

Разрабатывая социально-философский аспект проблемы личностного самоопределения ребенка, мы рассматривали механизмы, которые обуславливают течение данного процесса. Среди таковых наибольшую роль играет механизм идентификации. Под механизмом самоопределения личности понимается устойчивая последовательность изменений в установках и взаимодействиях данной личности, приводящая к существенной трансформации ее внутренней позиции относительно ценностей и ролей.

Проблема идентификации анализируется в работах Л.И. Анцыферовой [3], Г.М. Андреевой [2], В.А. Ядова [8]. Понятие идентификации рассматривается авторами в различных аспектах. Идентификация как психологическая категория отражает процесс и результат эмоционального и иного самоотождествления личности с другим человеком, группой, образцом или идеалом. Термин «идентификация», буквально обозначающий уподобление себя другому, несет на себе определенную методологическую нагрузку. Поскольку процесс идентификации наиболее полно разработан в психоанализе, то термин обычно интерпретируется в духе теоретических построений психоанализа как бессознательный процесс подражания поведению или определенным качествам того лица, с которым индивид себя отождествляет [6]. Отсюда к нему часто критическое отношение, причиной которого является смешение явления и его интерпретации в неприемлемой теоретической схеме. В действительности, из того факта, что психоаналитический подход к идентификации кем-то не может быть принят, не следует, что явления идентификации не существует и что его не нужно изучать. Понятие идентификации выражает установленный в ряде экспериментальных исследований простой эмпирический факт, что одним из самых элементарных способов понимания другого человека является уподобление себя ему. Это, разумеется, не единственный способ в реальных ситуациях взаимодействия, люди пользуются таким приемом, когда предположение о внутреннем состоянии партнера по общению строится на основе попытки поставить себя на его место. В этом плане

идентификация выступает в качестве одного из механизмов познания и понимания другого человека. Существует много экспериментальных исследований процесса идентификации и выяснения его роли в процессе общения. В частности, установлена тесная связь между идентификацией и другим, близким по содержанию явлением – явлением эмпатии.

В социально-психологической литературе термин приобрел более широкое значение: идентификация означает имитацию, подражательное поведение и эмоциональное слияние, переживание субъектом той или иной степени тождественности с объектом.

В социологической литературе под идентификацией обычно понимают один из механизмов социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит данный индивид, т.е. идентификация является немаловажным механизмом самоопределения личности. Мы будем определять этот термин как установление отношения между Я и социальным понятием, когда поведение личности соотнобразуется с представлением о том, как должен вести себя субъект.

Существует проблема двух видов идентичности – личностной и социальной. Если личностная идентичность – это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт личности, то социальная идентичность – самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе [1]. Для выявления личностной идентичности необходимо описание «Я-концепции», а для выявления социальной идентичности необходимо исследование связей личности со своей группой. Вместе с тем социальная идентичность – это в гораздо большей степени соотнесение Я с группой, не что иное, как способ организации для данной личности ее представлений о себе и о группе, к которой она принадлежит. Справедлива также и мысль о том, что социальная идентичность это скорее то, что личность делает с ее позиции в социальной структуре, которая определяет его идентичность, чем то, что она думает о месте в этой структуре.

Теоретическое осмысление понятию социальной идентичности дано в работах А. Тэшфела, который разработал «теорию социальной идентичности» [9]. Само определение социальной идентичности предполагает такую связь: социальная идентичность – это «знание личности о том, что она принадлежит к определенной группе, и эмоциональная значимость для нее группового членства». Как же формируется такое знание? Ответ на этот вопрос дается вполне в традиции когнитив-

вистского подхода, а именно: описываются три шага на пути познания человеком собственной идентичности. Первый шаг: социальная категоризация – упорядочивание социального окружения способом, который имеет смысл для личности. Второй шаг: социальная идентификация – процесс, посредством которого личность помещает себя в ту или иную категорию. Третий шаг: социальная идентичность – получение некоторого итога – полного социального отождествления личности. Здесь необходимо отметить, что А. Тэшфел четко разводит понятия «идентификация» – как процесс и «идентичность» – как продукт этого процесса [9].

Более полно идентификация с группой рассматривается в трех плоскостях: когнитивной – знание личности о принадлежности к группе, ценностной – наличие позитивных или негативных коннотаций принадлежности к данной группе, эмоциональной – принятие либо «своей», либо «чужой» группы на основании двух первых показателей. В теории А. Тэшфела обсуждается и такой сложный вопрос, как принадлежность личности одновременно ко многим группам. Как человек решает вопрос о своей идентичности в этом случае? Каков при этом результат познания им своего места в социальном мире? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Сам А. Тэшфел полагает, личность в данном случае выбирает наиболее «выпуклую» группу, которая особенно значима для выработки взгляда на мир, т.е. совершается типичный прием работы с социальной информацией. При этом возникает задача сортировки групп для обнаружения личностью для себя такой организации социального мира, в которой она усматривает свой путь восприятия себя и других, а значит, свой путь поведения и действия. Другие авторы, стремясь дать более четкое понимание проблемы, добавляют, что выбор осуществляется часто под влиянием ситуации. В ней, в частности, обнаруживаются и латентные идентичности, т.е. такие, которые иногда и не осознаются в обычных обстоятельствах. Все это не снижает угрозы конфликта принадлежностей: когда затруднительно решить вопрос о том, какая же группа более значима, выбор становится особенно сложным.

Утверждается, что личность всегда стремится к сохранению позитивной идентичности. Ее наличие способствует восприятию мира как более стабильного, надежного, справедливого. Напротив, утрата позитивной идентичности не только дезорганизует свой собственный внутренний мир, но, как правило, приводит и к дезорганизации своих впечатлений относительно окружающего мира [2]. Формирование

позитивной идентичности предполагает сравнение своей группы с другими позитивными группами, а также с негативными группами. Такое сравнение также способствует большей или меньшей сбалансированности суждений о внешнем мире: большое количество негативных групп воспринимается как доказательство его несовершенства. Для успешного сравнения нужны надежные отличительные черты «моей» группы и «чужих» групп. Нахождение таких отличий имеет возможным следствием дифференциацию от других групп. На характер дифференциации влияет степень идентификации себя со своей группой; ситуация, в которой сравнение очевидно; релевантность сравнения (т. е. сравнение себя и своей группы с близкими); значимость признаков, по которым осуществляется сравнение. При негативной оценке своей группы возникает намерение личности покинуть ее и примкнуть к другой группе. Таким образом, для личности характерно стремление сохранить социальную идентичность, причем позитивную, и тем самым обеспечить соответствие, гармонию образа социального Я.

Все вышесказанное позволяет предложить следующее определение: *социальная адаптация* – это деятельность, направленная на оптимизацию взаимоотношений человека с окружающей средой и состоящая в оценке ситуации и коррекции на этой основе, как поведения человека, так и состояния окружающей его социальной среды.

При этом будущность социальной адаптации заключается в согласовании потребностей индивида с потребностями социальной среды, в которой он находится.

Адаптация протекает более-менее легко в том случае, если социальные нормы, предъявляемые личности, не сильно отличаются от уже усвоенных ею. Если же нормы и правила существенно отличаются, то процесс адаптации затягивается и сопровождается психологическим дискомфортом, нервными срывами, низкой социальной активностью.

Как показывает анализ, социальная адаптация может протекать в активной или пассивной форме, но чаще всего в той и другой одновременно. *Активная модель социальной адаптации*, прежде всего, характеризуется тем, что субъект, воздействуя на социальную среду, стремится ее изменить (подогнать под уже сложившиеся у него представления о нормах и правилах социального поведения). Зачастую в полной мере сделать это не удастся потому, что сложившаяся социальная среда также стремится сохранить стабильность социальных норм и правил поведения и, кроме того, она состоит из индивидов, которые эти нормы уже приняли и не собираются их коренным образом изменять.

Другая модель социальной адаптации – *пассивно* воспринять все нормы и правила поведения той социальной группы, в которой индивид оказался. Для этого нужно полностью пересмотреть свои взгляды и убеждения, что довольно сложно, и начать жить по нормам и правилам, установленным в данном обществе, ближайшем социальном окружении.

Нормальная адаптация – это процесс, который приводит к устойчивой приспособленности личности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений ее структуры и, одновременно, без нарушения норм той социальной группы, в которой протекает этот процесс. Нормальная адаптация личности в свою очередь может быть подразделена на защитную и незащитную. *Модель нормальной защитной социальной адаптации* осуществляется с помощью известных защитных механизмов (агрессии, рационализации, проекции, регрессии, формирования обратной реакции, сублимации и др.).

Модель незащитных адаптивных процессов отличается тем, что они осуществляются без известных защитных механизмов. Для достижения адаптированности в этом случае личностью *используются познавательные процессы, процессы целеобразования и целеполагания, групповые социально-психологические механизмы решения задач, различные формы социальной уступчивости, процесс общения и обмена информацией, интеллектуализации индивидуального жизненного опыта* и др. Поскольку реальные жизненные ситуации, как правило, очень сложны, то индивиду приходится комплексно использовать защитные и незащитные механизмы адаптации. Поэтому как основной необходимо выделить смешанный защитно-незащитный тип адаптации.

Патологическая адаптация – это процесс, полностью или частично осуществляемый с помощью девиантных форм поведения. В патологической адаптации используются такие защитные механизмы, которые выводят поведение личности за пределы нормальной адаптации, становятся неадекватными реакциями на возникающие сложные ситуации. Если, например, ситуация не представляет для личности серьезной угрозы, но она, несмотря на это, воспринимает и истолковывает ее в качестве угрожающей и переживает тревогу, то и ответная реакция, и выбранные тактика и стратегия адаптации будут принимать характер гипертрофированных и защитных.

Низкий уровень адаптированности личности предполагает наличие удовлетворительной производственной активности и дисциплины, низких оценок реального социометрического статуса и степени

реализации внутриличностного потенциала, преобладание престижных моментов в мотивации ведущей деятельности, низкую степень выраженности коллективистских мотивов, высокую степень общественной активности, положительную тональность индивидуального настроения, среднюю степень выраженности синдрома психоэмоционального настроения, высокие показатели невротических реакций.

Уровень дезадаптации личности характеризуется низкими показателями в работе, дисциплине и общественной активности, параметрами социометрического статуса, оценками представленности коллективистских мотивов в труде, отрицательной тональностью индивидуального настроения, средними оценками выраженности неконструктивных реакций приспособления, средними оценками представленности невротических реакций, имеющих тенденцию к повышению.

Таковы на наш взгляд лишь некоторые основные теоретические аспекты проблемы поиска механизмов положительной социализации дезадаптированной личности.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1997.
3. Анцыферова Л.И. Методологические проблемы психологии развития. М., 1978.
4. Кричевский Р.Л. Психология малой группы / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубровская. М., 1991.
5. Пушкарева Е.А. Философия личности: проблема самоопределения // Философия образования. 2002. № 4.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1991.
7. Фрейд З. Психоанализ и детские неврозы. СПб., 1997.
8. Ядов В.А. Социальная идентификация личности. М., 1993.
9. Tajfel H. Social and cultural factors in perception // Lindzey G., Aronson E. (eds.). The handbook of social psychology. Reading, 1968.

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.И. Ревякина**, *О.А. Козырева**

*Томск**, *Красноярск***, *Россия*

С точки зрения И. Канта, человек – самый главный предмет науки, а познание человека является важнейшим условием понимания мира

в целом. В аксиологическом контексте человек рассматривается как высшая ценность общества. В настоящее время существуют философское, поликультурное, психологическое, акмеологическое и другие направления антропологии, изучающие человека с различных позиций. Рассмотрим акмеологические аспекты.

Понятие «акмеология» (akme) в переводе с древнегреческого – высшая точка, острие, расцвет, зрелость, лучшая пора; в научную терминологию ввел профессор Н.А. Рыбников в 1928 г., обозначая им возрастную психологию зрелости или взрослости.

Предпосылкой появления акмеологии стали исследования Ф. Гальтона и В. Освальда [1] о возрастных закономерностях творческой деятельности и И. Пэрна [2], изучавшего зависимость ее продуктивности от различных психобиологических факторов.

Акмеология разрабатывает новые подходы и методы совершенствования профессионального мастерства в различных областях профессиональной деятельности, исследует закономерности этого процесса, разрабатывает методы определения уровня эффективности систем совершенствования профессионального мастерства, направленных на достижение наивысшего уровня профессионализма в профессии [3].

Свою онтологическую определенность акмеология приобретает, синтезируя достижения таких наук, как философия, социология, физиология, генетика, педагогика и психология.

В акмеологии разработаны модели профессионального образования человека (Е.Н. Богданов, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан, Л.Г. Лаптев, А.К. Маркова, В.Г. Михайловский, Л.Э. Орбан, И.Н. Семенов, А.П. Ситников и др.); акмеологические способы выявления закономерностей, факторов и условий наивысших достижений человека в различных сферах жизнедеятельности – прежде всего в профессиональной деятельности – (Б.Г. Ананьев, О.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.А. Климов, Р.Л. Кричевский, Н.В. Кузьмина, Н.И. Конюхов, Л.Г. Лаптев, А.К. Маркова, Л.Э. Орбан, И.Н. Семенов, Е.А. Яблокова и др.).

Б.Г. Ананьев сформулировал **задачи**, которые должна решить акмеология:

1. Научное освещение феноменологии акме,
2. Объективирование общего и различного в ней у разных людей,
3. Прослеживание в действии факторов, которые определяют качественно-количественные характеристики акме.

Еще одну задачу акмеологии сформулировал А.А. Бодалев в своей книге «Вершина в развитии взрослого человека»:

4. Классификация, прослеживание причин, описание феноменологии случаев, когда происходит утрата профессионализма, а также деформация личности самого профессионала.

Предметом акмеологии являются объективные и субъективные факторы, содействующие и препятствующие достижению вершин профессионализма, а также закономерности в организации обучения профессионализму будущих специалистов, совершенствовании их профессиональной деятельности.

Согласно исследованиям акмеологов (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина и др.), **психолого-акмеологические факторы** – это основные причины, имеющие характер движущих сил, главные детерминанты профессионализма. Главным системообразующим фактором профессионализма личности является образ искомого результата, к которому стремится субъект деятельности.

Психологические факторы нацелены на достижение эффективного уровня профессионального самосознания личности. Акмеологические факторы – на развитие личности в профессиональной и учебной деятельности, движение личности к вершинам профессионализма и деятельности.

Психологические и акмеологические факторы с позиции системной методологии являются разноуровневыми. По данным Н.В. Кузьминой и А.А. Реана психолого-акмеологические факторы бывают трех видов:

- объективные (связанные с профессиональной деятельностью человека в существующей системе, которая и направляет его на достижение значимых для системы результатов);
- субъективные (связанные с личностными предпосылками профессионализма: мотивация, направленность, способности, креативность, отношения, или содействующие росту профессионализма, или препятствующие ему);
- объективно-субъективные (связанные с особенностями организации профессиональной среды).

А.А. Бодалев и Л.А. Рудкевич подразделяют факторы, связанные с достижением человеком «акме» на социальные макро- и микрофакторы (микросреда) и психологические характеристики личности, которые условно могут быть подразделены на объективные (не зависящие от человека, такие как его индивидуальность) и субъективные (работа над собой, т.е. активное стремление к самосовершенствованию) [4, с. 88].

По мнению большинства исследователей, важнейшими психолого-акмеологическими факторами являются потребность в достижении, высокие профессионально-личностные стандарты, уровень мотивации.

Исследования конкретных видов деятельности человека показали, что общими психолого-акмеологическими факторами являются высокий уровень профессионального восприятия и мышления, развитая антиципация. К закономерностям, определяющим творческую продуктивность, относят не только сами эти факторы, но динамические изменения в жизненном пути, связанные с возрастными изменениями, например, закономерность пропорций в смене доминирующих мотивов с возрастом (на возрастных пиках), закономерности возрастной эволюции интересов [5, с. 88].

В.Д. Шадриков в исследовании системогенеза профессиональной деятельности особо подчеркивает связи профессионального мастерства со следующими психолого-акмеологическими факторами: потребности личности, уровень мотивации достижения и социальный престиж деятельности. Престиж положительно коррелирует с высокой мотивацией (в том числе достижений), самооценкой, уверенностью в завтрашнем дне, значимостью деятельности и ее результатов [6, с. 188].

В акмеологии выявлены типы методологических ориентаций.

Естественнонаучная ориентация получает отражение в том, что, во-первых, акмеология – самостоятельная наука, методологически во многом следует дисциплинарным стандартам (в виде изучения в эксперименте фактов, механизмов, закономерностей, их математической достоверности и т.п.), которые сложились в классическом естествознании. Во-вторых, при анализе акмеологических проблем (природы одаренности, творчества, образования взрослых, психологических предпосылок становления профессионального мастерства и т.п.) имеет место апелляция к естественнонаучным знаниям из сферы возрастной физиологии, психофизиологии труда.

Гуманитарная ориентация. Принадлежит к наукам о человеке, акмеология обретает свою онтологическую определенность, с одной стороны, на базе взаимодействия с этими науками в ходе исторического развития, а с другой – в предметном обособлении от них в качестве самостоятельной науки.

Технологическая ориентация – непосредственное взаимодействие с техническими науками (кибернетикой, теорией информации и т.п.); активное использование акмеологией присущих им алгоритмически четких стандартов практически ориентированного прикладного знания.

Акмеологический подход базируется на идеях системного анализа (П.К. Анохин, Н.В. Кузьмина, А.И. Уемов, В.Д. Шадриков и др.); комплексного структурно-функционального анализа профессиональной деятельности (В.Г. Асеев, А.А. Деркач, Е.М. Иванова, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, К.К. Платонов и др.). Он опирается на результаты анализа деятельности (В.Г. Зазыкин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, С.И. Съедин и др.); принципы системного познания, развития, деятельности и общения человека на этапе его зрелости (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Р.Л. Кричевский и др.); психолого-педагогические основы творчества, развития и ценностных ориентаций (Г.А. Айзенк, О.С. Анисимов, А.В. Брушлинский, И.Н. Семенов, В.В. Петрусинский и др.).

Акмеологический подход позволяет рассматривать вопросы сознания личности в профессиональной деятельности на разных возрастных этапах онтогенеза личностной зрелости специалиста: от профессионального самоопределения, получения профессионального образования до самоактуализации в профессиональной деятельности и развития творческой индивидуальности специалиста, обладающего оптимальным уровнем развития профессионального самосознания. Акмеологическое содержание профессионализма педагога может быть представлено аутопсихологической компетентностью (способность и готовность человека к саморазвитию, т.е. к целенаправленной работе по изменению поведения, деятельности и отношений в сторону прогрессивного личностно-профессионального развития). От уровня развития этой компетентности зависят: качество самоанализа, адекватность самооценки, уровень саморегуляции и другие важнейшие свойства личности. Отметим также коммуникативную компетентность, показателем которой является уровень развития вербальных и невербальных поведенческих проявлений педагога.

Акмеологический подход к системному рассмотрению проблемы развития профессиональной компетентности педагога предполагает изучение и использование резервных возможностей личности человека. Исследования проблем развития профессиональной компетентности и ее различных видов в акмеологии занимают особое место, так как профессиональная компетентность является главной составной частью профессионализма личности и деятельности, важным условием становления профессионала [7, с. 149]. По мнению А.А. Деркача, В.Г. Зазыкина, которое мы полностью разделяем, развитие компетентности ужесточает личностно-профессиональные стандарты,

положительно влияет на мотивацию личностных и профессиональных достижений [7, с. 149].

Литература

1. Освальд В. Великие люди. СПб., 1898.
2. Пэрна И.Я. Ритмы жизни и творчества. Петроград, 1925.
3. Чернышев В.Н., Двинин А.П. Подготовка персонала: Словарь. СПб., 2000.
4. Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великим или выдающимся. М., 1997.
5. Деркач А.А., Орбан Л.Э. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности. М., 1995.
6. Москаленко О.В. Акмеологические основы профессионального самосознания личности. Астрахань, 2000.
7. Акмеология: Учебное пособие / Деркач А.А., Зазыкин В.Г. СПб., 2003.

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Е.Н. Роготнева

Томск, Россия

Каждое общество имеет свой идеал образованности, сформировать который и есть главная цель образования. Этот идеал определяется социальными потребностями. Идеал образованности – социально значимые представления о наиболее желательных результатах образования, т.е. такой системе достижений учащихся, которая соответствует состоянию общества и способствует его динамике. В разные эпохи этот идеал разный. Античный идеал образованности выражался в понятии «гражданин» и он включал в себя гражданские добродетели свободного человека (чувство долга, ответственность, защита родины), знание философии, музыки, ораторского искусства, физическое совершенствование. Т.е. античное образование подразумевало общественного человека своей целью. Средневековая образовательная модель оценивается потомками как схоластическая, препятствующая свершению открытий и преумножению новых знаний. Однако в Средние века нам бы возразили, что задача ученых иная – хранить мир от порчи, хранить законы. Поэтому и идеал образованности – это верующий смиренный благоразумный человек. Гуманистический идеал эпохи Возрождения понимался как широкая всесторонняя образованность и мог быть выражен в определении «Homo uniuersale». Идеал образованности Нового

времени, эпохи развития естественных наук и капиталистических отношений, выдвигал на первый план профессиональное знание. Этот идеал мог быть выражен в определении «*Номо faber*». В наше время этот идеал меняется, он включает в себя не только профессионализм, но и общую культуру, планетарное мышление, культурный плюрализм. В докладе, представленном ЮНЕСКО Международной комиссией по образованию для XXI в., выделено четыре опорных направления будущего образования, рассматривающегося как всестороннее приобретение опыта на протяжении всей жизни: учиться быть, учиться знать, учиться делать и учиться жить вместе [1, с. 3–6].

В целом можно сказать, что господствующие культурные ценности и системы образования соответствующих эпох отражают на себе общий колорит времени, «подчиняясь тем архетипам, которые добились гегемонии в культурном сознании эпохи: теократии Средневековья соответствует религиозная система образования, этатизму Древнего Рима – государственно-правовые системы воспитания, интеллектуализму Просвещения – рационалистические системы образования» [2, с. 21].

С одной стороны, ценности образования, как и ценности культуры, считаются самоочевидными. Например, главной ценностью в системе образования Германии является наука, в Англии – это формирование гражданина, закалка характера, во Франции – это прежде всего прикладное знание, техника и т.д. С другой стороны, навязывание какого-то идеала приводит к утопичности и ограничению свободы выбора человека. В нашем мире человек, провозглашенный как высшая цель и просветителями, и либералами, и марксистами, на деле был превращен или в «трудовой ресурс» и материал исторических экспериментов, или в объект приложения социальных манипуляций, средство повышения эффективности производства. Самоценность человеческой личности как неповторимой индивидуальности и цели культурной эволюции, когда-то утвержденная Кантом на основе античных и христианских образов человека, оказалась просто забыта. Поэтому основная задача проводимых в образовании реформ – не принуждать человека следовать какому-либо идеалу, а дать ему возможность выбрать, каким он хочет быть. Следовательно, перед системой образования встает задача, указать на границы, в которых возможно реализовать определенную систему ценностей. Ту систему ценностей, которая является основанием для формирования определенной идеальной модели человека. Так как этих моделей человека выработано в истории

культуры несколько, то и логично предположение, что стратегий достижения этих идеалов-целей также несколько.

За всю историю образования было создано четыре образовательных парадигмы. В данном случае под образовательной парадигмой следует понимать способ деятельности конкретного педагогического сообщества в конкретную эпоху. Смена парадигмы означает смену культурных оснований, целей и ценностей, идеалов и принципов, смену определенной традиции. Однако смена образовательной парадигмы не означает ее исчезновения. Образовательная парадигма Античности, Средних веков, Нового времени и современная образовательная парадигма, сменяя друг друга, не исчезали, а продолжали развиваться, определив основные четыре образовательные системы. Современное образовательное пространство создается путем сведения воедино основных, проверенных в истории, принципов и методов образования человека. С точки зрения целевых установок образования, образовательные системы рассматривают человека либо как субъект культуры и видят ценность личности в ее уникальности, неповторимости, индивидуальности, либо как «винтик» социальной системы, как средство достижения ее целей. В последнем случае ценность личности определяется ее соответствием общепризнанным нормам, стандартам. Иными словами, образовательные системы видят свою цель либо в создании условий для развития личности и конструктивного удовлетворения ее потребностей, в самоутверждении. Второй подход к целям образования заключается в социализации и профессионализации личности с позиций максимальной общественной полезности. Цели и ценности образовательных систем делают их непохожими друг на друга, что, с одной стороны, дает человеку возможность выбрать самому ту систему, в которой он желает получить образование, ту систему, цели и ценности которой совпадают с его собственными. С другой стороны, цели и ценности образовательных систем указывают на существование границ в образовательном пространстве. Имеются в виду системные границы. Каждая образовательная система определяет те ценности, которые будет разделять формируемый в ней человек, и избирает целевые установки, достижению которых подчиняются реализуемые в ней обучающие технологии [3, с. 170]. Иными словами, социальный характер целей образования определяет и социальный характер средств образования. Э. Дюркгейм в своё время отмечал, что «в школе та же дисциплина, те же правила и обязанности, те же поощрения и наказания, тот же тип отношений, что и в обществе» [4, с. 60].

Проблема российского образования в том, что наличие системных границ игнорируется, что и приводит к эклектичности [5, с. 57–75]. Подобно тому как лебедь, рак и щука не могли сдвинуть телегу, так и результат нашего образования не может стать мотором достижения человеком своих целей. Поэтому, несмотря на реформы и модернизации, «воз и ныне там».

Литература

1. Роль учителей в меняющемся мире // Перспективы. 1997. № 3.
2. Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. СПб., 2002.
3. Мелик-Гайказян И.В., Роготнева Е.Н. Границы в образовательном пространстве // Философия образования. 2005. № 3.
4. Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.
5. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11.

ДИСКУРС НАСИЛИЯ И ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ДОМИНАНТЫ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (РЕКЛАМА, СМИ)

И.В. Сохань

Томск, Россия

Сегодняшнее состояние культуры беспрецедентно по следующим причинам: цивилизационный аспект культуры как власть технологий онтологически больше собственно культурного пространства и претендует контролировать последнее; потребление, являясь отрицательной формой экзистирования, все больше приобретает активный коммуникативный дискурс, заинтересовывая человека специфической иллюзией со-творчества; повседневность, будучи фундаментом культуры как закрепитель стабильности и нормативности, сузилась, расширив свою обратную сторону – праздничное пространство.

Тоталитаризм старого типа как воплощение открытого насилия сменился другой формой насилия – скрытой и трудно отслеживаемой, воплощенной в рекламе, которая уже давно преодолела свою первичную информационную функциональность; представленной и в СМИ, дублирующих ложные пустотные культурные образцы, выдавая

их за подлинные. Если раньше, в рамках восходящей к традиционности культуре, человек формировал свою идентичность путем усвоения духовного опыта прошлого, культурных форм и образцов, требующих усилий экзистирования, в процессе чего и складывается личность, то сейчас человек должен быть носителем достаточного объема онтологической пустоты, чтобы вместить в себя все уровни предлагаемого товара (понимаемого как набор кодовых единиц бытия, позволяющих органично вписаться в наличную жизненную ситуацию) – от идеологического до конкретных материальных субстратов.

Существенное влияние на сложившуюся картину оказал американский тип культуры, в котором идея трансцендирования и духовного личностного роста, присущая европейскому человеку, сократилась до тезиса о власти над собой, необходимой для самореализации и контроля явленной, материальной стороны реальности. Сформированная в эпоху Реформации идея мирского богослужения посредством труда нашла не просто благодатную почву в Америке, а еще и была гипертрофирована, т.е. выступила абсолютным средством, на которые возлагались все надежды и чаяния. Эмигранты, регулярно стекающиеся на американскую землю в поисках новой жизни, отбрасывали надежду на загробное воздаяние как награду за земные страдания – они хотели счастья и благополучия здесь и сейчас, в рамках актуального для них временного отрезка. Так, вертикально разворачивающий любую культуру, являющийся матричным для существования сюжет об отношениях человека и Бога, человека и трансцендентного измерения его бытия, вышел за рамки культурного пространства и стал во многом просто метафорой из прошлого. А когда человек полагается только на себя, неизбежно разрастание роли технологий в его жизни, которые призваны обеспечить ему тотальный контроль над миром. Печально то, что именно американская модель культуры стала лидирующей в глобализирующемся мире. Проблема сохранения национальной идентичности уже не особенно звучит как проблема – национальная идентичность может сохраниться только как колорит в условиях усвоения унифицированной и унифицирующей американской модели культуры. Сконструированный ею человек оказался таким легким для воплощения и близким архетипическим ожиданиям бессознательного, что прорвался к жизни через все охранительные механизмы культуры. Этот образ человека активно транслируется и воспроизводится во всем социальном пространстве (именно при разрастании техногенного аспекта культуры на первый план выходит социальный

план бытия, наполненный универсальными схемами существования). Этот человек трудится для того, чтобы веселиться и потреблять. Но труд неэффективен без различного рода технологий, цель которых – сделать все планы бытия подконтрольными. Когда человек сводится к своей трудовой активности, на определенном этапе он пытается отчуждать труд в технологиях, которые работают сами по себе, оставляя ему возможность нескончаемого потребления. Развитие технологий – процесс неизбежный, но он необязательно приводит к формированию модели потребляющего человека. В случае с американской культурой оказалось, что идея труда полностью вытеснила необходимость отдыхать, и как-то естественно отдых свелся к удовольствию от потребления.

Итак, к чему приводит такое развитие технологий, распространяющихся буквально на все сферы жизни (начиная от производственных и заканчивая коммуникационными, касающимися даже сферы отношения человека с трансцендентным)? Такие технологии расширяют и усложняют известный истории классический дискурс насилия. Оно даже приобретает некую моральную доминанту, становясь скорее искушением, нежели жестким принуждением и просто внешним захватом воли человека; искушением, которое обязательно требует взаимности от своего адресата хотя бы на начальном этапе. Человек сначала дает согласие на сытость и благополучие, а потом обнаруживает, что цена слишком непомерна – он живет и развивается посредством ценностной структуры, напоминающей прокрустово ложе: вроде бы и сыт, и основные потребности удовлетворены, а душа остается голодной. Собственно, такая форма насилия и используется в рекламе, СМИ, массовом искусстве, современных PR-технологиях. Насилие не поменяло сути, отвечая своему самому широкому определению: насилие есть подавление человека во всех его формах. Но цели сегодняшнего дискурса насилия уже несколько иные – это конструирование модели пустотного человека с его непременным согласием и участием в этом процессе. Человек перестал быть просто объектом насилия, размышляющим о методах сопротивления и борьбы с ним, он уже является одновременно и субъектом и объектом насилия, находясь по обе стороны осуществляемого процесса – метафорически выражаясь, осужденный участвует в вынесении приговора и, будучи достаточно информированным о ходе судебного процесса, имеет право на внесение поправок и сам подписывает приговор.

Размышляя о новой форме насилия как искушения, важно уточнить – что же в самой природе человека с готовностью откликнулось на предлагаемый ему статус покупающей человека-машины, наивно воспроизводящей в своей жизни образцы массовой культуры? Если обратиться к архетипическим ожиданиям нашего бессознательного, то они носят не только позитивный, но и негативный характер; ровно как и экзистирование может быть положительным (креация или понимание) и отрицательным (потребление или забвение). Позитивно и положительно экзистировать – значит, творчески строить собственную личность, полагая эту возможность как дар; находиться в диалоге с собой и другими (это и есть высшая форма осуществления морали: быть человеком, значит, быть моральным, мораль дана как взаимность, следовательно, все, что не взаимно, – аморально). Но эти положительные архетипические ожидания человека требуют для своего осуществления труда и усилий – мук самопорождения, мук трансцендирования. Поэтому современный человек попал в ловушку ложного или отрицательного экзистирования, когда реализуются его затаенные негативные архетипические ожидания, основанные на ожидании чуда и отказа от труда. Человеку хочется тех же результатов, что должны с ним случиться при выборе правильного пути – ведь в глубине души он знает, что истинно и правильно для него; но из собственной лености он надеется на легкий путь и заменяет труд верой в чудо. Последнее с удовольствием эксплуатируется уже обозначенными манипулятивными практиками конструирования человека, прежде всего рекламой: «В кантианском смысле и принуждение, и манипуляция означают обращение с другим человеком лишь как со средством для достижения цели и отрицают уважение его свободы. Принуждение предполагает насилие или угрозу насилием – либо физическим, либо психологическим. Манипуляция не употребляет силу, она подразумевает навязывание человеку своей воли путем надувательства или путем применения хитрых, нечестных, коварных средств» [1]. Из-за огромной базы манипулятивных средств и технологий моральный статус рекламы надо бы подвергнуть сомнению, что уже было сделано в рамках деловой этики, но окончательно лишить ее такового невозможно – пока феномен долгосрочным образом функционирует в рамках человеческой реальности, мы вынуждены к нему присматриваться как к имеющему все-таки моральное одной из своих доминант. Человек, которого моделирует реклама – это успешный потребитель, активно участвующий в цепочке: покупка – зарабатывание денег – покупка; заботящийся

о себе посредством успешного потребления. Потреблением человек подтверждает свое существование как для социума, так и для себя. Человек предоставляет свою жизнь и свое внутреннее пространство для заполнения и моделирования извне – это и есть состоявшееся согласие на насилие. А его способности к потреблению и форма потребления определяют статус и место в социальной иерархии.

Знание о необходимости трансцендирования как духовной задачи человека встроено в наше бессознательное и проявляется в сказочных и мифологических сюжетах, полных архетипических смыслов. Но здравый смысл подсказывает, что если чудеса и возможны, то это будет результат приложенных до этого усилий, которые, на первый взгляд, могут быть и не очевидны: у жизни своя мудрость (в сказочных сюжетах чудо случается с героем после того, как он прошел проверку на этическую честность, продемонстрировал намерение идти к цели и т.д.). Реклама предлагает потребителю участвовать в победе над жизнью, искушая его властью, которую он покупает вместе с товаром – ведь таким способом человек покупает не товар, а самого себя, но в улучшенном варианте (товар как обновленное программное обеспечение для человека). Какова семантика чуда для нашего бессознательного восприятия? Идея чуда отменяет необходимость ежечасного и ежедневного труда (внутреннего труда души или внешнего, физического и интеллектуального, морального, любого). Таково великое искушение человека – получить результат, не затрачивая усилий; получить себя тем, кем ты уже и не надеялся стать; чудо воспринимается как осуществившаяся победа над обстоятельствами, в которые человек заброшен и которые ограничивают его свободу быть тем, кем хочется.

Таким образом, основная мифологема рекламы – мифологема чуда. Реклама апеллирует к базовому для человека здравому смыслу, искажая его следующим образом: вместо следования проверенному традиционному опыту и его рефлексивной контекстуальной адаптации реклама предлагает доверить свою жизнь проверенной технологии, запечатленной в товаре. Реклама декларирует новую модель здравого смысла, где исчезает труд. Связь здесь очевидна: вера в чудесное превращение после потребления товара существует, потому что изначально существует убежденность во всевластии технологий по контролю и учету бытийственных ресурсов. Человек вкладывает в эту веру свое нежелание трудиться над собой, для него хорошее и легкое становятся одним и тем же. Будда и Христос были против явления чудес именно потому, что обнаружившаяся в людях вера после явленного им чуда

будет слишком легкой, невыстраданной, а значит, не поддержанной внутренним усилием человека. Таким образом, уверовавший человек может так же легко и разувериться.

Помимо мифологемы чуда, реклама использует и другие манипулятивные механизмы. Например, эксплуатируя сексуальность – символическая обертка товара обязательно включает себя акцентирование сексуальности. При этом поддерживается как традиционная гендерная идентичность: мужчина конструирует свою маскулинность субъективным способом, а женщина объективным; так и предложенная феминистским дискурсом: когда женщина выглядит очень активно и агрессивно, декларируя якобы отобранную у мужчины функцию контроля над собственной жизнью.

Реклама предлагает и особый конструкт телесности – гламурной, здоровой, унифицированной, и самое главное – абсолютно подконтрольной. Это особенно важно для человека, поскольку тело, являясь первичной фактичностью его присутствия в мире, символизирует и разрыв в бытии, и приговоренность ко вполне конкретным обстоятельствам жизни. Тело – источник всяческой боли, демонстрирует, что от существования никуда не уйти. Реклама же предлагает средства, которые помогут сделать тело молчаливым и послушным. Собственно культура вообще обладает колоссальным репрессивным потенциалом для телесности, таящей в себе бездонные, часто темные и неуправляемые страсти, которые имеют тенденцию к взрыву. Но традиционные репрессивные методы обуздания тела уважают его, в то время как технологии, предлагаемые рекламой, искушают. Они носят усыпляющий характер, дискурс насилия помещен в подконтрольную власти рекламы заботу-о-себе. У О. Хаксли в антиутопии «О новый дивный мир» рисуется образ во многом именно такого общества, где государство вменяет в обязанность каждому гражданину регулярное и бесстыдное удовлетворение страстей телесности, находя в этом эффективную возможность контроля, гораздо более эффективную, чем традиционная тоталитарная репрессивность, когда человеку, наоборот, вменялась в обязанность строжайшая дисциплина.

Реклама пропагандирует экстатичность каждого акта потребления, ежеминутную праздничность эмоциональных состояний – именно в этом одна из причин сужения повседневного пространства культуры, уступающего место праздничному контексту. Жизнь преподносится как нескончаемый праздник, но праздник несет в себе специфическую семантику и имеет определенный статус в темпоральности жизни.

Суть праздника в том, что он представляет собой «определенное состояние социума и индивида, в котором достигается непосредственный контакт с трансцендентным» [2]. Цена подобного контакта – жертвоприношение, которое означает отказ от здравого смысла; жертвование привычными ценностями и устоявшимся распорядком вещей ради ценностей высшего порядка, символизирующих трансцендентные скрепы мира. Жертвоприношение не может быть бесконечным, иначе разрушится сам ход, нормальное течение жизни. Тем не менее реклама настаивает на своем – акт потребления чего угодно, как правило, связан с состоянием экстатичности и праздничности. Таким образом, насилие рекламы не только в особом искушающем дискурсе, но и в том, что это насилие и над трансцендентным. Трансцендентное в рекламе призвано освещать, придавать особый смысл простым каждодневным вещам и товарам; такая избыточная эксплуатация трансцендентного приводит к нарушению связей между сакральным и профанным в культуре. Будничные вещи сакрализируются, выхолащивая энергию и потенциал сакрального; человек принуждается к каждодневному жертвоприношению, хотя жертвоприношение – удел праздничного состояния сознания и бытия. Человек – существо конфликтное, не равное самому себе, имеющее себя как задачу, как проект. Он обладает пространством самоотношения, в рамках которого трудится, прямо либо косвенно. Любой момент самотождественности переживается им как экстатическое ощущение. Он к этому стремится, поэтому неудивительно, что действие рекламы и многих PR-технологий осуществляется в пространстве праздника.

Рекламные слоганы несут идею личностного призыва, но их настоящая цель – вовлечь человека в некую единую плоскость потребления, где от личности не останется ни следа. Это последняя апелляция к самостоятельному выбору перед растворением во всеобщей экстатичности.

Так, реклама формирует новый образ тоталитарности. Только если в тоталитарном обществе, как правило, конструирование человека связано с навязанной ему ситуацией тотального дефицита (отсюда основной вектор жизни – направляемый государством потребленческий голод, реализуемый в контексте власти отсутствия того, к чему он обращен); то в современном обществе человек ведом иллюзией выбора в ситуации чрезмерности присутствия всех видов и разной степени онтологической наполненности товаров. И так, и так человек лишается способности к самодетерминации, готовый подчиниться внешним властным механизмам.

Все манипуляции рекламы имеют такой успех только потому, что они оправдывают архетипические ожидания человека по трансцендированию, но предлагают ему сделать это без труда. Труд схвачен в технологии, технология упакована в товаре. Человек потребляет код, программное обеспечение самого себя, который начинает распаковываться в его сознании, направляя по пути ложного экзистирования. Это касается и массового искусства, продуцирующего симулякры искусства как такового, придающего им архетипическую форму и обменивающего их на бесценную энергию человеческой жизни.

В заключении возникает резонный вопрос о противоядии – что же может противостоять многочисленным ложным и манипулятивным схемам конструирования человека? Ответ один – самостоятельный выбор и искренность. Проблема нежелания человека делать свой выбор, отказ от присущей ему самодетерминации, страх перед ответственностью – эта проблема достаточно изучена и описана исследователями тоталитаризма, массовой культуры; представителями гуманитарного психоанализа, расцветшего после второй мировой войны в потоке требующего рефлексии эмпирического материала. Человек должен сделать шаг навстречу любому виду насилия, иначе оно не состоится. И делает он этот шаг, не желая нести ответственность за себя и за свой выбор; ему кажется, что будет легче, если груз ответственности переложить на другого, а то, что этот другой получит возможность власти над его жизнью и его душой – это необходимое следствие такого морального выбора почему-то забывается. Странно, но почему архетипический опыт жизни, заключенный в знакомых с детства сказочных сюжетах, нам тоже часто ни о чем не говорит? А ведь очень часто сказочный герой сначала заключает сделку с дьяволом по неведению, а потом долго пытается вырваться из плена, постигая, что зло приходит в милом и приятном глазу обличье; что согласие на продажу души было дано им самим в надежде обрести нечто (обычно благосостояние); что наивность и вера в чудо могут быть опасны.

Насилию также противостоит искренность. Это понятие давно перестало быть просто психологической характеристикой, получив мировоззренческую окраску, став показателем способности человека к подлинной экзистенциальности. Теоретики этики ненасилия видели в искренности сильнейшее оружие против зла. Искренность есть показатель этической точности человека во взаимодействии с окружающим миром. Можно говорить об искренности в словах, но в данном случае скорее идет речь об искренности реакций. Искренний человек

ориентируется не на то, что ему декларируется в явлении, а на суть явления. Нельзя сказать, что это легко, но здесь вспоминается еще одно требование практической реализации этики ненасилия – рефлексивность. Рефлексирующий человек обязательно оказывает сопротивление развернутому на него кодирующее-зомбирующему воздействию массовой культуры с ее обманчивой легкостью бытия.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному рассуждению, можно утверждать, что, несмотря на иногда скрытую, иногда открытую манипулятивность рекламы, СМИ, PR-практик, человек остается выбирающим существом и последний выбор все-таки за ним. Поэтому означенные феномены по конструированию социальной модели человека выступают не абсолютным злом, а скорее злом верифицирующего порядка, диалектически взаимодействующего с добром, в онтологической первичности которого никто не сомневается – иначе мира бы просто не стало. Многовековая история человечества знала разные примеры осуществления человеком права на свой личный моральный свободный выбора даже в максимально репрессивных условиях. Человек может связывать свой собственный проект с его социальной реконструкцией, а может воспротивиться этому, восходя к испытанному веками опыту эпикурейского мудреца – уважать социальное законодательство и регулируемые им процессы, но и не участвовать в них. Р.Т. де Джордж, здравствующий ныне классик деловой этики, говоря о пяти субъектах – носителях моральной ответственности в пространстве действия рекламы, упоминает и непосредственно адресата рекламы – в конце концов, человек есть последняя инстанция и несет ответственность за свое решение, принимая либо не принимая то, что ему предлагают.

Литература

1. Джордж Р.Т. де. Деловая этика. СПб.; М., 2001.
2. Юдин Н.Л. «Накрыты праздничные столы...». Опыт философской аналитики предметного универсума праздника // Человек. 2004. № 6.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ АДАПТИВНОЙ ШКОЛЫ

Л.В. Судоргина

Новосибирск, Россия

В 1992 г. был принят Закон Российской Федерации «Об образовании», в котором провозглашается адаптивность системы образования применительно к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся воспитанников (ст. 2 п. 3., редакция 1996 г.). Наука включилась в разработку подходов, а практика стала искать конкретные пути решения поставленной задачи. Появились книги, например: Т.Н. Шамова, Т.М. Давыденко и Н.А. Рогачева «Управление адаптивной школой: Проблемы и перспективы» (1995); Ямбург Е.Я. «Школа для всех: Адаптивная модель», С.В. Красикова [1], С.К. Быструшкина [2]. Сегодня в практической работе школы выстраивают свои собственные модели адаптивных систем. В основе таких моделей чаще всего лежит собственный опыт педагогов, анализ результатов учебно-воспитательного процесса.

Основная идея книги Т.И. Шамовой и др. состоит в том, что адаптивная школа рассматривается как школа, создающая условия для самореализации личности ученика и строящаяся на основе системного, синергетического и диалогического подходов. Выделяются такие особенности адаптивной школы, как ее открытость, динамичность, сложность, неопределенность и автономность. Адаптивная школа приспособляется к внешней среде и сама влияет на нее, она приспособляется также к интеллектуальной, эмоционально-оценочной и поведенческой сферам каждого участника педагогического процесса. Определяющий признак адаптивной школы – развитие способностей личности к самосовершенствованию на основе учета ее возрастных особенностей, внутренних ресурсов, возможностей. Цель адаптивной школы состоит в создании условий для самостоятельного выбора каждой личностью своей стратегии поведения, способа существования, направлений самореализации и самосовершенствования в контексте человеческой культуры. Выделяются пять функций адаптивной школы: ориентационная, коррекционная, реабилитационная, стимулирующая и предупреждающая затруднения. Указанные функции реализуются через целостный образовательный процесс, гуманитарно-культурологический подход, через реализацию идеи творческого развития и рефлексивного управления.

Аналогичные идеи рассматривает Е.А. Ямбург [3], но в преломлении к своему творческому опыту. П.И. Третьяков развивает идеи адаптивности образовательной системы школы в основном на методологическом уровне [4]. Можно считать, что указанные работы послужат началом дальнейших теоретических исследований проблем адаптивной школы. Таким образом, несмотря на большую актуальность, проблеме адаптивной школы посвящена незначительная литература, большая часть которой содержит анализ отдельных аспектов проблемы ввиду, безусловно, ее сложности. Наиболее системно анализ проблемы адаптивной школы проводится такими авторами, как Е.А. Ямбург [3], Н.П. Капустин [5]. К примеру, основные концептуальные положения проблемы содержатся в нескольких монографиях Е.А. Ямбурга [3; 6].

Е.А. Ямбург в известной своей работе «Школа для всех» предлагает вниманию общественности практико-ориентированную монографию об адаптивной школе, цель которой, по его мнению – индивидуальное развитие каждого ребенка. Исходя из особенностей теоретической модели школы, большое внимание автор уделяет методологическим проблемам, в частности взаимодействию медиков, психологов, дефектологов и педагогов [3]. Другая книга известного российского педагога Е.А. Ямбурга «Школа на пути к свободе» [6] посвящена осмыслению новой роли и места образования на пороге нового тысячелетия. В ней раскрывается ценностный взгляд автора на качество образования в контексте культурно-исторической педагогики. Основой философского анализа Е.А. Ямбурга по-прежнему является модель адаптивной школы.

Главное понятие в работе Н.П. Капустина – адаптивная образовательная система [5, с. 3]. Именно на ее основе создается адаптивная школа. Адаптивной, по его мнению, называется образовательная система, способная каждому ученику помочь достичь оптимального уровня интеллектуального развития в соответствии с его природными задатками и способностями. Обладая такими свойствами, как гибкость, полиструктурность, открытость, адаптивная образовательная система выводит ребенка на более высокий потенциально возможный уровень развития, приспособливая (адаптируя) его к своим требованиям. Такое взаимное приспособление образовательной системы к ученику, а ученика к требованиям системы и входит в понятие «социальная адаптация». Согласно определению «адаптация (от позднелатинского *adaptatio* – приспособление) – вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются

требования и ожидания его участников. Важнейший компонент адаптации – согласование самооценок и притязаний с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее также тенденции развития среды и субъекта» [7, с. 12]. На данное определение мы наложили более жесткое требование изменчивости (гибкости) самой среды, т.е. образовательной системы. Школа, в которой реализуется адаптивная образовательная система, называется адаптивной школой.

Следующее понятие – развитие. Необходимо так сформулировать это понятие, чтобы те технологии, о которых пойдет речь, способствовали действительному развитию ребенка. В этом смысле мы считаем, что основное назначение адаптивной образовательной системы, а следовательно, и адаптивной школы заключается в обеспечении развития интеллекта школьника. Homo sapiens – человек разумный становится таким под влиянием определенных условий. Интеллект лежит в основе разума человека, а в основе интеллекта – мышление. С помощью мышления через мысли-цели происходит не только отражение внешнего мира, но и формирование модели деятельности (поведения) человека. В качестве эталона мысли-цели может выступать речь учителя, письменная речь (учебник). В ходе мыслительного процесса каждая новая мысль ученика по структуре и содержанию должна усложняться, приближаясь к эталону; она должна быть имманентной самому ученику, тогда он не просто использует готовые конструкции, но и рассуждает с их помощью; полученные знания должны применяться в практической деятельности в нестандартных ситуациях. Процесс, удовлетворяющий этим требованиям, можно назвать развитием интеллекта.

При этом мы рассматриваем такую интегративную образовательную систему, в которой воспитание и обучение органически взаимосвязаны и обеспечивают социокогнитивное развитие не по частям, а в целом (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, А.-Н. Перре-Клермон). Овладение учеником способами человеческой деятельности и сознательным поведением происходит только через мысль и слово. Вначале было слово – записано в Библии. Именно слово было главным средством воспитания у таких педагогов, как А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский. Передается «мысль, выведенная из опыта», писал К.Д. Ушинский. Мысль лежит в основе сознательной деятельности, творчества и преобразования самого человека. Научить каждого ребенка мыслить – это и есть основная цель адаптивной школы. Адаптивная школа – это школа развития социализованного интеллекта (социокогнитивный аспект), развития мыследеятельности как основы интеллекта человека.

Следующее понятие – педагогическая технология. Педагогическая технология – это фиксируемая система социально-проверенных и упорядоченных норм и правил, отражающих закономерности развивающегося процесса в тех или иных образовательных формах, которым следует педагог, управляя развитием как самого процесса, так и его участников. Технология – это некая жесткая основа (логика) процесса, следуя которой педагог достигает запланированного результата. Поскольку мы связываем развитие интеллекта ребенка с развитием мыслительного процесса, то применяемая технология должна обеспечивать мотивацию и постоянное движение мысли к внешней знаковой речи и наоборот. Основные формы учебно-воспитательного процесса – урок, классное собрание и классный час. В зависимости от применяемых технологий они могут развивать ученика, но могут и не быть таковыми.

Таким образом, адаптивная школа в широком смысле – это школа, которая создает условия для успешного развития всех учащихся.

Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, рассматривая традиции педагогических систем [8, с. 140–142], отмечают, что адаптивный – способный к приспособлению внешним требованиям, ставящий их ценность выше ценностей, значений и смыслов своей личности, добровольно подчиняющий себя заданным другими обстоятельствам.

Сопоставление адаптивной и неадаптивной трактовки активности привело к новому пониманию индивида как «*causa sui* (причины себя) субъекта. Предложенная В.А. Петровским идея неадаптивной активности и отраженной субъектности дала возможность существенно переосмыслить феномен развития личности и выразить его в терминах самодвижения.

Личность предстала в качестве саморазвивающейся системы, включающей в орбиту своего движения других людей как носителей их идеальной представленности и продолженности. Проявление субъектности человека, его бытия как личности органично продолжили исследования Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова, А.В. Петровского, Б.С. Братуся, направленные на поиск личностного пространства и феноменологии личности. Смысл порождения себя как субъекта В.А. Петровский видит в том, чтобы существовать в этом качестве впредь, возвращаться к себе, выходя за пределы себя. Становление личности рассматривается как самостановление. Ему удалось доказать, что актами неадаптивной активности субъект строит себя как личность, «индивид выращивает в себе личность».

В контексте открытий В.А. Петровского становятся понятны феномены выживания тех, кто умел вырваться из-под гнета системы. Выживали те, кто сумел противопоставить системе воздействий систему самоорганизующего сознания. Но такое сознание не могло быть востребовано жесткой системой воспитания. Более того, оно рассматривалось как вредоносный элемент. На борьбу с ним была мобилизована вся мощь системы коммунистического воспитания.

И.М. Осмоловская, раскрывая основные тенденции развития образования в современной российской школе, особое внимание уделяет лично-ориентированному обучению [9, с. 95–111].

В последние годы в педагогике часто употребляется понятие «лично-ориентированное обучение», говорится о переходе от знаниево-ориентированной парадигмы образования к личностной. Попробуем разобраться, что понимается под лично-ориентированным обучением, есть ли возможность его реализовать и если есть, то какие способы для этого использовать.

Лично-ориентированное обучение в педагогической литературе рассматривается как обучение, направленное на ученика, при котором ребенок ставится в центр образовательного процесса.

В лично-ориентированном обучении не ученик существует для системы обучения, а наоборот. Педагогический коллектив обсуждает прежде всего продвижение и развитие ученика, его психологическую комфортность в школе, удовлетворенность ученика процессом обучения, а не степень усвоения учебного материала, успешность прохождения учебной программы.

Лично-ориентированное обучение предлагает рассматривать ученика не как объект, который подвергается определенным педагогическим воздействиям, а как субъект, активно действующий, осваивающий учебный материал. Конечно, мы прекрасно понимаем, что, являясь субъектом обучения, ученик одновременно остается и его объектом, так как на него осуществляется педагогическое воздействие. Но в лично-ориентированном обучении усиливается роль активного начала ученика, его собственной целенаправленной деятельности.

Организуя лично-ориентированное обучение, учитель воспринимает ученика как личность с присущими ему особенностями характера, ценностями, отношением к окружающему миру, относится с уважением к взглядам ученика, даже если они не совпадают с его собственными. Возникает вопрос: а если взгляды ученика асоциальны? Например, он одобряет избиение негров скинхедами, с удовольствием

повторяет лозунг: «Россия – для русских» и т.д. Тоже уважать такие взгляды? Видимо, нет. Необходимо работать с таким учеником, переубеждать, воздействовать словом, делом, эмоциями. Но, прежде всего, попытаться встать на позицию ученика, понять, почему, например, у него сформировалось агрессивное отношение к людям другой национальности.

Понятие личностно ориентированного обучения активно вошло в педагогику как противовес социально ориентированному обучению, в котором на первый план выступают потребности и интересы общества в образовании, а интересы ученика игнорируются.

Когда мы противопоставляем интересы личности и общества, мы «огрубляем» действительность, не учитывая, что существуют интересы человека, общества и государства. Мы представляем, что государство есть выразитель интересов общества, что на самом деле это и всегда так. Интересы общества порой не совпадают с интересами государства, которое по каким-либо причинам может не реализовать потребности общества в образовании в определенный исторический период, например, в связи с экономическими трудностями, как это происходит сейчас.

Выделяя обучение, ориентированное на личность, и обучение, ориентированное на общество, мы также абстрагируемся от реальности. В чистом виде ни личностно ориентированное, ни социально ориентированное обучение не существуют, в реальной педагогической действительности они реализуются в единстве, взаимодействуя и взаимопроникая друг в друга. При этом в различные исторические периоды усиливается роль то личностной, то социальной ориентации обучения.

Школа – социальный институт, в ее функции входит воспитание граждан общества, обладающих теми качествами, которые необходимы им для жизни в этом обществе. Причем от характера общества зависят и эти качества. Отсюда важнейшая функция образования – передача социального опыта. Эта функция может оставаться единственной, и в образовании будет наблюдаться крен в сторону социальной ориентации.

Если основной функцией образования становится удовлетворение потребности личности в образовании, возникает личностно центрированное образование, когда сам ученик решает, что ему интересно, что он будет изучать, а что – нет. В этом случае не происходит передачи социального опыта в том объеме, в котором это нужно обществу, и процессы социализации могут быть затруднены.

Советское образование было социально ориентированным. С активизацией процессов демократизации общества усилилась потребность в самостоятельной, ответственной за свои поступки личности, способной принимать осознанные решения в ситуации выбора. От ориентации на общество образование повернулось к ориентации на личность.

Однако этот поворот наблюдается скорее в идеальной, а не в реальной действительности, так как, во-первых, школа обладает определенной инертностью и быстрой смены парадигм в образовании произойти не может, во-вторых, для действительного удовлетворения потребностей ученика в образовании необходима перестройка системы образования с усилением ее вариативности, гибкости, многогранности, что увеличивает материальные затраты, которые государство на данном этапе обеспечить не в состоянии.

Некоторые педагоги считают, что личностно ориентированное обучение в условиях классно-урочной системы осуществить невозможно, так как в классе 30 и более учеников, и построить урок, учитывая интересы и потребности каждого, педагог не в состоянии. Да, действительно, учесть особенности каждого ученика из 30-ти на уроке сложно, но ведь смысл личностно ориентированного обучения заключается не в этом. Учет особенностей каждого ученика предполагается в индивидуализации обучения, а не в его личностной ориентации. В педагогическом сообществе давно принято, что в условиях классно-урочной системы индивидуализация реализуется средствами дифференциации, когда мы учитываем особенности не каждого ребенка, а групп детей. Вместе с тем в практике наработаны и используются интересные приемы индивидуализации учебного процесса в рамках классно-урочной системы.

Но если индивидуализация и личностно ориентированное обучение не тождественны, то в чем же отличие? В процессе индивидуализации педагог видоизменяет учебный процесс, подстраивая его к особенностям ребенка, адаптирует педагогические воздействия к ученику. В личностно ориентированном обучении ученик предстает как активная личность, имеющая сложившуюся систему взглядов, активно действующая в окружающем мире. Соответственно, ученику предоставляется право, во-первых, иметь собственные воззрения, убеждения, а во-вторых, право на выбор. Возможность выбора в учебном процессе – отличительная черта личностно ориентированного обучения. Выбирая те или иные аспекты образовательного процесса, ученик сам

выстраивает учебный процесс в соответствии со своими потребностями, особенностями, намерениями.

В дальнейшем проанализируем содержание, технологии, структуру учебно-воспитательного процесса адаптивной школы в зависимости от их влияния на развитие сознания и мышления ученика, а также экспериментально доказать большую эффективность адаптивной школы по сравнению с традиционной. Экспериментальная работа по проверке модели адаптивной образовательной системы началась в 1992 г. на базе муниципальной школы № 475 Юго-Восточного округа г. Москвы. К этому времени педагогам стало ясно, что их усилия не способствуют повышению эффективности работы, отчетливо выявились педагогические проблемы, которые годами не решались в образовательных системах школ [5].

1. Никто и никогда не рассматривал сложившуюся структуру учебно-воспитательного процесса (УВП) и ее влияние на развитие интеллекта ребенка. Традиционная структура включает в себя учебную и воспитательную работу, а с 1994 г. – дополнительное образование. Достаточно ли трехмерного пространства для интеллектуального развития?

В адаптивной школе мы расширили это пространство до шестимерного: физическое, психическое, умственное (интеллектуальное) развитие ребенка связано с периодами биологического созревания мозга, развитием сознания и мышления. Умственное развитие ребенка зависит от его физического, психического и духовного развития. Следовательно, в структуре УВП должны иметь место занятия по общесоматическому и сенсорно-моторному развитию, развитию высших психических функций и духовно-мировоззренческому развитию. При этом не следует понимать, что развитие всегда идет по всему спектру личности, но в этом едином процессе существуют доминанты, на которые образовательная система может оказывать положительное и своевременное влияние. Общими для всех возрастов являются занятия по социально-нравственному, культурологическому и экологическому воспитанию. Итак, расширение образовательного пространства – *первая задача* создания адаптивной школы.

2. Как известно, целью образования является развитие личности. Однако на практике лишь часть детей выходит на высокий уровень личностного развития (менее 50 %). Это условно те дети, которые учатся на «четыре» и «пять». Чтобы преодолеть расхождение между целью и результатом, необходимо вносить изменения во все компоненты

образовательного процесса, т.е. соотносить цель, содержание, формы, методы и результаты. Решение указанной проблемы стало *второй задачей* при конструировании адаптивной школы.

3. УВП должен строиться с учетом сензитивных периодов развития ребенка. Необходимо включать в содержание образования то, что способствует развитию ребенка с учетом уровня биологической зрелости организма, головного мозга, органов, их функций и времени наибольшей чувствительности к сенсорно-моторному, соматическому и психическому развитию ребенка. В традиционной школе образовательный процесс строится без учета указанных требований. Для адаптации ребенка к базису образования мы отказались от изменения содержания и пошли путем применения развивающих технологий. Создание адаптивных технологий стало *третьей задачей* адаптивной школы.

4. В традиционной школе всегда существовала проблема сочетания свободы выбора и обязательности. Выстраивая систему гуманистических и демократических отношений через развивающий метод, технологии и методики рефлексивного обучения и воспитания, через систему ученического самоуправления, адаптивная школа решает данную проблему. Более того, за счет адаптивных технологий снимается проблема искусственного разделения воспитания, обучения и развития. Гармонизация этих процессов во всех формах УВП – *четвертая задача* адаптивной школы.

5. Наконец, Н.П. Капустин выделяет еще одну проблему – отсутствие научного мониторинга уровня воспитанности, уровня здоровья и уровня общего развития [5]. Уровень обученности по результатам успеваемости отслеживался всегда. Все остальное как бы известно всем педагогам и без научного отслеживания, т.е. достаточно произвольного наблюдения за ребенком во время его пребывания в школе. Однако разработанные методики помогают педагогу более точно соотносить свою деятельность с результатами и строить эффективно образовательный процесс. Эта *задача (пятая)* – создание необходимых методик отслеживания основных результатов учебно-воспитательного процесса – также нашла свое решение в адаптивной школе.

Итак, создание адаптивной школы начинается с изменения структуры учебно-воспитательного процесса. Основанием выступает цель адаптивной школы: обеспечение оптимального уровня интеллектуального, духовно-нравственного, социально-культурного и физического развития личности каждого ученика на основе его природных задатков и склонностей.

Выделяют шесть компонентов образовательного процесса, каждый из которых имеет свои адаптационные механизмы.

Первый компонент – адаптивные учебные занятия (уроки по расписанию). Основным средством адаптации ученика к требованиям программ обучения, т.е. полного усвоения знаний и умений, являются развивающие технологии.

Второй компонент – занятия по индивидуальной адаптации. Для достижения тех же целей здесь используется методика индивидуальных занятий, которая обеспечивает функционирование, изменение и развитие мыслительной деятельности ребенка.

Третий компонент – занятия по общесоматическому и сенсорно-моторному развитию. В основе этих занятий – содержание, помогающее укреплять здоровье и повышать чувствительность рецепторов ребенка.

Четвертый компонент – занятия по социально-нравственной адаптации, для которых специально разработаны технология и методика индивидуального рефлексивного воспитания.

Пятый компонент – занятия по культурологии, краеведению и экологии. Строятся эти занятия по специальной программе, подготовленной для всех форм учебно-воспитательного процесса, в том числе и для специальных развивающих дней.

Шестой компонент – адаптация к демократическому образу жизни происходит в процессе включения учащихся в школьную систему самоуправления, в основе которой организация внутри школьной жизни самими учащимися при помощи педагогов школы.

В указанной структуре взаимосвязаны воспитательный, познавательный и развивающий аспекты, снимается проблема преемственности начальной и основной школ. Все происходит естественно, как бы само собой, и каждый компонент выполняет свою функциональную развивающую роль, работая в то же время на достижение общей цели адаптивной школы – развитие социализованного интеллекта.

Рассмотрим подробнее каждый компонент этого процесса.

Адаптивные учебные занятия – это обычные уроки, но главное то, что на этих уроках используется метод, развивающий интеллект ребенка. Ниже мы расскажем об этом методе и дадим несколько протоколов уроков по разным предметам.

Индивидуальные учебные занятия призваны перевести ребенка с низкого на более высокий уровень развития в познавательной (когнитивной), психической, социальной областях либо в области

сохранности здоровья. Например, в конкретном классе есть дети, увлекающиеся тем или иным предметом, с ними отдельно проводятся занятия по углублению знаний в интересующей их области. В это же время другие учащиеся занимаются с логопедом, потому что им нужна логопедическая помощь, еще несколько человек – с психологом, а с теми, кому нужны оздоровительные мероприятия, работает врач, или медсестра, или учитель физкультуры. Наконец, кому-то нужна индивидуальная помощь по тому или иному предмету. Такие дети занимаются с учителем. Это *уроки индивидуального развития в адаптивной школе*. Таков замысел в идеале. На практике можно сосредоточить внимание не на всех классах сразу (если нет полномасштабных условий), а на тех, в которых не все хорошо с обучаемостью, с общим развитием, со здоровьем детей. Прежде всего это касается коррекционно-развивающих классов.

Занятия по общесоматическому и сенсорно-моторному развитию могут проводиться частично в школе и частично в учреждениях дополнительного образования. Например, в школе № 12 г. Усть-Илимска часть занятий проводится в школе, а часть – в городском Дворце культуры. В Липицкой сельской школе используют музыкальную и спортивную школы. Ежедневно – 3 часа в школе; 3–4 раза в неделю – занятия во Дворце по 3 ч. Перерыв между занятиями в школе и во Дворце составляет от 1,5 до 2 ч. Эти занятия обязательны для учащихся начальной школы.

Учащиеся 5–8-х классов освобождаются от обязательного посещения занятий. Все группы формируются на основе желаний и интересов учащихся.

С учащимися старших классов, у которых разовьются способности и определится интерес к профессиональной деятельности, организуются индивидуальные занятия в соответствии с их профессиональным самоопределением.

Занятия по социально-нравственной адаптации ребенка и его коррекции на основе методики соотнесения «Я–позиции» с общественно значимой нормой, которой руководствуется человек в социуме. Выделяются нравственно-этические, правовые, санитарно-гигиенические, эстетические нормы, в соответствии с которыми определяются цели, содержание воспитания, формируется самосознание. Для таких занятий специально разработаны технология и методика индивидуального рефлексивного воспитания. Эти занятия – классные часы вводятся в расписание, например, в школах № 475, 16, 12, ЛСШ (Липицкая

сельская средняя школа) такие часы проводятся во вторник на третьем уроке. Подробнее об этой технологии и методике вместе с протоколами ситуационных классных часов ниже.

Занятия по культурологии, краеведению, экологии рассчитаны на развитие адаптационных механизмов и культуры отношений человека к природе, обществу, к духовной и материальной культуре человечества, наконец, к самому себе. Часть занятий проводится в школе, либо на уроках по предметам, имеющим отношение к данному компоненту образования, либо на специальных уроках, например, мировая художественная культура, москвоведение, граждановедение. К этому добавляются занятия в течение учебного года в каждом классе вне школы: экскурсии, посещение культурных центров, походы, путешествия по специальной программе, разрабатываемой самой школой. Решением педсовета выделяются специальные дни для таких мероприятий без ущерба для учебных занятий (суббота, каникулярное время).

Занятия по адаптации к демократическому образцу жизни строятся на основе развития школьного и ученического самоуправления, чему посвящена отдельная глава данной книги.

Таковы основополагающие структурные элементы учебно-воспитательного процесса в адаптивной школе.

Литература

1. Красилов С.В. Психолого-педагогические и организационные условия создания адаптивной образовательной среды в школе: Автореферат дис. ... к.пед.н. М., 2000.
2. Быструшкин С.К. Формирование адаптивных возможностей ребенка: Монография. Новосибирск, 2001; Быструшкин, С.К. Психологические механизмы формирования адаптивных возможностей: Монография. Новосибирск, 2001.
3. Ямбург Е.А. Школа для всех: Адаптивная модель (теоретические основы и практическая реализация). М., 1997.
4. Третьяков П.И. Управление школой по результатам. М., 1997.
5. Капустин Н.П. Педагогические технологии адаптивной школы. М., 2001.
6. Ямбург Е.А. Школа на пути к свободе: культурно-историческая педагогика. М., 2000.
7. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
8. Бондаревская, Е.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич. М.; Ростов н/Д, 1999.
9. Осмоловская И.М. Дидактические проблемы в управленческой деятельности директора школы // Библиотека журнала «Директор школы». 2005. № 6.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЧЕЛОВЕК: СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ

Л.Р. Тухватулина

Томск, Россия

Коммуникация, коммуникативность, коммуникационность как взаимоотношения людей, связь, общение являются неотъемлемой частью человека, человеческого мира. Внимание многих выдающихся ученых всего мира (например, таких как К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Н. Луман) было обращено на изучение данного явления. Актуальность современных исследований коммуникации определяется, во-первых, особенностью самого коммуникативного процесса, которая проявляется в том, что коммуникация существует в тесной связи с отдельным, определенным человеком, его индивидуальным опытом, тезаурусом, состоянием, настроением и т.д. и, тем самым, представляет собой индивидуальный акт «неограниченной субъективности». Однако в то же время, несмотря на неограниченное число возможных прочтений и интерпретаций коммуникативного сообщения между коммуникаторами возникает эффект понимания. Во-вторых, современные исследования коммуникации инициируются происходящими трансформациями информационно-коммуникативной системы, что наиболее ярко проявляется в проникновении коммуникативных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, а также в возникновении принципиально новых систем и средств коммуникации (например, Интернет). В результате этого конструируется новая социальная реальность, для которой характерна фрагментарность восприятия, «мозаичность», гипертекстуальность, и где коммуникация не понимается более как связь или перенос информации, но как процесс, в котором оформляется и переоформляется человеческая идентичность и который вследствие этого является фактором формирования человека. Во многом это объясняется тем, что человек оказывается погруженным в Глобальное Коммуникационное Пространство (которое, в свою очередь, способствует становлению коммуникативного пространства) и практически полностью зависит от него. Например, уже невозможно представить себе комфортное существование человека без новейших средств связи, таких как Интернет, мобильная телефония и т.д. Таким образом, пространство коммуникации, диалога формирует новый тип культуры – «электронную культуру», заставляя ее носителей подчиняться определенным правилам, основными из которых являются:

алгоритмизация, типизация мышления; универсализация языковых средств выражения и т.п. [1]. Однако, с другой стороны, только лишь негативная оценка происходящих процессов представляется не корректной в силу того, что становление коммуникативного пространства «стирает» границы бывших некогда локальных культур, позволяя ее представителям беспрепятственно общаться; доступность различных точек зрения на один и тот же предмет позволяет (условно) говорить об объективности информации [1]. Все это указывает на то, что человек не может сопротивляться воздействию коммуникации и особое звучание данное утверждение получает на фоне интенсификации технических потенциалов коммуникации. Однако нельзя не упомянуть, что взаимосвязь человек → коммуникация не есть односторонние отношения, коммуникативное пространство также влияемо со стороны человека. Однако в данной работе мы сосредоточим свое внимание именно на вопросе формировании человека средствами коммуникации. В силу того, что коммуникативные (коммуникационные) технологии, системы, средства и их влияния на человека столь разнообразны, что ставят задачу конкретизации понятия коммуникации.

Существующее разнообразие определений коммуникации можно охарактеризовать как «хаос», который, с одной стороны, указывает на междисциплинарность, многообразность и многоаспектность данного феномена, однако, с другой стороны, затрудняет понимание самого феномена. Поэтому для выяснения сущности коммуникации мы обратились к анализу коммуникативных моделей. Их количество, графическое разнообразие и широкий спектр целей создания также, на первый взгляд, не вносят ясности в определение коммуникации и требуют определенного упорядочения. Ретроспективный анализ коммуникативных моделей, целей их создания и сфер применения позволил нам выявить так называемые базовые (или основные) модели коммуникации (модели Г. Лассуэлла, К. Шеннона – У. Уивера, Т. Ньюкомба), которые стали основой, предложенной нами классификации [2]. Достоинством нашей классификации является то, что в ее рамках упорядочиваются представления о коммуникации, отражающиеся в ее моделях, а также появляется возможность выявить основные характеристики коммуникативного процесса. Итак, нами были выделены базовые коммуникативные модели и так называемые «линии», демонстрирующие преобразования и модификации основных коммуникативных моделей. Это позволило нам увидеть, что коммуникация, в зависимости от влияния на человека, может выражаться одной из трех (или быть

комбинацией из нескольких) форм: *действие* – выражено «линией Г. Лассуэлла», в нашей классификации, *связь* – «линия К. Шеннона – У. Уивера» и *смысл* – «линия Т. Ньюкомба». Представление о коммуникации как триады взаимосвязанных элементов позволяет обратиться к исследованиям семиозиса, который проводился в рамках школы Пирса–Морриса и где было выделено прагматическое (действие), синтаксическое (связь) и семантическое (смысл) измерения семиозиса.

Указанные выше виды и измерения коммуникации определяют существование трех каналов трансляции в структуре коммуникативного пространства, природа и количество которых определена природой знака. В социокультурных системах каждый из каналов провоцирует производство «побочных продуктов» [3]. Таким побочным продуктом прагматического канала является этика ритуализованного поведения, синтаксического – искусство, семантического – знание. Выделенные каналы трансляции информации в структуре коммуникативного пространства включают некоторые стадии информационного процесса (если понимать информацию как «многостадийный, необратимый процесс становления структуры в открытой неравновесной среде, который начинается со случайного запомненного выбора, который эта система делает, переходя от хаоса к порядку, и который завершается целенаправленным действием согласно алгоритму, программе, отвечающим семантике выбора») [4]. Каждый из каналов включает одинаковые стадии информационного процесса, а именно: процесс передачи информации, декодирования информации и процесс рецепции информации, а также процесс хранения информации при диахроническом процессе [3].

Таким образом, анализ коммуникативных моделей показал, что коммуникация может рассматриваться как действие, связь и смысл, что соответствует трем каналам трансляции, существующим в структуре информационного процесса в социокультурных системах. Это позволяет нам рассматривать коммуникацию как часть информационного процесса, что также подтверждается высказыванием У. Эко о том, что в процессе передачи информации теория информации становится теорией коммуникации [5]. Таким образом, определим коммуникацию как процесс, начинающийся с производства кода (для того чтобы участвовать в коммуникации, информация должна быть закодирована) и завершающийся процессом построения оператора социального действия. Указанные процессы являются границами коммуникативного пространства, и коммуникации в частности. Сущность коммуникации

представлена процессами, лежащими в каналах трансляции и приведенными выше (процесс передачи информации, декодирования и т.д.).

Итак, укажем, что коммуникация оказывается мощнейшим фактором в формировании человека. Корректная работа каналов трансляции обеспечивает эффективную коммуникацию, которая результируется оператором социального действия. Однако современная ситуация демонстрирует ситуации, в которых сбалансированность каналов исчезает и появляется «перекос» в сторону одного из каналов. Например, семантический канал (который транслирует смыслы, значения) в современном мире практически незаметен. Человек настоящего живет в столь динамичном, быстро меняющемся мире, что «смысл отстает от событий... и поэтому каждому человеку приходится жить в режиме неизвлеченного смысла» [6]. «Истончение» семантического канала является причиной, по которой многие ученые говорят о культурном кризисе, гибели культуры. В ответ на это нужно заметить, что как бы мал ни был смысловой слой, он существует, хоть и для малого количества людей. Например, если рассматривать глобальную информационно-коммуникативную систему Интернет, то можно увидеть, что она предоставляет уникальные возможности получения сведений по любому интересующему человека вопросу. Это может быть библиотека Оксфорда или МГУ, но в равной степени Интернет можно использовать, чтобы найти статьи «желтой прессы». Таким образом, несмотря на то, что семантический канал трансляции в современной нам культуре действительно мал, он не исчез полностью.

Более значимым каналом трансляции, в отношении влияния на человека, является синтаксический, он проявляется тогда, когда формируются визуальные образы. Разнообразные исследования коммуникации и ее форм продемонстрировали, что визуальные сообщения оказывают гораздо большее воздействие на человека, чем, например, текстовые. Данная ситуация во многом является результатом особенностей восприятия человеком информации, визуальные образы создают ощущение объективности, беспристрастности полученного сообщения. В контексте взаимосвязи синтаксического канала с визуальными образами указывает на то, что именно под его воздействием образуется, например, такое явление, как мода. Таким образом, в ситуации, когда коммуникация осуществляется преимущественно в синтаксическом канале, формируется человек-«подражатель», основным для которого является следование моде, представленной преимущественно в визуальных образах. Продолжая наш пример с Интернет,

укажем, что синтаксический канал в данной сети является доминирующим. В настоящее время существует мнение о том, что Интернет перегружен визуальными, несортируемыми образами. Визуализация сообщений наблюдается во всех сферах глобальной сети, например, выражение чувств определенными значками (смайликами) в интернет-чатах, электронных письмах и т.д. Подражание другим участникам коммуникации в этом случае является одним из основополагающих принципов (человек должен использовать определенные значки, поддерживать определенные темы, обсуждаемые в чатах и т.д.). В силу этого формируется человек, настроенный на «улавливание» модных общих тенденций и подражающий им.

Наиболее устойчивым и неизменным является прагматический канал трансляции, суть которого заключается в том, что с его помощью средствами коммуникации организуются определенные, часто ожидаемые поступки человека. Таким образом, «продуктом» воздействующей коммуникации, проходящей в прагматическом канале, является человек-потребитель. Наиболее очевидными примерами конструирования человека-потребителя являются рекламные сообщения, которые формируют определенную потребность у человека и заставляют его поступать тем или иным образом. Следовательно, коммуникация, происходящая посредством разных каналов трансляции (семантического, синтаксического и прагматического), конструирует различного «человека»: понимающего смыслы, «подражающего» или потребителя.

Подводя итог, укажем, что коммуникация является мощным инструментом, посредством которого формируется и видоизменяется человек. Механизмы этого процесса становятся отчетливо заметны при определении коммуникации не просто как взаимосвязи коммуникаторов, но как процесса включающего некоторые стадии информационного процесса (кодирования, передачи, декодирования, хранения информации и построения оператора) и каналы трансляции информации. Коммуникация, происходящая в каждом из каналов, демонстрирует нам возможность формирования, например, человека-«подражателя» или потребителя, а следовательно, зная механизмы происходящих изменений, есть возможность влияния на сложившуюся ситуацию и формирования человека, понимающего смыслы происходящего, адекватно оценивающего его визуальные проявления и в соответствии с этим организующего свои поступки, действия.

Литература

1. Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.
2. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Философия и культурология). 2006. Вып. 7 (58).
3. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М., 2005.
4. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
5. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. СПб., 2004.
6. Гиренок Ф.М. Смысл и Событие. Брешь в «культурном слое» [Электронный ресурс]: Информационно-политический портал Евразия. Геополитика террора. Режим доступа: www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=588.

СОВРЕМЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Н.В. Черепанова

Томск, Россия

Современные глобализационные процессы, развитие транспорта и коммуникационных технологий привело к тому, что границы мира становятся проницаемыми, чему, разумеется, в немалой степени способствует их виртуальная доступность. Практически безграничные социальные свободы приводят к тому, что человек неизбежно оказывается в ситуации множества культур. Современный мир представляется сплошным диалогом, в котором главными задачами становятся: во-первых, обретение собственной самоидентичности, а во-вторых, осознание равноценности культур. В данной ситуации изменяется само восприятие пространства в целом и перемещения в нем в частности. Современные технологии сделали любое перемещение быстрым и относительно безопасным. Если раньше человек, отправлявшийся в путь, не мог знать с уверенностью, вернется он или нет, то у современного человека есть много шансов на благополучное возвращение. Поэтому мобильность людей чрезвычайно возросла. Путешествие стало общепризнанным и универсальным способом знакомства с иной культурой и одновременно доходной отраслью экономики. Вместе с тем существуют определенные тенденции, когда, например, путешественник, преодолевая тысячи километров, оказывающийся в другой стране, не желает покидать пределов комфортабельного отеля

и знакомиться с культурой страны, в которой он находится. Таким образом, возникает вопрос: какие типы путешественников конструируют современные безграничные возможности? Каких людей создает современная мобильность?

Изначально путешествие было неразрывно связано с приобретением новых знаний, что означает не только путешествия с образовательными целями, но также включает в себя знакомство со всем новым. Иными словами, человеком в первую очередь двигал интерес ко всему неизвестному. Жизнь людей, находившихся на далеких расстояниях, их быт, язык казались загадочными и привлекательными. В путешествии человек имел возможность понять казавшееся непостижимым: иную культуру. А если учесть, что путешествие всегда воспринималось как невероятный труд, чаще всего с угрозой для жизни, то понятно, почему в путешествие отправлялись очень немногие, специально подготовленные люди.

Современному человеку понимать чужую культуру через путешествие легко и сложно одновременно. Легко, потому что, во-первых, можно найти практически любую информацию в Интернете, а это уже виртуальное путешествие, во-вторых, преодоление расстояний уже не связано с огромными физическими и временными затратами, в-третьих, путешествие стало комфортным. Вместе с тем путешествие для познания иной культуры представляет определенную сложность для современного человека: ситуация множественности культур может вызвать так называемый «культурный шок». Таким образом, современный путешественник должен быть не менее подготовленным (хотя и в другой области), чем в древности. Определенная сложность заключается еще и в том, что знакомство с иной культурой – это не просто фиксация некоторых стереотипов, общеизвестных черт национального характера, а попытка проникновения в повседневность иной культуры, что требует определенных моральных усилий со стороны путешественника. Поэтому и сейчас не многие отправляются в такое путешествие. Иными словами, несмотря на относительную безопасность и комфорт, которые являются атрибутом современного путешествия, количество путешественников не увеличилось. Но как такое может быть, если ежегодное количество «прибытий» приближается к трем миллиардам человек?

Один из вариантов объяснения предлагает современный маркетинг. Существует предположение, что современное путешествие «создает» два типа путешественников. Первый тип – это активные люди,

«исследователи», готовые во время путешествия лично общаться с местным населением, которых переполняет любопытство ко всему новому. Такие люди вполне могут пренебречь комфортом современного отеля или ресторана, для того, чтобы поближе познакомиться с образом жизни местного населения. Мы назовем таких людей путешественниками.

Второй тип – это люди, у которых незнакомое вызывает больше страх, нежели любопытство. Отправляясь в путь, они не заинтересованы в знакомстве с культурой, не собираются общаться с местными жителями. Для них первостепенным является желание отдохнуть от собственных рабочих будней, развлечься. Это туристы. Для туристов важны: безопасность, комфорт и престиж. Именно туристы, а не путешественники представляют подавляющее большинство.

С одной стороны, осторожность по отношению к неизвестному присуща определенным людям, с другой стороны, развитие инфраструктуры путешествий само формирует определенный тип путешественника-потребителя.

Как это происходит? Понимание того, что большинство людей предпочитают стабильность, спокойствие неизвестности, и по этой причине они никогда не отправятся для отдыха в рискованное путешествие, продиктовало необходимость создания определенного пространства. Под запросы туризма как отрасли мирового хозяйства стали активно формироваться специальные туристские зоны [1]. Создание этих зон является результатом специального *планирования*. Прежде чем обозначить механизмы планирования туристского пространства, необходимо объяснить критерии их создания. Как уже упоминалось, главное для туриста – это комфорт и безопасность. Для туристской отрасли комфорт выражается в постоянном присутствии вокруг туриста всего привычного для него: гидов, говорящих на его родном языке, возможность принимать привычную пищу, «неподчинение» существующим традициям. Безопасность для туриста представляет собой определенную дистанцированность от местного населения. Несмотря на то, что большинство туристов движимы поиском развлечения и новых средств релаксации, им не чуждо любопытство, правда, довольно поверхностное. Вместе с тем неперенным условием туристических поездок является некая «культурно-историческая» составляющая, знакомящая туристов с достопримечательностями. Итак, как формируется пространство, удовлетворяющее все эти запросы?

Обнаружилось, что самым важным ресурсом для туризма является территория, поскольку считается, что любую территорию можно

сделать привлекательной для туриста, поэтому весь комплекс, притягательный для туризма – визуальная красота места, безопасность, достопримечательности и т.д. – можно создать искусственно. Иными словами, некоторая территория, предполагаемая для использования в туристических целях, может не иметь создаваемого веками культурного ландшафта. Под воздействием специальных мер осуществляется планирование структуры туристской зоны в соответствии с требованиями рынка. Поскольку базисом подобной зоны является природное пространство, поэтому страны, чей доход зависит от туризма, или желающие попасть в число самых посещаемых, производят так называемую «ревизию» имеющихся территорий на государственном уровне. Здесь же происходит подготовка туристских ресурсов, которая включает в себя поиск природных, исторических, культурных и т.д. аттракций, которые могли бы стать привлекательными для туристов. На основе исследований составляется реестр территорий, потенциально пригодных для туризма. Причем даже если территория обладает лишь визуальной красотой, то некое «культурное наполнение» всегда может быть выдуманно. Например, очень часто для придания туристскому центру популярности в качестве туристской аттракции используют события, которых не было в реальности. Ярким примером может являться популярнейшая у туристов экскурсия к месту рождения Афродиты (о. Кипр). Или приписываются уникальные свойства ординарному явлению: тысячи туристов спешат увидеть «неповторимый закат солнца» на острове Бали. Известны примеры, когда туристские центры появлялись в общем-то непригодных для этих целей территориях. Самым очевидным примером рационального, с точки зрения туристской отрасли, использования территории является всемирный игровой туристский центр г. Лас-Вегас, штат Невада. Когда на пустынной территории возводили первые развлекательные центры, застройщики уже предвидели успех этого предприятия: бесчисленное количество развлекательных заведений в одном городе не могло не привлечь туристов. Причем туристский спрос подвержен моде, поэтому идет непрерывный поиск новых сиюминутных туристских аттракций, для продвижения которых используют всевозможные способы.

Итак, в этой структурной части туристского пространства формируются достопримечательности. Можно придумать (и придумывают) множество историй, легенд, мифов, культурных памятников. После того как территория признана пригодной для туризма, происходит развитие инфраструктуры (строительство аэропортов, вокзалов,

средств размещения, питания, развлекательных комплексов). Это необходимо, поскольку современный турист нетерпелив и достаточно ленив. Вместе с тем строительство современных отелей – это не просто создание места для ночлега. Современный отель сам может выступать в качестве самостоятельной туристской аттракции. Например, всемирно известная цепь гостиниц WOW (World Of Wonders) – это средоточие мировых культурных центров на отдельно взятой гостиничной территории. Так, например, чрезвычайно популярен отель, выполненный в виде московского Кремля. Турист при желании может вообще не выходить за пределы этого отеля, поскольку все развлечения он может получить на его территории. В этом смысле становится абсолютно неважным местный колорит: во-первых, отели цепи во всех странах одинаковы (это гарантируется), во-вторых, если турист не покидает пределов отеля, то какая разница, в какой стране он находится? Примерно таким же эффектом обладают и остальные отели, работающие по системе all inclusive¹, позиционируемые как «идеальное место для отдыха», пределы которого нет необходимости покидать.

Далее, для реорганизации социально-экономической сферы и предпринимаются обсуждаемые действия. Как правило, в развивающуюся туристскую зону инвестируется достаточное количество средств, что отражается на качестве жизни местного населения. Минимизируются факторы, представляющиеся непривлекательными для туризма. Создаются рабочие места, будущие рестораторы и хостельеры получают необходимое образование. Государство в ускоренном темпе внедряет новейшие технологии строительства, обслуживания. Казалось бы, эти изменения должны оказывать только положительные воздействия на местное население.

Однако вместе с позитивными изменениями социальной сферы происходят и другие трансформации. Местные жители вынуждены адаптироваться к потребностям туристов, игнорируя ради выгоды веками складывающиеся традиции. Показательным примером могут служить новогодние и рождественские каникулы в Таиланде. Жители страны не считают ни католическое, ни православное Рождество праздником, однако создают праздничную атмосферу для туристов, включая традиционные рождественские сувениры, блюда, развлечения. Даже если в качестве туристского аттрактора используют «сцены из жизни», то они являются постановочными, вырванными из культурного контекста и потому не имеющими семантической наполненности.

¹ Все включено.

Для туристов, у которых на знакомство с культурой, как правило, не много времени, адаптируют и упрощают некоторые обряды, традиционные действия, что также ведет к потере сакрального смысла происходящего.

Итак, туристское пространство создано. Финальный шаг – маркетинговые мероприятия по продвижению конкретной туристской зоны. Маркетинговые ходы для этих целей бывают довольно неожиданными. Например, любимый детьми трилогия-блокбастер «Пираты Карибского моря» снимают лишь для увеличения популярности у туристов одноименного аттракциона в Диснейленде. Сконструированное пространство призвано демонстрировать выполнение обещаний, заложенных в идее планируемой туристической зоны: здесь так интересно, что об этом снимают фильмы, здесь престижно находиться, здесь модно бывать, здесь безопасно, здесь все дружелюбны, здесь комфортно – можно не покидать пределов отеля. Это полностью согласуется с назначением туристского пространства – компенсировать во время отдыха напряжение действительности, испытываемое человеком. Иными словами, конструируемая туристская зона отвечает всем требованиям современного туриста.

Нет сомнений, что создаваемое планированием и маркетинговыми акциями туристское пространство действительно формирует новый образ путешественника – туриста-потребителя. Посредством рекламы ему внушают, что он должен быть требовательным к комфорту, что самое главное в поездке – это престиж, и многое другое. В конечном итоге, этот турист едет туда же, куда и все, туда, куда модно, ездит к выдуманным памятникам, видит все сразу и ничего конкретно. Ему не важно, что и на фоне чего он фотографируется.

Таким образом, можно сделать вывод, что современные возможности: средства транспорта, социальные свободы приводят к ситуации, когда мир иной культуры как никогда открыт для диалога. Вместе с тем это создает ситуацию, когда далеко не все желают воспользоваться открывающимися возможностями: собственно настоящих, в нашем понимании, путешествий, когда человек движим желанием понять иную культуру, совершается очень мало. Большинство же людей предпочитают отправляться в поездку для отдыха и развлечений. Иными словами, современная мобильность создает, по крайней мере, два типа путешествующих. Первый – путешественник – это творческий человек, чья активность и искренняя заинтересованность направлены на познание смыслов иной культуры. Его не страшит неопределенность, он готов

к встрече с незнакомым. Второй тип – турист – пассивный человек, цель которого – отдых и развлечение. На его формирование оказывают влияние специальные средства туристского маркетинга. Для включения в число путешествующих людей, испытывающих тревогу от неизвестного, продвигаются специальные туристские зоны, гарантирующие комфорт, привычное, безопасное.

Однако, деление на путешествие как однозначно положительное явление и туризм как однозначно отрицательное, не всегда оправдано [2]. Путешествие, как и в прежние времена, явление редкое, требует и временных, и моральных затрат. Вместе с тем туризм – это доступное большинству проведение досуга, которое в большей или меньшей степени способно знакомить человека с вариациями проявлений культуры. Это становится средством приобщения человека к культурным ценностям человечества. Например, позитивным является тенденция к увеличению доли познавательного туризма, где на первое место выходит цель активного сопричастия, а не пассивный отдых. Важно лишь осознавать, что в пространстве, подчиненном целям организаторов туризма, достопримечательности часто имитируются.

Литература

1. Монтехано Х. Структура туристического рынка. Смоленск, 1997.
2. Черепанова Н.В. Путешествие как способ измерения пространства культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Философия и культурология). 2006. Вып. 7 (58).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Т.Б. Черепанова

Томск, Россия

Интерес к социально-философскому и психолого-педагогическому контексту феномена «формирование готовности к практической деятельности обучающейся молодежи» закономерно возник в период реформирования отечественного образования, начиная с 80-х гг. прошлого столетия. Закономерно, что обозначенный нами феномен является предельно широким и включает процессы и результаты становления,

формирования и развития личности на достаточно продолжительном отрезке времени, при этом сам процесс формирования может рассматриваться не только как процесс, но и как результат перманентного диалектического взаимодействия личности и общества, как механизм вхождения личности в социальные структуры посредством «приращения» новых личностных качеств, как технология конструирования человека в социальном плане. Таким образом, рассмотрение готовности к практической деятельности и определение условий и принципов его формирования в быстроменяющемся современном социальном мире способствует решению как минимум двух кардинальных вопросов: сохранение системы социальных институтов, обеспечивающих воспроизводимость идентификационных процессов, и развитие инновационных структур и программ, направленных на формирование новой социокультурной тождественности.

Современное общество рыночных отношений в России предъявляет новые требования не только по отношению ко взрослому населению, находящемуся внутри различных сфер общественного производства, но как к ответственному за образование, воспитание и обучение, вхождение в зону практической востребованности и личностной проявленности молодого человека. Это проявляется непосредственно через систему ценностей, которая претерпела в последнее время значительные изменения, через систему общественных отношений и ориентиров. Изменения, происходящие в современной России, среди которых демократизация общества, построение правового государства, признание основных прав и свобод человека, о чем говорится в «Стратегии развития России», расширение возможностей для развития духовных и материальных потребностей личности, актуализируют проблему готовности человека к выбору и самостоятельному ответственному действию в политической, экономической и культурной жизни. Указанные и другие тенденции развития России требуют переосмысления целей и результатов образования и воспитания. По нашему мнению, в качестве главного результата образования может рассматриваться готовность и способность молодых людей, заканчивающих обучение, нести личную ответственность за собственное благополучие и благополучие общества, в котором они живут.

Изменение социальных условий предполагает также реформирование образования как с содержательной, так и с формальной сторон, включая в себя аспекты разработки теории и практики. Общественная практика свидетельствует, что любые преобразования, в том числе

и в педагогической сфере, не дают должного результата, если они проводятся методом проб и ошибок, без научно обоснованных подходов.

Сегодня в сфере образования внедряется большое число технологий и методик, имеющих различный характер, направленность и значимость. В этой связи важным, на наш взгляд, выступает определение содержания отдельных дефиниций; в рамках настоящей работы мы полагаем рассмотреть понятие «*практическая деятельность*» в его связи с понятием, в частности, «*готовность*».

Прежде всего, обратим внимание на то, что в философской и психологической литературе традиционное понимание деятельности сводится к мотивированному процессу использования тех или иных средств для достижения цели. Первым выделил деятельность в особую, ни к каким другим формам жизни не сводимую категорию русский психолог М.Я. Басов [1]. Основой структуры деятельности наряду с целями, мотивами являются способы и приемы. Особенности деятельности определяются содержанием целей, предметом, на который она направлена, средствами и способами, с помощью которых происходит ее осуществление, и результатами. Важнейшими видами деятельности являются игра, учение, труд. Виды профессиональной деятельности многообразны; психологическое содержание профессиональной и практико-ориентированной деятельности включает развитые, с учетом ее требований, психические процессы, состояния, образования и свойства личности.

В системе деятельности выделяют субъект, процесс, предмет, условия, способы, результаты. Основным структурным составляющим деятельности является действие. Оно имеет свои мотив, способ, результат, которые не только не противоречат, но способствуют осуществлению всей деятельности. Если этого нет – действие не сможет войти в состав деятельности. Деятельность, личность, коллектив познаются в единстве. Изучать деятельность – означает изучать также и личность, коллектив, и наоборот, личность может возвыситься над своей деятельностью и развиваться благодаря внутренней работе сознания и самосознания.

Процесс деятельности начинается с постановки цели на основе потребностей и мотивов (или осознания человеком поставленной перед ним задачи). Далее следует выработка плана, установок, моделей, схем предстоящих действий, использует определенные средства и приемы деятельности, сравнивает ход и промежуточные результаты со стоящей целью, вносит коррективы. На деятельность личности и коллектива может оказать определенное влияние руководство.

Психологический анализ деятельности предполагает изучение: внешних ее условий, объекта, средств, результатов, их влияния на действия и психику; внутренних условий, целей, мотивов, способов саморегуляции; возможностей самоуправления, что описано в работах А.Н. Леонтьева [2].

Важнейшее условие успешной деятельности – творческий подход, осуществление ее со знанием дела и перспективой. Чем сложнее задача, тем большую роль в ее решении играют теоретические знания и творческое мышление. В процессе учебной деятельности, субъект, овладевая основами наук и профессиональной культуры, готовится к участию в создании материальных и духовных ценностей, к успешному выполнению своих будущих профессиональных обязанностей.

В поставленной проблематике практическая деятельность выделяется нами как особый вид деятельности, как любая форма общественно полезной деятельности в сферах материального производства, услуг и социально-культурной жизни. В таком контексте практическая деятельность выступает как диалектическая противоположность абстрактно-теоретической и чисто учебной деятельности. Ее эффективность определяется не только производственно-технической базой, но также уровнем профессиональной компетентности и трудовой морали работника, уровнем организации и гигиены труда.

При рассмотрении выделенной проблематики нам не избежать рассмотрения понятия «личность»; вместе с тем мы не определяем для себя в качестве отдельной задачи рассмотрение этого терминологического поля, что позволяет нам избрать в качестве рабочего определения одно из имеющихся в науке, в частности, определение, данное этой дефиниции К.К. Платоновым, а именно: «личность – это активно осваивающий и целенаправленно преобразующий природу, общество и самого себя человек, обладающий уникальным, динамичным соотношением пространственно-временных ориентаций, потребностно-волевых переживаний, содержательных направленностей, уровней освоения и форм реализации деятельности, которое обеспечивает свободу самоопределения в поступках и меру ответственности за их последствия перед природой, обществом и своей совестью» [3, с. 46].

Вместе с тем, поскольку основным субъектом нашего исследования являются лица в возрасте от 15 до 25 лет, их практическая деятельность рассматривается нами отдельно от собственно учебной, основной целью которой выступает получение определенной суммы знаний,

умений, навыков; мы определяем границами нашего исследования деятельностные мероприятия и содержательные компоненты, обеспечивающие не просто допрофессиональную и собственно профессиональную подготовку, но и комплексную подготовку к реальным условиям существования современного общества и сфер практической деятельности, что отвечает реальным и программно заданным перспективам разработки и внедрения механизмов совершенствования отечественного образования.

Вторым основным категориальным понятием в данной связи выступает категория готовности. Так, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [4] определяют готовность как активно-действенное состояние личности, установку на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения какой-либо задачи. Следовательно, для готовности к действиям характерно наличие знаний, умений, навыков, настроенности и решимости для совершения действия. Готовность предполагает определенные мотивы и способности. Психологическими предпосылками возникновения готовности к выполнению конкретной учебной, практической или профессиональной задачи являются ее понимание, осознание ответственности, желание добиться успеха, определение последовательности и способов произведения деятельности. В качестве тормозящих готовность компонентов при этом можно выделить пассивное отношение к поставленной задаче, беспечность, безразличие, отсутствие плана действий и намерения максимально использовать свои знания и опыт. Недостаточность готовности, как правило, приводит к неадекватным реакциям, ошибкам, к несоответствию психических процессов тем требованиям, которые предъявляются проблемной ситуацией. Готовность как конечный показатель процесса обучения или подготовки к конкретным видам деятельности есть психологический фактор успешного выполнения своих обязанностей, правильного использования приобретенных знаний, навыков, умений, сравнительно быстрой адаптации к условиям труда, изменяющимся условиям деятельности.

В структуру готовности традиционно входят следующие компоненты: мотивационный (положительное отношение к деятельности, интерес к ней); ориентационный (представление об особенностях и условиях профессиональной деятельности, о ее требованиях к личности); операциональный (владение способами и приемами практической деятельности, необходимыми знаниями, умениями, навыками); волевой (самоконтроль, умение управлять собой во время выполнения

трудовых обязанностей); оценочный (самооценка своей профессиональной подготовленности и соответствия ее оптимальным образцам конкретной практической деятельности).

Высокий уровень развития этих компонентов может выступать показателем готовности к практической деятельности в конкретной области.

В профессиоведении В.Г. Поморов определяет готовность как «единство знаний, навыков и желания выполнять определенные виды труда» [5].

В то же время «психологическая готовность к труду предполагает наличие определенных знаний, трудовых умений и навыков, правильного отношения к труду как общественно полезной деятельности и формирование морально-волевых качеств, необходимых для успешной трудовой деятельности (способность к трудовому усилию, организованность, дисциплина в труде и др.)» [5].

Суммирование вышеназванного позволяет определить готовность как результат формирования необходимых практически значимых черт и качеств личности, а именно необходимость формирования готовности к практической деятельности можно сформулировать следующим образом:

- для того, чтобы у старшеклассников современных общеобразовательных учреждений сформировалась потребность в практической деятельности, любая деятельность должна быть ориентирована на практико-ориентированный, творческий процесс;
- каждый обучающийся молодой человек должен иметь возможность заниматься практико-ориентированным трудом и видами деятельности, в результате чего иметь возможность развивать свои способности и склонности;
- практическая деятельность должна быть установкой, постоянным свойством личности молодого человека;
- формирование готовности к практической деятельности должно носить целенаправленный и системный характер.

Сформированная готовность к практической деятельности способствует формированию и проявлению, с одной стороны, социально типичных, а с другой – индивидуально-своеобразных, неповторимых черт личности.

Для того, чтобы решать в соответствии с программными государственными интересами вопросы о допрофессиональной и профессиональной подготовки молодого поколения как аспекта формирования

готовности к практической деятельности, необходимо, прежде всего, в соответствии с требованиями системного подхода построить модель идеальной социально- и профессионально ориентированной структуры, в наибольшей мере отвечающей современной цели образования и общества в целом.

Таким образом, подготовка к практической деятельности должна быть специально организованной системой, в которой труд и деятельность в различных формах выступают двойной основополагающей категорией, так как система образования, выполняя социальный заказ общества, вместе с тем является носителем опережающей и прогностической функций, поскольку формирует работника будущего, пролонгируя получение результата на долгосрочный период.

Формирование готовности к практической деятельности должно проводиться на всех уровнях получения образования (и на общеобразовательном, и на профессиональном), быть различной по формам и методам проведения, но вместе с тем в курсе дисциплин насущностно необходимы специализированные курсы, рассчитанные не столько на собственно профессиональную подготовку, сколько на формирование общепрофессиональных навыков и умений, направленных на социальную адаптацию независимо от выбранной им сферы профессиональной деятельности, способных проявлению у молодого человека качеств профессиональной стойкости и постоянного совершенствования.

Можно считать в общем виде очевидным, что традиционная парадигма жесткого разделения общего и профессионального образования, которая была в течение исторически долгого времени необходимой и эффективной, сегодня исторически себя исчерпала. Но тем не менее она продолжает довлеть над научным сообществом, во-первых, в силу инерции мышления, а во-вторых, в результате преобладания в мире, и особенно в России сегодня, определенных социально-экономических и политических тенденций.

В связи с изменившейся структурой общества и экономической жизни потребовалось использование в качестве ключевого понятия термина «подготовка к практической деятельности». Это не предполагает, как прежде (хотя и не исключает), освоения молодыми людьми какой-либо конкретной профессиональной области в рамках допрофессионального и/или профессионального образования с получением определенной квалификации. Цель в ином – в формировании готовности и способности у молодых людей трудиться, в выработке потребности практической деятельности. Базовые основания любой

профессиональной культуры закладываются в процессе обучения в общеобразовательной школе. Именно через организацию поливариантного образовательного пространства и при включении в него оптимального количества образовательных компонентов возможно формирование у молодых людей через идеи, общечеловеческие ценности, присвоение универсальных способов познания, мышления, потребности в практической деятельности. Молодой человек в таком случае рассматривается нами как субъект практико-ориентированного (и профессионального в том числе) воздействия, что подразумевает обеспечение взаимосвязи образовательного процесса (теоретическое освоение основ наук) и специально организованной системы видов практической деятельности, которая может быть интеллектуальной, физической, познавательной, но обязательно связанной с получением продуктивного результата в виде вещи, услуги, интеллектуально-духовной продукции.

Включение и погружение молодого человека в условия по формированию готовности к практической деятельности налагает определенные требования и на организацию системы подготовки на уровне допрофессиональном и профессиональном, а именно системы организационно-педагогических мероприятий должна отвечать принципам:

- универсальности (базовая подготовка по предметам образовательного государственного стандарта);
- интегративности (межпредметная кооперация, содержательное и структурно-функциональное единство учебного процесса);
- фундаментальности (научная обоснованность и высокое качество обучения);
- вариативности (гибкое сочетание обязательных базовых курсов и дополнительных дисциплин);
- многоуровневости (иметь внутренний механизм постоянного профессионально ориентированного совершенствования).

Анализируя программные документы, можно выделить несколько ключевых моментов, имеющих место быть отраженными в образовательной системе с целью формирования социально востребованного выпускника, готового к продуктивной профессиональной деятельности. Выделим их:

- формирование ответственности за собственное благосостояние и благосостояние общества;
- освоение молодыми людьми основных социальных навыков, практических умений в области социальных отношений;

- формирование социальной мобильности в обществе, в том числе через освоение быстрой смены социальных ролей;
- умение отстаивать свои права, участвовать в создании и деятельности общественных организаций;
- толерантности, терпимости к чужому мнению, умения вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы;
- освоение знаний основополагающих правовых норм и умений использовать возможности правовой системы государства.

Таким образом, триединая задача построения правового (задача государства) и гражданского общества (задача социального развития), а также воспитание социально ответственного гражданина (задача реформирования системы образования) должна решаться на всех уровнях общественного бытия, в том числе и в образовательной среде.

Литература

1. Цит. по.: Фридман Л.М., Кулагина И.Ю. Психологический справочник учителя. М., 1991.
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1–2.
3. Платонов К.К. О системе психологии. М, 1974.
4. Фридман Л. М., Кулагина И. Ю. Психологический справочник учителя. М., 1991.
5. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М., 1996.

ТЕЛО И ВЛАСТЬ

ТРИХОТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

П.Г. Воронцов

Барнаул, Россия

Еще в античной Греции в одном из диалогов Платона рассказано о споре двух философов софиста Горгия и Сократа. Спор заключался в том, что Горгий считал политику стремлением к достижению власти в интересах самих правителей, власть в его представлении является наивысшим благом человеческой жизни. Сократ придерживался другой точки зрения. Власть, по его мнению, не должна преследовать собственные интересы, иначе она будет сводиться только к политике. Сократ сравнивал власть с гимнастикой и медициной, ведь именно они обладают целебными свойствами исцеления человеческой души и тела. Медицина есть искусство восстановления человеческого здоровья, государство должно заботиться о душах населения через законодательство. Поэтому истинный государственный деятель – это прежде всего врачеватель человеческих душ, а потом уже и их тела.

При рассмотрении существующих ныне концепций власти бросаются в глаза их многочисленность и смысловое разнообразие. Одни мыслители определяли власть, как возможность индивида осуществлять свою волю вопреки сопротивлению других. Другие считали, что власть – это определенные акты, воздействующие на кого-то или предопределяющие другие действия [1]. Третьи о власти судили как о праве, силе, воли над кем-то или чем-то, свободе действий, распоряжений, начальствовании и управлении [2]. Таким образом, существуют различные подходы к определению природы власти, и в этом заключается ее философский смысл.

Обычно ученые-политологи рассматривают следующие концепции власти: теологическую, биологическую, бихевиористскую, психоаналитическую, мифологическую, структурно-функциональную, конфликтологическую и дуалистическую (А.Ю. Мельвиль, Р.Т. Мухаев). Теологическая власть характеризуется такой мировоззренческой установкой как теоцентризм. По словам П.С. Гуревича, без теоцентризма «невозможно объяснить ни устройства мира, ни предназначения человека, ни тайн природы. Для такой философии существование Бога оказывается основной посылкой. Конечно, те мудрецы, которые исходили из этой установки, рассуждали о разных метафизических вопросах: о природе (космосе), обществе, знании и человеке. Но исходным пунктом,

центром всех философских воззрений оказалась идея Бога» [3, с. 4]. Согласно теоцентризму, всякая власть происходит от Бога, а все цари – исполнители божьей воли на земле. Сущность властвования правителей над людьми происходит благодаря божественной воле, которая построена на этике христианских заповедей. Подчинение людей Богу обеспечивает порядок в обществе, самосохранение и продолжение человеческого рода.

В биологической концепции власти рассматриваются как внутренние, так и внешние механизмы человеческой агрессивности, которая заложена в наиболее фундаментальных инстинктах человека как биологического существа. Человеческий индивид одновременно является представителем биологического вида конкретной социальной общности: нации, класса, социальной группы. В структуре биологических свойств, присущих как людям, так и животным, агрессия выступает в качестве инстинкта борьбы, направленной против той же особи. Поэтому сущность человека не в его абстрактной физической природе агрессивности, а в социальном качестве, которое определяется совокупностью всех общественных отношений. В этой научной концепции преодолены схоластические споры о том, подменяется или нет биологическая эволюция человека социальными законами политической власти. Наследственная программа индивида не теряет своего значения в развитии человека, но ее роль существенно изменяется под влиянием трудовой и социальной практики [4].

Бихевиоризм, как явление политической власти, лежит в основе философии прагматизма и позитивизма. Продолжая идею механистического направления психологии, в бихевиоризме психические явления человека представлены как реакции организма, на поведение других людей. Человек здесь представлен «политическим животным», отсюда вытекает баланс стремлений человека к политической власти. Бихевиористы рассматривали индивидуальное стремление человека к власти, в которой побеждал тот у кого «самая длинная палка».

Психоаналитическая власть рассматривается способом господства бессознательного над человеческим сознанием. Согласно концепции З. Фрейда, сознательное есть нечто бессознательное. Бессознательное делится на два вида: латентное – способное стать сознательным в человеке, и «вытесненное», которое в процессе развития психики не способно стать сознательным. Фрейд выделяет в психике человека, три термина: «сознательное» (*bewubt*), «предсознательное» (*vorbewubt*) и «бессознательное» (*unbewubt*)... Предсознательное предполагается

стоящим гораздо ближе к сознательному, чем бессознательное, а так как бессознательное мы назвали психическим, то латентное – предсознательным» [5, с. 843–844]. Равным образом теорию господства психоанализа нельзя изолировать от противоречивых отношений человека с себе подобными в процессах производства и воспроизводства на основе общественного разделения труда [6].

В этом отношении ученик З. Фрейда К. Юнг пошел дальше своего учителя, выделив в проблемах «души нашего времени» три ступени человеческой психики: «1) сознание; 2) личное бессознательное, состоящее, прежде всего, из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и поэтому оказались забытыми, либо же потому, что от них отстранилось сознание (так называемое вытеснение); кроме того, сюда можно включить те содержания, отчасти перцепции, которые из-за слишком малой интенсивности никогда не достигали сознания и все же каким-то образом проникли в психику; 3) коллективное бессознательное, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой, и даже общеживотной, и представляющее собой фундамент индивидуальной психики» [7, с. 125].

Содержанием коллективного бессознательного выступают архетипы – это некие первичные врожденные структуры в архаическом психическом «осадке» повторяющихся жизненных ситуаций, задач и переживаний человека, т.е. результат родовой жизни человека в социальной общности. Архетипы обнаруживаются на языковом уровне в виде символических образов, мифов, сказок, тайных учений [8].

Из психоаналитического подхода вытекает мифологическая концепция власти. Естественное деление людей на «сильных» и «слабых» обуславливает их право на лидерство и власть. Для придания законности своих прав «сильные» обычно используют метод мифотворчества, который заключается в божественном характере власти над «слабым». Начиная с древнейших цивилизаций и заканчивая современным обществом, правитель государства, всегда обожествляется людьми и возводится в культ поклонения. Но данный процесс «поклонения» происходит только в том случае, если правитель государственной власти удовлетворяет индивидуальные и социальные потребности людей, либо держит свой народ в страхе порабощения, используя при этом миф об «общественной воле», которая должна подчиняться «индивидуальной воле» самых сильных.

В рамках структурно-функционального анализа власть рассматривается как отношение неравноправных субъектов, чье поведение обусловлено выполняемыми ими ролями, при этом предполагается, что социальная роль определяет стиль ожидаемого от человека поведения. Поведение человека и вся его деятельность зависит от игровой деятельности. Власть игры над человеком отражает его волевые процессы, на что мы считаем важным указать. Как замечает нидерландский историк культуры И. Хёйзинга, «в своих наипростейших формах, в том числе и в жизни животных, игра есть нечто большее, чем чисто физиологическое явление либо физиологически обусловленная психическая реакция. И как таковая игра переходит границы чисто биологической или, по крайней мере, чисто физической деятельности. Игра – это функция, которая исполнена смысла... Всякая игра что-то значит. Назвать активное начало, которое придает игре ее сущность, духом было бы слишком, назвать же его инстинктом – было бы пустым звуком. Как бы мы его ни рассматривали, в любом случае эта целенаправленность игры являет на свет некую нематериальную стихию, включенную в самое сущность игры» [9, с. 21]. Благодаря игре, человек выполняет жизненно важные функции, которые определяют его дальнейшее поведение и обязанности перед собой и другими, налагаемыми на него целями общества, мобилизуя его властный потенциал для достижения общих целей совместного производства.

С позиций теории социальной конфликтологии, власть здесь рассматривается как господство и подчинение одного класса другим, в чем прослеживается его сходство с психоаналитической властью и коллективным бессознательным. Природа данного господства включена в экономические законы. Индивид здесь может обладать частной собственностью, что в конечном итоге вызывает политическое неравенство. Об этом явлении в свое время еще говорил Платон, выделяя семь типов государственной власти: монархию – справедливую власть одного, тиранию – несправедливую власть одного, аристократию – справедливую власть меньшинства, олигархию – несправедливую власть меньшинства, демократию – справедливую власть большинства, тимократию – несправедливую власть большинства и «идеальное государство», где философы управляют государством, а у воинов и работников нет частной собственности для устранения неравенства в основных слоях населения. В свою очередь Аристотель, дополняя идею Платона об «идеальном государстве», выделил дурные формы политической власти, такие как тиранию, крайнюю олигархию,

охлократию – власть толпы. И хорошие формы политической власти, такие как монархию, аристократию и политику – смесь умеренной олигархии и умеренной демократии. Согласно этой концепции власть следует отличать от господства.

Дуалистическая концепция власти представлена материальным принуждением и убеждением о справедливости. При отсутствии второго компонента власть превращается в господство. Любая власть, какой бы она ни была, обладает некоторым элементом насилия над человеком и человечеством, опираясь на силу авторитета. Так рождается тоталитарный режим. Двойственность власти также выражается в том, что она, с одной стороны, является инструментом господства одних групп людей над другими, а с другой – выступает эффективным средством интеграции и обеспечения социальной солидарности всех членов общества для всеобщего блага государства. Как замечает Арий Дидим, государства образовались потому, что человек по природе склонен к общительности, а также из-за пользы, которую приносит согражданам государство. Государства образовались потому, что гражданин является лицом, причастным к государственной власти [10].

На основе рассмотренных концепций власти мы отмечаем ее многоликость и смысловое содержание. Во-первых, используя идею теоцентризма, власть может исходить только от Бога. Бог сам распоряжается тем, кому ее давать, кто ею должен обладать и в какой форме она должна проявляться. Во-вторых, силой власти обладает и «князь мира сего», который также как, и Бог, дает ее своим верным слугам для достижения противоправных целей. В-третьих, властью обладают все живые существа, подчиняясь основным законам естественной природы. В-четвертых, властью обладает сам человек, которому дана воля выбирать между Богом, дьяволом, природой и самим человеком, определять, кому подчиняться, чью власть исполнять и кому служить в этом мире.

Согласно антропогенезу, в котором человек представлен культурно-историческим, общественным существом, интерес вызывает другое явление – властная человеческая природа. Казалось бы, совсем недавно Н.А. Бердяев утверждал, что «проблема человека является центральной для сознания нашей эпохи» [11, с. 21], сегодня мало что изменилось в философско-научной мысли, и загадка человека до сих пор не решена. Осознавая свою смертность, человек хочет знать свое внутреннее устройство, кто он, куда идет и к чему предназначен в этом мире и какова его власть на земле [12]. Тейяр де Шарден справедливо

считает человека самым таинственным и сбивающим с толку исследователей объектом науки: «Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести сегодняшней науке, – животное, подобное другим. По своей анатомии он так мало отличается от человекообразных обезьян, что современные классификации зоологии, возвращаясь к позициям Линнея, помещают его вместе с ними в одно и то же семейство гоминоидных. Но если судить по биологическим результатам его появления, то не представляет ли он собой как раз нечто совершенно иное?» [13, с. 135].

Философское постижение человека всегда разворачивается не просто, в основном это происходит через реконструкцию его происхождения и сущностные характеристики (телесные, душевные и духовные основания существования), через его глубокое осмысление и непосредственное отношение к космосу, природе, цивилизации, обществу, семье, где как раз и выявляются фундаментальные феномены человеческой власти.

Существует множество определений человека, каждое из которых отражает определенную суть человеческой природы и является верным по своей структуре. Так, например, только М. Шелер, один из основоположников философской антропологии, дал более пяти определений человека: 1) *homo religiosus*, 2) *homo sapiens*, 3) *homo naturalis*, 4) *homo degeneratus*, 5) *homo super* [14, с.133 – 160]. Другие мыслители дополнили идею М. Шелера. К. Маркс и Н. Бердяев представили человека как *homo faber*, Э. Кассирер говорил о *homo symboliens*, Г. Гессе и Й. Хейзинга выдвинули идею о *homo ludens*, С.И. Бэлзе обратил внимание на *homo legens*, В.С. Поликарпов и В.А. Поликарпова рассмотрели *homo creator*, а профессор С.А. Ан сделала акцент на *homo zwischens*.

В данном исследовании человек рассматривается в рамках триады (от греч. *trias*, род. *triados* – «троица»; «трихотомии», «тримерии», «триарности»), что позволяет увидеть проблему с позиции органической обусловленности и взаимовлияния духа, души и тела [15; 16; 17]. Несмотря на сходство этих понятий, мы посчитали необходимым выделить именно «трихотомию» [18, с. 12] и ввести в философский обиход понятие «*homo trichotomies*» – термин взят для обозначения человека триединого, т.е. , состоящего из трех неразрывно связанных между собой элементов – духа, души и тела. Трихотомия (от греч. *tricha* – на три части и *tome* – сечение, разрез), также триализм и трилогизм – разделение на три главные части [19, с. 462], которые образуют между собой союз, гармонию, единство, равновесие, взвешенность, равноправие (напр., в христианской антропологии видение человека как существа

состоящего из духа, души и тела). Данное обстоятельство подтверждается философской работой М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества», в которой человек рассматривается как «*homo trichotomies*», где «тело – пространственное измерение человека, душа – временное измерение, дух – смысловое измерение человека» [20, с. 165]. Дух, душа и тело – не разные субстанции, а разные аспекты одного и того же человека. т.е. , понятие «дух» более всего укоренено в социализации человека. Духовному противоположно бездуховное, но не телесное. Душевному противоположно бездушное, но не телесное. Тело без жизни – труп, тело бездушного человека не более телесно, чем тело душевного. То же можно сказать о бездуховном и одухотворенном.

Идея «*homo trichotomies*» представлена в философии И. Канта. Трихотомия И. Канта рассмотрена, прежде всего, в развитии естественных сил человека (духовных, душевных и телесных). «Духовные силы», по его мнению, возможны «только посредством разума. Душевные силы – находятся в распоряжении рассудка и тех правил, которыми он пользуется для удовлетворения любых намерений. Телесные силы – (гимнастика в собственном смысле) есть забота о том, что составляет ткань (материю) в человеке, без которой цели человека остались бы неосуществленными» [21, с. 841].

Современный взгляд на человека по-прежнему находится во власти дуализма. Социологизаторское рассмотрение человека трактует его в качестве «сгустка» общественных отношений. С этих позиций у человека «как бы нет» тела, ибо «сущность человека не в его теле, а в его деле». Издержки социологизаторского подхода вовсе не преодолеваются, а дополняются его антиподом, в результате чего человек выступает не как существо гармоничное «*homo trichotomies*» за счет духа, души и тела, а как существо дихотомичное «*homo dichotomies*», основанное на противопоставлении или целенаправленной власти «тела над духом» или «тела над душой». Поэтому подходы к рассмотрению человека с позиций дихотомии и трихотомии противоположны, так как дихотомия направлена на противопоставление частей человека, а трихотомия основана на гармонии и объединении основных компонентов человека, выраженных в его теле, душе и человеческом духе, где власть в принципе не приемлема. В связи с этим один из основных вопросов философии в отношении «материального» к «идеальному» вызвал в научном мире противоречие, касающееся основной природы человека, выраженное в его дихотомии, где дух несовместим с телом, а душа лишь отражение живой материи. «Однако, принимая во внимание

множество исключений», – как замечает И.М. Быховская в монографии «*Homo somatikos*», в том, что «приоритет дихотомического подхода, «заживо расчленяющего человека» на бестелесную духовность и бездуховную телесность, оказался одним из тех базальных оснований, которые определили развитие «соматического сознания» вплоть до настоящего времени [22, с. 18], поэтому, чтобы разрешить проблему человеческой власти, необходимо прежде всего разобраться в понятиях дух-душа-тело, рассмотрев каждый компонент трихотомии в отдельности.

В нашем представлении понятие «дух» тождественно понятию «сознание», которое является связующим звеном внутреннего и внешнего в человеке, оно отвечает за передачу необходимой информации, а также преобразует идеи, образы, представления и открытия, отвечающие основным потребностям душевно-телесного человека. В тот же момент дух стоит выше сознания, потому что не все духовное может осознаваться человеком. Одна из способностей духа человека есть стремление к самосознанию.

Под душой мы понимаем идеально-чувственную, внутреннюю консистенцию (термин консистенция взят не случайно, в нем скрыты различные представления о душе) живых организмов. Душа обладает раздражением за счет взаимодействия человека с окружающей средой. Душа не материальна, но она является тем, что приводит материю к раздражению и возбудимости.

Человеческое тело – это материально-пространственная структура органической предметности, которая формируется вследствие обусловленной индивидуальности (онтогенез) и проходит природно-социальные этапы своего культурно-исторического развития (филогенез). Человеческая телесность отлична от тела и представлена нами в виде «биологической скульптуры» – индивидуального образа, который подчеркивает природно-социальную материю духовного содержания.

Homo trihotomies – это прежде всего человек, который обладает полноценным здоровьем, а здоровьем обладает тот, у кого элементы трихотомии находятся в гармонии и равновесии. Это обстоятельство в свое время еще заметил античный философ Алкмеон, определивший здоровье как равновесие противоположно-направленных сил: «Сохраняет здоровье равновесие (исономия) в теле сил влажного, сухого, холодного, теплого, горького, сладкого и прочих; господство же (монархия) в них одного есть причина болезни. Ибо господство одной противоположности действует губительно» [23, с. 67]. То же самое можно сказать о власти тела над духом и душой или наоборот души

над телом и духом, которое рассматривается как категория «болезнь». Единственное, что не противоречит гармонии человеческой трихотомии – когда дух властвует над телом и душой, т.е. от здоровья духа зависит и здоровье тела, и здоровье души.

Здоровье духа, духовное здоровье зависят от максимального раскрытия духовного, нравственного потенциала, сознательной устремленности человека к реализации высших, светлых свойств личности, приобщения к духовным ценностям. Бездуховного человека нельзя признать здоровым. Психическое (душевное) здоровье является частью духовного. В.А. Лищук и Е.В. Мосткова под духовной составляющей здоровья понимают способность сохранять и использовать духовность, доброту, творчество. Чем больше свободы, тем большая часть себя и среды осознается и, наконец, чем обоснованнее выбор, тем выше уровень духовного здоровья и тем адекватнее поведение человека, он лучше осознает свою ответственность, соблюдает грань между правами, обязанностями, свободой и властью [24]. Нет большей ценности, более адекватной меры индивидуального и общественного благополучия, чем духовное здоровье. Гармония трихотомии – это когда дух, душа и тело находятся на одном уровне и в тот же момент, чтобы человек обладал наверняка полноценным здоровьем, необходима власть духа над телом и душой.

Здоровье души (психическое здоровье, душевное здоровье) – относится к разуму, интеллекту, эмоциям. Оно определяет возможность человека контролировать свои эмоции и поведение, способность справляться со стрессами и использовать их для повышения своего здоровья, снижать уровень злости и депрессии, повышать познавательные способности, способствовать психологическому благополучию [24]. П.Б. Ганнушкин в «Избранных трудах» в постановке вопроса о границах душевного здоровья сказал следующее: «Психическая область является, с одной стороны, несравненно более сложной по своей конструкции, с другой – гораздо более неустойчивой, чем сфера соматическая; понятие о норме в области психики, понятие о так называемом *Durchschnittstypus Mensch* является совершенно не установленным и крайне неопределенным, учение о «средних величинах», наблюдаемых при различных психических процессах, находится еще в зачаточном состоянии... Правда, новейшая психология, вооруженная методом экспериментальным и статистическим, тщательно изучает индивидуальные колебания и варианты, которые наблюдаются при душевных явлениях, однако до установления каких-либо норм, каких-либо средних величин слишком еще далеко» [25, с. 295]. Человек

заболевает в тот момент, когда дух и тело находятся под властью души. Преобладание души над остальными членами трихотомии вызывает душевную болезнь человека в виде психических расстройств, сопровождающихся состоянием апатии или, наоборот, чрезмерным возбуждением, неврозами и другими психическими заболеваниями. Человек с сильным телосложением может быть болен в душе.

Здоровье тела (физическое здоровье, телесное здоровье, здоровье от природы) – это способность сохранять и использовать тело. Оно измеряется степенью физической подготовленности, физической формой, тренированностью и физической активностью [24]. Нельзя не согласиться с И.М. Быховской, которая в своей работе «Здоровье как практическая аксиология тела» утверждает, что «в аксиологии здоровья выступает аксиология человеческой телесности, поскольку именно тело человека, его состояние и степень развития, характер его функционирования и динамика изменений, его сопряженность или же разбалансированность с социальным бытием субъекта являются реально значимыми индикаторами здоровья. Именно в нем, в теле, здоровье обретает свою субстанциональность, свою воплощенность. В этом смысле очевидна высокая степень взаимозависимости между признанием здоровья как ценности, как нормативно-ориентирующей характеристики человеческого бытия и позитивной аксиологией человеческой телесности, значимо заинтересованным отношением к телу человека – как на вербально-оценочном, так и на практически-поведенческом уровне» [26, с. 82–83]. Болен человек и тогда, когда дух и душа находятся во власти человеческого тела. Обычно этот человек живет только материальным миром, не замечая вокруг духовной сущности. Сюда можно отнести такие виды спорта, которые пропагандируют только телесное развитие, не уделяя должного внимания душе и духу (бодибилдинг, атлетическая гимнастика и другие виды).

Рассмотренные компоненты здоровья обозначаются по-разному. Власть духа над телом и душой служит основанием здоровья человека. Отличительной чертой человека от животных является именно духовная составляющая, которая определяет индивидуальное здоровье человека и как личности, и как свободного субъекта. Исторически закреплённая рационалистическая традиция противопоставления «человека телесного» и «человека духовного» постоянно воспроизводится в современной социальной практике, в том числе в различных институтах социализации (в семье, системе образования, воспитании), которые закрепляют и продолжают эту традицию.

Нельзя говорить о здоровье, если оно находится под властью болезни. Б.Г. Юдин говорит, что «в понятии «здоровье» заключено великое множество самых разных смыслов и смысловых оттенков, которые, очевидно, не могут быть охвачены никакой из существующих областей знания. А поскольку это понятие отражает одну из фундаментальнейших характеристик человеческого существования, оно, естественно, так или иначе осмысливается в любой человеческой культуре и переосмысливается всякий раз, когда культура переживает глубокие и радикальные трансформации... Всякая же попытка понять природу, направление и смысл происходящих трансформаций предполагает, помимо всего прочего, пристальное внимание к тем сдвигам в значениях основополагающих понятий, в которых, согласно одним трактовкам, отражается самая суть перемен и которыми, согласно другим, более радикальным трактовкам, эти переменны и порождаются.

Особые трудности при анализе таких всеобъемлющих понятий, как понятие «здоровье», возникают в силу того, что до всякого научного языка, предполагающего хотя бы минимальные требования в отношении четкости и строгости их употребления, они чрезвычайно широко используются и в обыденном языке, где заботе об однозначности понимания далеко не всегда отводится первое место. Более того, очень часто они применяются метафорически как инструменты для объяснения и понимания самых различных сфер бытия, становясь при этом ядром достаточно богатых и разветвленных смысловых контекстов. В нашей языковой практике эти метафорические употребления постоянно налагаются на прямые, что, конечно же, тоже не способствует однозначной интерпретации таких понятий» [27, с. 54].

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- человек – это сложное трихотомичное существо, в котором всегда проявляются внутренние и внешние мотивы целеполагающей власти;
- власть и господство являются решающими факторами поведения человека, определяя его положение в обществе;
- общество всегда принимает только полноценно здоровую личность, хотя и само по себе является социально больным;
- природа человека, как и природа власти, зависят друг от друга, потому что подчиняются основным законам диалектики (единству и борьбе противоположностей, переходу количественных изменений в качественные и закону отрицания-отрицания);

- здоровье зависит от гармонии трех неразрывно связанных между собой элементов трихотомии, т.е. духа, души и тела. Господство одного элемента над другим вызывает болезнь, но возможно и исключение, когда душа и тело находятся под властью духа. Следовательно, в случае когда душа властвует над телом и духом, мы имеем дело с больным человеком. Если тело властвует над духом и душой – это тоже отклонение от нормы. Если же дух властвует над телом и душой, то человек обладает полноценным здоровьем. В результате мы можем говорить о трихотомии человеческой власти.

Литература

1. Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 1.
3. Гуревич П.С. Антропологический поворот в философии // Философская антропология: Теоретический анализ: Коллектив. моногр. Екатеринбург, 2006. Ч. I.
4. Гальских Ю.А. Человек и его сущностные силы. Барнаул, 1995.
5. Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М., 1999.
6. Массинг О. Господство // Полис. 1991. № 6.
7. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. М., 1999.
8. Трофимов В.К. Душа русского народа. Природно-историческая обусловленность и сущностные силы. Екатеринбург, 1998.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens // Человек играющий: Статьи по истории культуры. М., 2003.
10. Арий Дидим Этический компендий. Академия, стоики, перипатетики // Человек. 2006. № 4.
11. Бердяев Н.А. О человеке его свободе и духовности: Избр. труды. М., 1999.
12. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре древней Руси // Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2002.
13. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
14. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. М., 1991.
15. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996.
16. Никифоров Ю.Б. Будь крепок духом и телом: православный взгляд на физическую культуру. М., 2003.
17. Fritz Tunner Eros und Religion Sexualitat und Spiritualitat. 1988.
18. Ан С.А. Хомо цвишенс или человек границы. Барнаул, 2001.
19. Философский энциклопедический словарь. М., 2002.
20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
21. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
22. Быховская И.М. «Homo Somatikos»: аксиология человеческого тела. М., 2000.
23. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991.
24. Лищук В.А., Мосткова Е.В. Девять ступеней к здоровью. М., 1998.

25. Ганнушкин П.Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья: Избр. труды. М., 1964.
26. Быховская И.М. Здоровье как практическая аксиология тела // Мир психологии. 2000. №1 (21).
27. Юдин Б.Г. Здоровье: факт, норма и ценность // Мир психологии. 2000. №1 (21).

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Казаневская

Томск, Россия

Введение. Психоэмоциональное воспитание человека имеет первостепенное значение и в то же время является наименее разработанной проблемой. Причина этого заключается в том, что психология, как научная, так и житейская, не отводит должного места эмоциональной жизни человека, которая, как утверждает автор статьи, занимает ведущее место во внутренней жизни человека. Эмоции не просто сопровождают все психические процессы, всю внутреннюю жизнь человека, но представляют собой равноправные с волевыми и ментальными процессами, часто является двигателем активности; эмоции являются интегрирующим психическим процессом и главным, хотя и не единственным, полем психической жизни. Эта новая для психологии личности точка зрения имеет конкретные следствия для понимания внутренней жизни человека, его успешности или неуспешности. Между тем в теории и практике воспитания уделяется недостаточное место проблеме эмоционального воспитания; эта проблема тем сложнее, что воспитание эмоций, согласно положениям интегральной психологии личности, неразрывно от других проблем воспитания, в силу интегрирующей роли относительно других психических процессов. Новые, как утверждает автор статьи, положения о природе эмоций, их роли в жизни и поведении личности, их практическое значение в деле воспитания и понимания человека излагаются на основе теоретических разработок, результаты которых изложены в монографии [4].

О современном состоянии психологии эмоций высказываются различные точки зрения, иногда весьма критичные. Так, в предисловии к учебнику по психологии эмоций Е.П. Ильин пишет: «... об эмоциях написано очень много как в художественной, так и в научной литературе... Однако и до сих пор проблема эмоций остается загадочной и во многом неясной» [1, с. 9]. Е.П. Ильин приводит далее слова

У. Джемса по поводу психологических произведений об эмоциях: «В них нет никакого плодотворного руководящего начала, никакой основной точки зрения. Эмоции различаются и оттеняются в них до бесконечности, но вы не найдете в этих работах никаких логических обобщений. А между тем вся прелесть истинно научного труда заключается в постоянном углублении логического анализа». Терминология психологии эмоций представляется Джемсу словарем синонимов, а вся психология эмоций – самым скучным разделом психологии.

Анализ всех существующих точек зрения на современное состояние психологии эмоций не входит в нашу задачу; наша задача – показать конструктивный путь преодоления этого состояния. В то же время в приведенной ссылке проблемность психологии эмоций выражена так четко, что этого достаточно, по мнению автора доклада, чтобы быть отправной точкой для его задач.

Подход к проблеме в терминах интегральной психологии [4]

Предложения интегральной психологии – дедуктивное построение теории. Суть интегральной психологии представима рядом основных принципов. Основная точка зрения для дедукции – это категориальность, категориальность вместе с дедуктивностью означает подход от общего к частному и решает терминологические проблемы психологии эмоций. Принцип функциональной детерминации личностного уровня, и в том числе эмоций, лежит в основе эмоциональной и вообще психической динамики. Третий принцип – о соотношении эмоций с двумя другими фундаментальными психическими процессами – мышлением и волей. Эти три процесса образуют базис психики, и их равноправность вместе с остальными принципами разрешает проблемы современно психологии эмоций. Мысль Джемса о необходимой в психологии эмоций логике разрешается в нашем подходе: логика психики – это система диалектических понятий (категорий), именно система, так как она имеет не только основные элементы – категориальные понятия, но и связывающие их законы, которые и являются логикой, законами; поэтому, объявляя психику человека системой, мы тем самым утверждаем, что в этой системе действуют категориальные системные (диалектические) законы; психика имеет свои законы, и расположены они на категориальном уровне; категории, являясь обобщенными, по определению, понятиями, устанавливают отношения категориального общего между категориями и понятиями нижнего, теоретического уровня. Подробно см. [4].

Об эмоциональном воспитании. Если попытаться применить термин *конструирование* к проблемам воспитания в психологическом контексте, то этот термин более всего подходит именно к проблеме воспитания *психоэмоциональной* сферы человека. Причина этого в том, что воспитание этой сферы человека требует упреждающего мышления и заблаговременно обдуманного процесса воспитания. Заблаговременность необходима потому, что исправление эмоциональной сферы весьма затруднено, а исправление сложившейся психоэмоциональной сферы взрослого человека – почти непреодолимая задача. С другой стороны, эмоциональные влияния на очень молодого и молодого человека легко достигают своей цели. Проблема в том, что психоэмоциональные влияния имеют самые различные характеристики: они могут быть весьма тонкими, не замеченными, или могут быть организованы как массовые оглушающие действия. Поэтому проблема заключается не только в контроле, но и в том, чтобы иметь дифференцированное понимание эмоциональных воздействий на человека вообще и, особенно на ребенка. В целом эмоциональное воспитание должно иметь упреждающий характер. Слово «психоэмоциональное», а не «эмоциональное» означает тот факт, что в психике человека процессы ментальные, волевые и эмоциональные сильно связаны, неразрывны, в каждом психическом движении присутствуют все три компонента, а процессы различаются лишь по преимуществу присутствия того или иного. Кроме того, в поведение человека вовлечены все основные психические процессы. Поэтому невозможно отдельно воспитывать эмоциональную или волевою сферу, но в то же время и возможно, так как в практическом плане мы различаем процесс, который является преимущественно ментальным от процесса, который является преимущественно волевым или эмоциональным. Поэтому данная проблема требует как внимания к процессу воздействия в сфере психики, так и внешнему – поведенческому уровню, так и контролю.

Как известно, опыт воспитания в так называемых нецивилизованных сообществах в большой степени является опытом эмоциональным, и не просто эмоциональным, но соединенным с ментальным и волевым, поведенческими уровнями, что выражается в традиционных испытаниях, которые должен пройти молодой человек. Это опыт следует назвать жестко нормативным. Цивилизованные сообщества, имеющие большую степень свободы, утрачивают традицию и начинают решать проблемы воспитания заново.

Современное российское общество имеет немалые проблемы воспитания. Надо полагать, что эмоциональное воспитание является самой острой и сложной из них. Тема психоэмоционального воспитания настолько сложна, что в данной работе мы имеем возможность остановиться лишь на некоторых ее аспектах.

Почему конструирование? Эмоции легко воспринимаются и поэтому желаемого эмоционального воздействия достичь не трудно, но трудно хорошо понимать, чего следует желать, чего опасаться, как сохранять контроль за эмоциональным воздействием и его результатом. Но еще важнее – как организовать направленное, обдуманное эмоциональное воздействие с запланированным результатом и как его спроектировать. Вот здесь мы и видим аналогию с процессом конструирования, она – в замысле воздействия, в его осуществлении и в оценке результатов. В принципе получается, что эмоциональное воспитание и возможно лишь методом конструирования. Без конструирования, без предварительного обдумывания и планирования процесс пойдет произвольно, по воле случая, но при этом получится то, что получится, и рассчитывать на определенный результат уже не придется.

Но готова ли современная психология эмоций к такой постановке задачи? Скорее нет, чем да.

О природе эмоций – представления в современной психологии

До настоящего времени классификация эмоций–чувств занимает основное место в учебниках по психологии. И хотя за эмоциями признается их оценивающая и регулятивная функции, тем не менее эмоции пока не занимают соответствующего места в психологической науке.

Рассматривая многие точки зрения различных авторов, Е.П. Ильин [1] констатирует, что это состояние психологии эмоций сохраняется до настоящего времени: «...в отечественной психологии за последние четверть века практически не обсуждаются теоретические вопросы, связанные с эмоциональной сферой человека, не делаются попытки навести хоть какой-то порядок в используемом понятийном аппарате».

О кризисе психологической науки, и в том числе в психологии эмоций, можно сказать, что в его центре находится проблема мышления, интеллектуальная проблема. Кризис психологии, о котором говорится уже не менее сотни лет, и в том числе в российской психологии, начиная от работ Л.С. Выготского [3], представляет собой интеллектуальный кризис: должна измениться интеллектуальная основа психологического теоретического мышления; должен быть изменен стиль

психологического мышления. Проблемы психологии эмоций входят в состав общепсихологических проблем. Однако по поводу психологического мышления в сфере эмоций мы имеем возможность говорить в данном докладе, по крайней мере, о некоторых из этих проблем. Одна из первых проблем мышления – это слабость системного мышления. В частности, по поводу самого определения понятия эмоции можно заметить, что оно дается на уровне бытового языка, без применения системности этого понятия. А именно, системность понятия эмоций должна быть проявлена в том, чтобы определение опиралось на роль понятия (и явления) в составе общей психической системы.

Дифференцировавшись на множество отдельных направлений, психологическая наука как будто забыла о своей главной задаче – изучении целого, целостного человека. Между тем именно в целом его части соотносены друг с другом и определяют друг друга, и именно целостное представление способно из соотносённости с целым вывести роль и свойства изучаемой части. Это именно и можно видеть в обсуждении проблем эмоциональной сферы. Так, классификация эмоций и чувств, в которую в основном погружена современная психология эмоций, становится все более обширной. Это не удивительно, так как представленность эмоций в психической жизни индивида по широте соответствует самой этой жизни, следовательно, классификация эмоций превратилась в классификацию явлений жизни. Не зря положение эмоций в психологической науке сравнивают с положением Золушки; но ведь Золушка не только заброшенный и не оцененный до поры персонаж, она – главный труженик. В чем же, в каких характеристиках следует ожидать превращения психологии эмоций из Золушки в красавицу на психологическом балу? Прежде всего в отведении ей достойного места в составе психологической системы, а красавицей она тогда станет сама. Это место – равноправное положение в психической реальности и в психологической теории. Положение эмоций в психической реальности и так равноправно, так как реальная жизнь не спрашивает теорию. Это положение более чем равноправно, так как неразвитая ментальная сфера не в силах осуществлять рациональный контроль и оставляет больше места эмоционально-волевым проявлениям. Признание равноправного положения эмоций в общем строении психической системы требует еще конкретного теоретического выражения этого равноправия.

Вместе с тем отношение к эмоциям как к центру психической жизни можно видеть в самих определениях этого понятия. Существующие

определения эмоций не дают объяснения их природы, они тавтологичны: «эмоции – это переживания». И действительно, понятие эмоции, являясь базовым понятием психической системы, должно быть определено его местом и функцией в системе. Для этого необходимо рассмотреть психику как систему, в каком-то определенном понимании понятия *система*. В категориально-системной концепции [4] *эмоции* – это то, что выражает субъективность личности в психической форме, и это то, что служит для распознавания опасности, важности в этом же смысле, удовольствия, успешности и т.д., всего того, в чем выражена личность и в чем заключается ее жизнь, в чем человек ощущает самого себя. Т.е. эмоции, согласно положений интегральной психологии личности, являются недифференцированным проявлением и выражением самой жизни человека [4]. В дальнейшем это определение конструктивно и дедуктивно разворачивается на различные стороны индивидуальной жизни личности. Связь эмоций с инстинктами, потребностями и мотивами, определенная в [4], важна в том плане, что положение эмоций в каждом случае различно. Но об этом – ниже.

Первая систематически разработанная трактовка эмоциональных явлений принадлежит интраспективной психологии. Мы будем в основном использовать категориальное понятие этого ряда – термин *эмоция* означает, что при этом текст данного доклада останется в обобщенном уровне. Практически это означает, что по всему тексту в данном докладе мы не касаемся проблемы классификации эмоциональных явлений, оставаясь на самом общем уровне, который выражен категорией *эмоция*. При этом предполагается, что все остальные понятия предполагаются имеющими в своей основе категорию *эмоция*, и с этой позиции, например, *удовольствие* и *страдание* также являются эмоциями.

Многообразие эмоциональных явлений уделялось большое внимание в истории психологической мысли. Так, В. Вундт [2] считал, что существует особый вид психических явлений – чувства. Эти явления бесконечно разнообразны. Если в психике человека, по мнению Вундта, можно выделить около пятидесяти тысяч ощущений, то чувств можно было бы насчитать значительно больше. Вундт считал, что чувства можно описывать при помощи трех основных компонентов: удовольствие – неудовольствие, возбуждение – успокоение, напряжение – разрешение. Заметим, что эта «система координат» для описания эмоций выдает намерение выявить их динамический функциональный, силовой характер и что этот характер, как и система координат, считается присущей любой эмоции.

Как можно рассудить, чрезвычайно большое количество эмоций говорит о фундаментальности их положения в психике. Это соответствует высказанному выше положению интегральной психологии о том, что эмоции действительно являются таким же полноправным видом психической жизни, как и другие психические процессы – мышление, воля и др. Эта широкая, всеохватывающая представленность эмоций в психической жизни подтверждается в их классификации. Эмоции охватывают и выражают все стороны жизни человека, как по направлениям, так и по выразительности – от тончайших состояний до сокрушающих аффектов. Чувства разделяются на моральные, эстетические, интеллектуальные, практические и пр. По степени обобщенности чувства подразделяются на обобщенные (к детям, музыке) и абстрактные (чувство справедливости, трагического и т.д.). Эмоции могут проявляться как самостоятельно, так и в составе других психических процессов и состояний, что говорит об их фундаментальной роли в психике. Фундаментальная роль проявляется также и в сложном устройстве эмоций – следует полагать, что в эмоциональной сфере существуют структуры и что идеология этих структур связана с принципом самосохранения. Так, эмоция (чувство) «удовольствия–неудовольствия» по сравнению с другими эмоциями (чувствами) следует рассматривать как следующий этап дифференциации, в которой на первом месте следует полагать опасность–безопасность, а безопасность дифференцирована на удовольствие-неудовольствие; такая дифференциация необходима для решения задачи выбора – обычной задачи нормального функционирования. Эмоция (чувство) «удовольствия–неудовольствия» может проявляться сама по себе и, кроме того, выполнять интегрирующую функцию относительно других эмоций и событий.

Надо полагать, что эмоция «удовольствия–неудовольствия» входит в состав регистра благополучия и что состояние различия между ними имеет непосредственное отношение к состоянию этого регистра. Если количество удовольствия превышает количество неудовольствия, то состояние регистра благополучия положительное, в противном случае – отрицательное. Состояние *опасно* выводит систему из штатного реагирования (по состоянию *безопасно*), которое мы здесь не рассматриваем. Принцип удовольствия (эмоцию удовольствия – неудовольствие) следует отнести к штатному режиму функционирования психической системы личность, о которой мы здесь вообще говорим.

О знаке эмоций, эмоционального реагирования хорошо – плохо. Этот вопрос, как и в определении понятия эмоции, следует рассмотреть с точки зрения его значения и положения в системе – в системе психики, т.е. нужно смотреть логически и с точки зрения морфологии, т.е. отвечать на вопросы: как оно устроено, для чего, для какой цели? Тогда будет понятно сначала устройство, а потом понятно, как это устройство и его функция расположено в системе. Недостаток аналитичности мышления заключается в данном случае в том, что мышление совершается в некоторой привычной, сложившейся схеме вместо категориального, многоаспектного мышления, способного рассмотреть различные стороны процесса, понятия и проч., поставить различные вопросы в поисках адекватной логичной постановки проблемы, без которой мысль кружится и не находит конструктивного ответа.

Роль знака эмоций, опять-таки, должна рассматриваться не сама в себе, а с точки зрения положения в психической системе [4]. Сначала акт реагирования положительного или отрицательного формируется в процессах онто- или филогенетического развития. Что такое положительное реагирование? Оно обусловлено необходимостью выбора в условиях решения задачи самосохранения. Здесь мы имеем две проблемы: 1) эмоции как универсальное средство реагирования, универсальное по сравнению с волевым и ментальным; 2) знак реагирования – положительное или отрицательное осмыслено только с точки зрения выживания: положительно то, что дает безопасность или преимущество. Универсальность эмоционального реагирования в том, что человек может не понимать, но чувствовать и, соответственно, принимать решение о безопасном поведении. Что лежит в основе этого чувствования? Это – другой вопрос, исследование которого требует адекватных постановок и общего системного осмысления роли эмоций в общем функционировании.

Особенности интегральной психологии эмоций. Далее мы уточним, в чем заключаются отличия представлений об эмоциях с точки зрения упомянутого нового направления в психологической науке – интегральной психологии личности [4]. Мы остановимся на тех положениях этой теории, которые непосредственно касаются темы психоэмоционального воспитания и которые применимы для определенного понимания в практическом плане названной темы. Теория, о которой мы здесь говорим, – интегральная психология личности имеет определенные отличия от существующих положений современной психологии личности, и эти отличия, как считает автор, могут помочь пониманию

названной проблемы и увеличению понимания реальных проблем воспитания; понимание же может принести и определенные практические результаты. Заметим еще, что далее, говоря об особенностях интегральной психологии личности, мы сосредоточимся на ошибках эмоционального воспитания и на том, как можно пытаться их избежать.

Отличия новой психологии касаются, в первую очередь, именно эмоциональной сферы человека. Мы будем говорить в основном о ребенке, так как проблемы взрослого выглядят иначе.

1. Эмоции как потребность. В современной психологии эмоции рассматриваются как процесс, сопровождающий мышление и волевые/поведенческие процессы; собственная роль эмоций признается как оценивающая и мотивирующая. В интегральной психологии эмоции рассматриваются как равноправный с мышлением и волей процесс. Это означает, что эмоции могут иметь и имеют психическое значение потребности, что человек в числе многих своих потребностей имеет и эмоциональные потребности, и что поведение человека может руководиться чисто эмоциональной потребностью. Если эмоциональная потребность обращается в функциональную (регулярную и сформированную некоторыми правилами, константами), то она приобретает самостоятельное значение в динамике организма и определенное, иногда весьма сильное доминирование. Вопрос теперь зависит от того, является ли данная эмоция социально одобряемой или нет. Воспитательный аспект состоит в том, что психическая система должна быть «укомплектована» социально неодобряемыми эмоциями, в этом ее перспектива и успех.

Неудачи воспитания, мы не говорим – ошибки, могут объясняться бесконтрольностью, отсутствием направляющих воздействий, тем более – конструирующих воздействий.

2. Эмоциональные процессы имеют количественные характеристики, порождаемые в реальных психических процессах. Эти характеристики могут быть оценены обычными психологическими способами исследования /диагностики/. Эти характеристики имеют дифференцированный вид и они в наибольшей степени представляют человека. Если количественная характеристика эмоции и ее проявления не сбалансирована возможностью ее реализации, то следствием этого будет состояние нереализации и неравновесия системы.

3. Эмоции в аспекте проблемы выживания – субъективность человека, функция выживания. О субъективности эмоций и связанных с ней проблемах исследования пишет Вилюнас в предисловии

к книге Рейковскогo: «При исследовании познавательных процессов обычно существует возможность опираться на два ряда явлений: объективный и субъективный, отражаемый и отраженный. По отношению к субъективному отражению первый ряд может служить своего рода образцом, «эталонoм» того, что, например, должно или могло бы быть воспринято, заучено и т.д. При исследовании же эмоций такой возможности не существует. Эмоции выполняют не отражения объективных явлений, а выражения субъективных к ним отношений... Именно сопоставление объективного «эталона» с тем, как он выражается, субъектом открывает широкие возможности выявления особенностей познавательного отражения» [2, с. 7].

Действительно, вопрос о субъективности эмоций имеет важное методологическое и теоретическое значение. Действительно, субъективность является проблемой для исследования эмоций, и, скорее всего, для разрешения проблемы требуется в корне изменить отношение как к самим эмоциям, так и к их исследованию. Согласно категориально-системной концепции эмоций и положений о субъективности, во-первых, эталона для эмоций не существует, во-вторых, при их исследовании следует ставить другие задачи по сравнению с исследованием познавательного процесса. Эталона для эмоций и не следует искать, его не существует, каждая эмоция принципиально субъективна, уникальна. Но она имеет свой смысл, амплитуду, обертоны и т.д., которые тоже субъективны, но, надо полагать, измеримы; поэтому объективность субъективной эмоции заключается не в ее способности отражать некий объективный предмет, а именно свое субъективное отношение к нему. *Субъективность эмоций объективна* [4, с. 246]. Другое дело, что культура вырабатывает некие *нормы эмоционального реагирования и эмоционального переживания*, которые следует назвать социальным или социально нормативным и которые пока мы здесь не рассматриваем.

Полученное при исследовании субъективное отношение к данному предмету в принципе может оставаться неизменным при неизменных условиях (этот вопрос может быть исследован практически, если еще не исследован) и в этом смысле быть характеристикой данного субъекта. Вопрос в том, в каких задачах эта характеристика может быть использована. Например, в терминах категориально-системной психологии эмоций важнейшее значение для личности имеет ее эмоциональный состав, а также функциональные амплитуды этих эмоций. При таком подходе субъективность эмоций не является препятствием

для их исследования, но требует формулировки новых задач. Следует еще заметить, что эмоциональные и мыслительные процессы имеют глубокие отличия, и в том числе как раз по характеристике субъективности, поэтому их исследование и не должно совершаться в одинаковых задачах.

«Объект или событие, – пишет далее Вилюнас, – может вызвать эмоцию, быть ее поводом, но не может служить образцом для ее анализа и описания. Поэтому данные о том или ином эмоциональном переживании мы можем лишь сравнивать с данными о других эмоциональных переживаниях у одного и того же человека или у других людей, а не с некоторым объективным эталоном...» [2, с. 7]. Как и по поводу принципиальной субъективности эмоций, можно сказать, что задачи исследования эмоций должны быть заново осмыслены на основе более глубоких представлений о личности и ее основных психических сферах: мышления, эмоций и воли-активности. Может ли быть объект, вызвавший данную эмоцию, быть образцом для ее анализа и описания, какая связь существует между объектами и эмоциями, между эмоциями и объектами, существует ли однозначная связь между объектами и вызванными ими эмоциями, чему служит многообразие эмоций, очевидно, что это направление психологических исследований нуждается в методологических и теоретических разработках. По крайней мере, Вилюнас считает, что современная психология сосредоточена преимущественно на том, *что* вызывает эмоции и *что* они, в свою очередь, вызывают (в телесных функциях, поведении и других психических процессах) и что «на этом пути эксперимент подчинил себе теорию...» [там же, с. 8].

Человек, являясь психической системой, наделен функцией самосохранения; о том, что это действительно так, можно заключить из того, что человек наделен многими системами, выполняющими эту функцию, защищающую человека от внешних опасностей и от собственного несовершенства (болезнь). Человек должен защищать себя, противостоять объективному внешнему миру. Явления внешнего мира не зависят от человека, они объективны, и могут представлять собой угрозу, опасность. Человек, реализуя свою цель, защищается, самосохраняется. Он имеет для этого средства, собственно говоря, вся психика служит этой цели. Для осуществления функции самосохранения человек должен иметь систему, которая должна знать, что именно нужно сохранять, различать опасность, оценивать ее и реагировать, соответственно. И психика, и эмоции в частности, служат этой цели. Особенность

эмоций в проблеме самосохранения состоит в том, что посредством эмоций человек может различить и такие ситуации, которые ему еще не понятны, он их чувствует. В этом смысле эмоции похожи на ощущения. Само представление о том, что *это* – хорошо, а *это* – плохо, необходимо должно появиться в психике, чтобы служить для оценки того, *что* благоприятно для выживания (хорошо) и *что* – неблагоприятно (плохо). Понятия *плохо-хорошо*, объясненные своей ролью в проблеме выживания, приобретают затем еще и самостоятельную роль. Человек непрерывно распознает окружающий мир, вырабатывая к нему отношение и, прежде всего, в смысле опасности – безопасности. В этом плане *эмоции вполне субъективны* и являются выражением субъективности человека. Функция самосохранения никогда не покидает человека.

4. Интегрирующая роль эмоций. Эмоции есть недифференцированная жизнь психики. **Эмоции есть центр субъективной жизни, сердце психической жизни. Вот потому и нужен сильный рациональный контроль** по составу и структуре. О структурности психики вообще. Индивидуальная уникальность психической структуры и эмоциональной в частности.

Эмоции составляют центр психической жизни. Жизнь конкретной личности выражена ее эмоциональной палитрой, и разные люди в принципе имеют различные эмоциональные палитры; человек живет в тех эмоциях, которые составляют его эмоциональную палитру; другие эмоции для него не понятны. Состав и функциональность эмоций (чувств) – вот главные характеристики эмоциональной сферы человека и самого человека.

5. От выживания к собственной форме жизни в социуме и культуре. Жизнь есть движение; но сначала должно быть определено то, что движется и что нужно сохранять; поэтому понимание и состав жизни задан изначально и он и является предметом сохранения; но после того как оно сохранено, оно строит еще свои смыслы жизни, и это отвечает тому же принципу движения (иначе не будет движения).

По мере своего развития человек вырабатывает собственные формы жизни. Например, формой жизни является социальная роль человека. Но форма жизни – понятие более богатое – оно включает форму эмоциональной и интеллектуальной и волевой жизни человека. Сохранение выбранной или сложившейся, достигнутой формы жизни является отдельной задачей самосохранения. Как показывает опыт практической психологической работы, бывают случаи, когда цель сохранения

имеющейся формы жизни может конкурировать и конкурирует с целью простого выживания.

6. Эмоциональная палитра. Индивидуальность и функция.

Какой она должна быть и какая представляет угрозу благополучному развитию? Как формировать эмоциональную палитру? Возможна ли эмоциональная нормативность по составу и качеству? Как ее формировать?

Эмоциональная палитра считается в интегральной психологии характеристикой индивидуальности; палитру образуют основные ее элементы, но не все известные в психологии эмоции. Этот индивидуальный подход к эмоциональному составу человека в принципе изменяет картину исследования эмоциональной сферы личности, так как палитры разных людей предполагаются различными по составу, следовательно, и различными по структуре.

7. Константность. Важное значение констант, как и во всякой системе. Формирование эмоциональных констант и их роль.

Любой человек без труда, хотя и приблизительно, оценивает силу проявляемых эмоций. Такая оценка может быть разовой, как и проявление. Но человек может систематически проявлять определенные эмоции с определенной силой; это уже указывает на закрепившийся уровень эмоциональных проявлений; его мы и назовем эмоциональной константой. Очевидно, что эмоциональные константы составляют важную характеристику человека и что они, как и многое другое в психике, формируются под действием внутренних обусловленностей и внешних условий. Считается, что имеется возможность влиять на процессы формирования психических констант.

8. Психо-эмоциональные структуры. Состояния равновесия.

Почему жестокость часто встречается вместе с сентиментальностью? Этот вопрос имеет простой ответ: потому, что при этом увеличивается эмоциональная амплитуда, так как эти две по определению различные эмоции являются симметричными и потому легко суммируются. Это – пример образования эмоциональной структуры. Как пишет Дильтей [5], психическая связь переживается. Эмоциональные структуры, например ассоциативные, легко образуются и, как и ассоциация вообще, фиксируют связи внешнего или внутреннего мира. Сложившееся ассоциативное образование может проявлять свою ассоциативную природу со всеми вытекающими последствиями.

Эмоциональное воспитание неотделимо от воспитания в полном определении этого слова, так как процессы связаны друг с другом, –

об этом уже говорилось выше. Важное значение в процессах воспитания для воспитателя имеет понимание опасностей эмоциональной сферы. Одна из серьезных опасностей – разгон эмоциональной сферы; это означает, что в некоторых повторяющихся жизненных ситуациях происходит нарастание проявляемых или демонстрируемых эмоций. Например, выяснение отношений в семье может сопровождаться постепенным увеличением накала проявляемых эмоций. Это может провоцироваться драматическим моментом при условии обеднения эмоциональной жизни, при условии эмоционального дефицита любого вида или другими причинами. Эмоциональный разгон опасен не только из-за возможности обострения реагирования, но и из-за его влияния на личность, и в том числе на эмоциональную сферу личности, так как он смещает состояния равновесия. При подобном смещении функциональная и потребностная роль эмоций также претерпевает изменения, в частности, эмоциональные потребности могут возрасти вследствие смещения равновесных состояний.

Эмоциональная сфера должна быть правильно наполнена – это первая задача воспитания. Далее необходим контроль за правильным состоянием эмоциональной сферы. Функционирует то, что наличествует.

Контроль за равновесиями, за тем, чтобы они были сформированы, и за тем, чтобы они достигались. Это значит: следить за образованием констант социокультурных, за величинами психофизиологических констант и их состояниями.

Контроль за достижением равновесий может предотвратить произвольные процессы замещения, которые динамичная психика будет осуществлять своими силами и средствами, если не происходит сознательное вмешательство. При невозможности достижения равновесия или возникновении полной нереализации некоторого равновесия необходимо сознательно обдумывать замещения и проводить реабилитации.

Необходимо также осознавать общие механизмы динамики психики. Пример, двенадцатилетняя девочка проявляет постоянную изменчивость по поводу пищи, приготовления уроков жизнь есть движение; но должно быть сначала то, что движется, значит, его нужно создать и сохранять; а после того как оно сохранено, оно строит еще свои смыслы жизни, иначе не будет движения; это и есть аксиомы дедуктивной психологии личности и психологии эмоций. Вот некоторые из них: эмоции представляют собой интегрированную психику; многие эмоции имеют собственное функционирование и потребностный статус; эмоции осуществляют интегрирующую роль в структурах психики.

Оценочная и мотивационная роль эмоций – необходимо воспитание правильных желаний, мотивов и оценок (эмоциональных). Детский суицид – формирование правильных эмоциональных оценок, комплексные оценки часто эмоциональны, имеют форму чувств (ценность собственной жизни, например, особенно в критическую минуту или в кризисной ситуации срабатывает автоматически; складывается долго, в течение многих лет, а проявляется мгновенно, когда анализу нет времени; но если время есть, то анализ возможен; анализ затруднен, так как формирование эмоций объективный, но не контролируемый процесс, естественный процесс.

В чем же заключается правильное воспитание эмоций? И в чем опасность неправильного воспитания эмоций? И что это такое – неправильное воспитание эмоций; в силу интегрированности психики, в силу того, что именно эмоции выполняют интегрирующую роль, о неправильности воспитания следует говорить не только эмоционального, но полного воспитания.

Литература

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2002.
2. Рейховский Я. Экспериментальная психология эмоций / Вст. ст. Вилюнаса. М., 1979.
3. Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Собр. соч.: В 6 т. Т. 6.
4. Казаневская В.В. Интегральная теоретическая психология личности. Томск, 2000.
5. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.

МЕДИЦИНА КАК «ТОЧКА ВЛЕЧЕНИЯ» В ПОЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.И. Кириленко

Томск, Россия

О «властных полномочиях» дискурса, выстраивающего связи и отношения в поле культуры, говорил М. Фуко: «занятием демократических городов вполне может быть арифметика, так как она учит отношениям равенства, но только геометрия должна преподаваться в олигархиях, поскольку она демонстрирует пропорции в неравенстве» [1, с. 57].

Дискурс способен прорасти в теле культуры, обеспечивая сложные взаимные зависимости и превращения. Фуко напоминает историю,

которая «так хороша, что страшно подумать, что это могло бы быть правдой». В Японии XVII в. один из правителей услышал, что превосходство европейцев в области искусства навигации, торговли, политики, военного искусства проистекало из знания математики. По его приказу один из английских моряков давал ему уроки математики во дворце, и в результате этот правитель прожил долго, и правление его было успешным. Немаловажно то, что сам моряк не имел специального математического образования, но овладел необходимыми знаниями, работая плотником на верфи [3, с. 70]. Имеется ввиду, подчеркивает М. Фуко, что все формулы принуждения могут быть сведены к единой, при том само знание в традиции европейской культуры, в отличие от монополизированного и тайного знания Востока, обладает «универсальной сообщаемостью», обеспечивающей свободное движение и обмен дискурсов [1, с. 70].

Элементы дискурсивного пространства вступают во взаимодействие, обретающее свойство самонастраиваемости и воспроизведения. Так, идея дисциплинарной власти, «паноптизма», всенадзорности, запечатленная в архитектурном проекте тюрьмы «Паноптикон» Джереми Бентама, распространилась на школу, больницу, казарму. Система аттестации, классификации, персонального досье – все способствовало выработке постоянного надзора, мониторинга [2, с. 83].

Европейский научно-медицинский дискурс обращен к телу. Его усиление в поле культуры сопряжено с усилением власти телесного начала в культурном опыте.

Следует отметить, что медицинский дискурс может обнаруживать свое присутствие в культурном сознании различным образом. Медицина может выступать как «закрытая сфера деятельности», как «педантичная технология». Она может выходить в открытую сферу общественной жизни как элемент идеологии, как знание об естественном и общественном человеке, внедряя в культурное сознание «фигуры здоровья» [3,68]. Как отмечает К. Богданов, совмещение медицинской и политической риторики могло выражать идеи и революционного (кризисного) и охранительного (консервативного) характера. В период французской революции профессор анатомии Жозеф Гийотин предложил ампутировать больные «головы» для оздоровления общества [4, с. 203]. В России популяризация оспопрививания, благодаря решению Екатерины самой подвергнуться этой процедуре, а также привить своих детей, способствовало утверждению идеи императрицы, врачующей Россию [4, с. 210]. Наконец, медицинский дискурс, проникая

в поле общекультурных смыслов, способен приобретать статус универсального инструмента организации жизни сознания, влиять, формировать и определять особенности культурной ситуации.

По крайней мере, трижды степень присутствия и масштабы воздействия медицинского дискурса на культурное сознание Европы были весьма значительными. Эта ситуация характерна прежде всего для античной культуры (ср. у Йегера: «Греческая медицина как Пайдейя» [5–2,13]; Фуко говорит о «медикализации» античной культуры» [6, с. 65]). В древнегреческом обществе медицина со второй половины V в. до н.э. выдвигается на первый план, превращается в мощную культурную силу. В V–IV вв. до н.э. врачебное сословие Греции занимало высокое положение в социальной и духовной жизни [5–2,13]. Излюбленные примеры философствующим Сократом заимствуются из области медицины. Энциклопедические трактаты, включающие разделы и по медицине, пишут ученые, не практиковавшие медицину – Цельс, Варрон, Катон.

В классической Греции неотделимы были в практике «заботы о себе»: укрощение души и умение управлять телом, а само воспитание носило медицинский оттенок: «...Когда шла речь о физическом развитии человека, наряду с учителем гимнастики упоминался врач» [5–2,14]. В поле зрения врача пребывал патос – у греков это понятие относилось и к страсти и к болезни, «к расстройствам плоти и к произвольным движениям души» [6, с. 63]. Здесь сложилось особо напряженное отношение к человеческому телу, «весьма далекое от обычного культа физической силы»: была осознана его уязвимость, отмечалось влияние на него различных медицинских переменных величин – жилища, его архитектуры, его обустройства [6, с. 65, 114].

Ситуация медикализации античной культуры, по мнению Йегера, выступает симптомом ее кризиса. Ослабление метафизической глубины и серьезности в культурном опыте, оскудение ценностной составляющей, выхолащенной индивидуализмом [5–1, 390], привели к культурному закату, когда утверждается «чисто медицинская объективно-диагностическая позиция» [5–1, 388] – при том, что уровень интеллектуального и эстетического воспитания был наивысшим: обнаруживалось интеллектуальное пламенение «ко всяческой красоте и ненасытная жажда раскованной игры умственных сил» [5–1, 390].

Другой эпохой (на это указывает М. Бахтин), когда медицина заняла ведущее место в культурном сознании Европы, было европейское Возрождение. Это было время, «когда медицина находилась в центре

не только естественных наук, но и гуманитарных наук и когда она почти отождествлялась с философией». При том это было общеевропейское явление: многие гуманисты и ученые того времени были врачами. К этому кругу относились писатель Ф Рабле, химик Парацельс, математик Кардано, астроном Коперник, Корнелий Агриппа. Это было время, пытавшееся «ориентировать всю картину мира, все мировоззрение именно на медицине. В эту эпоху пытались осуществить требование Гиппократов: переносить мудрость в медицину и медицину в мудрость» [7, с. 398–399].

Редкое в то время анатомирование трупов привлекало всеобщее внимание. На публичное анатомирование трупа повешенного, произведенное Рабле в 1537 г., откликнулся стихотворением Э. Доле, где от лица повешенного выражалось чувство радости, вызванное тем, что тело не стало добычей хищных птиц, но послужило демонстрацией замечательной гармонии человеческого организма [7, с. 399]. Медициной восхищались, изучались античные медицинские трактаты, медицину, так же как и анатомирование, вводили в круг гуманистической образованности, но медицину и поносили, что, впрочем, также было симптомом широкого общественного внимания к этой сфере деятельности.

Новоевропейская культура также отчетливо обнаруживает признаки медиализации. Вплоть до XVIII в. сохранялся широкий общественный интерес к процедурам анатомирования. В литературе Просвещения «медицинские статьи «Энциклопедии» прочитываются как общественно-политические манифесты их авторов (например, у Дидро), а моральные и философские размышления обставляются медицинскими метафорами (например, у Вольтера)» [4, с. 199–200]. О патологии эпохи Просвещения рассуждали Эдмунд Берк, Жозеф де Местр, Ф. Шиллер и Ф. Шеллинг, Алексис де Токвиль и Жюль Мишле [8, с. 38]. Колоритные примеры медицинских переносов в мир культуры можно найти в творчестве Гюисманса. Со времен Ницше и Фрейда медицина в культурном сознании все отчетливее выдвигается на первый план.

Исподволь эта ситуация подготавливается на русской почве. Популяризатором «медико-политической» терминологии Руссо в России стал Фонвизин [4, с. 203]. В выстроенных в романтической стилистике «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя обнаруживается характерный сплав патологических состояний и повседневной жизни: по словам В. Белинского, здесь запечатлена «психическая история болезни, изложенная в поэтической форме» [9, с. 103]. В литературном и идеологическом дискурсе русской культуры с 1830–40-х гг. «изображения болезней

и умирания очевидно медикализируются», в частности ситуации дуэльных поединков, что, по мнению исследователей, было инициировано дуэлью и смертью Пушкина [4, с. 213]. В реалистической эстетике середины – второй половины XIX в. медицинский дискурс занимает полноправное положение: «литература призвана анатомировать действительность» [1, с. 245]. В творчестве художников-передвижников (В.Г. Перова, К.Е. Маковского, И.Е. Репина, В.М. Максимова и др.), как показывает К. Богданов, «“медицинские” и, в частности, “кладбищенские” сюжеты становятся объектом принципиальной “реалистической” визуализации...» [4, с. 246]. Стремясь к точности и достоверности изображения, А.И. Куприн, работая над рассказом «В цирке» и описывая ситуацию болезни сердца у борца Арбузова, консультируется у А.П. Чехова.

В культуре XX в. в фильме «Дом дураков» А. Кончаловского жизнь клиники для душевнобольных моделирует универсальные схемы поведения людей в современном обществе; «это не столько даже образ мира, сколько некая квинтэссенция мировой культуры» [10, с. 39]. В опере М. Наймана «Человек, который принял свою жену за шляпу» (по мотивам произведения О. Сакса) страдающий визуальной агнозией герой упорядочивает свою душевную жизнь с помощью песен Шумана; классическая культура противостоит, таким образом, хаосу современной жизни. Грань между нормой и патологией стирается. Болезненные схемы поведения выходят за пределы лечебниц и захватывают пространство культуры. В начале XX в. телесность истероидного типа личности повлияла на театр немецкого экспрессионизма, который вырабатывал особый, конвульсивный тип поведения актера. В артистических кругах довоенной Европы была известна танцовщица Мадлен, которая танцевала в состоянии транса [11, с. 274].

Медицинский дискурс задает важнейшие темы и сюжеты культурного сознания, выстраивает современное культурное мышление, претендуя на роль новой антропологии. «Вторжение идеи конечности бытия» в сознание современного человека приводит к тому, что здоровье получает статус высшей ценности. Оно ассоциируется ныне не только с телесным благополучием, но сопрягается с религиозными смыслами, становится своего рода религиозно-этическим оправданием существования: «Здоровье замещает спасение». В современной культуре медицинские взгляды приобретают «плотность философской мысли», что сравнимо с тем, чем раньше обладала математика; «значение Биша, Джексона, Фрейда для европейской культуры доказывает

не то, что они были в той же мере философами, как и врачами, но то, что в этой культуре медицинская мысль по полному праву заняла статус философии человека» [3, с. 295].

Ситуация своеобразной медиализации культурного опыта, безусловно, благоприятна для медицины, но является тревожным симптомом для современной культуры, ибо в традиции европейской научной медицины врач появляется там, где возникает болезнь.

Литература

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
3. Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
4. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
5. Йегер В. Пайдейя. М., 2001. Т. 1, 2.
6. Фуко М. История сексуальности–III: Забота о себе. Киев, 1998.
7. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
8. Бейтс Д. Идолы и предвидение: топография знания эпохи Просвещения // Культурология. Дайджест. 2003. № 3 (26).
9. Карташова И.В. Этюды о романтизме. Тверь, 2001.
10. Быков Д. Оксюморон, или с нами Бог // Искусство кино. 2003. № 2.
11. Ямпольский М. Демон и лабиринт. М., 1996.

ТЕЛЕСНАЯ СФЕРА БОЙЦА И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В.В. Лобанов

Томск, Россия

Со времени античности сохранилось представление о триединстве человека (разум, тело и душа; в христианстве – дух, тело, душа). Согласно трактату Аристотеля «О душе» [1], человек может считаться достойным, если три этих компонента будут гармонизировать друг с другом. Общая «полезность» человека, его «качество» определяется при помощи сравнительного анализа всех компонентов и выделения из них наименее развитого. Человека можно рассматривать и как «способ познания мира», и как передающий информацию канал, где каждый из компонентов представляет собой определенную секцию

«проводящей трубы». Максимальное количество «информации», которое может освоить человек, определяется диаметром самой узкой части «трубы», и даже гипертрофированное развитие, например, тела не компенсирует слабости духа. Особенно это заметно у лиц, занимающихся единоборствами и боевыми искусствами. В настоящий момент мы наблюдаем падение интереса к «грубым», силовым методам противостояния и интеллектуализацию многих видов единоборств, т.е. физическая сила, продолжая оказывать заметное влияние на практическую ценность человека как бойца, постепенно утрачивает свое определяющее значение.

Оценивая уровень развития телесной сущности человека, наиболее очевидно предложить признание уровня развития тела достаточным при одновременном наличии высоких показателей силы, гибкости, выносливости и т.д. Но в таком случае мы не учитываем возраст исследуемого человека и неизбежно признаем телесную сущность, например, семидесятилетнего Морихея Уэсибы недостаточно развитой по сравнению с телом современного двадцатилетнего спортсмена, а на этом основании приходим к ложному выводу об общем преимуществе последнего. Очевидно, что следует найти такое качество, такой параметр телесного развития, который в нормальных условиях был бы минимально подвержен возрастным изменениям. Этим качеством можно было бы считать ловкость, определяемую Н.А. Бернштейном как способность человека совершать нужные действия в нужное время.

Резкое биомеханическое отличие двигательного аппарата человека от любого из искусственных самодействующих устройств состоит в огромном количестве доступных ему степеней свободы, как кинематических, зависящих от многозвенности его свободно сочлененных кинематических цепей, так и эластических, обусловленных упругостью движущих тяг – мышц и отсутствием в силу этого однозначных отношений между мерой активности мышц, ее напряжением, длиной и скоростью ее изменения. Способность человека к передвижению в пространстве обусловлена различными параметрами физического развития, причем следует подходить к оценке движения как с позиций выявления возможностей человека в данной области (максимальная скорость и продолжительность движения), так и с точки зрения эффективности движения, во многом связанной с координацией и уровнем ловкости.

Наиболее сложные движения, совершаемые человеком, можно увидеть в боевых искусствах, где движения кардинально отличаются

от, например, танцевальных, своей зависимостью от действий соперника (мастера многих единоборств призывают во время боя обращать внимание на движения противника, а не на свои собственные («Не идите против движения противника. Двигайтесь как легкий ветер» [2, с. 128])), «взрывным» характером, высокой степенью импровизации. Все вышеперечисленные факторы подтверждают правильность установки спортсменов и мастеров боевых искусств (далее – БИ) на максимальное расслабление и минимальное расходование энергии во время боя, так как после достижения определенного (различного в разных видах спорта) возраста физическая форма неуклонно ухудшается, даже несмотря на интенсивные тренировки по ее поддержанию. Соответственно, требуется такой подход к боевым искусствам и к спорту, который бы позволял бойцу быть в максимально хорошем состоянии для ведения поединка в течение максимального длительного времени. И эту задачу также можно разрешить с помощью методик, тренирующих ловкость.

Ловкость в спортивных и боевых единоборствах также может являться тем основным качеством, развитие которого обеспечивает достижение результата. Например, 3–4 века назад произошло изменение приоритетного качества, требующегося для ведения фехтовального боя, и чаще побеждать стали не более сильные, а более ловкие бойцы (в связи с облегчением оружия и усложнением техники). Примеров этому множество. В исторической перспективе произошли серьезные изменения, и фехтование можно считать родившимся в тот момент, когда «для поединка потребовалось нечто большее, чем грубая сила» [3, с. 12]. Теория фехтования достигла почти абсолютного совершенства в наши дни, когда это искусство стало практически неприменимым. На высшей ступени развития фехтования приоритет отдается никоим образом не грубой физической силе, а разуму (анализ ситуации и планирование боя) и ловкости (точное и своевременное выполнение задуманных действий и адекватное реагирование на действия противника).

Уровень ловкости практически не снижается в процессе старения человека, в отличие от других показателей, более того, ловкость способна компенсировать возрастное снижение или недоразвитие остальных качеств человека. «Старость может исподволь подкрасться к фехтовальщику, лишит его тело подвижности, а запястья – гибкости, но он... компенсирует это хладнокровием и точностью, которые приходят с долгими годами практики» [3, с. 19].

Для японского искусства боя на мечах также со временем стало характерно чрезвычайное внимание к пальцевому хвату оружия, который обеспечивает большую управляемость и точность. Никлаус Суино, обладатель 6-го дана Иайдо, пишет о наличии строгого распределения силы даже между отдельными пальцами: «...больше силы в указательный и безымянный и меньше – остальные» [4, с. 52]. И даже самое «грубое» спортивное оружие – сабля – и та в конце XIX в. стала управляться пальцами, используя преимущества «мелкой моторики» в точности, своевременности и скорости движений. «...Венгрия, чьи мастера произвели настоящую революцию в системе фехтования на саблях: в обращении с оружием они делали упор не на силу, а на работу пальцами» [5, с. 7].

Так какой же смысл имеют занятия боевыми искусствами в современном мире, который неуклонно движется в сторону демократизации и полной правовой институционализации всех сторон жизни? Очевидно, что с точки зрения необходимости БИ для самозащиты или для ведения боевых действий, нерационально тратить даже время на занятия, не говоря уже о риске получения травмы и значительных финансовых затратах. О развитии физических качеств и приобретении уверенности в себе можно говорить только включительно до среднего возраста, но для старшего возраста имеет значение только повышение общего уровня ловкости как результат занятий БИ, что косвенно влияет на увеличение продолжительности жизни человека.

В настоящее время в России начинают появляться секции, целенаправленно развивающие ловкость (например, система Мирошниченко русского стиля рукопашного боя). Бойцы, подготовленные по этой системе, не будут утрачивать боевых качеств даже в преклонном возрасте, поэтому данная система является в настоящее время одной из наиболее перспективных. Кроме того, высокий уровень развития ловкости обеспечивает максимальную эффективность человеческой деятельности в связи с повышением его способности к «проводимости» информации, так как тело, по сути, является связующим звеном и посредником между разумом и душой и окружающим миром.

Однако ловкость в данном случае нельзя считать исключительно показателем телесного развития, так как ее уровень во многом зависит от «качества» разума и способности к анализу ситуации, а для выделения в качестве квалифицирующего признака необходим более «чистый» параметр, столь же объективный и неизменный в нормальных условиях, что и ловкость. В качестве такого критерия оценки телесности может служить уже другое, производное от ловкости, но отделенное

от разума качество, такое как синергия, схожая с понятием «координация движений» (координация движений есть преодоление избыточных степеней свободы движущегося органа, иными словами – превращение его в управляемую систему [6]), но отличная от нее.

Синергию в данном случае следует понимать как комбинированное воздействие двух или более факторов, характеризующееся тем, что их объединённое биологическое действие существенно превосходит эффект каждого отдельно взятого компонента и их суммы. Синергия обеспечивает максимум способности тела к творчеству, учитывая при этом всю сумму биологических параметров человека и одновременно являясь наиболее объективным критерием оценки телесности и выявляя уровень полезности одной части (компонента, параметра) целому, т.е. полезность телесной сущности «триединому человеку». В связи с этим разумно именно синергию использовать в качестве квалифицирующего признака для оценки уровня телесности бойца (спортсмена). Высокий уровень синергии обеспечивает максимальную эффективность движений бойца в течение максимально длительного времени, поэтому предпочтительно развиваться именно в этом направлении, повышая собственный уровень ловкости (и синергию как смежный с ловкостью параметр) во время занятий и тренировок.

Литература

1. Аристотель. О душе. СПб., 2002.
2. Хацуми Масааки. Сущность ниндзюцу. Традиции девяти школ. М., 1999.
3. Кастл Эгертон. Школы и мастера фехтования. Благородное искусство владения клинком. М., 2007.
4. Суино Никлаус. Искусство японских мастеров меча: Руководство по Иайдо Эйсин-Рю. М., 1999.
5. Веленский А. Искусство фехтования. Ростов-н/Д, 2006.
6. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. [Электронный ресурс]: <http://www.magistr.optimalno.ru/stat/stat17.php>

ЕДИНСТВО МИКРО- И МАКРОМИРА В ПСИХИКЕ ЧЕЛОВЕКА

Н.А. Люрья

Томск, Россия

Острота и актуальность современных проблем, касающихся будущего человека как биологического вида, так и общественного существа,

заставляет обращаться к самым различным областям научных исследований: биологии, медицине, социологии, философии. С нашей точки зрения, существует пласт исследований, раскрывающий природу человека, недостаточно оцененный научным сообществом и представленный в трудах Н.А. Бернштейна. Исследования, проведенные им в 20–40-е гг. XIX в., позволили дать ответы на вопросы о том, каким образом индивидуальные психические процессы связаны, с одной стороны, со структурными уровнями мозга, а с другой – с эволюцией всего живого на Земле. Найденные им результаты позволили понять сложное единство индивидуального и природного, индивидуального и коллективного, объяснить, как человек предвидит предстоящие события, и какие структуры мозга ответственны за этот процесс. Схематическому описанию его идей посвящена настоящая статья.

Последняя монография Бернштейна называется «Очерки по физиологии движений и физиологии активности» (М., 1966) [1]. «Физиология активности» – что это? Казалось бы, два совершенно несовместимых понятия. Первое – субстанциональное определение субстрата (даже не биология, а именно органический, природный вещественный носитель – «физика» организма); второе – активность – имеет волевое, целеполагающее, духовное начало! Каждый термин по отдельности узнаваем, легко эксплицируем, имеет определенный «объем» содержания, но их сочетание, впервые введенное Бернштейном, как раз и явилось тем неоднозначно отождествляемым понятием, которое скрыло в какой-то мере революционный смысл его теории. Ближе всего это сочетание соответствует понятию «кибернетика» организма, введенному гораздо позже и намного удачнее Н. Винером. Однако раскрываемое содержание «физиологии активности» настолько богаче «кибернетики», насколько поведение живых систем сложнее управления автоматами по принципу обратной связи. Основные идеи кибернетики вошли лишь как незначительная составляющая часть в общую концепцию Бернштейна и впервые были высказаны им за 12 лет до появления работ Винера. Физик и биолог, музыкант и математик, Бернштейн столкнулся с огромной проблемой: найти пути взаимопонимания гуманитариев, естественников, математиков в конкретной задаче, стоящей на стыке биологии, физиологии, психологии.

Н.А. Бернштейн работал в 20-е гг. в Центральном институте труда и решал актуальную, но, казалось бы, довольно узкую задачу, являющуюся частью общей программы научной организации труда: обеспечить экономное, бережливое расходование физической энергии человека

в процессе его трудовой деятельности. Как наиболее быстро и эффективно обучить человека рабочим операциям, передать высококвалифицированный опыт мастера? Начинаются исследования процессов формирования навыков, механизмов освоения неизвестных операций; поиски ответов на вопросы, что лежит в основе таких механизмов и можно ли ими управлять. Сюда же относятся задачи научного управления тренировкой спортсмена, обучения движениям космонавтов в необычной для Земли обстановке. Н.А. Бернштейн столкнулся с уникальной ситуацией: для объяснения формирования того или иного навыка недостаточно строго формализуемых, логических средств точных наук, недостаточно и тех средств, которые имелись в арсенале биологических наук, теория рефлексов оказалась совершенно непригодной. Ему пришлось выйти за пределы как тех, так и других дисциплин и создать свой подход, метод исследования. Он сознательно вышел за пределы поставленной биологической задачи, потому что в тех рамках она не могла быть решена, и решение было найдено на «среднем уровне» с помощью создания новой методологии.

Реализация этой методологии позволила открыть совершенно новые принципы функционирования живого организма. Свои центральные идеи Бернштейн изложил в книге «О построении движений» [2]. В названии работы опять проявился терминологический недостаток; узость обычного понимания этих понятий, к сожалению, сохранена и перенесена в оценочных работах.

Акцент сделан на движении. Однако, во-первых, под движением Бернштейн понимает не любое действие, а целостный поведенческий акт, имеющий смысл для особи, например, схватывание добычи, поиск пищи, спортивный элемент, трудовая операция и т.д. Во-вторых, весь процесс движения от начала до конца анализируется во взаимосвязи внутренних компонент (механика построения отдельных действий и увязывание их в единое целое в организме) и внешней среды. Оказалось, что любой двигательный акт как целостное образование не есть простая сумма из отдельных элементов, не есть цепь сколь угодно сложных условных и безусловных рефлексов. Построение движения совершается системой взаимосвязанных иерархических структур центральной нервной системы (уровней). Движение именно **строится**. Каждый уровень «выбирает» свою часть сигнала, формирует свою собственную реакцию, которая служит «входом» (восприятием) для другого более высокого уровня. Построенное целостное движение есть результат взаимодействия уровней. Какую часть сигнала обрабатывать

и что отвечать каждому уровню, определила история их развития. Часть уровней образовалась в процесс эволюции и принадлежит всему животному миру, другая часть – в онтогенезе (ходьба, спорт, трудовые навыки). Особенно важным здесь является заключение о том, что объяснить движение удалось только с позиций выполняемой в его процессе **задачи**, значимой для особи, а значит, только с позиций **деятельности**, со своей целью («предвидимое будущее», «долженствующая ценность», «модель будущего результата»), средствами, результатом, оценкой и корректировкой.

Отсюда сразу встает задача объяснить, как формируется уровень, что выступает решающим фактором для его выделения в самостоятельное звено, как взаимодействуют различные уровни, чем определяется их структура, иерархия и т.д. Все эти вопросы упираются в решение центральной проблемы: взаимодействие организма со средой, функционирование и развитие (эволюция) организма. Простое (причинно-следственное) образование условных и безусловных рефлексов оказалось недостаточным для объяснения поведения особи. Живой организм взаимодействует со средой по принципу обратной связи, потому что бесчисленное множество различных факторов внешней среды сразу и одновременно (аналог сильного многочастичного взаимодействия) действуют на организм, но важными для него оказываются немногие – именно они «пропускаются» через этажи уровней нервной системы при построении движения организмом. Проблема «конструирования» тела и функций животного в процессе эволюции «решается» совсем другим способом, чем в технике или науке, где точное знание всех условий обязательно и затоны построения не зависят от времени.

Чтобы решить эти проблемы, Бернштейну пришлось проклассифицировать типы вообще возможных движений, обратиться к **эволюции живой природы**, потому что типы движений оказались тесно связанными с теми задачами, с которыми сталкивается вид в процессе своей жизни. Тем самым специальный вопрос о движениях человека, оказалось, невозможно решить без максимального расширения всей задачи и включения проблемы эволюции вида. Центральным моментом в исследовании становится не сам процесс построения движения, хотя он и является одной из важнейших составляющих, а деятельность организма в «решении» задач, возникающих в процесс его существования, важнейшими из которых выступают взаимодействие со средой, развитие, воспроизводство. **Иерархическое** построение деятельности

говорит о том, что организм в процессе эволюции «учитывает» успешные решения и закрепляет их соответствующим образом в «этажах» своей структуры.

Так, метамерные движения простейших живых организмов, ответственность за которые несут химические возбуждающие вещества (медиаторы), сохранены у всех животных и человека в деятельности гладких мышц, создании их тонуса и обеспечении основы тонусных движений: дрожь от холода, вибрационные ритмические движения, удержание позы и т.д. Это самый нижний этаж в двигательной системе, и его деятельность связана с частью спинного мозга, включая нижние отделы мозжечка у человека». В эволюции задача, решаемая этим уровнем – несение службы раздражимости и чувствительности, изменение формы и сократительности, обеспечение первобытных движений (уровень А).

Следующий за ним уровень построения движений (В) решает задачу управления телом как целостной системой. Входной информацией для уровня В являются сведения о состоянии и действиях своего тела (мышц, тканей туловища, углах и скоростях перемещений суставов и т.д.). Эти данные непрерывно поступают в центральную нервную систему», и в мозгу создается общая «картина» всего тела и конечностей. Эта информация служит источником для осуществления согласованных движений, вовлечения мышц и суставов, чтобы обеспечить ритмичность, повторяемость, «штампованность» движений тела, как единого целого – «локомоторной машины» безотносительно к внешнему пространству. Субстанциональный носитель этого типа движений совсем другой. «Вход» осуществляют проприорецепторы – рецепторы глубокой внутренней чувствительности. Переработка информации осуществляется в таламусе (арительный бугор) и гипоталамусе, а «выход» – управление – производится через ядра (паллидум), которое непосредственно через нижний фоновый уровень А обращается к двигательным клеткам спинного мозга. В филогенезе этот уровень был высшим для рыб, и задача, решаемая в процессе эволюции этим типом движений, формулируется Бернштейном как овладение собственным телом в качестве целостной системы, включая в свою деятельность предыдущий уровень как фоновый.

Следящий уровень (С) – уровень пространственного поля – обеспечивает объективированность и освобождение поведения особи от связи с собственным телом. Этот уровень выступает ведущим при необходимости ориентироваться в любой сложной обстановке

и приспособливаться к внешней среде. В филогенезе решаемая этим уровнем «задача» усложняется по сравнению с предыдущей прибавлением к ней учета более сложной по сравнению с океаном средой обитания – суши. И формулируется она как «овладение пространством». Птицы и низшие млекопитающие имеют этот уровень в качестве ведущего. Основой для получения входной информации служат теле- и тангорецепторы (зрительные, слуховые, обонятельные, вестибулярные). Меняется анатомический субстрат и формируется его взаимодействие с уже существующими уровнями А и В, выступающими в качестве фоновых.

И следующие, выделенные Бернштейном уровни, связываются им с овладением предметными действиями, орудиями труда и включают все те движения, которые оперируют с предметами **осмысленно**. Вслед за ним следует уровень овладения искусственными знаками – устной и письменной речью, всей человеческой культурой.

Классификацию уровней удалось провести только с позиций деятельности, терминология и весь аппарат рассуждений резко контрастны и неприемлемы с прежних позиций «классической» биологии. Действительно, структурно и функционально целостное образование в организме – уровень – соотносится с **задачей**, решаемой в двигательном акте. Чтобы выявить содержание задачи, оказалось необходимым включить в исследование генезис и эволюцию. «Построение движения» невозможно без поступления «входной информации», адекватных перешифровок, системных взаимодействий между уровнями, управления. Конечный итог движения (успех-неудача) формулируется в терминах «освоения», «управления», «корректировки», аналогично критериям человеческой деятельности.

Нетрудно видеть, что причинами успеха такой теории или «закона жизни» (Берг) является нахождение ответа на вопрос «для чего». Такую задачу выполняет новая ориентация исследования: «Каждая двигательная задача в зависимости от своего содержания и смысловой структуры находит себе тот или иной уровень, тот или иной синтез, который наиболее соответствует по качеству и составу образующих его афферентаций и по принципу их синтетического объединения требующемуся решению задачи» [2].

Переход на качественно иной объяснительный принцип Бернштейн оправдывает тем, что каждая наука перерастает стадию первоначального эмпиризма, когда она в состоянии ответить на вопрос «как происходит явление» (качественный уровень), почему оно происходит

именно так (количественный уровень, причинное описание). Но для биологии все попытки, основанные на поиске ответов на эти вопросы, были неудачны, так как живым процессам присуща целесообразность, и вопрос «для чего существует то или иное приспособление», какую задачу оно выполняет, оказывается центральным.

Внешне кажется, что в термин «задача» вкладывается субъективный смысл. Действительно, какая задача стоит перед амебой? Человек сознательно ставит задачу, а амеба ее «решает». Клетка не ставит задачу, но она обладает внутренней активностью. Задача имеет конечную цель и не имеет способов (однозначных) решения, а внутренняя активность имеет определенное направление, не имея цели. Эта активность приводит клетку к некоторым состояниям, которые можно назвать целью. Внутренняя активность есть другая сторона «овладения» частью среды. Среда «сворачивается» во внутренние структуры организма, внешнее пространство и время «сворачиваются» в другие (внутренние) пространственно-временные масштабы живого. Моделирование мозгом будущей ситуации основано на «развертывании» прошлого сконцентрированного опыта и непрерывным активным «анализом» настоящего. Поэтому двигательная задача всегда содержит в себе больше информации, чем воспринятая ситуация [3].

Конечно, вопросы выявления закономерностей этого процесса, обнаружение свойств «моделирования» ситуаций, жизненно важных для организма, переработки, зашифровки и расшифровки ценной информации, соотношение различных иерархических структур, – все эти вопросы находятся на стадии начальной разработки, но здесь налицо переориентация научного мышления.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Пути и задачи физиологии активности // Вопросы философии, 1965. № 10.
2. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
3. Бернштейн Н.А. Проблема взаимоотношения координации и локализации // Архив биологических наук, 1935. Т. 38. Вып. I.

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

О.В. Попова

Москва, Россия

Идеология современного феминизма находится в некотором противоречии к истоку феминистского движения. Первые феминистки конца VII в. своему зарождению были во многом обязаны именно Декарту. Однако если на заре феминизма рационализм Рене Декарта (все люди обладают разумом, следовательно, истинное знание, основанное на опыте, доступно любому, в том числе и женскому полу) рассматривался как освободительная сила для ущемленных социальных групп, то современные философские претензии по отношению к Декарту связаны с обвинением его в технологизации образа мышления и механическом рассмотрении человеческого тела. Дуалистическая точка зрения обусловила восприятие женской природы как более низкой природы по отношению к природе мужской. Марсель Энафф на основе анализа текстов де Сада отмечал, что в отношении женской половины человечества самодостаточность разума оборачивается возрастанием его властных полномочий. Традиционно за женщиной закреплялась сфера первобытного, природного, границы ее идентичности совпадали с ее телесностью, в то время как идентичность мужчины формировалась за счет преодоления женского, вследствие чего культура рассматривалась как исключительно мужская привилегия. Женщины, которых обменивают мужчины, выступают наравне с другими «дарами природы». «Их «естественность», институционализированная запретом, оказывается метонимически связана со всей сетью других «естественных» структур, куда входят: задача биологического воспроизводства и вытекающая отсюда забота о домашнем очаге... создание общественных институтов и оформление дискурса происходит под знаком мужского господства и дискриминации женщин, под прикрытием рассуждений, что так все устроено от природы [1]. Такая сложившаяся на протяжении тысячелетий система отношений между женщиной и женщиной была подвергнута переосмыслению: современное феминистское движение артикулировало ряд дискуссионных тем относительно статуса женщины в обществе на основе понимания ее природы.

Одной из них является проблема объективации женщины, в результате которой она расценивается как телесное существо,

непричастное к сфере духа. Эта проблема есть следствие нерешенности более широкой проблемы: отсутствия единого понимания природы человека, в результате чего природа женщины рассматривается в такой методологической программе, которая приравнивает ее к вещи, отрывая от личностного измерения, которое приписывается мужской природе как норме общечеловеческой природы. Женская телесность также рассматривалась в аспекте недостаточности, дефективности. Исторически предполагалось, что женщина – искусительница мужской плоти, она морально ущербна (женщина не способна к совершению поступка исходя из принципа – И. Кант «О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин»). Акцент на ущербности женской анатомии в XX в. был актуализирован З. Фрейдом, который из постулата желания женщины иметь мужские гениталии делает вывод, что женщина восстанавливает свою полноценность, целостность лишь в акте деторождения [2].

Вследствие объективации женщины феминизм заострил внимание на разновекторных типах насилия по отношению к женскому полу, осуществляемого как на физическом, сексуальном уровне, так и в процессе коммуникации (в том числе виртуальной). Одним из идеологических оснований современного феминизма можно считать постструктуралистскую линию философствования. Постструктурализм подвергает тщательному анализу (деконструкции) различные дискурсивные практики и в отношении гендерных проблем выходит на анализ маскулинных основ западной культуры, проблематизируя поиск недискурсивных оснований природы женщины. Постструктуралистский феминистский анализ в контексте отрицания естественной функции женщины как матери рассматривает концепт «пол» как целиком политическую категорию. Для Моник Виттиг, рассуждающей в духе М. Фуко, пол не описывает исходную материальность, но производит и регулирует интеллигибельность материальности тел. Для обоих философов категория пола налагает дуализм и единообразие на тела в целях поддержания репродуктивной сексуальности как принудительного порядка. Для Джудит Батлер такой тип категоризации рассматривается как насильственный, силовой, а такое дискурсивное упорядочивание и производство тел, соответственно, такой категории пола рассматривается как физическое насилие. Очевидно, что и понятие «материнство» вызывает ярко выраженные негативные коннотации, оно рассматривается в связи с насилием и эксплуатацией тела женщины.

Проблема конституирования женской субъективности (перехода от статуса объекта и вещи к статусу субъекта) особым образом артикулируется на фоне постмодернистской рефлексии о «смерти субъекта». Концепт «смерти субъекта» рассматривается как запланированная, ангажированная акция, направленная против женщин, только начинающих говорить от самих себя как от субъектов. В то же время эта тенденция становится для феминисток поводом разобраться, что скрывается за понятием «женщина-субъект» и имеет ли смысл, протестуя против провозглашения его смерти, утверждать и продолжать его конституировать. Джудит Батлер предполагает, что в самой борьбе за освобождение женщины могут перенять те самые модели угнетения, которыми были угнетены сами, не отдавая себе отчет в том, что оно осуществляется единственным образом: через регуляцию и производство субъектов. Анализируя процесс конституирования западного субъекта, Джудит Батлер замечает, что он выстраивается через акты дифференциации, вычленяющие субъект из сферы презируемой изменчивости, конвенционально ассоциируемой с женским, природным, телесным и эта дифференциация начинает осуществляться уже на уровне политики, а затем переходит во все другие сферы жизни. С этой точки зрения, деконструкция субъекта феминизмом означает не цензурирование его употребления, но наоборот, высвобождение его для будущего множественных значений, в частности, субъект-женщина должна быть освобождена от приписанных ей телесных ролей, например, таких, которые навязывают ей образ матери, домохозяйки и т.д.

По мнению Моник Виттиг, женщин идеологически выстраивают как «естественную группу». «Нас принудили и телом и умом соотносить себя, образ за образом, с идеей естества, которая была для нас сформулирована. Искаженной до такой степени, что наше деформированное тело считается тем, что они называют «естественным», якобы существовавшим до угнетения. Искаженной настолько, что в конечном итоге угнетение воспринимается как результат этой «естественности» в нас самих (естество, которое, всего-навсего, *идея*)» [3].

Исторически женщина признавалась зависимой от своего собственного тела, от аффектов, а следовательно, вызывала к себе отношение как к более низкому в онтологической иерархии существу, не способному действовать в соответствии с нормами морали. Способы представления мужской и женской телесности скрывают под собой имеющие место нравственно-исторические практики, социальные отношения. И. Кон приводит достаточно интересный пример репрезентации

мужского и женского тел в искусстве, за которой может скрываться определенные телесные каноны, подразумевающие распределение общественных ролей, различие в статусе, функциональных обязанностях и т.д.: «Общее правило западного искусства: «мужчины действуют, женщины являются. Мужчины смотрят на женщин. Женщины наблюдают себя, в то время как на них смотрят. Это определяет не только большую часть отношений между мужчинами и женщинами, но также отношение женщин к самим себе (Berger, 1972. P. 47). Феминистская теория, начиная с работы Лоры Малви (Малви, 2000), увидела в этой асимметрии проявление отношений власти и социального неравенства: женщина выступает как объект и образ, а мужчина как субъект и обладатель взгляда» [4].

В литературе классическим выражением такого уничижительного отношения является поэма «Цветы зла» Ш. Бодлера: «Женщина – прямая противоположность Денди. Значит, она должна вызывать омерзение... Женщина естественна, т.е. отвратительна... Женщина не различает души и тела. Она примитивна, как животные. Сатирик бы сказал: это потому, что у нее есть только тело» [5]. Жан Старобинский, комментируя это высказывание, связывает его с духом эпохи писателя, с характерным для того времени ощущением неловкости, которое вызвала телесная природа. Тело могло обрести смысл только в том случае, если оно порождало бестелесные эффекты прекрасного. Если тело есть зло, то лучшее, что можно сделать, как-то обойти его стороной или преобразить. Денди, которого Ш. Бодлер противопоставляет «естественной» женщине, как раз и представляет собой человека, старающегося возвыситься над случайной данностью телесного существования с помощью манипулирования предметным миром: «он лишь потому столь усердно печется о внешности, что не хочет совпадать со своим телесным присутствием» [5]. Мужчина XIX в., с точки зрения Ж. Старобинского, представляет себе идеальную женственность как нечто обратное и дополнительное по отношению к себе самому, в то время как женщина представляется величайшей искусительницей, потому что она по природе своей обречена на постоянное присутствие в своем теле.

Феминистское движение утверждает, что подобные утверждения конструируются исторически варьирующимися властными стратегиями социума, сама же природа женщины теряет свойства исключительно биологической заданности. Вектор феминистского движения направлен против принципа «дополнительности», в соответствии

с которым женщина, лишаясь субъективности, становилась придатком воли мужчины. Женщина начинает действовать в дискурсе истины, который привилегированно был подчинен миру мужчин. Постмодернизм в лице Ж. Бодрийяра отреагировал на такую тенденцию скептически. С его точки зрения, подключение феминистского движения к строю истины означает перечеркивание преимущества женского, «которое в том и заключается, что женское никогда, в известном смысле, даже не подступалось к истине, оставляя за собой абсолютное господство над царством видимостей» [6]. Культура соблазна, очарования, с его точки зрения, как раз и составляет истину женщины. В этом специфичность ее природы по отношению к природе человека, задаваемой через мужской рациональный канон.

Г. Маркузе также закрепляет за женщиной прежде всего «царство видимостей», эстетическую сферу, которой противостоит мужской порядок истины, оцениваемый им в негативном ключе.

В связи с этим стоит отметить, что тенденция либерализация жизни женщины, с характерным для нее стремлением к ассимиляции ценностей мужского мира парадоксальным образом пересекается со встречным движением со стороны мужчин, призывающих к отказу от патриархального маскулинного устройства социального мира. Некоторые исследователи оценивают это явление как своего рода социально-экономический запрос, обусловленный формированием новых конфигураций власти. Э. Фромм в произведении «Искусство любить» рассматривает достижение равенства женщин в контексте общего социального процесса уничтожения различий, являющимся следствием потребности капиталистического общества в стандартизации людей.

Акценты современного феминистского движения разнородны. Раскрытие темы равенства женщин и мужчин, преодоления власти патриархальных отношений, пронизывающей все феномены культуры дополняется попытками обоснования самоценности женской природы, с подчеркиванием неповторимых ценностей женской телесности, на которой фундирована эта природа. Представительница радикального феминизма Люс Иригарей выдвигает проект гендернообусловленной этики, учитывающей специфические особенности женской телесности. У Л. Иригарей специфические особенности женской физиологии, наоборот, рассматриваются в связи с моральными ценностями – такими, как самоотдача, бескорыстие, страсть. Они оказываются фундированы на женской телесности. В «Этике полового различия»

она выступает против дискурса общезначимой этики, который благодаря своей универсализации стирает половое различие, тем самым налагая запрет на обладание своими неповторимыми ценностями представителей женского пола. Вводя в феминистскую философию гендерно-этический анализ страстей, Иригарей отказывается от духовно-телесной дихотомии, являющейся негласной предпосылкой любой классической этической системы. Анализ страстей, традиционно со времен Декарта понимаемых как смешанные душевно-телесные состояния, охватывает тему модификации телесного опыта в процессах протекания этого рода переживаний. Этика появляется там, где происходит трансцендирование физиологии, что характерно для такого исключительного состояния, как влюбленность. Влюбленность дает приращение, которое можно рассматривать в аспекте плодотворности рождения и рождения нового, прежде небывшего. Л. Иригарей опирается на идеи Э. Левинаса, для которого эротическое отношение характеризует самость «я», субъективность самого субъекта, а плодovitость выступает в качестве онтологической категории. Плодovitость «я» – это сама его трансценденция, которая не может быть объяснена исключительно биологическим путем. Этика полового различия Л. Иригарей выстраивается в качестве этики желания, представляющего суть телесного, зафиксировавшего себя в сущности пола. Оно есть то специфическое качество человеческого бытия, которое реализует себя в плодovitости. Этическое отношение, реализующееся путем исключения желания, приводит к субординации, где женская сущность, сводимая к телу, представляется мужчине в качестве места, ограничивается как вещь. И как вещь наделяется им совокупностью характеристик, которые задают женщине модель ее идентичности. Особенности телесного пространства женщины, которое в сексуальном акте проявляет себя как облекающее тело, ее кожная чувствительность порождает этическое отношение через так любимую Р. Декартом страсть, восхищение, удивление, изумление перед непознаваемым Другим. Этическое отношение невозможно без другого, отличного от себя Самого, без пары, где каждый в следующий момент не есть он сам, открывающий новое в себе и Другом и порождая новое в акте физиологического рождения.

Подводя некоторый итог, отметим, что движение феминизма демонстрирует и в теории и на практике (например, в рамках различных движений по легализации абортов) «перверсивный» разрыв связки между сексуальностью и детородной функцией женщины (и в этом аспекте оно находится в контексте «перверсивной» традиции, заложенной де Садом).

Феминизм как идеология полностью заимствует постулаты либерального мышления: делая акцент на автономии женщины, он наделяет ее правами автономного, инструментального распоряжения собственным телом, со всеми вытекающими отсюда последствиями: абортами, отказом от материнства, планированием рождаемости, лесбиянством и т.д. С либеральных позиций подвергая критике жесткий биологический редукционизм, с характерным для него стремлением вывести богатство проявлений индивидуальности из непрерывного воздействия безличностной природы, Э. Левинас пишет, что в неистовстве биологической жизни личность рождается как продукт рода или безличностной жизни, которая прибегает к индивиду, чтобы обеспечить себе безличную победу. Либеральномыслящий субъект пытается избавиться даже от детерминации своей собственной природы. Понятие автономии, которым оперирует либеральный дискурс, как раз на концептуальном уровне выявляет стремление индивида к победе над своей собственной природой, полному ее контролю, вплоть до отказа от спонтанности своей телесности, проявляющейся в акте зачатия и рождения.

Вместе с тем положительной в демографическом отношении является смещение акцентов – в рамках феминистской философии с постулирования автономности взрослого человека (женщины), которая зачастую приобретает уродливые формы гипервнимания к различным практикам рождения ребенка без участия мужской половины человечества, к формированию представлений о сущности человека, выражаемой через отношения «ты и я», а не просто «Я». Философская рефлексия на таком уровне проявляется в статье Бергум «Опыт материнства». Отношение Я и Ты, которое у Л. Иригарей рассматривается в гендерном контексте, у Бергер размещается на фоне взаимоотношения матери и ребенка. Бергум, несколько отходя от традиционного феминистского дискурса автономии, утверждает в духе Макмарри и Левинаса, что цель зрелого периода жизни – это не независимость, а «взаимная зависимость равных» [7]. Соотнесенность человека с другим проявляется уже с первым движением плода в утробе матери, которое пробуждает и моральный импульс. Быть человеком означает иметь отношение к другому. Именно телесная слабость другого пробуждает моральную реакцию. В ходе беременности и материнства реализуется опыт дающего и получающего, «здесь бытие (в отношении) с другим предшествует бытию для другого (в этике). Эта включенность в отношение, взаимность, обоюдность делает возможным (а не просто необходимым) моральное поведение» [7].

Анализ проблем, обсуждаемых феминистками в контексте дискурса о теле, позволяет сделать выводы о смещении акцентов с рассуждений о рациональности, обозначившей во времена Декарта особый проект человека, в который женщины пытались вписать и себя, – к отвержению этого проекта современными феминистками, которые все больше внимания уделяют соматическим основам личности женщины как источнику специфически женских ценностей – миролюбия, сострадательности, способности понять другого, составляющих основы женской идентичности. Кроме того, необходимо отметить зарождение проблематики феминизма, обусловленное быстрым развитием виртуальной культуры. Сквозная тема – насилие – составляющая, пожалуй, костяк рассуждений любой феминистки, приобретает при осмыслении сущности виртуальности новый ракурс. Что означает насилие в виртуальном мире, где каждый может сам придумать себе новую идентичность? Славой Жижек, в частности, отмечает, что события, с которыми мы имеем дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в так называемой реальности обыденной. Наблюдается виток в сторону картезианства: рациональность проявляется как чистое картезианское эго. Телесные основы идентичности практически сводятся на нет. Он утверждает, что конструирование собственной идентичности в виртуальных сообществах показывает, что все наши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно *cogito ergo sum*, т.е. картезианский субъект... виртуальная реальность помогает нам обнаружить то, что в нашей так сказать реальной реальности наша идентичность тоже в известном смысле виртуальна. Если вы – женщина, оскорбленная, униженная, изнасилованная, то, конечно, это физическая травма, но все-таки оскорбление, унижение предполагают, что ваше идентичность была травмирована, ваша виртуальная идентичность, а не идентичность, непосредственно зависящая от вашего биологического тела, даже если и социально сконструированного» [8]. В таком ракурсе вся борьба женщин против власти насилия, совершающегося над ними на телесном уровне и имеющего широкий спектр проявлений, если и не теряет смысл, то требует корректировки размышлениями о том, что же такое личность и в какой степени она задается биологическими характеристиками.

Литература

1. Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб., 2005.

2. Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989.
3. Виттиг М. Женщиной не рождаются. [Электронный ресурс]: <http://lib.proza.com.ua/book/1814>
4. Кон И. Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве // Тело в русской культуре, М., 2005.
5. Бодлер Ш. Цветы зла. М., 1997.; Цит. по: Старобинский Ж. Поэзия и знание: // История литературы и культуры. М., 2002.
6. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
7. Бергум В. Опыт материнства // Человек. 2002. № 2. [Электронный ресурс]: COURIER.com.ru/homo/
8. Жижек Славой. Власть и цинизм // Кабинет картины мира. СПб., 1998.

ТЕЛО КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ (К ПРОБЛЕМЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ)¹

Х.П. Тирас

Пушино, Россия

Наука исследует окружающий мир искусственными инструментами, приборами и приспособлениями. Техногенная цивилизация появилась последние 200 лет, в то время как испокон веков для решения этой задачи люди обходились собственными органами чувств. В особенно выраженном виде такое положение дел было характерно для медицины и позже биологии: врачи и натуралисты описывали жизнедеятельность человека и других живых существ, всецело опираясь на свои органы чувств (зрение, обоняние, осязание и др.).

Принято различать рациональные («корковые», находящиеся под контролем позитивистской логики) и внерациональные (интуитивные, «подкорковые») исследовательские парадигмы. Никем не оспаривается принадлежность первого подхода к науке, в то время как роль интуиции в науке (прямо не оспариваемая) каждый раз требует отдельного доказательства. Вместе с тем еще И.-В. Гете полагал, что надо посмотреть на мир «с точки зрения растения», чтобы ответить на основной вопрос ботаники: как оно (растение) устроено. Очевидно, что в данном положении велика доля интуитивного подхода.

Гете подходил к проблеме как морфолог-филолог, а принципиальная разница филолога и биолога в том, что последний никогда не может спросить объект собственного исследования о том, как он (объект) устроен [1]. Чтобы понять, как устроено растение, Гете предлагает

¹ Работа поддержана РФФИ. Грант № 07-06-00272-а.

посмотреть на мир с точки зрения растения, т.е. на какое-то время и в определенном глубоком смысле перевоплотиться в него. По существу, это перевоплощение – метафора европейского психологического театра, одним из отцов-основателей которого был И.-В. Гете. По существу, Гете говорит об интуиции натуралиста, которая развивается у каждого биолога, долгое время занимающегося каким-то объектом и зачастую регулярно «перевплощающегося» в него [2].

На первый взгляд, это выражение Гете можно воспринимать просто как парадокс, одно из десятков метких выражений великого человека. Однако смысл его представляется гораздо более любопытным. Задача морфолога – понять и описать строение объекта. Как же исследовать строение живого существа, не повреждая его (говоря нашим языком, этично)? Если бы мы имели дело с человеком, то его можно было бы попросить описать самого себя. Но если мы будем принуждать его, то в лучшем случае получим вынужденный ответ на конкретный вопрос. Мы не узнаем всего того, что человек может рассказать о себе по собственному желанию. То же самое, говорит Гете, и с растением или животным.

Теперь рассмотрим немного подробнее всю ситуацию. Когда мы говорим об актере, мы говорим о его «вхождении в образ» персонажа, входе которого он показывает его нам, зрителям. Гете, как один из отцов европейского психологического театра, хорошо понимал природу лицедейства, постижение через отождествление. Поэтому он совершенно естественно спроецировал актерское «вхождение в образ» в практику биолога, изучающего живой мир растений. В этой трактовке задача биолога состоит в том, чтобы «проникнуть» в свой объект таким образом, чтобы его сущность не была искажена грубым вмешательством. В свое время Барбара Мак-Клинтон, нобелевский лауреат по генетике, отвечая на вопросы о своей феноменальной интуиции, говорила: «Когда я смотрю в микроскоп, мне кажется, что я попадаю в клетку и выглядываю из нее». Пусть подопытное животное будет спокойно и довольно, цветок не распластан в гербарии, тогда наш объект сам покажет нам себя, выступит, как актер из театра Гете, а мы поймем, что он хотел нам показать, когда посмотрим на мир его глазами.

Если продолжить логику Гете «до конца», то можно сделать два вывода: теоретический и практический. Во-первых, биолог должен обладать развитой биологической интуицией как одним из своих инструментов, внутренним биологическим прибором. Во-вторых, для того чтобы развить эту способность, необходимо студента-биолога учить

театральным техникам, как это делают со студентами театральных училищ и институтов. Надо научить студента читать язык тела исследуемого объекта, будь это «тело» растения или животного, через понимание языка собственного тела, которое можно развить через означенные театральные техники. Это могло бы стать одним из путей эффективного развития биологической интуиции [3].

Литература

1. Корона В.В. Основы структурного анализа в морфологии растений. Свердловск, 1987.
2. Тирас Х.П. Человек и лягушка. Биоэтика XXI века // Химия и жизнь. 2002. № 9.
3. Тирас Х.П. На пути к этической биологии (контуры этической концепции) // Практична філософія. 2006. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГ ПРОБЛЕМ

Само-изобретение человека: опыт философского истолкования антропологического смысла биомедицинских технологий П.Д. Тищенко	7
Политики тела в современной России Д.В. Михель	12
Символизм сознания А.Н. Книгин	27
Самореализация личности в системе образования А.Д. Копытов	39
Обязательное условие педагогического конструирования И.В. Мелик-Гайказян	48
Живое будущее: неорганическая жизнь. Нанотехнологии и современное искусство Д.Х. Булатов	59
БИОЭТИКА И БИОМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА	
Проблемы соматического и духовного становления человека А.Н. Быстрова, А.А. Кучинский	75
Этика долга и биоэтика: проблема социального регулирования О.А. Донских	83
Биоэтика в Украине как фактор развития гражданского общества А.И. Егоренков	92
Глобализация и устойчивое развитие в ракурсе биоэтики и культурологии Л.Н. Ердаков	98

Становление информационных технологий, конструирующих человека Е.А. Жукова	109
Трансляция проблем биоэтики в образование И.А. Ланцев	128
Десубстанциализация тела в аспекте биотехнологического конструирования Т.А. Сидорова	131
Биоэтическая пропедевтика: когда и как учить биоэтике? Х.П. Тирас	139
Экология и сознание Л.Л. Штуден	143
СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА	
Понятие «наднациональность» в феномене единой Европы Л.В. Ананова	153
Проблема моделирования безопасного поведения в экстремальных ситуациях В.В. Ачкасов	156
Метасистемный взгляд на критерии конструирования современной личности в условиях рыночной жизнедеятельности Т.А. Ванеева	162
Иноязычная компетентность как элемент общегуманитарной культуры педагога Н.П. Гальцова	178
Философско-психологические аспекты проблемы конструирования человека О.Б. Гужавина, Н.В. Матыскина	183
«Золотая пропорция» как принцип организации личности А.К. Ерохин	199

Определение акмеологических оснований в логике компетентностного подхода О.А. Козырева	202
Некоторые аспекты проблемы основ процесса конструирования человека: соотношение смыслов времени в философии природы и философской антропологии С.Б. Куликов	210
Человек как конструкт информационно-коммуникативных технологий В.Г. Ланкин	215
Означивание события в коммуникациях как способ конструирования человека Н.А. Лукьянова	220
Рекламное формирование номенклатуры потребностей как стратегия конструирования бессознательного потребителя С.А. Маленко	233
Номо zwischens как объект манипуляции О.Ю. Матвеева	241
Конструирование специалиста в системе непрерывного педагогического образования Е.Н. Михайлова	246
Реклама как пространство социального конструирования и расширенного воспроизводства потребителя А.Г. Некита	251
Личное достоинство и факторы его формирования Л.И. Некрасова	259
Об управленческом аспекте реализации социально ориентированных технологий И.А. Панкова	263

Образованный человек: умение мыслить и рассуждать В.В. Петров	267
Социальные механизмы социализации личности в контексте проблем адаптации Е.А. Пушкарева, Л.В. Судоргина	272
Акмеологические подходы к развитию человека в профессиональной педагогической деятельности В.И. Ревякина, О.А. Козырева	282
Роль социокультурных ценностей в формировании личности Е.Н. Роготнева	287
Дискурс насилия и проблема моральной доминанты манипуля- тивных технологий конструирования человека (реклама, СМИ) И.В. Сохань	290
Организационные и педагогические основы системы адаптивной школы Л.В. Судоргина	299
Коммуникативный человек: современный аспект Л.Р. Тухватулина	311
Современная мобильность как фактор конструирования человека Н.В. Черепанова	316
Проблема формирования готовности к практической деятельности в аспекте социализации и самоопределения личности Т.Б. Черепанова	322
ТЕЛО И ВЛАСТЬ	
Трихотомия человеческой власти П.Г. Воронцов	333
Психоэмоциональное воспитание человека В.В. Казаневская	345

Медицина как «точка влечения» в поле европейской культуры Е.И. Кириленко	359
Телесная сфера бойца и критерии оценки уровня ее развития В.В. Лобанов	364
Единство микро- и макромира в психике человека Н.А. Люрья	368
Проблема конструирования женской субъективности О.В. Попова	375
Тело как инструмент исследования (к проблеме биологической интуиции) Х.П. Тирас	383

научное издание

**Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Серия: Системы и модели: границы интерпретаций

13–15 июня 2007 г.

Редактор: Г.В. Белозерова

Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте

Печать: трафаретная

Бумага: офсетная

Усл. печ. л.: 22,8

Уч. изд. л.: 21,6

Сдано в печать: 31.05.2007

Формат: 60×84/16

Заказ: 257/н

Тираж: 150 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета

634041, г. Томск, пр. Комсомольский, 75

Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ,

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93

e-mail: publish@tspu.edu.ru

